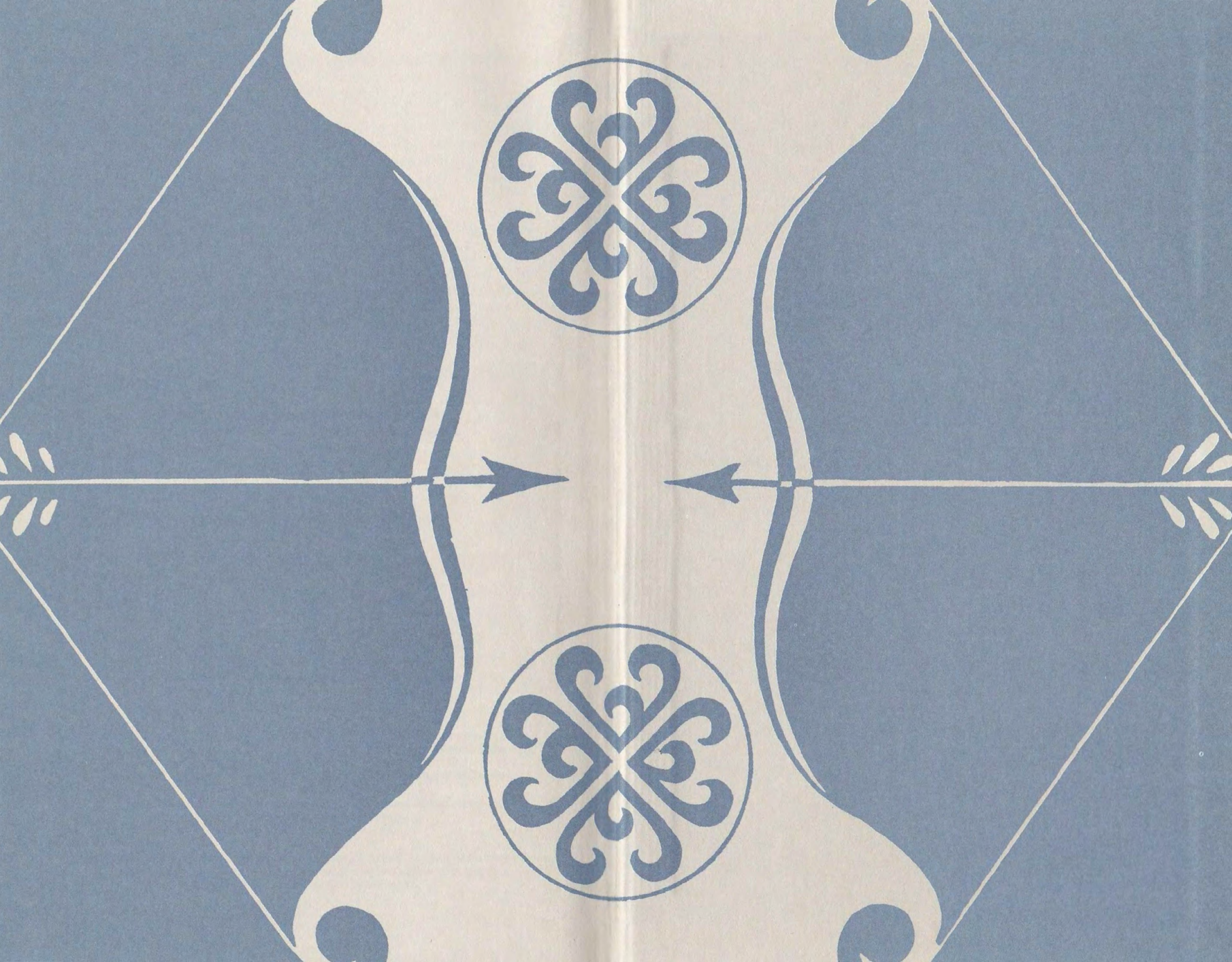

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

БАИТЫ

Scan Kreyder - 28.03.2019 - STERLITAMAK

БАШКОРТ ХАЛЫК ИЖАДЫ

11 ТОМ

Бәйеттәр

ӨФӨ – 2004

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ТОМ 11

Баиты

УФА – 2004

УДК 82:398
ББК 82.3 Баш
Б 33

Редакционная коллегия:

Н. Т. ЗАРИПОВ – главный редактор
Л. Г. БАРАГ, С. А. ГАЛИН, Р. Г. КУЗЕЕВ, Ф. А. НАДРШИНА,
А. М. СУЛЕЙМАНОВ, З. Г. УРАКСИН, А. П. ФИЛИППОВ,
Г. Б. ХУСАИНОВ

Составитель Б. С. БАИМОВ
Вступительная статья Г. Б. ХУСАИНОВА, Б. С. БАИМОВА
Комментарии Б. С. БАИМОВА
Ответственный редактор тома Г. Б. ХУСАИНОВ

Перевод ГАЗИМА ШАФИКОВА

Башкирское народное творчество. – Т. 11: Байты. —
Б 33 Уфа: Китап, 2004. — 424 с.

ISBN 5-295-03535-2 (т.11)

ISBN 5-295-00637-9

В том вошли военно-исторические и социально-бытовые
байты дореволюционного и советского периодов.

Тексты на русском языке публикуются впервые.

УДК 82 : 398
ББК 82.3 Баш

ТП — 110/04

ISBN 5-295-03535-2 (т. 11)

ISBN 5-295-00637-9

© Б. С. Баимов, составление,
комментарии, 2004

© Г. Г. Шафиков, перевод на
русский язык, 2004

© А. А. Костин, оформление, 2004

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый том составлен на основе двух книг, выпущенных ранее на башкирском языке: «Башкирское народное творчество: Байты» / Сост., авт. коммент. М. М. Сагитов, Н. Д. Шункаров. Вступ. ст. М. М. Сагитова, Г. Б. Хусаинова. Отв. ред. Г. Б. Хусаинов. — Уфа, 1978, и «Башкирское народное творчество: Байты. Песни. Такмаки. Советский период» / Сост., авт. вступ. ст. М. М. Сагитов, М. А. Мамбетов. Отв. ред. Кирей Мэргэн. — Уфа, 1981. Кроме того, в книгу включены и новые материалы из архивного фонда УНЦ РАН, а также несколько произведений, записанных в наши дни.

Настоящий том, таким образом, состоит из байтов, созданных как в дореволюционное время, так и сочиненных в послереволюционные годы. Тем не менее в книге нет деления произведений на досоветский и советский периоды, как было принято доныне в подобного рода изданиях. Мы считаем целесообразным расположить произведения таким образом, чтобы история башкирского народа, отраженная в байтах, была прочтена читателем последовательно — от события к событию. Что касается байтов социально-бытового содержания, то также нет нужды подразделять их по принципу идейной направленности, ибо трагедии, горькие события, жизненные неурядицы были у народа во все времена.

Таким образом, читатель в этой книге сначала познакомится с историческими байтами, затем с байтами социально-бытового характера. В конце книги даны комментарии к каждому произведению и значения непонятных русскому читателю слов.

Перевод произведений с башкирского на русский язык осуществлен Газимом Шафиковым.

БАШКИРСКИЕ БАЙТЫ

«Байт» (бейт) в переводе с арабского означает двухстрочную стихотворную строфу. Термином этим издавна обозначают двустишия в разных жанрах классической поэзии Ближнего и Среднего Востока. Татары и башкиры называют байтами эпические произведения своей национальной поэзии, состоящие из двустиший и сочетающие жанровые особенности устного и литературного творчества. Как видно из рукописных памятников башкирской поэзии XVIII в. (на языке тюрки), термин «байт» («бэйет») употреблялся тогда в Башкирии в первоначальном смысле как определение объема строфы (стихотворение «Эбэйете мәғшүкә»¹ — «Байт о влюбленных» и др.), и в более позднем смысле — как обозначение особого жанра народной поэзии («Байт о Тевкелеве», «Байт о Салавате»).

Байт в качестве жанра, синтезирующего в себе черты устной и письменной поэзии, двуедин по форме бытования. Как литературное произведение, он закрепляется и бытует в письменной форме; как явление устно-поэтического творчества, подвергается изменениям устно, передаваясь из поколения в поколение. Об этом башкирские байты сами говорят за себя: «В руки взял перо, чтобы сочинить байт», «Я пишу, а вы читайте мои байты о солдатах», «Этот байт устно сочинял я в вагоне», «Мы говорим, вы слушайте байт о беспризорных». Две формы сочинительства и бытования отражаются и на стиле байтов.

Как и древние жанры башкирского эпоса — кубайры и хикайеты, а также исторические песни — байты отражают значительные события народной жизни. Они имеют героико-трагическую или бытовую драматическую сюжетную основу. Байтам, повествующим о несчастных житейских случаях, свойственна элегическая тональность.

¹ Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 1.

Своеобразная жанровая природа башкирских баитов, их происхождение, история, взаимодействие с другими эпическими жанрами и генетические связи, типологическая общность с татарскими — пока еще мало исследованы. Первые публикации относятся к концу прошлого столетия. Этнограф-музыковед С. Г. Рыбаков в 1892—1894 гг. записал в Зауралье несколько башкирских баитов и мунажатов¹, обратил внимание на их мелодические особенности. Он включил эти записи в свою книгу «Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта» (СПб., 1897). Двенадцать лет спустя в Уфе был издан на татарском языке сборник З. Уммати «Башкорт-типтәрләренәң жыр, бәетләре» («Песни и баиты башкир, тептярей», 1909), в предисловии к которому составитель указал на значение баитов как источника для изучения духовной культуры и истории башкирского народа. Несколько лубочных книжек солдатских баитов башкир было издано на татарском языке в годы первой мировой войны².

Систематическое научное собрание и изучение баитов, как и других жанров башкирского фольклора, началось лишь после Октябрьской революции. В 1920—1921 гг. татарским фольклористом Х. Бадиги был собран и составлен сборник «Башкирская народная литература и ее образцы»³. В него вошли и тексты баитов. В книге Г. Тулумбайского «Бәетләр» («Баиты»), изданной в 1935 г. в Казани, также есть ряд текстов башкирских баитов.

Организованное в начале 20-х годов Общество по изучению Башкирии наладило в республике работу по сбору и исследованию башкирского устно-поэтического творчества, в том числе и баитов. В 30-х годах центром башкирской фольклористики стал Институт национальной культуры в Уфе (впоследствии Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР). В результате многочисленных экспедиций пополнялись его фольклорные фонды, появился ряд публикаций и исследований на башкирском языке. В 50-е

¹ Мунажат — жанровая форма мусульманской (суфийской) литературы, отличается ритмичностью, связанной с восьмичленными параллельными синтаксическими конструкциями, исполняется под напевную мелодию.

² Рукописный фонд Института истории языка, литературы и истории Казанского филиала РАН. Коллекция Х. Бадиги. Ф. 19. Оп. 2. Д. 174.

³ Биктимер солдат бәетләре (Баит солдата Биктимира). Уфа. 1915; Һидиәгулла Нигмәтулла улы Нәбиев. Раненый солдат бәете. Беренче кисәк (Х. Н. Набиев. Баит раненого солдата, ч. 1). Уфа, 1916.

годы был издан фундаментальный сборник «Башкирское народное творчество» в 3-х томах. В нем представлено 30 текстов баитов. А. И. Харисов в предисловии к первому и А. Н. Киреев в предисловии к третьему томам этого издания осветили особенности дореволюционных и советских баитов. Более подробно вопросы изучения баитов рассматриваются в монографии А. Н. Киреева «Эпические памятники башкирского народа» (1961) и А. И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа» (1965).

В настоящее время в Научном архиве Уфимского научно-го центра РАН, а также в архивах кафедры башкирской литературы и фольклора Башгосуниверситета и в фольклорном кабинете Уфимского государственного института искусств накоплен огромный рукописный фонд башкирских баитов. Самые значительные из них вошли в том «Баиты» из серии «Башкирское народное творчество», изданный в 1978 г. Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН и БГУ.

Баиты можно подразделять на две основные тематические подгруппы: военно-исторические и социально-бытовые¹. Военно-исторические, в свою очередь, можно распределить по рубрикам: баиты о Крестьянской войне 1773—1775 гг., об Отечественной войне 1812—1815 гг., о русско-турецкой, русско-японской, русско-германской войнах, царской солдатчине, о каторжанах, о Гражданской, Великой Отечественной и Афганской войнах. Социально-бытовые же баиты целесообразно подразделять на следующие тематические подгруппы: родители и дети, родной край, дела житейские, женская доля, судьба людская и пр. Имеется ряд сатирических и юмористических баитов. Они посвящены в основном бытовым темам, поэтому их можно отнести ко второй тематической группе, т.е. социально-бытовым темам. Есть несколько баитов, отражающих мифологические воззрения людей. Они по тематике также относятся к социально-бытовым баитам.

Самые ранние из известных нам башкирских баитов дошли до наших дней в рукописных книгах XVIII в. Баит о Салавате на языке тюрки был создан еще при его жизни, в период между 1785 и 1799 гг., и тогда же занесен в рукописную книгу «Шарухы мисбах»². Баит о Тевкелеве был сочинен еще

¹ Вопросы историографии и классификации баитов разработаны М. М. Сагитовым. Опираясь на принцип его классификации, мы выдвигаем новые тематические группы.

² Рукописный фонд научной библиотеки Казанского университета. Арабский фонд № 1622 (2189).

раньше, при жизни этого мурзы-карателя¹. На основании этих произведений, совершенных по форме, можно предполагать, что жанровое формирование башкирских баитов происходило еще задолго до XVIII в.

Татарские фольклористы относят происхождение татарских баитов к XV—XVI вв.². Если учесть генетическую общность и взаимосвязи татарских и башкирских баитов, а также завершение процесса образования башкирской народности в XV—XVI вв., когда были созданы лучшие образцы эпических произведений фольклора башкир, то становление башкирских баитов как жанра предположительно можно отнести к этой же исторической эпохе.

Такие баиты, как «Сак-Сук» и «Науруз», отличаются архаическими особенностями и отражают древние мифологические представления. Имеются историко-этнографические и лингвистические материалы, свидетельствующие о связи баита «Науруз» со средневековой культурой тюркизированных иранских племен Средней Азии. Татарский историк Ш. Марджани установил, что данный сюжет был известен в Поволжье и на Урале еще в период Волжского Булгарского государства³.

Целый ряд баитов (к ним относятся и баиты «Сак-Сук» и «Науруз») является общим для башкирского и татарского фольклора. Они одинаково популярны в башкирской и татарской народной среде. Помимо жанровой общности, это объясняется общностью или близостью исторических судеб, этнокультурных, фольклорных, литературных традиций двух родственных народов.

Однако большинство башкирских баитов, особенно социально-исторических, отличаются ярко выраженным национальным колоритом и свойственными лишь им идейно-художественными особенностями. Одним из них является баит о Кинзекее («Кинийэкэй бәйте»). В нем повествуется об исторических событиях, связанных с колонизацией Башкирии царскими властями. Написанный в стиле кубаира, баит состоит из трех частей: введения-посвящения, поэтической родословной Тэлтем и рассказа о сожжении карателями аула Кинзекей. Здесь традиционная форма баита органически сочетается с жанровыми особенностями героического эпоса и во многом

¹ Рукописный отдел научного архива УНЦ РАН. Материалы 5-й археографической экспедиции.

² Х. Ярми. Поэтическое творчество татарского народа. Казань, 1967. С. 127 (на тат. яз.); Ф. Урманчев. Голос народа. Казань, 1974. С. 7 (на тат. яз.).

³ Ш. Мәржәни. Эл-кисса тел әуәл... Казань, 1877. С. 13.

приобретает героико-эпический характер. По определению А. Н. Киреева, в данном случае байт, принимая на себя функции эпоса, становится как бы одной из форм героического эпоса¹. Иначе говоря, байт на рубеже XVIII и XIX вв. развивался в русле давних традиций башкирского народного эпоса и отчасти воспринял его жанрово-стилевые особенности.

В серии байтов, посвященных Салавату Юлаеву, также можно наблюдать продолжение древних героико-эпических традиций. В них преобладают героические мотивы и ощутимо влияние эпической формы кубаиров, но вместе с тем им присущ своеобразный трагедийный пафос. В одном байте о Салавате заметны отзвуки традиций башкирских йырау — древних певцов-импровизаторов. Сближаются байты о Салавате содержанием и формой также с историческими песнями об этом народном герое. Некоторые традиционные для исторических песен о Салавате куплеты перешли в байты о нем. Взаимосвязь байтов о Салавате с историческими песнями сказывается и в тяготении их к лиро-эпическому жанру.

Много сложено байтов об Отечественной войне 1812 — 1815 гг. Это не удивительно: ведь башкиры приняли самое активное участие в исторической миссии освобождения России от захватчиков.

8 августа 1812 года русское правительство обратилось к башкирам с воззванием встать на защиту Отечества. Башкирский народ, еще с середины XVI века принимавший участие в многочисленных походах русских войск, тотчас протянул руку помощи своему старшему брату — русскому народу. Башкирские джигиты, выросшие на лоне первозданной природы долин рек Агидели, Юрюзани, Сакмары, Демы, оседлав своих коней, устремились освободить народы от наполеоновского ига. За короткое время было сформировано два башкирских полка. Кроме того, в качестве дара было отправлено 4039 лошадей в распоряжение М. И. Кутузова².

Служба этих полков началась в городах Рыльском и Серпухове. Влившись в состав казачьего корпуса атамана М. И. Платова, второй западной армии Багратиона, башкирские полки защищали границу по реке Неман³. Здесь в ходе боевых действий башкиры, совместно с донскими казаками,

¹ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970. С. 290.

² Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2. Уфа, 1959. С. 70.

³ Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964. С. 20.

уничтожили 6 конных полков противника. Позднее в местечке Романове они вывели из строя 7 наполеоновских полков¹.

С первых дней войны башкиры отправляли все новые и новые полки в театр военных действий. По данным исторических источников, в этой освободительной войне участвовало 28 конно-казацких башкирских полков².

По призыву русского командования башкирские воины участвовали и в партизанском движении. В период русско-французской войны башкирские джигиты плечом к плечу с русскими солдатами прошли трудный боевой путь по Европе и в марте 1814 года вступили в Париж.

Много времени прошло с тех пор, но память народа хранит быль о подвигах башкирских джигитов. Свидетельство тому — бытующие поныне многочисленные песни, легенды, байты.

Одновременно создание и бытование песен и байтов об одних и тех же исторических лицах и событиях стало характерно для устного поэтического творчества башкир. Так, башкирские исторические байты об Отечественной войне, подобно легендам и песням на ту же тему, проникнуты героическим и патриотическим духом. По сравнению с историческими байтами XVIII в. в них усилился героический пафос и углубилось лиро-эпическое жанровое начало. В этом отношении характерен также байт о войне с французами («Рус-француз һуғышы бәйте»), созвучный по содержанию и сходный по стилю с историческими песнями об Отечественной войне — «Любизар» и «Ахмет Байк». Вариант этого байта, опубликованный в сборнике Н. Берга «Песни разных народов» (1854), и вариант, переписанный в 1905 г. башкирским писателем Фазылом Туйкиным с рукописной книги 1858 г. и изданный в 1960 г.³, имеют много общего с песней «Любизар». Более того, многие строфы этого байта и песни о событиях 1812 г. совпадают даже текстуально. Несмотря на это, данный байт не лишен своеобразной байтной формы. Он имеет традиционный для байтов зачин:

Бисмилла әйтеп башланым был бәйеттең баштарын,
Француз яу һуғышып, күпте күрзе баштарым. —
С божьего благословения начинаю свой байт,
Много пережил, изведал я, пройдя через бои.

¹ Там же. С. 28—29.

² Очерки по истории Башкирской АССР. С. 70.

³ Байты (Сост. и автор предисл. Х. Ярми. Казань, 1960 (на тат. яз.).

Концовка байта также традиционна:

Был бәйетте язған сакта кәләмдәр камыш ине,
Өйгә керһән, тышга сыкһаң, шатлыклы тауыш ине. —
Наш байт когда писали, камышом был карандаш,
В дом войдешь ли, во двор ли выйдешь —
всюду радость выше крыш.

В байте о герое Отечественной войны 1812 г. Буранбае, сосланном по возвращении с фронта в Сибирь за выступления против богачей и кантонов, есть текстуальные совпадения с популярной песней о Буранбае.

В байтах обычно контрастируют нравственные категории добра и зла, сердечности и жестокости. Вот французский солдат в сапогах, намоченных в крови безвинных людей, влезает на русское «священное дерево», которое было вскормлено соком родной земли. Орлиный глаз башкирского стрелка находит врага:

Вижу: в деревьях вновь целиться стал
Тот, кто Гарифа убил наповал.
Самострел я свой вновь зарядил
И стрелу в него запустил.
Не попала стрела! Лишь смогла
Ветку на землю сбить со ствола.
Вновь стреляю кусая губу
По неизвестному врагу.

В психологии башкир за многие века общения с природой сложилось глубокое представление о ее трогательной нежности. Даже во время грозной битвы доброта берет верх. Любовь к родной природе так же сильна, как и ненависть к врагу:

С ветки побитой на мшистый песок
Капал слезами березовый сок.
Я ту ветку к стволу приложил,
Своим ремешком обмотать решил.
Вырвал саблю из ножен своих
И у француза, что был в живых,
Голову отсек и потом
Подвесил ее на дереве том.

Подчеркнем важный момент, делающий «Байт о дереве» истинно народным. Байт символически утверждает вечную дружбу русских и башкир. Стрела, высеченная из дерева, выросшего на берегу реки Удряк, родины минских башкир,

поражает сучок дерева, пустившего корни на русской земле. У воина щемит сердце от того, что он ранил родное дерево, и потому он всю свою ненависть направляет на врага, презревшего красоту природы.

В «Баите о французе», проникнутом высоким пафосом, батальные сцены воспроизводятся без всяких прикрас:

Стоны, крики, крови лужи,
Люди, кони сбились в кучи.
Битва столь была горячей —
Не пугались смерти зрячей.

Свидетель этих событий с болью говорит о замечательных людях, погибших на поле брани:

Лобовые шли атаки,
Трудно было что понять,
Запах крови разносился
Вокруг на много верст опять.

Далее повествуется о том, как победители предложили побежденным мир.

В «Баите о французской войне» говорится об обращении русского царя к башкирам и о том, как, получив его, —

Клич пришел от белого царя, —
В стан башкир. Ни свет и ни заря —
Клич тот разлетелся средь родов.
И джигитов тысяча рядов
Собралась. И старики фарман
Зачитали, что царем был дан:
На страну напал коварный враг!
Сур¹ запел, вознося кверху стяг,
Воины отправились в поход —
К западу — вперед, вперед, вперед!

Далее, описывая военные события и используя при этом фольклорную образность, байтсе¹ выражает ненависть к жестоким захватчикам. Герой байта не убивает презренного врага, попавшего ему в руки, а ставит на его спине лишь тамгу, и тем самым как бы предупреждает не только его самого, но и его внуков и правнуков о неизбежности расплаты за посягательство на чужую землю.

¹ Сур — труба.

² Байтсе — исполнитель байта.

Участники Отечественной войны 1812 года привезли домой и распространили «Байт о Кутузове». В этом байте изображены усталые воины в момент короткой передышки между боями. У каждого есть о чем говорить, поделиться воспоминаниями, посоветоваться и поспорить. В это время предводитель башкирского войска Кахым привлек всеобщее внимание рассказом о Кутузове:

— Много подвигов свершило войско наше,
Никакой противник был ему не страшен,
И Кутуз-батша за это полюбил их,
И призвал вручить награды боевые.

Байты и песни об Отечественной войне 1812 года в целом оптимистичны. Им чужды жалобы на тяжелую солдатскую долю. Они прославляют доблесть и беззаветность воинов и победу над врагом. И цель благородная — поучение, т. е. воспитание людей на примере славных подвигов их сородичей. С этой же целью они переписываются и передаются из рук в руки. Об этом говорится и в самих байтах. Например, один из байтов о французской войне заканчивается такими словами:

Переписал байт я этот
Пером своим из камыша.
Читайте и поучайтесь,
Пусть волнуется душа.

В дальнейшем жанр байта начинает неизменно откликаться на все известные в российской истории войны и военные столкновения. После байтов о войне с французами создается серия байтов, посвященных Крымской, русско-турецкой, русско-японской и русско-германской войнам. Все они сочинены участниками тех исторических событий — воюющими солдатами.

В отличие от оптимистических, патриотических байтов, посвященных войне с французами, байты на военные темы, сочиненные позже, содержат тоску и уныние. В них преобладают жалобы на тяжелую солдатскую долю:

День и ночь душа стенает,
Оттого, что я солдат.
Я горюю и рыдаю
Много месяцев подряд.

Однако даже из такого ада, как война, солдат надеется выйти живым («Солдат вернется, коль помирятся цари»). При этом герой байтов нередко ищет защиты у Всевышнего, выражает надежду на милосердие бога:

«О, алла, нам ниспошли такую милость:

Сделай так, чтоб падишахи помирились».

Это также является спецификой байтов: как и средневековую литературу, их невозможно рассматривать в отрыве от характерного для того времени состояния умов и сердец.

По общему идейному содержанию военно-исторические байты можно назвать обличительными. Байтсе-солдат в них не только тоскует и печалится по родине, не только рассказывает о своей горькой доле, о событиях войны, но и остро обличает никчемность офицеров, бездарность командующих и, в конечном итоге, выражает гневный протест против войны и царей — зачинщиков кровавых столкновений («Что есть хуже войны на свете. Всей земле страшна»; «Я царя, будь моя воля, в яму б с головой зарыл» и т. д.).

Таким образом, в военно-исторические байты все чаще и глубже проникают мотивы социально-классового протеста и усиливается их эмоционально-экспрессивный настрой.

Башкирские крестьяне, побывав на русско-японской войне и изведав принесенные ею бедствия, нередко возвращались в родные деревни непримиримо настроенными против господствующего строя. Участником русско-японской войны Мухаметвафой Фаткуллиным, по возвращении с фронта в свою деревню Каркали-Тамак Белебеевского уезда (Миякинский район РБ), был сложен «Байт о войне 1904—1905 годов», проникнутый революционным пафосом и страстной верой в торжество социальной справедливости:

Придет время, будет праздник и на нашей улице,
Беднякам даст бог житья без горя, без печали.
Придет время — сотрут вас с лица земли,
Отправят вас, богачи, на тот свет, в преисподнюю.

Талантливые байтисты из солдатской среды внесли много нового в развитие жанра; творчески синтезировали коллективное и индивидуальное начала и способствовали массовому распространению байтов в рукописной и устной формах. Такими мастерами были, кроме вышеупомянутых, М. Кильдияров, Габдельхак-солдат, Шахигали-солдат, Мухаметвафа-сотник и другие, в письменном наследии которых насчитывается множество байтов как традиционных, так и самобытных. Солдат

Мухаметсалим Кильдияров создал, например, целый цикл байтов о германской войне («Герман һуғышы бәйеттәре»). Некоторые части этого цикла, видимо, были приняты от других солдат и в отшлифованном виде включены им в цикл, а другие, судя по заглавиям («Мои записи — рубаи, когда мы были солдатами запаса», «Записи после одного моего сна», «Записи после отправления на фронт»), сочинены самим Кильдияровым. Таким образом, в цикле Кильдиярова переплетаются индивидуальные и коллективные творческие начала. Он часто обращается к формам кубаиров и песен, к различным строфическим построениям письменной поэзии.

Байты, созданные в годы первой русской революции, знаменовали начало развития башкирской рабочей публицистической поэзии — и существенно способствовали обогащению идейно-художественного содержания народного национального творчества.

В байтах о солдатах и войнах, а также отражающих события 1905—1907 гг., отшлифованы традиционные жанровые каноны, средства стилистической выразительности. Более устойчивыми становятся, например, традиционные зачины и концовки. Некоторые сюжетные мотивы, переходя из байта в байт, превращаются в общие места — поэтические клише:

Бисмиллахи ва аллахи, наступил курбан гайт,
Я сложил, а ты послушай о японцах наш байт,

или:

С гор высоких там и тут
В нас германцы ядра шлют:
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

Такого типа трафаретные строфы встречаются во многих солдатских байтах. Постепенно усложняется композиция байтов. Многие байты о солдатах и войнах отличаются детальным описанием событий, драматические картины сменяются в них еще более напряженными — трагическими. Все это придает жанру эпическую широту, реалистическую жизненность.

В некоторых байтах проявляется слияние их стиля с мунажатом. Мунажат, как жанровая форма религиозно-дидактической поэзии, был широко распространен в дореволюционной письменной литературе. Байт, особенно на рубеже XVIII и XIX вв., тесно соприкасался с мунажатом и отчасти воспри-

нял его стилистические и ритмические средства выразительности. Зачин в духе мунажата сменяется иногда в байтах традиционными для них стилистическими формулами. В самом тексте иное произведение именуется то байтом, то мунажатом. Есть в рукописных фондах произведения, названные «Фи мөнәжәт, фи бәйет» («Мунажат, байт»). Как видно, сами авторы и исполнители не придавали значения жанровой определенности байта или мунажата. Мунажат, теряя свое религиозно-дидактическое содержание, передавал некоторые особенности своей стилистической формы и в какой-то мере обогащал поэтику. Разумеется, отдельные байты о войнах, как и мунажаты, не лишены религиозных мотивов и фаталистических настроений. Однако для байтов характерно преобладание светского содержания.

В дальнейшем байт постепенно расширяет тематику и продолжает совершенствоваться по форме. Вслед за байтами, посвященными германской войне, возникают байты, отражающие Гражданскую войну. Появляется серия так называемых «партизанских байтов». Вместе с новой темой жанр байта органически входит в фольклор советского периода и продолжает традиции эпической поэзии.

В период Гражданской войны весь Башкортостан был охвачен партизанским движением. Борьба партизан против белых, кровавые события этой борьбы, трагическая судьба отдельных партизан нашли отражение в многочисленных байтах того времени. Таковыми являются «Байт комиссара Шарафа», «Фатиха», «Байт о Гражданской войне», «Байт о пяти партизанах», «Байт о шестидесяти партизанах» и другие.

В основе содержания этих байтов, также, как и дореволюционных, лежит трагическое событие — арест белыми бандитами комиссара, комсомольца или группы партизан, их мучения и смерть. Следуя традициям жанра, байтсе обычно начинает свой рассказ с указания времени, места события и имен участников. Далее он знакомит читателей или слушателей с основным героем своего произведения. Говорит о его добрых делах, затем переходит непосредственно к описанию того события, по поводу которого сочинен байт. Здесь опять же сохраняются традиции и каноны жанра: рассказчик передает трагическую ситуацию во всей полноте, не пренебрегая жестокими натуралистическими деталями, например: «Под ударами дубинки треснул череп, вытек глаз», «Голову железом рассекли» и пр. Мастер-байтсе часто вводит в свой рассказ монологи мертвых. Некоторые же байты, например, «Байт комсомольца», «Байт Бахтегарея», «Байт Наджми» и другие полностью сложены от имени погибших. Использую такую

своеобразную художественную форму, баитсе добивается большого эмоционального накала рассказа и эффективности воздействия его на слушателя. Трагизм происшедшего в данном случае раскрывается во всей глубине. Вот как описывается, например, смерть комсомольца Наджми:

Кто б предвидеть мог такое?
Кто б мне гибель предсказал?..
Пули пролетели с воем;
В сердце мне свинец попал.
Подошли ко мне убийцы:
«Окаянный комсомол!..»
За ноги проволочили —
В яме ложе я обрел.
Обливаясь слезами,
Мать ждала меня домой.
Сын ее в глубокой яме
В грязь уткнулся головой.

Таковыми же глубоко эмоциональными являются баиты, сочиненные матерями погибших. В них сильнее выражено чувство утраты, тоски и безысходности. В то же время они полны гнева и ненависти к убийцам-кулакам. Например, в баите «Священный сын мой» мать, скорбя о гибели сына, вызывает к священной мести, просит закрыть путь кулакам. Она верит: придет время и убийцы ответят за свои злодеяния:

Загустел мой сад за домом,
Не проедешь, не пройдешь.
Жизнь мою сразило громом,
В грудь мою вонзили нож.
День придет: обломим зубы
Всем убийцам-кулакам.
Будет и закон, и суд им —
По ногам и по рукам.
Чтоб гнедой набил утробу,
Дать овса не позабудь.
Кулаки — враги до гроба,
Кулакам закройте путь!

Таким образом, обличение классовых врагов начинает выступать одним из главных мотивов военно-исторических баитов времен Гражданской войны. В некоторых же баитах это обличение становится основной целью, согласно которой называются имена мучителей и убийц, а также подробно описыва-

ются их злодеяния. Примечателен в этом отношении «Байт о пяти партизанах». В этом, довольно объемистом, произведении рассказывается о трагических событиях, происшедших в д. Дюмеево нынешнего Дюртюлинского района в 1918 году. Байтсе, по всей видимости, грамотный и хорошо информированный, знающий историю деревни человек, был свидетелем зверского убийства пяти партизан. Даже спустя несколько лет (это прослеживается по содержанию байта) он полон гнева и негодования. Поэтому с особой ненавистью он называет имена кулаков-убийц:

Шакирьян-мулла с поленом,
У Фатиха — кнут тугой.
Совершив убийство, бай
Пир устроили горой.
Хасаньян Ахметов родом
Из Казани. Совершил
Он с друзьями святотатство —
Наших сыновей убил.
Принимали в том участие
Таминдаров Нуретдин.
С ним — Фатих, друг Хасаньяна,
Ни холуй, ни господин.

Байты о Гражданской войне различны не только по художественно-поэтической форме, но и по объему. Есть среди них небольшие, состоящие всего из нескольких строф и не имеющие стройной сюжетной линии («Байт Ягуды», «Байт комсомольца», «Байт Каюма» и др.), в то же время имеются крупномасштабные, объемистые байты, в которых не только сохранены, но и развиты далее основные поэтические каноны жанра («Байт о пяти партизанах», «Фатиха» и др.). Так, например, в байте «Фатиха» рассказ начинается с необычного для жанра отступления: байтсе описывает тяжелое, бесправное прошлое башкирского народа, затем радостно сообщает о падении царя и растерянности баев. Лишь после этого переходит непосредственно к повествованию о трагической судьбе девушки Фатихи — вожаке местных джигитов, вступившей в ряды Красной Армии и погибшей от рук белых. Этот своеобразный художественный прием не только способствует развитию сюжета, но и усиливает и углубляет общий эпический фон повествования. В результате байт, как по форме, так и по содержанию, получает сходство с древними эпическими сказаниями-кубайрами. Трагическое содержание, скорбные мотивы, определяющие жанровую специфику всех байтов, сохраняются и в байтах

о Гражданской войне. Тем не менее в них нет той безысходной тоски, пессимизма, жалобы на тяжелую солдатскую долю, что было в дореволюционных солдатских и военных байтах. Главные герои в них погибают, но остаются непобежденными. Их героическая борьба и не менее героическая смерть пугают врагов, служат примером для подражания. И, расставаясь с жизнью, они уверены, что их имена не будут забыты, а новые люди продолжат их дела. Так, «Байт о шестидесяти партизанах», как и другие байты тех времен, заканчивается на оптимистической ноте:

Нет, пока живет о нас преданье,
Мы в сердцах по-прежнему живем,
Помогая людям в их деяниях,
В черный мрак не вбитые врагом.

Оптимистический настрой, появившийся впервые в байтах о войне с французами и нашедший отражение в революционных байтах, становится отличительным свойством байтов, посвященных Великой Отечественной войне. Эта бесчеловечная, доселе невиданная по своей жестокости война принесла много горя и страданий, унесла миллионы жизней и обернулась для советского народа глубокой всеобщей трагедией. Такое историческое событие и порожденная им трагедия не могли не отразиться в байте — в этом лиро-эпическом жанре, основное предназначение которого — описать конкретный факт, передать потомкам сведения о пережитом. В годы Великой Отечественной войны создано большое количество байтов, разнообразных по содержанию, композиционной форме и объему. Создавались они в основном в фронтовых условиях как в письменной, так и в устной форме. Широкое, чаще устное, распространение байтов среди солдат и вследствие этого их развитие стало возможным потому, что часть башкир воевала компактно — в составе башкирской кавалерийской дивизии. Единый солдатский быт, общие дела и устремления, общение на родном языке способствовали сплочению людей и сохранению, даже во фронтовых условиях, некоторых национальных обычаев и традиций, в том числе и фольклорных. В затишье между боями башкиры-кавалеристы пели родные песни, плясали под такмаки-частушки, сочиняли и рассказывали байты. Поэтому не удивительно, что большинство байтов о Великой Отечественной войне освещает славный путь воинов башкирской кавалерийской дивизии.

В основе сюжета этих байтов, как и дореволюционных военных, лежат трагические события войны. Байтсе, верный

традициям жанра, обычно начинает свой рассказ с сообщения о том, когда произошло это событие или кто его сочинил. Например:

Год сорок первый. Я помню:
Ярок был день и погож.
Немцы вдруг начали бойню,
Тучи покрыли нас сплошь.

(«Баит войны»)

Красноармеец Якупов —
Из Башкирии джигит.
Раненый в живот в окопах,
Сочиняю я баит.

(«В донских степях»)

Далее идет последовательное описание того, где был солдат, что видел и пережил. При этом, опять же, следуя традициям жанра, баитсе поименно называет своих товарищей-сослуживцев и конкретные названия местностей, где они бывали и воевали. Такое последовательное, детальное повествование событий войны характерно для баитов «Из аула ушли, до Берлина дошли», «На берегах Волги», «Баит войны». В них особое внимание уделяется описанию картин боев и показу тяжелого положения новобранца, неожиданно вырванного из мирной жизни и попавшего в самое пекло войны. Вот как передается эта ситуация в баите «На берегах Волги»:

Вот пришли мы к Сталинграду,
А где ж тут фронт? Ну кто поймет:
Падают снаряды градом
И в упор бьет пулемет.
Нету дня и нету ночи —
Лишь сплошной огонь врагов.
Если с ним столкнуться хочешь,
Сделай несколько шагов.
Самолеты, словно мухи,
День и ночь вовсю кружат.
Бомбы рвутся, режут слух нам,
Люди трупами лежат...

В описании ужасов войны баитсе-солдат часто обращается к традиционным клише, идущим от дореволюционных военно-исторических баитов. Например:

Кто без ног, а кто без рук
Корчатся от страшных мук.

Однако, рисуя такие ужасающие картины военного быта, байтсе-красноармеец не впадает, как солдат царской службы, в глубокий пессимизм, и не падает духом. Он понимает, что все эти лишения и жертвы — не бессмысленны и не напрасны. Все готов вынести советский солдат; если надо — пожертвовать жизнью ради спасения Отечества и разгрома врага. Такова основная идейная концепция почти всех байтов, посвященных Великой Отечественной войне. Поэтому байтсе часто резко меняет печальный тон повествования и оптимистически заявляет:

Лишь солдат здесь прям и крепок,
Он не тонет, не горит.

.....

Сталинград не отдадим,
Если даже и умрем.
Коль фашист пойдет лавиной,
Голову ему сорвем.

(«На берегах Волги»)

Глубоко осознавая свой долг перед Родиной, солдат далее клятвенно обещает, что ненавистный враг будет разбит и уничтожен. Он просит своих сограждан лишь немного потерпеть:

Мы искореним заразу,
Пусть бегут от нас враги.
Приближается наш праздник,
Потерпите, земляки.

(«В донских степях»)

Таким образом, трагическая сюжетная канва всех байтов о Великой Отечественной войне насквозь пронизана патриотическими мотивами и оптимистическим духом.

Как уже было сказано, байты о Великой Отечественной войне создавались и бытовали и в устной, и в письменной форме. Это обуславливает их композиционную разнообразность. Например, сочиненные письменно больше напоминают письма фронтовиков домой к родным («Байт Зайлаги Мусина», «Байт Вильдана Искандарова», «Байт Юзюмбая», «Форсирование Днепра», «В донских степях» и т. д.). В них, как и в дореволюционных солдатских байтах, большое место занимает

описание пути воюющего солдата и тех событий и переживаний, что пришлось увидеть ему и пережить на этом пути. Такие байты пестрят именами, топонимическими названиями, в них часто называются конкретные числа, время и место происходящих событий. Эти байты можно назвать байтами-хрониками.

Имеются байты, воспевающие героические дела и подвиги отдельных воинов, например: «Байт храброго офицера Файзуллы Каюмова». Им свойствен возвышенный тон, высокий пафос. Лейтмотивом является мотив прославления. По художественному оформлению и стилю изложения они напоминают древние кубайры о батырах. Все это позволяет обозначить их как байты-оды.

Многие байты, посвященные Великой Отечественной войне, сочинены родителями (в большей части матерями) погибших воинов. Это, например, «Байт Хабибы Арслановой», «Отечественная война», «Байт Сабитуллы», «Байт Бадретдина», «Байт-письмо матери» и другие. В них, естественно, преобладают мотивы тоски и скорби по погибшим сыновьям. По содержанию они близки к песням-причитаниям и отчасти выполняют их функции. Таким образом, такие байты можно отнести и группе байтов-причетов.

Изменения в мировоззрении народа в результате Октябрьского переворота не могли не отразиться в байтах. Так, например, религиозные мотивы, характерные для дореволюционных байтов, в байтах о Великой Отечественной войне почти сведены на нет. Мы уже редко встречаем традиционный зачин типа: «Бисмиллахи ва аллахи, наступил курбан-гаит».

Некоторые же байты, например, «Из аула ушли, до Берлина дошли», начинаются даже с отвержения канонов ислама: «Свой байт я начинаю безо всякой бисмиллы»¹.

В соответствии с новым содержанием и заложенной в нем идейной концепцией, наблюдается и изменение традиционных концовок. Байтсе здесь не ограничивается сообщением о том, что сочинил байт в назидание потомкам, а выражает гордость и радость окончательной победы над врагом:

Пусть байт наш этот служит
Памяткою о войне.
Взят Берлин и вот победа! —
Нынче рады мы вдвойне.

(«Байт Мухаметхабиба Арсланова»)

¹ Бисмилла — слово из Корана, с чего должны начинаться все деяния мусульман.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны жанр байт получает дальнейшее развитие как в идейно-тематическом, так и в художественно-поэтическом отношении.

В военно-политическую историю народов России, в том числе и башкир, вошла и позорная афганская война. До сих пор щемят от боли и скорби сердца родителей, чьи сыновья стали жертвами этой кровавой политической интриги правителей. В своем безутешном горе они обращаются к песням и байтам. Так рождаются новые байты с военной тематикой. Их, зафиксированных письменно, пока немного, но тем не менее и по ним можно вынести общее заключение о характере и идейно-художественной специфике афганских байтов.

Так, в них, как и в дореволюционных солдатских байтах, сильно выражена коллизия расставания. Родители погибшего солдата (обычно это мать), глубоко скорбя о сыне, неоднократно, почти в каждой строфе, подчеркивают тяжесть утраты близкого сердцу человека. Безмерная тоска, чувство безысходности пронизывают сюжетную канву произведения. Умело применяя традиционные приемы и образы из фольклора (например, обращение к перелетным птицам, использование березы как символа печали), байтсе создает своеобразные символические параллелизмы и с их помощью достигает большой экспрессивности и эмоциональности повествования. Например:

Я гусям сказала диким:
Передайте, мол, привет.
Слышу по весне их клики:
«Сына твоего уж нет...»
Я березу посадила
Под горой на бережку.
Годы, месяцы тоскливо
Возвращения сына жду...

По содержанию и основным мотивам афганские байты можно отнести к байтам-причетам. Однако нередко встречающиеся мотивы протеста придают им обличительный характер. Так мать солдата открыто выражает протест против таких бессмысленных войн и гнев тем, кто их затевает:

Кто затеял, кто придумал
Ту проклятую войну?
Мать, чей сын навек потерян,
Честь терпению твоему!

Таким образом, появление и распространение байтов об афганской войне позволяет сделать заключение о том, что традиции жанра все еще живы, они воспринимаются народом и до сих пор отвечают его духовным запросам. И байт, как жанр, в современных условиях продолжает выполнять свои традиционные функции. На примере байтов об афганской войне можно прийти к определенным выводам и по вопросу о бытовании фольклора в современности.

Особую группу составляют социально-бытовые байты. Их тематика охватывает многие стороны жизни и быта. Большинство их посвящено несчастным случаям, гибели того или иного человека. Как писал Г. Тукай, «нет никакой возможности собрать все... байты, которые посвящены, например, в такой-то деревне девушке, осужденной на ссылку в Сибирь, в другой деревне — молодому парню, наложившему на себя руки или утонувшему в реке и т. д.». Такие байты обычно имеют весьма ограниченный ареал своего распространения, бытуют только в каком-нибудь одном селении или районе. Однако существует ряд произведений («Байт о Саке и Соке», «Байт Земли», «Удельный байт», «Байт о Гайше», «Восьмой», «Байт о Курмаше», «Байт о Сибири», «Байт об учителе Халиме»), которые получили общенародное признание.

Наиболее распространенным и древним по происхождению является «Байт о Саке и Соке». Уже несколько веков как устно, так и письменно он широко бытует среди башкир и татар. Более 60 его вариантов и записей хранятся в научном архиве Уфимского научного центра РАН, в рукописном фонде Института истории, языка и литературы, в кабинете башкирской литературы и фольклора Башкирского государственного университета, в кабинете фонозаписи Уфимского государственного института искусств.

Во всех вариантах и записях отражаются верования и мировоззрение древних идей о «встречах на том свете». В основу байта заложена мысль, что проклятие родителями детей может иметь пагубные последствия. Поэтому байтсе призывает слушателя быть сдержанным в своем гневе, зря не изрекать проклятия, внушает людям, чтобы они были доброжелательными, внимательными. Особенно при обращении с детьми. Используя тонкие дидактические приемы народной педагогики, он старается воспитать у слушателей чувство добра и справедливости.

В отличие от других байтов, «Байт о Саке и Соке» построен на фантастическом сюжете: неосторожно проклятые матерью, двое мальчиков превращаются в мифических птиц и улетают из дома, чтобы встретиться лишь на том свете. Свообразная

мелодия байта, полная грустных интонаций, усиливает трагическое звучание произведения. В байте удачно использован мифический мотив, распространенный в мировом фольклоре — злые силы действуют в темноте. Они и не позволяют встретиться братьям-птицам. Все это — полуфантастическое-полуреальное содержание — обуславливает действенность назидательной и эстетической функций байта и его популярность.

Раньше башкиры, как и многие тюркоязычные народы, отмечали новогодний праздник «Навруз». Это был старинный обряд, уходящий своими корнями в древние, доисламские времена. Проводился он в марте месяце, во время равноденствия. Существовавший в течение многих веков этот обрядовый праздник ныне полузабыт. Забыты и многие его элементы. Однако, как отголоски, дошли до нас некоторые топонимические названия (например, д. Навруз в Учалинском районе) и байт под таким же названием. Видимо, байт исполнялся во время праздника. Об этом можно судить по содержанию байта и неоднократно повторяющегося рефрена: «Пусть будет благословен Навруз!» В тексте мы не встречаем древних мотивов и элементов, если не считать указанного рефрена. В нем от имени шакирдов (учащихся медресе) идет довольно светский разговор о девушках и об их воспитании. Все это дает основание заключить, что байт сочинен не очень давно. Однако это не означает, что байт — поздний элемент праздника «Навруз». Как отмечал дореволюционный татарский исследователь Ш. Марджани, еще в Булгарский период в Волго-Уральском регионе были распространены наврузские байты¹. Можно предположить, что они были иного характера и содержания. По всей вероятности, в готовую, традиционную форму байта каждый раз вливалось новое содержание. В данном же случае мы имеем дело с более поздним вариантом наврузского байта. Тематика и мотивы, имеющие отношение к вопросу воспитания, позволяют отнести его к тематической группе «родители и дети».

Довольно много сложено байтов о родном крае. Одни из них получили широкое, повсеместное распространение (например, «Урал» и его варианты), так как выражают всенародную любовь к родине вообще (Урал для башкир всегда символизирует Родину), другие же имеют локальный характер бытования («Берега Юрмыя», «Прекрасный Удряк», «Байт реки Билегуш» и др.). В них доминируют мотивы восхищения красотой родного края, гордости за его величие. С этой стороны они

¹ Ш. Маржан. Мостәфад әл-әхбар... Казань, 1877. С. 13.

близки к народным песням. Некоторые же из них, например, «Берега Юрмыя», «Прекрасный Удряк» исполняются и как песня. Так проявляется еще одно качество байта — аморфность, т. е. выполнение одновременно функций двух жанров.

На первый взгляд, из-за обилия мотивов прославления, эти байты кажутся чисто оптимистическими байтами-одами. Однако основное назначение их оказывается не прославление, а предупреждение о том, что этот чудный край, священная земля может оказаться в руках иноземцев. Далее, уже в других байтах, этот предупредительный мотив усиливается и превращается в гневный социальный протест («Байт Земли», «Земля уплывает», «Удельный байт», «Байт Карагай Узьяк» и др.).

Возникновение этих байтов связано с расхищением заводчиками, помещиками и царскими чиновниками башкирских земель, приобретшим огромный размах во второй половине XIX века В. И. Ленин, ознакомившись с книгой Н. В. Ремезова «Очерки из жизни дикой Башкирии» (М., 1889), отметил: «Очерки из жизни Башкирии» — живое описание того, как «колонизаторы» сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики». Это такой кусочек колониальной политики, который выдержит сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке¹. Земельные байты явились откликом на такую колониальную политику и выразили народный протест против ограбления башкирских земель.

Колонизаторы присваивали земли башкир разными способами и путями: запугиванием, обманом, массовым спаиванием крестьян. В байтах все эти махинации раскрываются и гневно обличаются. Так, например, в «Байте Карагай Узьяк» показан один из способов обмана: тех, кто не хотел продавать землю, заставляли подписывать бумагу, якобы об отказе. А на деле эта подпись использовалась для обратной цели — как согласие. Байтсе с тяжелым чувством сообщает об этом обмане:

Продавать кто не желает, пусть подпишутся сполна,
Так закон повелевает — знать должны мы имена.
Так в продажную бумагу люди подпись занесли.
Их неграмотность лишила навсегда своей земли.

В грабеже башкирских земель немалую помощь оказывали (естественно, небескорыстно) и местные власти: земские начальники, старосты, писари, бай. Поэтому в байтах, вместе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 253.

с мотивами протеста против колонизаторов, часто можно услышать гневные мотивы обличительного характера, направленные против продажных сородичей:

Староста их поддержал, и так, и эдак людям лгал,
Чтоб народ склонять к продаже, к хитрым мерам
прибегал.

И взятки, и дары, всем им сунули купцы,
И теперь они своим головы морочат до поры.

(«Баит Карагай Узак»)

Конечно, простые башкиры не всегда понимали суть колониальной политики царского самодержавия. Основную причину лишения земельных наделов они видели в продажности местных властей, корыстности и хитрости баев и, в конце концов (к слову сказать, к их чести), в своей беспечности и неграмотности. Поэтому во многих земельных байтах вместе с мотивами протеста против колонизаторов и их приспешников звучат обращенные к простому человеку призывы. Его призывают быть разумным, не допускать ошибок в таких важных делах, как земля и свобода, и для этого быть грамотным:

Был бы в грамоте силен — никто б тебя не оболгал.
Не служил тому бы баю, что кусок твой оторвал.
Ты услышишь наш баит и стыдно станет, может быть,
Там, глядишь, возьмешь букварь
и станешь сам себя учить.

(«Баит Карагай Узак»)

И, как заключение всем чувствам и размышлениям, выраженным во всех земельных байтах, звучат набатом слова: «Родные, землю не продавайте!» — из байта под таким же названием.

В земельных байтах стало особенно ярко проявляться индивидуальное творческое начало, связанное с традициями письменной поэзии. Так, один из вариантов байта написан в стиле поэмы «Кисса и Юсуф», другой строится в диалогической форме. Байт «Родные, землю не продавайте!» свидетельствует о тенденции произведений этого жанра к циклизации. Байты типа «Урал», «Джайляу» непосредственно восходят к творчеству сэзнов-сказителей.

Таким образом, на примере байтов о родном крае мы видим новый этап развития жанра: он обогащается в идейно-

тематическом, функциональном отношениях, совершенствуется по своей художественно-поэтической форме.

В числе социально-бытовых байтов большое место занимают байты о женской доле. Они составляют особый цикл женских байтов. Среди них наиболее распространенными являются «Байт Гайши», «Байт семи девушек», «Байт девушки, проданной за скот», «Грустная женщина Биbigайша» и «Байт содержанки». В них отразился всеобщий протест дореволюционных женщин, лишенных по законам шариата многих прав. Так, лейтмотивом значительной части байтов о женщинах является протест против насильственной выдачи замуж. Героиня таких байтов в большинстве случаев предпочитает умереть, нежели жить с нелюбимым человеком. В байтах такого типа часто содержатся назидательные мотивы: насильно выданная, проданная за скот девушка обращается к своим подругам быть стойкими и решительными в таких важных вопросах, как любовь и брак, решить свою судьбу самим:

Были мы всегда во всем послушны
Воле тех, кто нас родил на свет.
А послушны — значит малодушны,
Не могли сказать насилью нет!
Подстрекали злые нас старухи —
И душа перечить не могла.
Нас судьбой пугали, высшим духом,
А судьба у нас в руках была.
.....
Девушкам благое пожелание:
Победите свой позор и страх.
Выходите замуж, коль избранник
Есть у вас в девических сердцах.

(«Байт девушки, проданной за скот»)

В байтах о женщинах и женской доле часто проявляются личностные качества и характер самих героинь. Так, в байте «Семь девушек» рассказывается о трагической гибели семи подружек, которые, стыдясь быть увиденными голыми, предпочитают утонуть в реке. Развитое чувство стыда всегда было одним из основных качеств башкирских женщин.

Их стремление к образованию, учебе отражается в «Байте семи девушек». В байте же «Грустная женщина Биbigайша» мы встречаемся с женщиной, характер которой вобрал все лучшие качества женщины-матери: верность близкому человеку, любовь к детям, покорность, доброжелательность. Свое счастье и смысл жизни Биbigайша видит в служении близ-

ким — мужу, детям. Потеряв их, она приговаривает себя к смерти. Морально-этические проблемы, назидательные мотивы, лежащие в основе произведения, определяют его значимость.

Полны печали и горьких чувств байты о девушках-сиротах и обездоленных. Драматическую ситуацию в них составляют злоключения бедных или обездоленных девушек, вынужденных идти на службу к баю и ставших жертвами его порочной прихоти.

Являясь творчеством самих женщин — натур более тонких, все эти байты отличаются глубоким лиризмом, тонкостью и нежностью поэтических красок. На их примере видим дальнейшее сближение, более тесное сплетение лиро-эпических черт жанра и усиление его драматизма.

В одну тематическую группу под условным названием «судьбы людские» можно объединить байты, повествующие о горькой судьбе или трагической кончине того или иного человека («Байт шахтера», «Восьмой», «Байт Курамши», «Байт Ягфар-шакирда» и др.). Некоторые из них, например, «Беды пьянства», «Школа отцов» отличаются явно выраженными назидательными мотивами. Имеются байты, близкие по своему содержанию и форме к мунажатам и совмещающие их функции («Байт старости», «Байт смерти»).

Особую жанровую группу составляют сатирические и юмористические байты. В основе их сюжета лежит не трагедия, а комическая ситуация. Сочиненные по всем правилам и канонам жанра, эти байты поднимают морально-этические проблемы и выражают общественное мнение о том или ином событии, явлении. То острым сарказмом, то едкой иронией, то легко прикрытой ухмылкой высмеиваются в них алчные муллы, жадные бай, хвастливые и высокомерные начальники, пьяницы и лодыри, непутевые женщины, люди, ищущие легкой наживы и прочие порочные личности. Так, например, в «Байте о суфиях» сатирически остро критикуются религиозные деятели, получившие надлежащее образование и сан священнослужителя, но оставшиеся в душе порочными и алчными. Байтсе жестко обличает их гнилое нутро:

Их уловка: сядут, взглядом вниз уставясь,
Но при этом сети на глупцов расставив,
Чтоб «по темной» околпачить простодушных —
За бесценок земли их скупить получше.
У такого ядовито все нутро,
Ибо он живет коварно и хитро.

Пародийное звучание имеет «Байт о собаке». Хотя произведение заканчивается со словами «Сочинили мы байт, пусть посмеются от души», назначение же его не только в том, чтобы развлечь и рассмешить слушателей, но и критически оценить действия никчемных людей, их дурацкие поступки. Так, значимость сатирических байтов, в первую очередь, определяется их воспитательной функцией.

Заключая не слишком детальный анализ социально-бытовых байтов, можно сказать следующее: это довольно многочисленная, разнообразная по идейно-тематическому содержанию, характеру, художественно-поэтическому оформлению группа байтов, выполняющая в быту различные (эстетические, познавательные, воспитательные и пр.) функции и удовлетворяющая духовные запросы многих поколений. Являющиеся поэтическим выражением отношения народа к тем или иным жизненно-бытовым явлениям, они и отныне не теряют своей значимости и популярности.

В поэтике байтов своеобразно сочетаются особенности устной и письменной поэзии. Традиционной его строфической формой было и продолжает оставаться двустихие — бейт. В байтах нового времени сохраняются словесные обороты, выражения, восходящие к древней арабской и персидской письменности, к произведениям классиков восточной поэзии. Разнообразными становятся системы стрóf, рифм. Индивидуальное творческое начало иногда подчеркивается заглавием байта: «Байт Габделгазиза», «Байт Мухаметсалима», «Байт Гинията Киекбаева» и т. п. В зачине байта традиционным является указание имени автора, времени и места создания.

В древние времена байты, как и другие жанры устно-поэтического творчества башкир, создававшиеся путем импровизации, могли исполняться на народных йыйнах, сабантуях, праздниках. Об этом свидетельствуют ныне топонимические названия. Так, у аула Янсары Бурзянского района Республики Башкортостан есть гора Байт (Бэйет тауы). Возвышенность около аула Беляутамак Оренбургской области называется «Бэйет эйтешкэн» («Состязание байтистов»).

Раньше байты исполнялись на определенные мелодии. Некоторые из них («Удряк», «Прекрасны долины Керпе», «Юрмый») имели свой мелодический строй (кюй) и по своей поэтике были очень близки к песне. В процессе развития жанра байт кубаирский семисложный стих постепенно сменился народным песенным стихом: десяти-девятисложным размером протяжных песен (озон кэй) и восьми-семисложным коротких (кыска кэй). Байт заимствовал у кубаиров и песен не только ритм стиха, но и существенные особенности слога (синтакси-

ческий параллелизм, поэтическую антитезу и др.), строфики. Многие поздние байты восприняли четырехстрочную строфу песен.

Своеобразие жанра байт состоит и в том, что эпическое повествование в нем проникнуто лиризмом. И самые ранние зафиксированные образцы байтов, и творения более поздних времен являются лиро-эпосом. Эпическое и лирическое начала в байтах связаны незримыми, но крепкими узами жанрового характера.

Специфика сюжета диктует и своеобразие композиции. В композиционном отношении байты многообразны, но как основная композиционная форма преобладает монолог. Драматическая, конфликтная ситуация усиливается, когда монолог ведется от имени первого лица, т. е. жертвы. Это является одним из характерных художественных приемов жанра.

В поэтике байтов как самое активное средство выступает параллелизм. В зависимости от типа и характера байтов, а также их сюжетно-фабульной специфики, применяются разные формы этого поэтического средства. Так, например, в военно-исторических байтах чаще используется формальный, условный параллелизм, а в более лиричных, социально-бытовых преобладают образные и интонационные его формы. Параллелизм в байтах является важной поэтической деталью, при помощи которой осуществляется слияние, стыковка эпического и лирического начал жанра.

Из поэтических тропов активно применяются сравнения и гиперболы. Сравнения в байтах привлекаются в основном для характеристики действия, состояния и явлений, что обуславливает динамику в лиро-эпосе: «Ах, немецкие окопы, как могилы, глубоки», «Положение наше — ад», «Стержни елок, как штыки», «Мы барахтались, как крысы, средь дунайских волн седых» и т. д. Сравнения в байтах по большей части метафоричны.

Гиперболы, как и сравнения, метафоричны, поскольку не призваны характеризовать отдельно взятого героя, а служат для создания монументальной картины какого-либо явления или ситуации. Их не так много, но они употребляются при изображении ужасов войны. Например, «В четырех-пяти сраженьях кровь по пояс нам текла», «Тучами покрылось небо от обилья детских слез».

Для байтов характерна большая клишированность стиля. В них много общих мест, поэтических формул, на которых держится остов произведения и которые объединяют жанр байтов вообще. Эти поэтические формулы варьируются по-разному и в различных функциях. Например, при описании ужасов боя.

Для большей драматизации сказитель-байтсе непременно обращается к такой типичной формуле, традиционной для всех военно-исторических байтов:

Японцы (турки, германцы) из пушек бьют,
Рушат город (Порт-Артур) там и тут.
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

Стилю байтов свойственно использование готовых, ставших традиционными, зачинов и концовок. Например, общим для многих байтов является зачин типа: «Бисмиллахи ва аллахи, наступил курбан-гаит». Он часто варьируется и, в зависимости от характера и формы повествования, получает различное звучание.

Таким образом, возникнув на рубеже XV—XVI вв. как особый жанр лиро-эпической поэзии, байт прошел довольно сложный и продолжительный эволюционный путь и стал одним из самых действенных и популярных жанров башкирского фольклора. В нем находит отражение не только история и быт многих поколений людей, но и духовный мир и поэтический талант народа.

*Г. В. ХУСАИНОВ,
Б. С. БАИМОВ*

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ БАИТЫ

I. Крестьянская война 1773—1775 гг.

1. САЛАВАТ ЮЛАЕВ

Пышный хвост гнедого иноходца
На скаку взвивается флажком.
У Юлая с Салаватом льются
Слез потоки проливным дождем.
Салавату нынче сколько лет?
В шапке он зеленой, как трава.
Салавату нынче сколько лет?
Будет ему ровно двадцать два.
Жаворонки радостью объаты,
Над рекою Юрюзань звенят.
На ногах Юлая с Салаватом
Кандалы железные гремят.
Салават-батыру сколько лет?
В шапке он зеленой, как трава.
Сколько испытал он тяжких бед
По дороге Петербург — Москва!
Говорил, бывало: мол, завью
У коня нечесаную гриву.
Я прошу: полковники, семью
Повидать позвольте — все ли живы?
Самострел еще не натянул я,
А суставы рук еще болят;
Сердце молодое бьется гулко:
Мама, пред тобой я виноват.
Мягок Юрюзани луг, как вата —
Там кураю летом расцветать.
Ах, каков же возраст Салавата? —

Будет ему скоро двадцать пять.¹
Впереди — светло; трясина — сзади,
Выстрелил бы — нет в запасе стрел.
Поведу ль вокруг себя глазами —
Круг друзей заметно поредел.
Перед клетью родового стана
Сладостно воркуют голубки;
Из окошек глядя, беспрестанно
Слезы утирают земляки.
Между той и этою горой
Заяц затаился, чуть живой.
Заяц ускакал, спасенью рад.
В западню попался Салават.

2. ПЕСНЬ О САЛАВАТЕ

Агасай* — казах¹, я — казак,
Под агасаем — Акбузат.
Вот мы едем, перед нами
Версты долгие лежат.

Салават к восстанью звал,
В помощь Бога призывал;
В жарких битвах Салават
Уложил шестьсот солдат.

Полноводен Яик² бурный,
Не измерить глубины.
Реют стяги в Оренбурге,
Как предвестие войны.

Ротники³, спеша, вдвоем —
Вон по улице бегом.
Наш полковник Салават
На Москву пошел с полком.

Отороченный ильтир
Носит славный Салават.
Спросишь: где ваш бригадир? —
Там он, где сам царь-хазрат*.

3. НЕЗАБВЕННЫЙ САЛАВАТ

В день ли радужный, лучистый
Наш родился Салават?
Словно радуга, искрится,
Крася мир наш во сто крат.

С детских лет он был бесстрашен,
Верен долгу до конца;
За народ на бой поднявшись,
Сохранил свой жар бойца.

Он слагал своим башкирам
Песни — край свой воспевал;
Он в боях прослыл батыром,
Славу вечную снискал.

Там, где бурей он промчался,
Тучи пыльные висят.
В памяти людской остался
Незабвенный Салават.

4. БАИТЫ О КИНЬЯКАЕ¹

Имя мое — Мухамадулла,
Мой отец — Ахмадулла,
Прозвище — Даути;
Эта волость — родина моя,
Из башкирского рода я.

Помню, в памятном году
В медресе Хажы хазрета
Шакирдов группа собиралась
Книг побольше почитать,
Сути ислама глубже внять.

Вот, пишу я мунажат,
Чтоб прочесть его, пропеть,
И в стихах своих суметь
Поведать о земле своей,
О деревне сожженной моей.

В старину жил Тора-хан —
В стороне своей тархан.
На горе его сардак*.

Там его был зимний стан,
Славен всюду был тот хан.

Он летом на яйляу* выезжал —
На простор в подножьях гор;
Кольев пять там забивал:
Возводил шатер там свой,
Со своей там жил женой.

Расторопна она была,
Сыновой ему родила:
Богатырская в них стать —
Каждый — батыр-арслан:
Ишей, Салих и Карайган².

Состарился Карайган. Салих
Грузнее братьев стал своих.
А Ишей стал богачом,
Обзавелся добром, скотом,
Сыновой был целый дом.

У Ишея — четыре жены,
У каждой из них — по пять сыновей,
От тех сыновей — свои сыны.
Каждый жил своей семьей —
Словом, клан был родовой.

Сыновья старшей жены,
Родившиеся от Уртабики,
Держали в другую сторону путь:
Один решил в Мраково³ махнуть,
Утягул подался в Утяк⁴,
Кармыш⁵ — на Кайын битляк*.

От младшей жены — пять сыновей:
Хайран, Харгай, Исякай;
Двое других — Харун и Гумар —
Меж собою близнецы,
Разудалые удальцы.

Харун направился в Макар;
На чужбину ушел Гумар,
На татарке женился там,
Брата своего отыскав в живых,
Вскоре свояком ему стал.

Жена Харуна Шамсинур
Рожала удалых сыновей.
Звали их Ильсяк, Самерхан,
Казангул и Кагарман,
Ну а самый злой — Тимерхан.

Ведь недаром он шахом стал,
Рать огромную собрал,
Над всеми братьями стал главой —
Так и жил верховодцем он.

Один из братьев Киньягул
Тоже отправился в дальний путь,
Долго жил там без забот;
Миновал необъятный бор,
Там возвел огромный шатер.

Киньякай по аулу бродил,
На бок все дома воротил;
Вдребезги сорок дворов развалил,
Траву скотине своей отдавал;
Жир да сало сам набирал,
Валяясь и нежась во всех углах,
Жир набирал в чужих закромах.
Ну а осенью, когда
Жители опять же домой
Возвратились, — вот ведь беда!
Для аульского скота
И травинки нет ни одной!

Подлостью возмущаясь такой,
Скотину стали прочь отгонять,
Чтоб не съедала чужую траву.
Аул оградили со всех сторон,
Чтоб той скотине поставить заслон.

И тогда, не скупясь на угрозы,
Боярин Тимаш, вскипая злобой
(Газраил*, ненасытный злодей!),
Мор и горе наслал на людей,
Чтобы от горя лились у них слезы.

Кэркэна он к себе призвал,
Того, кто, как курица, был глуп.

Но зато по-злодейски груб.
Бумагу подписать ему дал,
В коей тот — ногой ни в зуб.

Потом печатью ее закрепил.
Именно так вся наша земля —
Реки, пашни и поля —
За ремень, чекмень, малахай.
И еще — за сахар и чай —
Были проданы навек.
Того боярина войска —
Карателей казачьих отряд.
На лошадях, за рядом ряд.
Черной саранчою на нас
Налетели в урочный час.

На аул напали наш,
На родимый Киньякай;
К домам приставили свой страж.
Забирали все — только дай! —
Ад для нас, казакам же — блажь.

От напасти такой народ
На кочевки бежал, где скот.
Каины мечеть подожгли;
Кто в аул возвращался, тот
Саблей казачьей был рассечен,
Из ружья боевого сражен.

И округа наполнилась вся
Стоном, криками и мольбой.
Болью и бедою людской;
Разлилась река Егян⁸
Не водою, а кровью живой.
От стенания матерей
И от плача их детей:
— Пусть проклятие падет
На крышина * Кэркэгу,
Пусть кровь людская его зальет!

Ах, вернулся бы Емельян⁹!
Вновь воротился бы Кинзя¹⁰!
Вновь явился бы Салават!
Воскипели бы они душой,
Не стерпели б расправы той!

Из ножен вырвав свой клинок,
Заострив наконечники стрел,
Вскочил бы Салават на коня,
Слово сказал бы, что жарче огня.
Всем егетам бы повелел,
Львам подобным, оружие взять;
Со всего Урала бы рать
Он призвал к себе, и потом
Меч вознес бы он над врагом
И хребет ему поломал,
Из страны его прочь прогнал!

* * *

Этот скорбный мунажат,
Как завет, Акмулла нам дал.
Прочитав, запиши его,
Чтоб зазвучал он на весь Урал.
Всем друзьям его передай,
Про сожженный аул чтоб знал —
Пусть читает его страна,
Байскую «дружбу» познает она,
Барскую «милость» поймет сполна.
Боярин — что всех коварен и стар,
Как лиса — он во всем хитер;
Средь людских борений и свар,
Когда не ждешь — нанесет удар.

5. БАИТ О ТАФТИЛЯУ¹ (ТЕВКЕЛЕВЕ)

Земли Тевкелева парной отгорожены межой;
Ахмет-мурза стал несносен — тому не слеза ль башкир
виной?

У Ахмет-мурзы чащобы подпирают небеса;
Бороду взрастив густую, обрусел Ахмет-мурза.

Все шестьсот и шесть аршинов — у Ахмет-мурзы амбар;
В Питере он продал душу, но зато обрел «навар».

Уезжая, акбузата* в путь-дорогу оседлал;
Как испортился мурза, так вор Габит возликовал.

Что ни год, олень мурзы растит рога — сдержать нельзя;
Вешает ему на шею драгоценности мурза.

А бика*, его подруга, кормит всех гусей зерном;
Вору на руку мурзу нечестным попрекать добром.

Ахмет-мурза, уезжая, вороных седлал коней,
Донесли до падишаха, чтоб вернулся он скорей.

Урождается пшено мурзы всегда — богатый вид!
Дома ж у него крестильный крест давно в углу стоит.

Третий год в саду снимает он обильный урожай.
Убирать мурза устал — жена, поди-ка, убирай!

На полях мурзы Ахмета вызревает щедро рожь;
Он ислам принять не хочет: вера та ему — как нож.

Лошади мурзы Ахмета, говорят, не тащат вверх;
Род мурзы не возрастает — дочери все, как на грех.

На горе жена мурзы амбар построила. Внизу —
На макушку посадила церкви лживого мурзу.

Благоверная мурзы растит и уток, и гусей;
На крещенного муллу баит, пожалуй, мягок сей.

Пишет что-то на бумаге наш мурза который год;
Не один — переродился весь его продажный род.

Над рекою Ерекле² ольха растет, тальник под ней;
Опекун вдруг завладел скотом мурзы в один из дней.

Строит мельницу жена — вода вскипает от колес;
На пиру мурзы Ахмета тридцать русских собралось.

Эту шубу ты, мурза, не стал бы лучше надевать —
Иль, погрязшего в грехах, тебя святошей называть?

Много у мурзы амбаров — злей его нет в мире пса;
Наставлениям хазрета* не желает внять мурза.

Дом мурзы на побережье озера Ереклекуль³;
Испоганился мурза, вишь, у Гимая на пиру.

У мурзы в хлеву сыскали шесть откормленных свиней;
Шесть крестов ему на шею повесили в один из дней.

Треугольником раскинулись владения его;
И в любом углу владений золота полным-полно.

Масти лошади мурзы — гнедые, как густая кровь;
Злобно ездил ты на них — поездишь ли, посмотрим, вновь!

Лес ольховый поредел — топор воров оставил след;
От проклятия народа испохабился Ахмет.

II. Отечественная война 1812 года

6. БАИТ ДЕРЕВА

То был 1812 год...
Был безмятежен наш небосвод.
Всю ночь до утра пасли мы коней,
Уйзюрjak¹ оглашая песней своей.
Сено сложено было в стога.
Сном глубоким спали луга.
Полночь тихо лилась над рекой,
Месяц плыл ясный над головой.
В тальнике распевал соловей,
Утро пронзая песней своей.
Наступила потом тишина...
Но что это: среди мрака и сна
Будто чей-то раздался крик,
Птицы все замолчали вмиг.
Я на небо взглянул, а там —
С востока на запад: будто бы шрам —
Кровью алою стелется путь.
Страх и тревога вошли в мою грудь —
Неужели стряслось что-нибудь?..
Воротились мы в юрты, а там —
Все на ногах. Всюду шум и гам.
Утро встало. Гонец прискакал:
Белый царь обращается к нам,
Нас, башкир, он на помощь призвал:
Злой француз ратью прет на страну —
Против России он начал войну.
На башкира башкир посмотрел.
Клич разнесся быстрее стрел,
По родам разнося фарман*.

Вмиг за спину взлетел колчан,
Меч заточен и — в дальний поход,
Двинулись сотни — за родом род.

Поле сечи глазами не объять.
Будет кровь его затоплять —
Чем больше павших на поле том
Ляжет в грядущем сраженье большом.
Не оробел я перед врагом —
Схватил за глотку во гневе крутом.

Не уместит мешок никакой
Всех бед, дарованных мне судьбой.
Не счесть всех зол, увиденных мной.

Я про случай один расскажу,
Который в сердце своем ношу.
Бой разгорался и там, и тут,
В огне полыхало село Бамут.
Француз проклятый из леса вдруг
Выстрелил, и на черный луг
Упал Гариф, мой ближайший друг.
Вижу: в деревьях вдруг замелькал
Тот, кто Гарифа сразил наповал.
Самострел я зарядил
И стрелу в него запустил.
Не попала стрела! Лишь смогла
Ветку на землю сбить со ствола.
Вновь я стреляю, губу прикусив,
В ненавистного врага.
А когда бой поутих слегка,
Врага отгеснили мы за стога,
Я к дереву тому зашел,
Стрелу отыскать, что сюда запустил.
С жизнью расстаться не в силах никак,
Лежал, за ружье схватившись, враг;
Лопочет что-то: мол, дай воды,
Выручи, мол, из этой беды.
На землю русскую он прокрался,
На древо священное забрался,
Сеет он смерть на родимую землю
И хочет, чтоб я его пожалел?
С ветки подбитой на песок
Капал слезами березовый сок.

Ветку я ту к стволу приложил,
Своим ремешком подвязать поспешил;
Вырвал саблю из ножен своих
И французу, что был в живых,
Голову снес, и потом
Подвесил его на дереве том.
Покой обрел я в сердце своем.
...Дерево российской реки,
Попал в тебя я, всему вопреки;
Рана выправится твоя,
Успокоюсь, быть может, и я —
Не жалеете только врага!
Он не заслуживает того.
Кто, скажите, к нам звал его?
Что заслужил, то и получил.
Без головы навеки почил.

7. БАИТ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ

Прибыл клич от Белого царя
В стан башкир. Ни свет ни заря —
Клич тот разлетелся средь родов.
И джигитов тысячи рядов
Собралось. Старики фарман
Зчитали, что царем был дан:
На страну напал коварный враг!
Сур* запел, вознеся к небу стяг,
Воины отправились в поход -
К западу вперед, вперед, вперед.

Вскоре добрались до цели мы;
Чтоб спасти свой край от вражьей тьмы,
Объявили газават*:
Злобный трепещет пусть супостат!
Выбравший год Мыши¹ для войны,
Истреблявший люд моей страны —
Предо мною аждахой француз стоял
И руками, как черт, махал:
Как у мэскэй, пылали глаза,
Суставы хрустели, как у бисуры;
Выстрелил во француза я,
Стрелой срезал клок от ремня,
На спине свое тавро
Наложил я на него —
Пусть шагает к своим дружкам,
Обо мне пусть поведает там!

8. ФРАНЦУЗСКИЙ БАИТ

Целый день шла битва на просторном поле,
Не заметишь ни границ его, ни края.
Кровь зверей с людской смешалась поневоле,
И земля впитать ее не успевает.
Храбрые мужи в бою сражались дружно,
Отрывало руки им, ломились плечи...
Боже правый! Отчего глядишь бездушно?
Убивают лучших — так бывало вечно.
Храбрые погибли, кровью захлебнувшись,
Запах крови унесли крутые ветры;
Со всех сторон нас вражье войско душит,
Бьются насмерть с ними наши — нет просвета.
Не поймешь, кто терпит крах, кто побеждает,
Жить — без варварства (мало ль им простора?),
Наши земли захватить француз желает;
Попадают наши в плен к врагу и вору,
А невинные льют слезы и стенают,
Злодейство чинящих громко проклинаят;
Нет прощенья сыновьям царя Катила*,
И для них мы — только слуги Газраила.
На разбойников мечи мы враз обрушим,
В собственной крови утопим, вынем душу.
Не забудут наши соколы тех змиев,
Не вернуться, не стерев с лица земли их.
Вплоть до логова врага мы тех французов гнали,
Чтоб они свое падение признали.

9. БАИТ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЕ

С божьего благословенья начинаю свой баит.
Много пережил-изведал я, пройдя через бои.

Написал, взойдя на кручу, свое имя на виду.
Зря француз затеял бучу, вышло — на свою беду.

Вот вошли французы в город — называется Москва.
А явилось наше войско — разбежались кто куда.

Нашу армию созвали, были все, как на подбор,
И в сраженье мы вступили, и в груди горел задор.

Пусть незваными гостями улицы Москвы полны,
Мы, двенадцать тептярей, войско их побили мы.

В четырех-пяти сраженьях кровь по пояс там текла.
И в награду за сраженья каждому медаль была.

Из глубин воды озерной камыши растут длинней.
Лишь один француза голос средь двенадцати царей.

Наполеон престола жаждет, тесно у себя ему.
Не осталось спеси вражьей, как вступили мы в Москву.

Вторглись к нам французы нагло — сразу осрамились тут:
С двух сторон — башкир с тептяром — и следов их
не найдут.

Мост железный у французов, из железа их узор.
Но умней башкир с тептяром — учинили им позор.

Лошади французов бьются, не взойдут на косогор,
А башкиры и тептяры рубят саблями врагов.

Стрелы у башкир, тептярей — прямо в цель летят они.
Много мы в войну видали, испытать еще должны.

Говорят, в стране французов и озера-то круглы.
Всех французов изгоняя, в странах многих были мы.

И в Москву вступали мы, Наполеона знали мы,
И, французов сокрушая, в битвах побеждали мы.

Так французов гнали мы, их домой услали мы.
Изгоняя вражье племя, воды проплывали мы.

Шляпа у Наполеона кровью залита была.
Мы с войны домой вернулись — родина горда была.

Наш баит когда писали, был карандашом камыш.
В дом войдешь, во двор ли выйдешь —
всюду радость выше крыш.

10. БАИТ РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

В тысяча восемьсот двенадцатом
Распроклятом том году
Наполеон-злодей — не осадой —
Нападением навел на нас беду.

Иль французы слишком злы?
Иль наши земли им так милы?
Первыми на нас напали,
Скрыв винтовки под полы.

Вот француз идет в атаку —
Кони выстроились в ряд.
А российские казаки
На кусочки их крошат.

Вражьи кони шелком крыты —
Устрашится ль наш солдат?
Супостат, солдатом битый,
Черным ужасом объят.

11. БАИТ О КУТУЗОВЕ

Миг затишья битвы был. По воле божьей
Отдыхали наши львы, на спинах лежа.
Слово за слово тут стал Кахым-сардар*
Восхвалять Кутуза-полководца дар.
Слушавшие, с мест поднявшись, попросили
Рассказать о нем. Кахыма окружили.
Не заставил он просить себя, и тут же
Начал так, откашлявшись сперва поглубже:
— Много подвигов свершили люди наши,
Никакой противник был ему нестрашен,
И Кутузов-батша за это полюбил их
И призвал вручить награды боевые.

Мы поехали к нему в крутую пору.
Не скрываю: были всякие там споры;
Гордости в ту пору нашей не расскажешь,
Будет время — все поведаю однажды.
А пока я расскажу про сновиденье,
О котором нам Кутуз-батша поведал.
На скале высокой беркут жил; а ниже —
Устремился змей к гнезду, злой целью движим.
На глазах у птицы проглотил птенца он,
И на беркута глядит: мол, сытым стал я;
Не иначе, жертву новую он ищет,
Толстый, как бревно, глазами жадно рыщет.
Не стерпев коварства, беркут скорый
На захватчика летит, расправив когти.

Разгорелся между ними бой свирепый,
Кто кого преодолет в схватке крепкой?
Змей по-прежнему к гнезду стремится,
Чтоб других птенцов сожрать у гордой птицы.

Пролетал в ту пору ястреб там, и битву
Видит он, и на подмогу уж спешит он;
Ободренный той поддержкой, взвился беркут,
Вместе с ястребом теснит врага он сверху;

Беспощадно истерзали супостата,
В его логово забросили обратно...

Рассказав об этом, грузною походкой
Подшел к окну Кутуз-батша, и долго-долго
Он в бинокль осматривал поля степные,
Войск своих шеренги боевые,
И успеха пожелал нам на прощанье,
Каинов коварных бить призвал нещадно.

III. Русско-турецкая война

12. БАИТЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

В тысяча ли восемьсотом
Пятьдесят третьем году
На войну пошли походом
В ноябре, на всем ходу.
Перво-наперво меня побрили
Наголо (у них — «под ноль»)
«Годен!» — так и оглушили —
Душу полоснула боль.
Так забрали нас в солдаты,
Миром проводили всем.
— До свиданья, сестры, братья,
Мы уходим насовсем.
Ждет нас не простая служба,
А жестокая война.
Путь солдат с могилой дружен,
Сколько забрет она?

В лог спустились на рассвете,
Чтобы раны залечить.
Те, кто обречен был к смерти,
Умоляли нас добить.

Сел я у костра погреться.
Влажный ветер дул в лицо.
Вспомнил дом — заняло сердце,
Вспомнил отчее крыльцо.

Город перешли Сухуми,
До Батума добрались.
Голова полна раздумий —
Что еще сулит нам жизнь?
Возраст отроческий минул,
Нас забота забрала:
Если на чужбине сгинем,
Нас уж не вернет алла.

На высокую бы гору
Я забрался — нет дорог.
Все терпенье выйдет скоро —
Нам бы только бог помог.
По горам Балканским сверху
Наплывает синий лед.
Стоит рявкнуть офицеру —
Душу оторопь берет.

Я бы погрузился в воду,
Выловил бы выдр, бобров.
Роздал все свое добро бы,
Коли буду жив-здоров.

Как Дунай переходили,
Жаром изошел, как печь.
Хитрость я найти не в силе,
Чтобы жизнь свою сберечь.

В чугунке клокочет каша —
Весь наш ужин перед сном.
Не добраться птице каждой
В те места, где мы бредем.

По скале ползет отвесной
Страшный турок-янычар.
Среди скал солдатам тесно,
Мы в аду тут — млад и стар.

На Балканы взобрались мы,
С турками вступили в бой.
В схватке яростной сошлись мы,
На горе их смяли той.

На вершине гор высоких
Древние дубы шумят.
Ах, слезами тут исходит
Нашей армии солдат.

Нету выше гор Балкана.
Кто б забраться нам помог?
С боем взяли утром рано
Мы турецкий городок.

Вместе с турками воюют
Англичане против нас.
Чувствуем мы, атакуя,
Меткость пуль их каждый раз.

Тут за турками и оком
Не угнаться, коль бегут.
Нрав у англичан жестокий —
Кожу заживо дерут.

Был нещадным бой. Обильно
Крови вытекло вокруг.
Сколько молодых и сильных
Пали мертвыми от мук.

Брали на реке Дунае
Города мы в том году.
Били, жалости не зная,
Ту турецкую орду.

Широка река Дунай,
Не проплыть из края в край.
Как семью свою припомню,
Хоть ложись и умирай.

Высока Балкан-гора,
Изо льда ее кора.
Нет ни совести, ни чести
У Николушки-царя.

На горе Балканской снега
Толщиной в один аршин.
Мы огонь открыли. Следом
Турок стал палить с вершин.

На вершине гор Балкана
Ставят пушки прогив нас;
Сразу видно: строят планы,
Разнесут в недобрый час.

Англичане и французы
Туркам крепко помогли.
Из-за этого союза
Турки вновь вперед пошли.

Как нарядами нас бьют,
Нашу кровь обильно льют.
Наши прячутся в окопах,
Сотнями, бедняги, мрут.
Прострелил картуз мой турок —
До сих пор мне слышен гул.
В турок мы стреляли — горы
В выбоинах наших пуль.
Вновь снарядами палят
Несколько часов подряд.
На вершине гор Балканских
Наши головы лежат.

До Балкан мы добирались —
То подъем, то перевал.
А снаряды разорвались —
Чуть от страха не упал.

По горам перебегаю
По названию Балкан.
Лишь родных припоминаю —
Сердце ноет, как от ран.

Как взгляну с вершины гор я —
За грядою там гряда.
Здесь из-за камней в упор мне
Пушки жерлами глядят.
У меня одна работа —
В турок по утрам стрелять.
Остается мне в окопе
Терпеливо смерти ждать.
Турки, русские — в атаку
Двинулись, воздев штыки.
Бой шел до ночного мрака,
Трупами легли полки.

Сколько звезд на небе темном,
Как ни глянешь, то горят.
Сколько месяцев без дома
Вдалеке тоскует взгляд.
На рассвете утром рано
Стая лебедей летит.
Коль погибну на Балканах,
Кто меня похоронит?
Сколько мы голов сложили
На чужбине за царя!
Сколько пороху спалили...
Только все, выходит, зря.
Ах, снарядами в нас бьют,
Ухом лошади прядут.
Наши каски в черных дырах,
Свищут пули там и тут.
Окопались супостаты
Высоко в горах средь скал.
Все турецкие солдаты
Лет примерно сорока.
Эхо оглашает горы,
Забирает душу страх.
Гул — на километров сорок
От орудий на горах.
Долго я бежал за турком
И не смог его догнать.
Ну а выстрелил — без звука
Он упал, не в силах встать.
Русские идут солдаты,
Командиры впереди.
Каждый день у нас утраты,
Не проходит боль в груди.
Сели мы на корабли,
От родной ушли земли.
Переплыли через море —
Приказали: «В турок пли!»
Залпы грянули. За ними
Наше громкое «ура!»
Наш корабль в огне и дыме.
Видно, нам на дно пора...
На Балканские лез горы,
Ноги в кровь я ободрал.
В стороне родимой взор мой,
Я смотреть туда устал.
Как на Балкан-тау взбираюсь,

Вижу турков города.
Что ж я, горемыка, маюсь?
Для чего пришел сюда?
Овцы бродят на Балканах,
Разбегаясь от войны.
Иль турецкие бараны
Трону русскому нужны?
Ночью холодно мне стало,
Я проснулся в тот же миг.
Пламя этот мир объяло,
Нас лизнул его язык.
Сочинили мы байт свой —
Несколько солдат в мороз.
Почернели наши лица
От пролитых горьких слез.

13. БАИТ О ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ

.....
.....
Вышли в путь — и засочилась
Черной кровушкой душа,
А винтовку нам вручили —
Стало тяжело нам дышать.
Вдоль реки идем Дунай
Мы со всем своим полком.
Ах, расстанусь ли, не знаю,
Я когда-нибудь с ружьем!
На войну нас гонят — даже
Кто захочет — не сбежит.
Знать хотите мысли наши —
Прочитайте наш байт.
Мы барахтались, как крысы,
Средь дунайских волн седых.
Из двенадцати нас тысяч
Сто осталось в живых.
Переправившись, известно,
Снова нас согнали в строй.
Как теперь на гору лезть нам,
Штурмовать хребет крутой?
Забрались бы на вершины —
Не пускает турок к ним.
Глянешь вверх — и шапка живо
Падает к ногам твоим.

Виден за рекой Дунаем
Вдалеке турецкий скот.
Счёту павших мы не знаем,
Не ведет никто им счет.
Не лачуги ли пустые
На вершинах гор стоят?
На десятки километров
Трупы черные лежат.
В месяце шагбан* священном
Были жаркие бои.
Было лунное затмение —
Спрятал бог глаза свои.
Мир стал черным от орудий,
Весь в снарядах небосвод.
Вознесли к аллаху люди
Горькую мольбу в тот год.
У реки Дунай теченье
Сносит все в своем пути.
Биться с турками — мученье.
Сколько нам еще идти?
Так вот, в бесконечных битвах
До их города дошли.
Ах, такое нам забыть ли —
Мусульманам всей земли?
Турки, дом свой покидая,
Молятся пред божеством.
Саблей тех насквозь пронзают,
А другие бьют клинком.
В каралта* войдешь высокий —
Там немислимая мгла.
В город мы вошли, как волки, —
Кровь в глаза мне натекла.
Говорят, течет с Балкана
Родничок живой воды.
Уж не ею ль моют раны
Наши турки в час беды?
Кони турков, вздыбив гривы,
Мечутся и там, и тут.
Англичане, нас увидев,
Кожу заживо дерут.
Вой снарядов оглушает,
Стонут там и тут от ран.
Вся земля вдруг задрожала
От рыданий мусульман.
Стоит на гору забраться —
Ружья турок в нас палят.

Если выразиться вкратце,
Положение наше — ад.
Я мундир надел свой утром,
Радуюсь среди других,
Что вчера был в битве жуткой
И остался средь живых.
В нас снаряды полетели.
Я молитву стал шептать.
Как осколки грудь задели,
Понял: время помирать.
Умирали поголовно
На дунайских берегах.
Кровь текла на месте ровном,
Мы тонули в их волнах.
Как ударили с отрогов
Пушки турков в вышине,
Кто безрукий, кто безногий,
Стонут, корчась, в стороне.
Высока мечеть из камня,
С выходом на мир она.
Как возьмем столицу турков,
Так закончится война.
Наши бомбы, будто плети,
Лупят в турков целый год.
Сто священных книг в мечети —
Всё ль к кафырам* перейдет?
В городе Кукче мечети
Высоки, как тень веков.
Нет страшной картин на свете,
Чем гора людских голов.
Сплошь из кирпича и камня
Здесь у турков города.
Головами да телами
Площадь каждая полна.
Много нас сюда входило,
Глядь: отряд стал слаб и мал.
Много сотен посадили
Брата нашего в подвал.
Когда брали мы тот город,
Кровь по улицам текла;
А пальнули в нас снаряды —
Грудой валяются тела.
Жизнь тут ни гроша не стоит —
Только головы летят.

С жизнью расстанутся стоя —
Даже «ох!» не говорят.
А иные умоляют:
«Ах, добей меня штыком!
Иль кафыры закопают
В землю черную живьем».
А иной хвалился силой.
Но закон войны таков:
Угодишь ты не в могилу,
А в силки своих врагов.
Лгут кафыры: турков сломим,
Мол, с лица земли сотрем.
Но поборники ислама
Все сильнее с каждым днем.
Отчий дом мой! Посмотрите:
Двор следы мои хранит.
Будто сына вы узрите,
Коль прочтете мой баит.
Ах, серебряный мой перстень!
Имя выбито на нем.
Тыщи три погибли вместе
На Балканах под огнем.
Все дома зеленой жостью
Крыты в здешних городах.
Нет нигде живого места —
Кровь да трупы на камнях.
На горах — султан турецкий,
Не видать его дворца.
Было некогда поесть нам,
Все сражались до конца.

14. НА БЕРЕГУ ДУНАЯ

Когда Дунай мы перешли,
Там — сплошь владенья турков.
Кто повелел с лица земли
Стирать народы сдуру?
Прошло затмение луны
В шагбан* — священный месяц.
Мир потемнел в разгар войны,
Мглу над землей повесил.
Уходят турки с гор родных,
Возносят вслух молитвы.

Снаряды попадают в них —
В крови все поле битвы.
Отряд турецких казаков
На лошадях горячих.
Мы слышим цокот их подков —
Неподалеку, значит.
Турецкий взяли мы редут
И город их убогий.
Навстречу турки к нам идут,
Мольбу возносят к богу.
Вскипают слезы, грудь горит
При виде той картины.
А друг умрет — грудь вновь болит,
И нет тут середины!
На память девушка придет —
Ее шепчу я имя.
Бродил я ночи напролет,
Касаясь плеч любимой.
И думаю: удастся ль вновь
Мне в дни те возвратиться,
Вкусить забытую любовь,
С друзьями веселиться?
Душа не верит в чудеса!
Нам суждена чужбина.
Не будет нас — земли краса,
Глядишь, взойдет из дыма.
И все ж, «Придет ли мир?» — кричу, —
И возродится ль дружба?»
И наша кровь, под стать лучу,
Согреет людям душу?

15. НА БАЛКАНСКИХ ГОРАХ

Бисмиллахи ва биллахи¹,
Наступил курбан-гаит².
Я спою, а ты послушай
О военных днях баит.
На войну нас провожали,
Дети плакали навзрыд.
Мы б в домах своих лежали —
Враг войною нам грозит.
Против нас пошли войною
Турки от реки Дунай.

В бой вступил по воле злой я,
Бросив свой родимый край.
В город прибыли Одессу,
Прямо на берег морской.
А с родителями вместе
Дома сын остался мой.
Рано утром на восходе
Был отцовский дан наказ:
— На войну отец уходит,
Богом заклинает вас...
Мы двенадцать дней стояли
У крутых Балканских гор.
За Дунаем увидали
Янычар почти в упор.
За Дунай перебирались —
Так замерз, что в сердце ком.
А на гору забирались —
Пот стекает с нас дождем.
Мы двенадцать дней стояли
Пред атакой за рекой.
Турков в поле повстречали,
Завязался жаркий бой.
Перед боем турки бога
Громко молят, чтоб помог.
Но от бога нет подмоги —
Турков наш крошит клинок.
Мы ушли в кровавых ранах
На виду округи всей.
На подножьях гор Балкана
Мы оставили друзей.
Сыты мы кровавым пиром,
Нескончаемой войной.
Если кончится все миром,
Ворочусь ли я домой?
Шапка алая у турков
С черной кисточкой — вверху.
Долго мы играли в жмурки
С ними на своем веку.
В деревнях царят турецких
И болезнь, и нищета.
Возвращусь ли наконец-то
Я в родимые места?
Одеянье турок — шапка
С кисточкою, да чекмень.

Коль умру — детишек жалко,
Кто их вспомнит в горький день?
Мама, папа! Умоляю:
Помолитесь за меня.
Коль помолитесь, я знаю,
Что живым вернусь к вам я.
Мама, папа! Может статься,
Я здесь голову сложу.
А дано в живых остаться —
Все подробно расскажу.
Праздник — день курбан — сегодня,
Можем в городе побыть.
В дни другие в поле бродим,
В бой готовые вступить.

IV. Русско-японская война

16. БАИТ ВОЙНЫ 1905 ГОДА

Под китайским жарким солнцем
Увидали мы японцев.
С шестью фунтами сухарей
Жили мы двенадцать дней.
С гор высоких там и тут
В нас враги снаряды шлют.
Кто без ног, а кто без рук —
Корчатся от страшных мук.
Выбиты дома китайцев
Сплошь из глины и камней.
В тех местах, где мы сражались,
Головы летят людей.
Умоляют: «Пожалейте,
До конца добейте тут,
Иль меня кафыры эти
На кусочки раздерут».
Похвалялись: мы сильны, мол!
Не кончается война.
Не палит японец мимо —
Мы кольцо его огня.
Кони белые в их войске
У любого седока.
Зорек глаз у них — бьют грозно
Пушки в нас издалека.

Толстым камнем удивляет
Всех нас крепость Порт-Артур.
В нас снаряды посылают,
Потроша солдат, как кур.
Глядь, японские солдаты
Вновь на горы взобрались.
И свинцом бьют, и по скатам
Камни скатывают вниз.
Конница на нас прет грозно —
Вскачь на огненный редут.
В руки угодишь японцам —
Шкуру заживо сдерут.
У земли китайской сходство
С Сыр-Дарьинской есть земель.
Чернозем от крови скользким
Стал: чуть-чуть — и с ног долой!
Край китайский! Черный ворон
На его кричит просторах.
Сотни, тысячи солдат
Затолкали в этот ад.
У китайских лошадей
Не копыта, а лохани;
И японец здесь, злодей,
Наседает с ранней рани.
Ах, японские раскаты
Колошматят издали.
Попадают в плен солдаты —
Не видать родной земли.
Как лежали мы в окопах,
Нас японец окружил.
В штыковой нас, слава богу,
Сам аллах в беде хранил.
Серый в яблоках — такой
Конь японца, — много их.
Завершился жаркий бой —
Мертвых больше, чем живых.
В три часа дают подъем —
Сон приснившийся лови!
Как чумные, мы встаем,
Сплошь измараны в крови.
В тухлых нас казармах держат,
Печки ветхие дымят.
Раны старые и свежие
Сплошь и день, и ночь болят.

Край китайский! Всюду сосны,
Пики елок — как штыки.
И куда свой взгляд ни бросишь —
Все японские полки.
Нас везли две-три недели
На войну за возом воз.
Дни сухие посырели
От пролитых нами слез.
Взрывы хоть бы на мгновение
Не смолкают — бьют подряд.
От такого нападения
Души в нас дрожмя дрожат.
Пушками японцы бьют,
Бомбы в стане нашем рвут.
Русские бедняги скопом
От осколков их бегут.
Моря Желтого волна
Извергается со дна.
Враг чрез воды Либадана¹
Прет без отдыха и сна.
Издали маячат горы,
На горах маячит ворог.
Мощь такая — поперек
Вряд ли кто пойти бы смог.
«Ах!» — воскликнул я сто крат,
Мне в беде — лишь русский брат.
Пусть мой сын японцев мерзких
Побивает много крат!
В час беды творим молитву —
Что иначе делать нам?
Каждый день уходим в битву,
Чтобы пасть от смертных ран.
Ялу-речка² вдаль течет,
Там японцы строят плот.
На плоту плывут солдаты,
Родины своей оплот.
Куропаткин аж до дыр
Зачитал, поди, псалтырь³.
А японцам наплевать —
Их задача — убивать.
Куропаткину псалтырь
Все покоя не дает.
А японец, как упырь,
Знаем, вторгнется вот-вот.

Нету толку в псалтыре —
Вновь японец на горе.
Был бы от псалтыри толк —
Враг не рыскал бы, как волк.
Жалок Куропаткин был,
В мае победим, твердил.
Такова твоя победа? —
Все пустое говорил.
Внутри крепости без пользы
Пребывает фук⁴ большой.
У начальства, кроме позы,
Ничего нет за душой.

17. ДОРОГИ ВОЙНЫ

Для отправки нас собрали:
Пусть, мол, плачет самурай.
Ох, как близкие рыдали,
Провожая в дальний край.
Были на друзей богаты
Мы в родимой стороне.
Нет теперь их — супостаты
Перебиты на войне.
Слезы в поезде лились.
До Харбина добрались.
На охрану от Мукдена¹
Вдоль границы подались.
Мы охрану исполняем —
В чью-то сторону стреляем.
А мороз такой, что тело
На чужбине околело.
Чей-то караван в предгорье
Вдаль уходит, словно тень.
Тысяч пять японцев в море
Выплывают каждый день.
В море — с края и до края —
Корабли японские.
Как нам биться с самураем,
Коль они — заморские?
Коль появятся японцы,
То покроют полземли.
Несть числа японцам просто,
Хоть из пушек в них пали!

Только бьют они нас сами —
Дрожь от взрывов по земле.
Судный день не за горами —
Долго ль людям жить во зле?
Вброд без лодки не пройти
На ту сторону Ялу.
Без воды с ума сойти —
Хоть катайся на полу.
Зачитали, знать, газеты
Господа до самых дыр.
Мы комедий насмотрелись —
Нам бы только скорый мир.
Утром я лицо умыл
И винтовку зарядил.
Упрошу ли я аллаха,
Чтоб в край отчий воротил?
В каждом городе проходим
Вдоль по рельсам среди шпал;
Помяни меня, сородич,
Коль намаз свой прочитал.
С гор высоких там и тут
Бьют японцы наших, бьют.
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от смертных мук.
Всюду — тел сплошные груды,
Аж собою застыт свет.
И с войны приходят люди —
Те, в ком рока смерти нет.
Я баит свой написал,
По дорогам проезжая.
Попадет вам на глаза —
Прочитать все обещайте.
Переписываю снова
Свой баит, и сам не рад.
Мы идем в поход суровый —
Возвратимся ли назад?
Сочинил я в непогоду
В блиндаже слепом баит.
Я не видел аж два года
Уразу — курбан* — гаит.
Взял перо я в руку, близким
Отослал с письмом привет.
Вы там и за нас молитесь —
Потому что тошен свет.

Я баит пишу, а руки
От волнения дрожат.
С домом я давно в разлуке,
Вспомню — и горит душа.
Прежде чем послать в поход,
В город нас ввели, как скот;
Я аллаху дал обет:
Буду жив — ему в ответ
Святу-жертву принесу;
Принесу! А если нет —
Жизни сам себя лишу!
В руки чашу я большую
Взял — куда ж ее мне деть?
Бог послал судьбу такую —
Значит, надобно терпеть.
Трын-трава! Никто не знает,
Для чего, куда идем.
Мама, знай: твой сын рыдает,
Вспоминая отчий дом.
Кто из нас в победу верит?
На войне мы, как в лесу.
Коль вернусь: святую жертву
Я аллаху принесу.
Тысяч пять солдат проходит
По развилинам путей.
В вечной думе и заботе
Мы о родине своей.
Ту лошадку, что осталась
У домашнего огня,
Запрягайте... Хоть бы малость
Вспоминайте про меня.
Боевое снаряженье
Весит много... Ах, отец,
Мы тут терпим униженья —
Возвратимся ль наконец?
По сибирскому пути мы
До японцев добрались.
С Оренбурга выходили —
От волнения извелись.
Гор японских дальний глянец —
Легких нету к ним путей.
В щель трубы подзорной глянешь —
Можно разглядеть людей.

У японцев, как чернила,
Грядки. Видно и межу.
Мне в двенадцать лет приснилось,
Как на фронт я ухожу.
Я сошел с вагона. С ходу
Пересел затем в седло.
Дни и ночи шли походом
В самураево село.
Узки в городах японских
Улицы. Ну а солдат
Столько, что не счесть их войско —
Вышли, будто на парад.
Черными столбами пышет
Дым в японской стороне.
Дни и ночи нас мурыжит
Враг — во сне иль наяву?
У любой помойной ямы —
При винтовке часовой.
Бросил царь нас в это пламя,
Всяк солдат тут сам не свой.
Я в мундире — будто нищий;
Давит душу чуждый край.
Ночью вся она трепещет:
Вдруг нагрянет самурай?
Нас в поход ведет дорога.
Вдалеке остался дом.
Вы жену там, ради бога,
Берегите в доме том!
Вот вернусь: в воротах встретит
Мужа верная жена.
Для солдата есть на свете
Только дом, жена, война...
Много близких... Писем только
Нет какой уж год подряд.
Вспоминайте хоть немного
Вы воюющих солдат.
Написал бы: возвращаюсь —
Нет приказа, как на грех.
Средь родных я всех несчастней
И отверженнее всех.
Вы, баит читая мой,
Не вините, ради бога:
Не предвидится дорога
В этом месяце домой.

18. БАИТ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

От царя пришел приказ,
Чтобы на сборпункт явиться.
Как врачам зашпорить глаз,
Чтоб от службы уклониться?
Чтоб нас обучить уму,
Усадили всех в обозы.
Удивлялись все тому,
Что солдаты лили слезы.
Сшитый в этом лишь году,
Пущен мой бешмет* на ветер.
Писано, знать, на роду:
Счастья мне не знать на свете.
Синий у тебя платок,
Алый у меня цветок.
Живы будем, то вернемся,
Лишь бы нам аллах помог.
Целый день дул ветер. Снег
Приставал к сырой одежде.
Плакали родные все,
В путь нас провожая снежный.
Как нас к поезду везли,
Вся душа моя пылала.
Ну а «Смирно!» изрекли —
Сердце будто в яму пало.
Лампа заперта в мечети,
А за окнами — метель.
В стужу, в снежной круговерти
Кутаемся мы в шинель.
И внутри огонь у нас,
И снаружи не угас.
Нет людей, чтоб словно мама,
Позаботились о нас.
Дашь топор — взмахну я с силой,
Чтоб полено разрубить.
Маму, что меня вскормила
Грудью, — как мне позабыть?
Этим летом жал я жито,
Утопая весь в поту.
Мне отец сказал: служи, мол, —
Пожалел одну копну¹.
Как явился на прием я,
Слезы застили глаза;
Буду ль вновь я в отчем доме,
Иль погибну тут, друзья?

Дверь приемной много уже,
Чем ляжет* для мертвецов.
Офицер в приемной душу
Рвет у будущих бойцов.
Ручка у двери приемной
Медью кована — не тронь!
А войдешь — и окрик громом,
И глазища — что огонь.
Дали нам картуз тотчас
И шинель потертую:
«Отправляйся, парень, в часть —
В третью иль четвертую!»
Путь, которым мне шагать,
Не усеян славою.
Мне домой бы убежать —
Войско слишком слабое.
Эй, друзья! О нас так много
Разглагольствует молва.
У солдат одна дорога —
В черной яме голова.
Ах, жена вдовой осталась.
Дети ходят в сиротах.
Доля горькая досталась —
Дома три голодных рта.
Жерди, как велит обычай,
В колья пущены — беда!
Тем, кто пал в смертельной стычке,
Лишь стервятник будет рад.
А через тринадцать суток
Оказались на войне.
Как не выгорит рассудок
У солдат в сплошном огне?
Было, чай, часов двенадцать,
Как нас к морю подвезли.
Бросились в атаку разом
На врагов чужой земли.
Бьет японец в нас ядром,
Порт-Артур² объят огнем.
Кто без ног, а кто без рук,
Корчится от смертных мук.
Шлют снаряды дни и ночи
Вражеские пушкари.
Трупы под ногой, как кочки,
Под ногой земля горит.

Оказавшись на горах,
Выбил подпись на камнях.
А проснулся утром рано —
От камней остался прах.
Уплывают в теплый край
Птицы перелетные.
Не забыть мне птичьих стай,
Души, с ними сходные.
А над городом Мукденом
Длинная торчит труба.
Наши воины мгновенно
Вверх забрались без труда.
Захотелось мне испить
Ключевой водицы.
Пули свищут: «Фить-фить-фить!..» —
Разве тут напиться?
Бомбы падают неожиданно,
Порт-Артур огнем объят.
От снарядов утром рано
Паника среди солдат.
Ах, корейская щебенка
Мне изрезала ступни.
«Молодцы!» — рвет голос звонкий
Командир, что нам сродни.
Шлют враги снаряды в нас.
Глаз съедает горький дым.
«Дай водицы!..» — умоляют
Раненые всех живых.
Ядра русские частенько
Не взрываются, упав.
Потому не до веселья
Нам у вражьих переправ.
Прут на нас японцы с лаем —
Увидали бы их вы! —
Куропаткин³ с Николаем⁴
Стоили нам головы.
Куропаткин, видно, сдуру
Осторожность позабыл:
Всю округу Порт-Артура
Он казаками забил.
Мы в дыму исходим стоном —
Жжет глаза, черт побери!
На снаряды и патроны
Обменяли нас цари.

Весть пришла от офицеров:
Отправляемся с утра;
Возле станции, где берег,
Собираться нам пора.
Ну а ночью отступили
Прямо к городу Сеул⁵,
Город весь заполонили —
В степь погнал нас есаул.
Взвился черный стяг. Надрывно
Барабан загрохотал.
А снаряды непрерывно
Враг-японец в нас метал.
Целился я из винтовки,
Но снаряд — и нам труба!
У японцев очень ловко
Получается стрельба.
Доктору до нас нет дела —
Не допросишься лекарств.
Умирать дает умело —
Даже и хинин не даст.
Раненый его вниманьем
Обделен — хоть помирай.
Молвит: «Ты не болен, парень!
А раз так — поди, стреляй!»
Много слов я исписал,
Голова раззудилась.
Закровянились глаза —
Или мне почудилось?
Завершаю свой баит,
Все слова использовал.
Сам пишу — слеза бежит,
Только что за польза мне?

19. БАИТ О ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Был приказ по всем аулам,
Красный послан был пакет:
Рекрутов послать под пули
И обжалованья нет!
В Порт-Артур ведет дорога.
Не видать вокруг ни зги.
Ах, забот у нас по горло —
Набекрень у всех мозги.

Я на лебедя наткнулся
За родимой стороной —
Нет милей такой обузы,
Чем в аул вернуться свой.
За аулом, в луговине,
Травостой у нас густой.
Поощряет бог терпенье,
По сему на нем и стой!
Выведа из Белебея,
Усадили нас в обоз.
Наши цепи поредели,
Вымокли глаза от слез.
В пятницу прочли молитву
И — куда глядят глаза —
Я б домой сбежал, да битву
Нам японец навязал.
Не в Уфе ли продается
Шкурка чудного бобра?
Нас отправили к японцам,
А от них не жди добра.
Камни — полказармы нашей,
Верх ее — кирпич сплошной.
Никакой нам враг не страшен,
Воротиться б лишь домой.
Озеро Байкал глубоко,
Вдоволь плавали мы в нем.
Ах, война к бойцам жестока —
Жжет и стужей, и огнем.
Затекли японцы злобой —
Рельсы гнут и шпалы рвут.
Сколько силы нужно, чтобы
Вынести наш ратный труд.
Крепость вражеская — в камне,
Не из меди... А внутри
Выстлана она телами,
Головами — ляг и мри!
В нас палят японцы сдуру,
Ядра бьют по Порт-Артуру;
Скот, оставшийся от нас,
Забирают в тот же час.
Декабря двадцатого
Порт-Артур захвачен был;
Полк наш, что там оставался,
Весь японец перебил.

Нет войскам врагов числа,
Мечь в Харбин их занесла.
По сто семьдесят солдат
В день теряли мы подряд.

20. ВОЙНА С ЯПОНЦАМИ

В тыщу девятьсот четвертом
Развязали мы войну.
Мирная одежда — к черту,
Знай солдатскую одну!
Я баит слагаю этот,
Чтоб напомнить о себе.
Шлют в огонь нас на край света,
Так угодно, знать, судьбе.
Думая о том, о сем,
Я пишу... Ах, что со мной?
Вспоминаю отчий дом
И о матери родной.
Этот мы баит сложили
Вместе — несколько солдат.
Обливались слезами —
Слезы выплакал я, брат.
Сочиняли так и этак,
Подбирали словеса.
Не получится поэта —
Рано выцвели глаза.
Как не выцвесть! Ежедневно
Прям с винтовкой в черный ад.
Мама! Слез не лей, и гневом
Не вскипай — жив твой солдат.
Прежде не бывала в тягость
Служба — весело шли дни.
В бой не гнали с черным стягом
И от смерти бог хранил.
Потерял надежду снова
Воротиться в отчий дом.
Юный месяц блещет, словно
Дразнит маминым углом.
Промолился я всю ночь,
Мысли мрачные гнал прочь.
А сказали: надо в бой —
Пал на землю головой.

Двое там моих детей
Без отца уж столько дней.
На холодной печке спят —
Детский сон да будет свят!
Говорит отец: готовься,
Запрягу коня в арбу.
Может, победим японцев,
Испытаем-ка судьбу.
Перед тем, как в бой идти,
Мы в мечети собрались.
Нам счастливого пути
Пожелал мулла-абзый*.
Помню, в дом вернулся с плачем,
Вышел мне отец навстречу;
Некому поесть подать —
Осерчали мы за мать.
Шестьдесят два человека
Было нас в прощальный час.
Плачут жены: не навек ли
Оставляете вы нас?
Как на фронт нас стали гнать,
Собралась в ауле рать.
На глазах замерзли слезы
От каленого мороза.
Успокоить их не в силах.
Плачут многие из нас.
Мать с отцом мне: «Кто в могилу
В путь далекий гонит вас?»
Мать-старуха, стар отец
Горбились, прощаясь с нами.
«Ах, японец-поганец,
Пусть бы всех их выжгло пламя!»
Эй, друзья мои, родня!
Каково вас покидать мне?
Отобрал, знать, бог меня
Для российской нашей рати.
День и ночь душа стенает
Оттого что я солдат.
Не горюйте, что рыдаю
Много месяцев подряд.
Эй, приятели-друзья!
Что мне делать в разлученье?
Прошлое вернуть нельзя,
В будущем — одно мученье.

Утверждают, что японца
Разобьем мы, наконец.
Даст аллах: домой вернемся,
Не горюйте, мать, отец!
Вышли из дому родные
В дальний город провожать.
Дети смотрят сиротливо —
Как душе не задрожать?
Сын, две дочери со мной
Долго шли одной тропой,
Плача... Подал им конфеты,
Словно нищим, часовой.
«Папочка, не покидай нас!» —
Умоляют... Сам не свой,
Выжимаю беспрестанно
Свой платок я носовой.
Ах вы, деточки! Не знаю,
Что и делать... Все вразброд!
Как мне быть, коль забирают
Папу вашего на фронт?
Вешаются мне на шею:
«Папочка, не уходи!»
Ну а мать сует копейку:
Пригодится, мол, в пути.
Перед тем, как на машину
Усадить, мы встали в строй.
«Где наш папа!?» — дети ищут...
Что за мука, боже мой!
Провожать пришли родные
И родители мои.
Дали деньги запасные
Мне из жалости они.
День буранный, снег и слякоть,
Не видать вокруг огня.
Сел в машину — стали плакать
Провожавшие меня.
В тридцать три ушел на фронт я...
Провожали стар и млад;
Тем, что плакали все громко,
Недоволен был мой сват.
В путь-дорожку снарядили,
Нам тряпье свое отдав.
Тыщи полторы забили
Рекрутов в пустой состав.
Ночь темна. Морозом дышит.

Холод все вокруг сковал.
Сквозь метель-пургу не слышим
Мы прощальные слова.
Кто к вагону прицепился,
Кто свалился на ходу.
А состав наш устремился
Вдаль, чтоб догореть в аду.
Муж живой — жена вдова,
Жив отец — в сиротах дети...
Эти жуткие слова —
Есть ли горше их на свете?
А «Боже царя» раздался —
Я заплакал, не стерпев.
С отчим домом расставался
Я под горький тот напев.
На сносях жена осталась,
Вся в слезах... Нас увезли
В город Дальний, где лишь скалы,
Море бьется в край земли.
В час грозы, под грохот грома
Уезжали мы без сна.
Получил я весть из дома:
В родах умерла жена.
Четвертого декабря
Наша армия скорее,
С чувством дружбы и добра,
Всю заполнила Корею.
А, Корею наводнив,
Повелись с китайцами.
Перестрелку чрез пролив
Повели с японцем мы.
Уходил на фронт — был глуп я,
Но в сраженье — поумнел.
Палец мне отшибла пуля —
Я от ужаса присел.
На солдат наводит ужас
Куропаткин-генерал.
Только крикнул: «Взять оружие!» —
Я чуть в обморок не пал.
Всюду русские солдаты —
Только глазом поведи.
Всюду посвист пуль проклятый,
Ядра бьют — не приведи!
Как поднялся черный флаг,
Так ударил барабан.

Нас снарядам лупит враг,
Стонут рекруты от ран.
Ночью мы ворвались в город
По названию Сеул.
Было нас там слишком много —
Каждый малость отдохнул.
Ровно через тридцать шесть
Дней вошли мы в Порт-Артур.
Нам не дали пить и есть —
Ощипали нас, как кур.
Порт-Артур мы покидали
Третьего апреля вновь.
Верст полтыщи убегали
И зализывали кровь.
Восемнадцать дней торчали
У большой реки Ялу;
Понемножку отвечали
На японскую пальбу.
По реке Ялу замерзшей
По-пластунски мы ползли.
На ноги вскочив, япошек
Гнали прочь от той земли.
«Молодцы!» — кричал нам звонко
Бравый русский командир.
Ах, маньчжурская щебенка
Мне ступни секла до дыр.
На земле маньчжурской снег
В полтора аршина.
Мы японцев били вслед
По грузовым машинам.
Бьет «япон» сквозь черный дым —
Только пышет пламя.
Это все нам, молодым,
Представлялось снами.
Проходя Ялу-реку,
Отморозил ноги.
Видеть это на веку
Довелось, о боги!
Как начнут лететь снаряды,
Смерти ждем со страхом.
Как приказ получим, рады
Из винтовки бахать.
Дни и ночи слух терзают
Выстрелы и залпы.

Что же за война такая —
Нет конца ей, краю!
Не раскрыть глаза в буране
От тоски и скуки.
Вдруг заплачешь утром рано,
Чтоб утешить муку.
Сколько лезли на курган,
Снова отступали.
В дол с названьем Ляоян
Сколько раз вступали.
Свист снарядов не смолкает,
Аж захватывает дух.
Как команда настигает,
Все браним на свете вслух.
В камышах, в грязи мы вязли
То по пояс, то по грудь.
Бил японец в нас, зараза,
Всех охватывала жуть.
Рвань штанов, куски рубашек —
Чтобы тело покрывать;
Дай-то бог терпенья каждому,
Кто здесь должен воевать!
Мой картуз на голове
Издырявлен, словно сито.
Ах, тут не расти траве —
Бомбами земля изрыта.
На отрогах Ляояна
Бой кровав был и жесток.
Дни и ночи бились рьяно —
Нам помочь мог только бог.
Лошади в трясине тонут,
Коль средь камышей идешь.
От разрывов люди стонут.
По земле проходит дрожь.
Продвигались к Сахалину,
Нас несла река Амур.
Только фронтное пламя
Возвратило в Порт-Артур.
Подоспел к нам на подмогу
Казаков лихой отряд.
Обещали бить жестоко:
Пусть японцы, мол, дрожат!
Наши русские солдаты
Забрались на гребень гор.

А японцы в час заката
Выставили флаг в упор.
С города видна Востока¹
Высоченная труба.
Наши забрались высоко —
Там, где горная тропа.
Весь камыш за полчаса
Вспыхнул — погасить нельзя.
А стрелять японцы стали —
Не знаменье ли конца!?
Здесь три месяца подряд
По воде бродил отряд.
Выбили из Ляояна
Мы японцев — каждый рад.
Броненосец наш уверен
Был: китайцы путь дадут.
Кто б подумал, в самом деле,
Что ударят в нас и тут?
Море Желтое штормит —
Волны все покрыли.
В хутор, что водой омыт,
Мы тогда вступили.
По воде бродили. Ноги
Измарались в грязи.
Маяка не видно ночью
Ни вдали и ни вблизи.
Я стоял на карауле —
Рядом взорвалось ядро.
Утонул вдруг крейсер в гуде,
Не от мины ль шум и гром?
В тыл японский миноносец
К нам зашел; на море том
Мины нам в подарок бросил
И к себе ушел потом.
В день студеный нету мочи —
Не спасешься в камышах.
Бьют снаряды дни и ночи —
Грохот их в моих ушах.
На маньчжурской стороне
В полтора аршина снег.
Мы занять хотели место,
А японцам стало тесно.
Веки не разлепишь — холод,
Мгла крошечная кругом.

Уши уловить не могут
Слово грозное: «Бегом!»
Тяжко нам пришлось весною —
Нет припасов и воды.
Каждый думает: «Домой бы! —
Все подальше б от беды!»
Натерпелись мы с лихвою
В той японской стороне.
Не война была, а бойня,
Век ее б не видеть мне!

21. НАЗЫМЫ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Первый назым

С «бисмиллы» я начинаю свою повесть.
Сам писал ее — из глаз катились слезы.
Столько мук я перенес в просторах этих —
Пусть господь один и будет им свидетель.
Будь бумага и перо благословенны.
Я решил послать привет с земли забвенья;
О своем хочу сказать вам положенье,
Изложить его в печальном мунажете.
Разлучась с родными, близкими, почуял,
Что душа ушла из тела — вот причуда!
Не осталось в нем живой горячей крови...
Кто поможет нам в беде под чуждой кровлей?
Праведная голова моя в печали,
Некому подать мне руку — не иначе.
Я один здесь — сам и жертва, и палач я,
Боже правый, на чужбине что я значу?
Много жизнью погубил огонь военный.
Лица красные: мертвея, пожелтели;
Пожелтели от тоски на той сторонке,
Где остались отчий дом, жена, ребенок.

Коль родные ваши лица б вновь увидел,
Все мученья я забыл бы и обиды.
Провиденье! Разлетелись мысли прахом —
Я войну узрел по милости аллаха.

Нет тут близких и родных — лишь чувство страха,
Дай терпенья! — все молю я тут аллаха;
В этой бойне потерять все суждено мне,
В дом родной вернуться, видно, не дано мне.

Иль всю жизнь мне здесь в крови тонуть и стоне?
Боль разлуки позабудется ль, о боже?
Ах, приятели, с кем рос в краю родном я,
Ах, товарищи, друзья мои по дому,
С кем резвился я под молнией и громом,
Вы остались все на родине, похоже.

Коль перо возьму, словам моим конца нет,
Не хватает ни чернил мне, ни бумаги.
Изливаю боль сведенными устами,
Час придет ли — и уйдет беда, о боже?

Коль умрем, откуда почестей дожидаться?
Кто нам саван* даст и кто проявит жалость?
Еназу прочтет, схоронит?.. Где лежать нам?
Помоги в терзаньях горьких нам, о боже!

Знаю: смерть придет к любому неизбежно;
Избежать ее хоть как-то нет надежды.
На войне внезапной смертью будь утешен...
Сохрани и перед смертью честь, о боже!

Ах, родные! Знать бы вам мои страданья,
Вам понять бы сил душевных увяданье.
И войне, и смерти, право, отдал дань я,
Боль наружу вышла уж давно, о боже.

Одинок я среди всех — здесь все чужие,
Не поймут они ни слова — среди лжи я,
Вот и плачу, в сердце — раны ножевые...
Прояви же волю правую, о боже!

Возвратятся ль в край родимый души наши
(И отведаем мы супа там и каши)?
(Высохнут ли слезы на ресницах влажных)?
Ниспошли нам милость высшую, о боже!

Вы баит мой сберегите, как наследье,
Несчастливейшего помните на свете,
Будем живы — мать родную дома встретим,
А пока надежды нет во мне, о боже.

Прочитайте то, что здесь мы изложили,
Пусть покажется вам, будто все мы живы.
Вас увидеть бы, глаза свои смеживши —
День настанет ли, чтоб встретиться, о боже?

Знайτε: жив пока ваш сын на поле битвы.
Будем живы — возвратимся в дом забытый;
Не вернемся — помяните нас в молитве...
Дай родителям помощников, о боже!

Назым второй

...Напишу-ка вам баит я —
Не примите лишь в обиду.
Трупы мы на поле битвы...
Где же правда, о расулла*?

Взял перо, засунул в тушь я.
Взял перо — утешить душу,
Мунажат сложить о дружбе,
Справедливости, расулла.

Птицу по названью «лебедь»
Из ружья стрелять не станут.
Средь родных, как птицу в небе,
Родича искать устанут.

Как усну — во сне вас вижу,
И в одно все думы нижу;
На войне мы — только мыши,
Справедливость где, расулла?

Что мы знаем друг о друге?
Мы в войне — живые трупы;
Голова у всех нас кругом...
Справедливость где, расулла?

Весь железо я снаружи,
Изнутри огонь жжет душу.
Суть свою не обнаружу,
Справедливость где, расулла?
Нас свезли на поле боя,
Где враги стреляли стоя;
На войне мы все изгой...
Справедливость где, расулла?

В Юшатыре, речке нашей,
Холодна вода... Но краше
Где отыщешь, если даже
Справедливость даст расулла?

Был Судьбы указ суровый:
Нас в солдатские оковы
Заковать, и в край ледовый
Нас отправить, о расулла.

Воротился б в отчий дом я,
Пояс затянув ремнем бы, —
Не найти и днем с огнем мне
Справедливости, расулла.

Назым третий

Я возьму листок бумаги —
Бог поможет мне всегда;
Положение бедняги
Вы узнаете тогда.
Буду мысли я тревожить,
А перо все их изложит;
Ад — здесь;
Бог да нам поможет!
Расскажу вам все, как есть я,
Ну а вы внемлите мне;
И прощайте, если вести
Не дойдут к вам о войне.
И не забывайте нас вы,
Помните в молитвах нас,
Так же, как и помним вас мы —
Каждый миг и каждый час.
Что бедняге остается:
От врагов нам достается
И огонь сжигает нас.

Назым четвертый

Горькая судьба моя
Пусть для вас уроком станет.
Прочь уносит жизнь моя
В пустоту во вражьем стане.
Голова моя больна
От безмерных лихолетий —
Тянет в край родной она,
В самый лучший край на свете.
Расставания — не тронь!

Выжгло оно мою душу,
И ее уж не потушит
Разлучения огонь!
Мучит так мученья жар! —
Охладить ее попробуй;
Не достойней ль, чуть дыша,
Выцедить слова из крови,
Чтоб погубленную юность
Донести до вас с любовью?
Осените их с молитвой,
А коль надо — челобитной.

В плен к врагу я угодил —
Родина вдали осталась;
Жить здесь вынужден я был,
С прошлых дней оставив малость:
Боль вчерашнюю в груди,
Думы долгие в пути;
Так молитвой помяните,
Чтоб я мог еще идти.

Ах, родные, умоляю
Вас я Господом самим.
На пути калек встречая,
Окажите помощь им!
Если б дома оказаться,
Все бы вам я рассказал:
Гибель — с родиной расстаться —
Кто б здесь помощь оказал?
Суждено мне здесь быть нищим
Жизнь бездольную влачить.
Дома жил бы хоть без пищи —
На земле б родной почить.
Вырвусь ли когда из плена,
Ворочусь ли в отчий стан?..
Весь в слезах я неизменно,
И молитва — на устах.

Назым пятый

Алла, вернулся б вновь домой я,
Молился б предкам день-деньской я;
О, брат родной!

Тебе привет я посылаю,
Пером не сказанное дополняю.
Лишь только вы получите посланье,
Ответ пишите — буду полон ожиданья.
Перо велит: что не сказал пока,
Пиши! — пусть будет для читающих строка.
Писал бы, коль... Но где же ваши вести?
Лью слезы — разве тут до новостей?
Писал бы — нет в чернильнице чернил...
Когда б Алла вернуться нас благословил!

Назым шестой

...У японской ручки стержень
Выплавлен из серебра;
Тех считать, кто здесь повержен,
На войне — не для пера.
У японского седла
Шелком вышит весь подхвостник.
Бьют снаряды в нас с утра.
Убывает наше войско.
Караван идет по солнцу,
Грунт песчаный ноги жжет.
Что ни день, пять тыщ японцев
В даль морей выводят флот.
Японскими кораблями
Море все полным-полно.
Весь кошмар войны пред нами —
Видно, так уж суждено.
Как появятся японцы,
Ими вся земля полна.
Нету здесь числа их войску —
Ни покоя нет, ни сна.
Бьют снарядами с утра,
Сотрясается весь мир.
На земле от крови — лужи,
Все вокруг — кровавый пир.
Сочинял пока баит свой,
Мыслей стягивался круг.
Измарались кровью лица —
Кто без ног тут, кто без рук.
Чрез реку Ялу непросто
Перейти кому-то вброд.
Мучит жажда, льются слезы

Посреди текущих вод.
Вон читают вслух газету
Христиане, сбившись в круг;
Не комедия ли это? —
Кто без ног тут, кто без рук.
Нас из города Мукдена
Бросили японцам в пасть;
Помолитесь в отчих стенах,
Братья, чтоб Аллах нас спас!
Поутру лицо умыл я
И винтовку в руки взял;
Суждено б такое было,
Чтоб я радость испытал?
Не горюйте, что уходим
В бой — глядишь, и повезет!
Обжигает зной нас в полдень,
По ночам — мороз дерет.
Мы чугуною дорогой
Следуем по городам;
Помолитесь, ради Бога,
У себя за нас вы там.
С гор высоких там и тут
В нас снаряд японцы шлют.
Кто без ног, а кто без рук —
Корчатся от страшных мук.
Всюду трупы — невозможно
Среди них ступить ногой;
И живым вернуться можно
С фронта, коль дано судьбой.
Я писал байт в машине,
Усмиряя боль в груди;
Если много в нем ошибок,
Брат, пойми нас и прости.
Начисто пишу я снова свой байт.
Жалобы коль будут в нем
И ошибки... Знай, что скован
Дух мой пред кровавым днем.

22. БАИТ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

В день гаита мунажат свой сочинил я,
У аллаха божьей милости просил я,
Написал я мунажат, припомнив маму,
Ворша свою ветшающую память.

Эй, друзья, увидеться бы снова с вами,
В стороне родной пройтись бы нам лугами;
Мунажат свой дать родному б человеку,
Не испытывал раскаянья б вовек я.

Эй, друзья, творя молитву, не забудьте
Нас, страдальцев, что оглохли от орудий.
Коль был грешен, все грехи мне отпустите,
Именем аллаха дух мой освятите.

Ах, друзья! Расставшись с вами, стал я болен —
Отделился дух от тела поневоле;
Не осталось красной крови в этом теле,
Одуванчиком вся кожа пожелтела.

Пожелтело все лицо, что было алым,
И бессонница ночами обуяла;
Кабы раз увидеть снова ваши лица,
Я забыл бы беды все и стал молиться.

Кончатся ль когда-нибудь мои терзанья,
Иль даны они как божье наказание?
Оградить себя от мук смогу ль, о боже?
Иль огонь разлуки будет век меня тревожить?

За перо ль возьмусь — бумаги не хватает,
Боль и горечь все никак не покидают.
Знать, кровавые не высохнут уж слезы...
Боже, дай терпенья в зной мне и в морозы!

Вдалеке мои родители остались,
И с друзьями, и с родными мы расстались.
Там — жена моя любимая и дети,
Им сиротами придется жить на свете.
Ах, друзья, послал я вам приветы-письма,
Вспомнил каждого, кто дорог мне и близок;
Если спросите, писал, мол, кто, смогу ли
Мухаметвафа назваться, Сафиуллин?

Сколько б ни писал я, горечь не убудет;
Мунажат мой вскоре каждый позабудет.
Вырви из объятий бед меня, о боже,
Чтоб я отдохнул, как все, свободно тоже!

Да известны будут всем мои старанья —
Ах, сполна им в этом мире отдал дань я.
Прочитав мой мунажат единым духом,
«Мухаммадию»¹ читать вам и «Юсуфа»².

Тот, кто видел, испытал с мое, поймет все,
Кто не видел — лишь небрежно усмехнется.
В чей подол падет огонь — тот и страдает,
Но огонь разлуки хуже — все сжигает.

Сон кошмарный для меня война такая.
А солдатская шинель — что участь злая.
Видно, то, что предназначено аллахом,
Испытать мне суждено в слезах и страхе.

Красный мне пакет вручили: мол, обязан
В Белебей явиться срочно по приказу.
А явился — Судный день устроил Боже —
Упаси вновь оказаться в роли той же.

В пору чудную покинули мы край свой,
Соловьи звенели яростно и страстно.
Ах, как трудно уезжать от них куда-то! —
Посчастливится ль вернуться к ним обратно?

Простояли мы три дня в том Белебее,
Ждали, чтоб в дорогу выйти поскорее.
Декабря десятого повез нас поезд:
Боже, ждет нас испытание какое?

Я четыре с половиной года, было,
Прослужив, домой вернулся. Не забыла
Власть меня — опять призвали. К Оренбургу
Повезли — кто нынче драть мне будет шкуру?

Ах, какие шлет аллах нам испытанья!
Зной и холод, и собачье пропитанье.
Обливаемся кровавыми слезами —
Господи, свое облегчи наказанье!

Что ни день — проходит он для нас впустую;
Там — недели, годы... Жизнь вся вхолостую
Год за годом уплывает. Мы седем,
И ряды моих товарищей редеют.

Ах, минуют весны, осени и зимы!
Летом снова соловьи поют красиво.
Если в ляжке ты солдатской — как утерпишь?
Дай терпения, о боже, дай терпенья!

Разлучили нас с семьею и друзьями,
Предоставлены теперь себе мы сами.
Наши сверстники живут себе, не тужат
В отчем доме... Дай терпенья в жар и стужу.

А японцы — уж такой шальной народец!
И в руках у них оружие на взводе.
А снаряды, словно молнии, играют
И за тридевять земель нас убивают.

Бьют снаряды, словно молнии, в полете
Дрожь по гребням гор и по холмам проходит.
Мотыльками души грешные трепещут —
Судный день нам предрекает голос вещей.

Сколько горя принесла война нам эта!
Мы с винтовкой спим зимой, весной и летом.
Никогда сухой одежда не бывает —
Все ж на чудо вера в нас не убывает.

Где уж тут намаз читать, держать послушно
Уразу, когда от гари в небе душно?
Так за нас намаз читайте утром ранним,
Умоляю вас я, братья-мусульмане.

Нам вернуться суждено ли в край родимый?
Помнят ли там, иль забыли даже имя?
Высохнут ли на глазах однажды слезы,
Иль убьет нас зной и выстудят морозы?

Сберегите вы байт мой, как наследье,
Написал калека бедный строчки эти;
Коль в живых останусь я, вернусь однажды,
Боже правый, будь мне ангелом и стражем!

Прочитайте вы байт мой, и, как будто
Вновь увидите меня — каким стал тут я.
Если б знали вы, как я истосковался —
Час придет ли, чтоб я с вами повстречался?

Ах, родные, будьте живы и здоровы!
Даст аллах, и под родной вернемся кров мы;
Не вернемся — помяните нас в молитвах
Земляков на землях, богом позабытых.

Боже сам нас вверг в военную пучину.
Сколько нас враги сразили беспричинно!
Были лица у нас алые — и что же? —
Пожелтела одуванчиком в нас кожа.

Боже, как моя головушка несчастна!
Оказался к страшной я войне причастен.
Тяжело, когда товарища нет рядом —
Одинокому война — лишь пламя ада.
Что «япон» проклятый в мире этом хочет?
О захвате мира русский царь хлопочет.
Или бии* так и будут жить в блаженстве?
Так и будем мы у них считаться в жертвах?

Богачи пьют в Петербурге и не знают,
Сколько здесь на поле боя умирают.
Мрут от голода в аулах наши дети.
Сколько нищих в городах! — Кто нам ответит?

Дети байские не служат и не тужат,
А на долю бедняков — военный ужас.
За их счет жиреют разные пройдохи —
С их стола нам достаются только крохи.

На войну одних погнали, а другие —
В казематы расфасованы сырые;
Остальных найдешь на каторге — распятые.
Вам, наследные Романовы, — проклятье!

Бог прикажет, чтоб все в мире изменилось;
Даст аллах и обделенным свою милость.
День такой придет, и вас тогда не станет, —
В прах сотретесь в черной бездне мирозданья.

23. ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Эй, друзья! Что ощущаю я, спросите,
В печь горящую при этом загляните, —
Вот такое и в душе моей, поймите!
Что внутри, то и наружу так и рвется!

Я — один, я одиноко среди кафыров,
Не найду согласия с ними в этом мире;
Ах, однажды бы мне вылезть из мундира —
Снова в небе засияло бы мне солнце.
Возвратимся ли в сторонку мы родную?
За порог вступлю ль и супа прихлебну ль я?
Высохнут ли слезы, что на фронте лью я?
О алла, освобождение вернется ль?
Как завет, вы мунажат этот примите,
А прочтете его, вспомните калеку.
Ежечасно вспоминайте нас с молитвой,
Пусть на нас благословенье ваше льется.
Развернув, читайте громко наши письма,
Вновь увидите как будто наши лица.
Забрала тоска! Увидеть бы вас близко —
Ах, когда же нам день встречи улыбнется?!
Вам здоровья и удачи, наши дети,
Свидимся, даст бог, еще на этом свете,
Поминайте нас, намаз творя в мечети.
Пусть нам вечность долгой жизнью воздается.
Я в печали написал письмо привета,
Божий дух диктует мне посланье это;
Если имя мое спросите, ответ мой:
Пленник Шахигали — вот так оно зовется.
Лягу спать — бессонница все ночи гложет,
Тыщи дум меня терзают и тревожат;
Сон приснится ль — все одно и то же:
Дом, семья... Проснусь — и сердце оборвется.
Ничего нет тяжелее, чем разлука.
Оказался там я, где сплошная мука.
Дни и ночи льются слезы от недуга;
Победил японец нас, теперь — смеется.
Все приятели — кафыры. Ем я пищу,
Ту, которую у нас и не отыщешь...
Умереть, коль суждено тут, о, всевышний,
Пусть твое прощенье высшее прольется.
Мой отец платком заветным вытер слезы.
Мои дети изгибаются, как лозы;
В заточенье слышу ругань да угрозы...
Ах, откуда в нас терпение берется?
Здесь возможно нам описывать лишь правду,
Проливать тут слезы всяк имеет право...
Только харч — с одной китайскою приправой —
Гаолян³ с шумизом⁴ вечно подается.

Подают порою пленнику свинину,
Для кафыров — это просто именины!
От блаженства они жмурят глаз орлиный.
О алла, твое прощенье пусть прольется!
На том месте провели три дня мы вместе,
Накопились тыщи две, наверно, здесь мы.
Каждый занят своим горем, всем известным,
А оно — лишь в наших письмах познается.
А потом нас рассадили по машинам,
Пригрозили: всех кончаем, коль сбежите;
Сердце страхом, словно пулями, прошили —
Сочинил байт... К вам скоро ль доберется?
Ну а днем нас привезли в японский город,
Страх нашел — иль расстреляют тут нас скоро?
Что судьба нам уготовила не в пору? —
Говорят, что суждено, то и дается.
По дороге на японцев мы глядели,
Поглядев на их мордашки, обалдели:
На чертей они похожи, в самом деле.
Много дал бы, лишь не видеть бы японцев!
Цвет у них желто-коричнев; все в лохмотьях,
За спиной ребенок — даже на работе;
Трудится японец с ношей в черном поте —
Потому спина горбом, когда прогнется...
Справедливым быть: работ невпроворот тут,
Лишь такой, как в нашем доме, нет работы.
Что писать о том, коль это их забота?
Пусть в душе, как сон кошмарный, остается.
Путешествие запомнится надолго,
Даже гусь не избрет туда дорогу,
Уповаем мы надежду лишь на бога.
Ждут бараки нас, где пленным жить придется.
Охраняют нас с винтовками солдаты,
Их дома сторожевые с нами рядом,
Мы всегда тут под их бдительным приглядом,
И острогом это место тут зовется.
Тут и зажили две тысячи мы пленных,
Восемьдесят надзирателей отменных,
Ничем лишним не займешься в этих стенах —
Очень зорко наблюдение ведется.
По три раза кормят рыбой нас вонючей,
Скажешь слово — в морду сразу же получишь,
Оградили всех нас проволокой колючей;
Птицы в клетке — вот как все это зовется.

Наши просьбы остаются без вниманья,
Наши лица пожелтели от страданья,
Птицы в клетке — таково здесь наказанье;
Наша участь, не дай бог, кого коснется.
Пролетели весны, осени и зимы,
Пролетели утки, гуси в небе синем,
Своим криком нам сердца они пронзили;
Ну а нам молиться богу остается.
Не такие у японцев и деревья,
Соловьи здесь по утрам роняют трели,
Их послушаешь — и слух звенит, и зренье —
Как откликнется, так тут же отзовется.
Спать ли лягу — погружаюсь тотчас в думы,
Как задумаюсь — предстанет мир угрюмым,
А усну — к себе домой стремлюсь безумно,
Просыпаюсь — ох, все то же в небе солнце!
С каждым днем страданья наши все сильнее.
Как узнаешь, так язык во рту немеет.
Жив вчера — в постели нынче коченеет...
Схоронить его лишь только остается.
Пожелтели от терзаний наши лица,
По ночам сторонка милая лишь снится.
Год прошел, как Бог судил мне здесь томиться.
От писаний не смягчатся наши беды,
Не прибавится чернил в темнице этой;
Не вернувшись в край родной, не зная нам света,
Ах, когда же возвратиться нам придется?
Пусть проявят наши близкие терпенье,
Может, ниспошлет аллах благословенье?
Так молитесь за мое освобожденье —
Глядь, аллах на ту молитву отзовется.

24. ТОСКА СОЛДАТА

Дом родной вдали остался,
Я с детьми навек расстался,
И тоска объяла сразу...
Что же мне, скажите, делать?

Я в стране своей бродил бы,
Восторгаясь ее дивом.
Только где здесь справедливость,
Что же мне, скажите, делать?

По семье истосковался;
Ах, одним взглянуть бы глазом
На детей своих прекрасных!
Что же мне, скажите, делать?

В час, когда на ветках почки
Зеленеют дни и ночи,
Ты явись ко мне, сыночек!
Что же делать мне, скажите!
Слышишь, как под самый вечер
Соловьи поют над речкой,
Как сдержат напев сердечный?
Ах, как сердце замирает!

* * *

Отчий дом далек,
Здесь я одинок.
Дай терпенья мне
В чуждой стороне.

Милый мой отец,
Где ты? Дай мне весть.
Где вы, сын и мать?
Где мне вас искать?

Где мои друзья?
Ах, терзаюсь я.
Под печаль свою
Молча слезы лью.

25. ПОРТ-АРТУР

Взяли в рекруты меня,
Стан мой стонет от ремня.
Провожая, лили слезы
И родные, и друзья.

За спиною — Оренбург.
Нас направили в Иркутск.
Будете намаз читать —
Вспомните отец и мать.

В гору я полез скорей
Диких пострелять зверей.
Царь призвал нас, чтоб отправить
На войну своих детей.

Кто-то кинул палку вон
На гору, под небосклон;
Против нас, детей несчастных,
Объявил войну «япон».

Лодка вьется на волне,
На байкальской стороне.
Ах, шинель моя, пожалуй,
Станет саваном на мне.

В чугунке походном бродит
Каша — пальцы облизать!
Ах, куда солдат приводят,
Где и птицам не летать.

На гору я влез высоко,
На японский мир гляжу.
Лет в двенадцать видел сон я —
Как на битву ухожу.

Каблуки сапог солдатских
Высоки... Эх, в те года,
Что дарить могли бы ласки,
Нам — одна только беда.

От снарядов рвется сердце,
Так и бьется вперебой;
Есть патроны, есть винтовка
И лопата под рукой.

В нас враги снаряды шлют,
В лоб по Порт-Артуру бьют —
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

Порт-Артур японцы взяли.
Перешел к ним и Харбин.
Так от века воевали —
Раб ты или господин!

V. Русско-германская война 1914 г.

26. БАИТ РУССКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ

Лето. Тыща девятьсот
Да четырнадцатый год.
Началась война в дни жатвы,
Когда в поле был народ.
Пень на горке — не пинай,
Император Николай;
И за наш баит крамольный,
Ради бога, не сердчай.
Немцы в нас снаряды шлют,
Те, что камни в щепки бьют.
Ты до этого довел нас —
Тысячами люди мрут.
Вечный глад душил наш край —
Хоть ложись да помирай!
За бесценок всех нас продал
Распроклятый Николай.
Если в бой ведут пути,
Командиры впереди;
Николай нас в ад ведет,
Не в огонь, так в воду шлет.
Бесконечна карусель —
Нас засунули в шинель.
Ну а байские сыночки
В отчем доме мнут постель.
Я Рыжуху привязал
Возле дома у ворот.
Край родимый покидал —
Ворочусь, мол, через год.
Нас в Варшаву привезли
Шляхами родной земли.
Мама, сына на чужбине
При молитве помяни.
Из Варшавы да в Архангельск —
В ночи превратились дни;
Вот теперь в окопах гаснем,
Смерти ждем здесь без вины.
Из Архангельска опять же
Нас в Салонники ведут.
Здесь в ученьях душу тешим,
Нрав начальства зол и крут.

В январе ввели в сражение,
Сердце замерло в груди;
Ах, в бою — не на ученье —
С супостатом не шути!
Разожглась с приходом нашим
Битва на смерть — не на жизнь.
Хоть бывало очень страшно,
В рукопашной мы сошлись.
Бились ночью мы и денно —
От верхов и до низов.
Мощь трех наших батальонов
Стоит целых корпусов!
Меж боями варим кашу
Мы в солдатских котелках;
Ах, головушка ты наша,
Не снесем ее, аллах!
Продали ее французам,
Под снаряды подвели;
Голова для нас обуза
На полях чужой земли.
Мы валяемся в окопах,
Клонит посвист пуль ко сну.
Испытали боль и злобу
Мы в германскую войну.
Нас на отдых отпустили,
Чтоб избавить от беды.
В Сараучах нас сгрузили —
Нет в других местах воды.
На заре, часа в четыре,
Мы отправились в поход.
Но как будто что забыли —
Снова возвратились в форт.
А потом — опять походы,
Ох, от сухарей першит!
Месяц с лишним из болота
Добывали камыши.
Нагрузившись камышами,
Снова двинулись назад;
К сослуживцам обращались,
Чтоб не рвались в этот ад.
Выдвинули делегатов,
Чтоб в Россию отослать,
Чтобы выбраться из ада
Надо душу здесь отдать.

Делегаты — все, как есть,
В мать-Россию. Ну а там
Всех их скопом — под арест,
То есть, в назиданье нам.
Было восемнадцать их,
Двое прибыли в живых.
Новости пересказали —
Ах, останемся ль в живых?

Мы тут сами начинали
Толковать о том, о сем —
Шепотком, чтоб не слышали
Разговор ведем о чем.
Самых смелых расстреляли:
Не болтали чтоб потом;
Прочих всех арестовали,
Увели от нас тайком.
О, российские солдаты
В славе доблестных побед!
Ах, российские солдаты —
Ищут корку на обед.
Ах, российские солдаты
Чужакам подчинены.
Непослушных бьют по заду
Безо всякой их вины.
Не страшна угроза смерти,
Как медведи — наша рать!
Заставляют, как медведей,
Командиры нас плясать.
Каждому из нас — намордник,
Понукает, кто горазд:
«Эй ты, ну-ка, руссиш, трогай», —
Словом втаптывают в грязь.
Нет дружнее нас на свете!
Командиры гонят в бой:
Мол, не бойся, русский, смерти,
А помрешь — поможет бог.
Ах, российские солдаты,
Держат в карцере солдата,
Охраняет часовой —
Слишком дорогая плата
Посудачить меж собой.

Утром глядь: как Газазилы
Выстроились сторожа;
Слово вымолвить страшимся,
Стужей залита душа.

Жрут японские солдаты
Добытых в трясине жаб.
Мы смеемся: чем богаты,
Тем и рады, коль ты раб.
Наших воинов — умора! —
Встретил по пути француз.
Значит — наступленье скоро...
Будь ты проклят, наш союз!
Не видать вокруг ни зги.
Счет я суткам потерял.
И шинельки сапоги
За полбулки обменял.
Хлеб француз несет. От нас
Франков требует тотчас;
Отдаем, что есть, иначе
Голод выклюет нам глаз.
Повести в атаку чтоб,
Выгоняют из палаток,
А не хочешь — пуля в лоб!
Утопаем мы в болоте:
Сверху — ливень, снег и град.
Не сочтешь убитых в роте —
Умирают все подряд.
Без еды вконец опухли,
Третий день грызем кору.
С голоду, как куры,дохнем,
Ну а я от жажды мру.
В заграждении нас было
Тыщи, этак, полторы.
Жутких снов тех не забыл я —
Снились змеи да цари.
Ах, бураном нас заносит,
Как могила нам — окоп.
Холод да болезни косят
Нас, в земной бросая гроб.

За «Отечество» пять лет
Мы сражались без побед.
Кто заранее знать мог,
Что нам быть без рук, без ног?
Убеждали: мол, «герман»
Заскулит, как пес, от ран.
Только ранены-то мы —
Как спастись от кутерьмы?
Сколько лет сражались —
Для кого старались?

Море пролито крови...
О алла, нас сохрани!

За зимой весна пришла,
Вешняя вода стекла.
Вместе с вешнею водой
Наша кровь стекла рекой.
Гнали нас в войну, как скот,
Глотку драли: мол, вперед!
Кто погиб — остался тлен,
Кто попал к германцам в плен.
Сколько пройдено дорог,
Сколько стоптано сапог!
Суждено, знать, на войне
Пасть на гиблой стороне.

Сколько времени мы бились
За проклятый русский трон.
Ни черта мы не добились —
Всюду только кровь да стон.
Вдруг нагрянули гурьбой
К нам ораторы. «Долой —
Говорят, — царя! Покончим
С этой глупою войной!»
Как тому призыву рад
Был у нас любой солдат.
С пулеметом на расправу
Приведен был к нам отряд.
Стали всяко избивать,
Вновь в атаку призывать.
Но ответили мы гневом —
Кто б нас мог тогда унять?
Кое-кто кричал: «Давай
Мира нам! В родимый край
Отпустите!..»
Весть пришла вдруг:
Сам отрекся Николай!
Наши головы он жрал —
Трон свой царский потерял.
Продался французам он.
Жизнь теперь — кошмарный сон.
Угодил он в каземат —
Далеко остался трон.
И супруга — тоже тут,
Не Марией ли зовут?

А в семнадцатом году
Сгинуть им дано в аду.
Побратался наш солдат
С немцем — тот и этот рад.
Ну а что же с Николаем,
Что ты скажешь, супостат?
Без границ грехов, без края —
Спать не может, говорят.

27. НА ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЕ

С «бисмиллы» я начинаю
Эту повесть о войне.
По приказу Николая
Оказались мы на ней.
Только приступили к севу,
Нас приказ застал врасплох.
Вместо посевной и сена
Ад крошечный дал нам бог.

Соловьи звенеть остались —
Кто их песней не был пьян?
С отчим домом мы расстались
В светлый месяц «рамазан».*

Без коня в арбе чугуновой
Увезли в огонь войны.
Стали б озером подлунным
Слезы, что пролили мы.

Ехали мы дни и ночи,
До германцев добрались.
Бросили в атаку срочно —
Многие отдали жизнь.

В тех краях тверды дороги,
Тракт бетонный под ногой.
Слезно умоляли бога:
Вороти меня домой!

Все припасы уместились
На лошабочках верхом.
Немцы пулями косили,
Мы их встретили штыком.

Ночь в день ясный превращает
Под прожекторским лучом.
Трупов грунт не уместает —
Все тела на грунте том.

Трудно двигать здесь ногами —
Все в трясине здесь сплошной.
Не могла б такая бойня
Без причин войти в наш дом.

Город каменный Варшава
Светоч многим городам.
На Варшаву прет, как лава,
Немец, чтоб прибрать к рукам.

Всюду на земле австрийской
Немцы в грязных сапогах.
Нет тут наших даже близко,
Забирает душу страх.

Дни и ночи мы на марше,
Ноги — в черных волдырях.
Лик войны жесток и страшен —
Разве передашь в словах?

Гулко в городе немецком,
Голосит буран везде.
До войны не знали бед мы,
Нынче — в горе и нужде.

Ах, хитер «герман» проклятый,
Сыплет бомбы с высоты.
Не поднять башку солдатам:
Поднял — пулей срезан ты.

Буря огненная шпарит
По измученной земле.
В воздухе черно от гари,
Города лежат в золе.

Пеплом вверх летят деревни,
Села рушатся подряд.
Нашим детям и мгновенья
Не видать бы этот ад.

Черные у немцев кони —
Белой масти не найти.
Стоит родину мне вспомнить —
Все горит в моей груди.

Глянешь: там земля пылает,
Глянешь: там огонь горит.
Глянешь вверх — там пуля злая
В грудь вонзится норовит.

Затянул я туго пояс
Сыромятным ремешком.
Ах, останусь ли живой я,
Вновь увижу ль отчий дом?

Непривычно здесь: германцы
С неба бомбы рушат вниз.
Вы к земле прижмитесь сразу,
Если дорога вам жизнь.

Ну а следом пулеметы
Рассыпают свой горох.
«Та-та-та!» — по нашим ротам...
Помоги, коль есть ты, бог!

Здесь японцы ох как прытки,
Из далеких бьют земель:
Сеют пули, как сквозь сито, —
Огнестрельную метель!

Эфес сабли офицерской
Вылит весь из серебра.
Сколько на земле немецкой
Пало наших — нет числа!

На позиции по пояс
Снег — в них вязнет наш солдат.
Что он чувствует пред боем,
На какой настроен лад?

Клюв у птицы окровавлен —
Сбил ее какой дурак?
Сапоги, шинель — дырявы,
Зиму прозимую как?

Нет ни сухарей, ни хлеба.
Хоть бы крошку бросить в рот.
Холод под открытым небом —
Рою землю я, как крот.

Колбасу жрет и морковку
Немец. Ну а наш солдат —
Без краюхи и махорки...
Но ему сам черт не брат!

Нам не надобно поблажек —
И голодным в штыковой.
Сами мы дивимся даже —
Силы где берем на бой?

Ах, немецкие окопы,
Словно погреб, глубоки.
Здесь кучуемся мы скопом,
Умирая от тоски.

Мы в окопах замерзаем,
В немцев изредка палим.
На границе ожидаем
Мира детушкам своим.

Мы стрельбой врага тревожим,
Только пользы никакой...
Пусть аллах нам да поможет
Возвратиться в край родной!

28. ПИСЬМО ИЗ ОКОПА

В девятьсот четырнадцатом началась война,
Очень многих подкосила, сбила с ног она;
Кто без ног остался, ну а кто без рук.
Боже, дух терпенья дай нам и избавь от мук!
Дни и месяцы минули, изнутри горя.
На всю жизнь остался, может, день тот ноября;
Помню выжженную землю, лес, трава горят,
На глазах горят аулы — день и ночь подряд.

В день тот нас в Уфу подводы повезли.
Мы полгода, как больные, провели.
Боже, дай терпенья всем нам, говорили мы,
Если землю превратил ты в камеру тюрьмы.

После этого опять нас в пункт призвали,
Там здоровье так и этак проверяли;
А проверив, «Годен» — коротко сказали.
А потом везти решили в край далекий,
Оторвав от медресе меня жестоко;
Отрывали — крылья хрупкие сломали.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
А когда в Уфе мы жили — не тужили,
Опустел карман наш деревенский живо;
Нас заботы и тревоги обложили.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.

А пока живем в Уфе в блаженстве полном,
Солнце жарит, ветер дарит в речке волны;
Ах, друзья, кто выдумал на свете войны?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
В августе нам был приказ собраться быстро,
Чтобы с ходу добираться до позиций;
Если б видели в тот миг вы наши лица.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
На вокзал нас привезли часа в четыре
И в товарные вагоны погрузили;
Лучше вам того не видеть в этом мире.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Ну а в шесть часов пробил сигнал отхода,
На перроне собралось полно народа;
Слезы, что ли, зачесались веки что-то.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Эшелон, Уфу оставив, взял на запад
Направленье. Зашумел перрон весь затхлый;
Сердце бедное оборвалось внезапно.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Мы семь суток ехали тогда в ауле,
В Рославле выгрузились на перроне;
Пропитались мы насквозь дорожной вонью.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Трое суток в том мы Рославле томились,
Жидкой кашей и свинойю кормились,
Извелись от маяты и утомились.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
После Рославля мы вновь, считай, в отъезде,
За спиной мешки солдатские повесив,
Сердце мечется в груди и куролесит.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.

Покрываем за день тридцать километров,
Лямки плечи трут и снизу продувает ветром.
Так солдаты загибаются, наверно.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Ах, друзья! Я край родимый оставляю,
Мать-отца, родных, знакомых покидаю;
Правоту и дух терпенья дай нам, боже,
Однокашники мои все здесь остались.
Разлучила нас война — мы распрощались;
Неужель навеки с ними мы расстались?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Где места мои родные и тропинки,
Где мы праздник отмечали по старинке?
Коль умрем, кто проведет по нам поминки?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Сколько двигаться еще среди лесов нам?
Сыновья несчастные своих отцов мы;
Мы рабы, чей дух и угнетен, и скован.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Мы тоскуем по родителям и близким,
От разлуки сходим мы с ума под выстрелы,
По утрам нас будит в путь сигнал горниста.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Мать-отец, родную кровь не забывайте,
Нас в молитвах вспоминайте, поминайте,
Слезы горькие по нам не проливайте!
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Эй, друзья! В края чужие подались мы;
Все здесь тускло: земли, воды — нету жизни.
Что сулит нам день грядущий — не осмыслить.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Вдалеке осталась милая сторонка,
Поясница ноет и спина от ноши:
Не ослепну ль я от слез? — взываю громко...
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Издалека мы ведем свою дорогу,
Руки режет от оружия, пухнут ноги;
Мы — несчастные рабы, мы дети бога.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
На плечах — шинель, на голове фуражка,
От мешка, набитого морковью, тяжело;
Пожелайте нам хоть чуточку поблажки,
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Мать-отец, расстались мы, а вы остались,
До полей-сражений огненных добрались,
Мы в крови чужой отныне замарались.

Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Коль не слушаешься русских — враз карают;
Ночью мы себя шинелью укрываем.
Край передний назовешь едва ли раем...
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Ноет все внутри, не утихает горе,
Нет спасения для тела в смертном море.
Где отыщет нас отец, умрем коль вскоре?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Ах, солдату верен только лишь калям*,
Мать-отец, я шлю вам пламенный салям,
То ль вернусь, то ль богу душу здесь отдам.
Правоту и дух терпенья дай мне, боже.
Эй, друзья! А где намаз ваш по солдату?
Бог простит: живем мы не по шариату.
Коль умрем, склюет нас ворон, будто падаль...
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Лето жаркое и осень пролетели;
На чужбине дни проводим еле-еле.
Ах, когда бы мы убить себя посмели!
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Жидкий суп; крупу и днем с огнем не сыщешь.
Каждый день едим мы кашу. Это ль пища?
Волк — и тот ее добудет, коль порыщет.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Черствый хлеб: порежь, попробуй — нож сломаешь,
Сунешь в рот — и тотчас зубы обломаешь;
Ах, друзья! Куда себя тут деть — не знаешь.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Грязны тело и одежда; вшей — орава,
Перебить не сможешь их, хоть сыпь отраву;
Хватит этого, чтоб сгинуть тут бесславно.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Тысячами размножаются вши за день,
Днем и ночью кровь пьют — спереди и сзади;
Ах, не знаем с кровососами как сладить.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Осень минула, зима пришла и стужа,
Нет одежды, нет надежды, сводит душу;
Вспомню дом и размышляю: что нам служба?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Вот винтовка и картуз, шинель худая,
Ночь темна, я на посту стою, вздыхая;
Сто патронов с лишним на себе таскаю.

Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
На позиции солдату очень худо,
Бьет германец — вся земля исходит гудом;
А солдат стоит, застыв, убьют покуда.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
На позиции мы бьемся дни и ночи,
Без одежды теплой прямо нету мочи;
Что же делать остается нам, дружочки?
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Сапоги худые и штаны дырявы,
Мы без чая и еды — вот наше право.
От мороза отлетит рассудок здравый.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Разведешь огонь — и дым взвоется кверху,
На посту стоять — загнешься тут, наверно;
Так получим мы от жизни полной мерой.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Как увидят дым — снаряды шлет германец,
Начинается от них безумный танец;
Жути хоть бояться нам и не пристало.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Разрываются снаряды... Над землю
Разрывается шрапнель — осколки воют;
Ночь светлеет — все становится золою.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Ветер пыль несет, глаза слепит солдату;
Нам, друзья мои, приходится так гадко.
Только дома жизнь людей бывает сладкой.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Бьют снаряды... Гром и молния... Дни наши!
А болотами идем — змея на страже.
Осенью, как и весной, — сплошная каша.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Эй, друзья, когда окончатся все войны?
Мир придет — не будет этой страшной бойни.
Так помолимся о мире и покое.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Со слезами на глазах молю об этом,
Мир царям дай, чтобы мы дождались света.
Если нет, то выбора иного нету.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.
Здесь дела непредставимые творятся,
Мы едим свинину — некуда деваться.
Так обычаи с грехами нашими мирятся.
Правоту и дух терпенья дай нам, боже.

29. АХ, ГОЛОВУШКИ ВЕРНУТСЯ ЛИ ОБРАТНО?

С «бисмиллы» вы там баит наш начинайте,
Из рук в руки, не скупясь, передавайте,
Имена читая, наши вспоминайте,
Ах, головушки вернутся ли обратно?

На мотив «Книги Юсуфа» напеваю,
Повествуя о судьбе своей, вздыхаю,
Завершить баит не в силах, я страдаю,
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Бьемся там, куда и птицам не добратся,
Не аллах велел ли здесь нам оказаться?
Навсегда ли суждено нам здесь остаться?
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Напролет проводим ночи в карауле;
Лишь счастливые живут, поди, в ауле.
Тяжело нам тут под вражескою пулей.
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Затекают руки от винтовки грузной,
Писем нет из дома — и на сердце грустно;
Горестно проводим дни — в груди так пусто.
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Братья! Ворочусь ли в в край родимый свой я?
Двести пятьдесят патронов носит пояс;
Дни с ночами схожи, занят всяк собою.
Ах, головушки вернутся ли обратно?

На позиции не выйдешь из окопов,
Возвратиться в дом свой отчий так охота!
Командирские приказы вгонят в гроб-то?
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Царь собрал солдат российских миллионы;
В перестрелке не жалели мы патронов.
Утопаем в алой крови, криках, столах...
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Аэропланы налетают то и дело,
От налетов наше войско поредело.
Голова — там, тут — разодранное тело.
Ах, головушки вернутся ли обратно?

«Тыр-тыр» — бьют неугомонно пулеметы,
Руки-ноги оторвать способны с лета.
Как в спокойствии и мире жить охота!
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Улетучилось из жизни нашей счастье,
А в груди остались горе и ненастье;
Век не видел бы немецкой этой пасти!
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Братья, мы дождемся ли освобожденья
От кровавых пут, от горестных мучений?
Уж не в смерти ли найти мне утешенье?
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Река Висла глубока — не измерял я;
Что в аду тут окажусь, не полагал я.
Даже свадьбу в доме не отпировал я;
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Зимы, осени минуют, грянут весны,
Словьи вернутся, трелями зальются;
Птицы певчие из-за морей вернутся...
Ах, головушки вернутся ли обратно?

Мой баит без «бисмиллы» не начинайте,
И слезами глаз своих не заполняйте,
Сочинителя добром лишь поминайте...
Ах, головушки вернутся ли обратно?

30. ЧЕГО НЕ ВИДЯТ ГОЛОВЫ СОЛДАТ...

Девятьсот четырнадцатого года
Началась история войны;
Закрутилась всюду непогода —
Нашей не было во всем этом вины.

Не видали и во сне кошмарном,
Не слышали и от стариков...
Мы тогда трудились в поле жарком,
Средь борозд и заливных лугов.

Мы пахали, сеяли и жали,
Хлеб-зерно возили на возах;
Но не дождались мы урожая,
Черствый хлеб завяз у нас в зубах.

Дети наши, отроки, седые
Матери заплакали навзрыд;
Там азан* читают муэдзины*,
И отец сошел с ума от всех обид.

Сын повис на шее: «Папа! Папа!»
И прижался, телом всем дрожа.
Как им жить, коль денег — кот наплакал?
Не могу дать сыну ни гроша.

Что ему копейка, коль уходит,
Может быть, навек его отец?
Мы уходим — годен иль не годен —
Возвратимся, или нам конец?

Выдали мундиры на дорогу,
Дали средства бить и убивать.
Жизнь свою доверили мы богу —
В край какой закинут нашу рать?

Скажет кто-то: мать одна осталась,
Кто-то: жинка с маленьким дитем;
Кто-то: всех забрали, жизнь сломалась,
Хоть обратно не вертайся в дом.

Кто-то о Сибири вспоминает,
Как в Сибири службу проходил,
Как в тайге бродил, сбежать желая,
Да патрульным в руки угодил.

Едем в прорву фронтовых позиций,
В Польшу, где Варшава-город есть.
Прибыли — ах, вам и не приснится:
Вся земля горит-грохочет здесь!

Пули свищут и летят осколки,
Бьют новоприбывших наповал;
Рой-не рой окопы — мертвых столько,
Что из них сложить бы можно вал.

Не успев прибыть, солдат с лопатой
В глубь земли старается уйти;
Все хотят тут истребить солдата —
Долго ли с ума ему сойти?

Пули льются с неба, словно ливень,
Жизнь возьмет и капелька свинца.
Падает солдат, кричит тоскливо,
Поминает мать он и отца.

Кажется, тут без конца и края
Вся земля осыпана золой.
Корчатся солдаты, умирая,
Кровь струится алою рекой.

Раненым, убитым счет потерян,
Нас берут, и мы берем их в плен;
В лучший мы исход уже не верим,
Знаем: трупы обратятся в тлен.

Месяц-полтора мы там сражались,
С кровью захватили город Львов.
То был праздник — вдоволь мы нажрались,
Всласть нутро набили животов!

31. БАИТ ВОЮЮЩЕГО СОЛДАТА

Начал с «бисмиллы» баит свой —
Бог велит так начинать.
Чтобы с вами поделиться,
Стал я свой баит писать.

Пожелав себе удачи,
Песню горькую начну;
Жизнь солдатскую иначе
Передать вам не смогу.

На войну ушли мы — пропасть
Сразу между нами вдруг.
«Как живете?» — если спросят,
Вот писанье наших рук.

На войну ушли мы, будто
Птицы, выстроившись в строй;
Плача, нас жалели люди:
Возвращайтесь, мол, домой!

На опушке чернолеса
По траншеям разошлись;
Выполз враг — и повсеместно
Наши залпы раздались.

Так и шло и днем, и ночью...
В день Гаита мы грызем
Черствый сухаря кусочек —
Праздник веры видим в нем.

Начал с «бисмиллы» баит свой;
Лишь раздался крик: «Вперед!»,
Вновь в атаку устремился,
Не доев свой бутерброд.

За каких-то три часа мы
Одолели сорок верст.
Сухаря кусок остался —
Подожмешь невольно хвост.

Обрываются все жилы,
Если крикнут вдруг: «В штыки!»
Не осталось в теле жизни —
Нет ни хлеба, ни муки.

Серебро свинцом не станет,
Золотом не станет медь.
Знали б вы, как мы устали —
Пасть бы ниц и умереть.

Дни и ночи бьет германец,
Чтоб Варшаву захватить;
Как письмо получишь, мама,
Сына не забудь почтить.

Бьет снарядами противник,
По земле проходит дрожь.
Не погаснет и под ливнем
Пламя, что гуляет сплошь.

Бьет снарядами германец,
Рвет и камень, и кирпич;
Кто без рук — тот крутит танец,
Кто без ног — впал в паралич.

На германских косогорах
Спеет ягода иль нет?
Как стрельбу открыли — скоро
Дым покрыл весь белый свет.

Что едят германцы? — Сахар.
Наши кровь свою же пьют.
По ночам дрожим от страха —
Думы спать нам не дают.

Враг идет сплошной колонной,
Землю превращая в тлен;
Прут поляки в нашу зону,
Угодить желая в плен.

Не сумев занять высоты,
Немец отступил назад;
Бьем вослед из пулеметов:
Знай, мол, наших, супостат!

Вновь германец прет в атаку,
Видно, и ему невмочь.
Мы же — в штыковую драку!
И опять бежит он прочь.

Лезет из своих окопов
Вновь назойливо, как вошь.
Бьем в германцев прямо в лоб мы —
По земле проходит дрожь.

Скачут лошади, как в танце,
Радостно копытом бьют.
Если угодишь к германцам —
Шкуру заживо сдерут.

Громко молятся австрийцы,
Покидая город свой;
Стоит их увидеть лица,
Сам ни мертвый — ни живой.

Забрались мы на Карпаты —
А казак германский — встречь;
Сносят все в бою солдаты,
Кто их может уберечь?

На горах Карпатских всюду
Немцы да австрияки;
Хоть пруди из них запруду,
Хоть вздымай их на штыки.

Я мундир свой надеваю
Перед боем под огнем;
Пули вражки пролетают —
О, как много их кругом!

Я молился, в бой входя,
Чтобы бог меня хранил;
Выбросил я, выходя,
Окровавленный мундир.

В Австрии куда деваться
От жары? — Мы в бой идем!
Трудно с жизнью расставаться,
Оказавшись под штыком.

Было лунное затмение
В августе шестого дня.
Наступало просветленье
Лишь в сраженье — от огня.

У солдата, что осколком
Ранен, вытекает кровь.
Ах, течет она потоком,
Заполняя каждый ров.

Пуля обожжет шальная:
Боль такая — не до сна.
В Австрии вода такая:
Не проглотить — солона.

Потолок — не украшенье,
Он скрывает небеса;
Как вступали мы в сраженье,
Застилала кровь глаза.

Не было б войны проклятой —
Стал германец воевать.
Все издохли бы солдаты —
Дал аллах нам благодать.

Нету на земле германской,
Чтоб без дерева был дом.
Ах, тела солдат несчастных
На двенадцать верст кругом.

Селезню шепнул привет я —
К вам он плавно полетел.
В погребу, не видя света,
Средь других и я сидел.

Мы баит сложили этот,
Чтоб узнали вы про нас.
Вспоминайте нас с приветом
В божеский моленья час.

32. АВСТРИЙСКИЙ БАИТ

Век, бисмилляхи, живите! —
В праздник благостный гаит.
Мы сложили, вы примите
Австриякский наш баит.

На вершине гор высоких
Бродят мирные стада.
Отрывать людей жестоко
От родимого гнезда.

Кто придумал эту службу,
Был народа враг большой.
Оставляешь дома душу,
Уезжая в край чужой.

Ту одежду, что осталась
После нас, повесьте вы.
Возвратимся в дом свой старый,
Коль останемся в живых.

Проезжая каждый город,
Смотрим на его огни.
Зрят они на нас с укором:
Мол, зачем явились вы?

Здесь, в любом лесу сосновом,
Просека наискосок.
Бой завяжется суровый —
Пули норовят в висок.

На березе, в светлой кроне
Птичье кроется гнездо.
От огня природа стонет —
Каждый ствол, любой листок.

Австрия подобна аду —
Дом горит, пылает рожь.
В нас осколки бьют снарядов,
Осыпаются, как дождь.

Ах, широк, как в половодье,
Все вода, вода кругом;
Наводя мосты, проходим,
Час за часом мира ждем.

Жмешься к каждому пенечку,
Если в лоб стреляет враг.
Ах, быстрее пришла бы ночь,
Чтобы спрятаться в кустах!

Запряженная мной лошадь
Кору дерева грызет.
Наша жизнь — такая ноша,
Что любого подогнет.

Впереди — гора большая,
Тучи виснут над горой.
Там, где мы в бою сражались
Кровь стекается рекой.

Утром думаю-гадаю:
Как свой сон истолковать?
Сухари с трудом глотаю —
Можно зубы обломать.

Дни и ночи мы шагаем,
Подпоясав пантронташ.
На привале отдыхаем,
Лишь сержант прикажет наш.

На земле австрийской диких
Обуздали лошадей;
Где те сладости, чтоб ими
Подсластить всю тягу дней?

Тяжело идти — в машину
Нас сажают на ходу.
Как снаряд взметнется живо
Вспыхнет небо, как в аду.

Подточил бы карандаш свой —
Нет ножа, чтоб подточить;
Не дал бог в сторонке нашей
Зиму долгую прожить.

Как из дому уезжали,
Шапки покидали мы;
Дни осенние настали —
Далеко ль там до зимы?

Утром, встав, из дома вышел —
Ветер с юга задувал.
Из ума я чуть не выжил,
Пусть бы службу черт побрал!

Как вставал я на мосток,
Сразу взор свой — на восток;
Как своих припомнил братьев,
Слез своих сдержать не смог.

Лебедя взял на прицел я —
Попаду, быть может, в грудь?
Не увижу ль вас во сне я? —
Думал я, пускаясь в путь.

Каша варится в обозе,
В медном черном чугуне.
Озером стекутся слезы,
Пролитые на войне.

После скачки лошадь в мыле,
Потом светится спина;
Мы домой бы воротились,
Если б кончилась война.

33. БАИТ ПЛЕННОГО СОЛДАТА

I

Говорю я: бисмилла,
Будьте святы все дела;
Враг пришел в страну с войною —
Да поможет нам алла!

Мир просторен, говорят,
Ждать ли мира? — говорят.
Ах, земля тесна для немца,
К нам явился, говорят.

В светлый месяц рамазана
Объявили нам войну;
Все она втянула страны,
Потянула мир ко дну.

Восемнадцатого июля
Самый первый был призыв;
Повели людей под пули,
Честь и совесть позабыв.

«Запасных» для фронта мало,
Ополченья создают;
Тех, кому за сорок, взяли —
Ну и что, если убьют?

Там в года мои уперлись,
Эх, мол, рано родились!
В январе был взят мой возраст —
В ополченье мы влились.

Из родной своей сторонки
Уезжали в январе;
«Хуш*, отец!» — не мог я громко
Даже молвить во дворе.

Из уездного забрали
Городка нас... Нам вослед
Так молились мусульмане,
Что желаннее стал свет.

Ах, спасибо, мусульмане,
Ради нас такбир* прочли.
Ныла грудь, подобно ране,
Слова молвить не могли.

Из аула выезжали
Всем составом на санях;
Молча мать, отец стояли,
Силы потеряв, в сенях.

Ах, какая это тяжесть —
Из семьи да на войну!
Не могу сказать я даже —
У печали я в плену.

* * *

Справно красные билеты нам раздали,
Чтобы в городе Уфе собраться всем;
Уж не судные ли дни для нас настали? —
Из аулов, мол, забрали насовсем.

Мы в Уфе почти два месяца стояли,
Дни и ночи на войну отправки ждали;
Февраля пятнадцатого, наконец-то,
Мы поехали в Симбирск, прямым проездом.

Ну а из Симбирска прямо
Нас в Варшаву повезли.
Помяните, папа, мама,
Сына на краю земли!

Дней за десять мы, наверно,
Одолели сто губерний;
В Австрию приехав, дальше
Устремились скорым маршем.

Вот в Варшаве из вагонов
Нас сгрузили... В тридцать три
Года вырван я из дома,
И теперь душа горит.

Ходим маршем на рассвете
По Варшаве, боль тая.
Ах, отец и мать! Ах дети,
Лишь о вас тоска моя!
К нам в Варшаве отношенье
Хуже некуда, мой брат.
Не дождешься уваженья —
Ненавидят тут солдат.

Двое суток ночевали
На конюшне в уголке.
Мы в беде друзьями стали,
Оказавшись вдалеке.

Выехали из Варшавы
В тихий городок Жозаль.
Лишь о доме — наша жалость,
А начальству нас не жаль.

Марта пятого мы ровно
В город прибыли Жозаль.
Дав винтовки и патроны,
Нас отправили назад.

На машину там, и с ходу —
В пекло боя с ветерком.
Видно, не привыкну сроду
Жизнь влачить в краю чужом.

Офицеры наши в седлах
На отменных лошадях.
Ну а нас — в сраженье с ходу,
Лишь вздохнешь: «Спаси, аллах!»

Хороши у нас солдаты,
Да и форма им к лицу.
Нет среди них аристократов —
Место их не на плацу.

Мы покинули Варшаву
Вечером в восьмом часу.
Километров через двадцать
Спать легли в глухом лесу.

Слышались разрывы ядер.
Двинулись мы дальше в путь.
(Асыр — дед наш не в накладе —
В их сынов не целят в грудь)*.

А в одиннадцать — к полночи —
Я в огне войны горел;
Я оглох от канонады,
От разрывов ошалел.

Окопались, словно мыши,
Выстроились в длинный ряд.
Так стояли мы недвижно
Тридцать один день подряд.

В нас снарядами все бьют,
Передыху не дают;
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

Пули сыплются дождем —
Доживем — не доживем?..
Ах, счастливымчикам такого
Не видать в краю родном.

На плечах шинель, винтовка,
Опоясан патронташ.
Ах, вернется ли к нам снова
Дней минувших праздник наш.

Целый месяц непрерывно
Перестрелку мы вели.
Надоело все, обрыдло!
Чуть с ума мы не сошли.

Как-то нас в «секрет» послали —
На сажень сто вперед.
То и дело смерти ждали —
Вот-вот, кажется, убьют.

Жгут прожекторы, чтоб немец
Не подкрался втихаря.
Если что, вмиг офицеры
Влепят внеочередной наряд.

Ах, оставшиеся дома!
Вы там греетесь в тепле.
Мы ж под молнией и громом
Жмемся к матушке-земле.

Как вступали мы в сраженье,
Было нас не сосчитать.
Началось уничтоженье —
Плачь по нас, родная мать!

Валит немец черным смерчем,
Нет спасенья от огня.
Ах, от смерти уберечься
Нет надежды у меня.

Черствый хлеб да суп постылый
В день разочек нам дают.
Возвратимся ль в край свой милый?
Что случится с нами тут?

Папа, мама, помяните
Сына вашего: глядишь,
Пуля внемлет той молитве,
Свистнет выше наших крыш.

Мы торопимся за супом,
А над нашей головой
Напролет все эти сутки
Посвист пуль, снарядов вой.

В тыл за две версты за пищей
Утром отправляюсь я.
Смерти или жизни ищет
Здесь головушка моя?

Добежишь — холодный харч,
По горячему — хоть плачь.
За два месяца ни разу
Не было, чтоб был горяч.

Ах, друзья мои, родные,
Я пишу вам мунажат:
Дни припомню золотые
И уже как будто рад.

Все снесли мы полной мерой,
Вновь узрим ли белый свет?
И душману нашей веры
Не желаю наших бед!

О алла, неужто будет
День когда уйдет беда,
И душа войну забудет,
Сгинет немец навсегда?

День и ночь молю об этом
Бога... Но снарядов гром
Всякого сживет со света.
Глохну... Мне в родной бы дом!

И разведчики готовы
Незаметно ускользнуть —
Лишь бы, захлебнувшись кровью,
Здесь навеки не заснуть.

В тех окопах целый месяц
Перестрелку мы вели;
И с ума сойдешь, и бесом
Станешь в том краю земли.

А десятого апреля
Вдруг настала тишина.
Нам сердца она согрела,
Как любимая жена.

В хутор повели на отдых,
Где природа хороша.
Нет у нас другой заботы,
Как в постели полежать.

В хуторке себе живем,
Что придется, то жуем.
От глухой тоски по дому
Пожелтел я весь лицом.

Да, живем мы здесь укомно —
Сам варю, съедаю сам.
Два письма пришло из дома —
Мать с отцом, спасибо вам!

Все прочесть смогу едва ли —
Что-то в строчках расплылось:
Вновь там ополченцев взяли,
Слез, поди-ка, пролилось.

Нашим человеческим жертвам
Будет ли когда предел?
Мы ушли, да выпал жребий
Уж на тех, кто повзрослел.

Отдыхаем в хуторке мы,
На учениях льем пот.
Сколько жить под этим небом
Эх, узнать бы наперед!

Так прошло двенадцать суток —
Вечность целая! А нам
Говорят: враги как будто
Вновь затеяли бедлам.

Потому, сказали, надо
Войско в Австрию сместить.
Из Варшавы на Карпаты
Всех подряд переводить.

Снова на войну идем мы —
Значит, вновь брести пешком.
Получается, что вроде —
Вместе с вещевым мешком.

Погрузили нас в машины
Под унылое «ура!»
Снова кров томится в жилах
С вечера и до утра.

Утром привезли опять же
Всех на станцию гурьбой.
Раненых везут с поклажей,
Мы проходим стороной.

Окунулись вновь в сраженье
С пылу, с жару в тот же день.
Продолжается движенье,
Бойни новая ступень.

Развели широкой цепью;
Впереди — за валом вал.
Озирает взглядом цепким
Поле боя генерал.

Вот посыпался снаряд —
То вперед, а то назад,
То направо, то налево —
Бьет германец наугад.

На опушке, возле леса,
Стали мы окопы рыть.
А пошел в атаку немец —
Быстро их пришлось забыть.

Немцы движутся колонной...
Коль я вам скажу о том,
Отзовитесь тихим вздохом
И молитвенным словцом.

На глазах наш полк редет,
Пало множество солдат.
Не поможет батарея —
Окружают всех подряд.

Ах, не той веди дорогой
Командиры-дураки.
Кто придет к нам на подмогу,
Кто спасет наши полки?

Австрия ловушкой стала —
Всюду немец, всюду враг.
Немцев много, наших мало,
Не спастись от них никак.

Нас германцы окружили.
Мы винтовки и клинки
Под ноги себе сложили,
Прикрепили к ним штыки.

Из печальных тех событий
Поняли, что вражий круг
Сжал нас так, что нам не выйти
Из его железных рук.

В плен они забрали нас,
Выстроили всех тотчас.
Тем, кто им сопротивлялся,
Вбили пулю между глаз.

Тех, кто ранен тяжело,
Бросили чертям назло.
Тех, кто легче, санитары
Увезли лечить в село.

Тысячи за этот бой
Поплатились головой.
А наследство их в аулах
Сразу стало сиротой.

«Ах, скажите, где наш папа?» —
Будут спрашивать у тех,
Кто вернулся. Будут плакать
Те, что брошены в беде.

Ах, кого теперь сироты
Назовут своим отцом?
Ни любви и ни заботы
Не дарит им отчий дом.

Со своим соседом вместе
Воевал я много дней.
Был убит он. Дома шестеро
У него теперь детей.

Пусть земля да будет пухом!
Но что станется с детьми?
Власть не поведет и ухом,
Чтобы сделать их людьми.

Пусть слова мои уроком
Будут: без своих забот
Вы в тылу войны жестокой
Не оставьте тех сирот!

В плен нас взяли; доконали,
Замотали без еды.
Мы теперь рабами стали —
Вновь в объятиях беды.

Сто пятьдесят километров
Гнали по стране пешком
И под снегом, и под ветром,
С опустевшим вещмешком.

Хлеба выдают полфунта
На один всего-то день.
Разговаривают круто —
От иных осталась тень.

Наконец-то посадили
В кузова, и вновь вперед.
Лучше б пули в нас всадили
И пустили бы в расход.

Стали нам по кружке кофе
Ежедневно выдавать.
Коль вернуся жив-здоров я,
Будет что вам рассказать.

Утром не бурду и кашу —
Поднесли нам кипятка:
Мол, для вас и воду даже
Жаль... Я сделал три глотка.

А к обеду получили
Рыбу тухлую в воде.
В ночь похлебку нам всучили —
Нате, радуйтесь еде!

В лавке продают немецкой
Хлеб задешево. Но как
Купишь, если нету средства?
Не дает нам денег враг.

Нету денег, чтоб купить нам
В лавке хоть какую снедь.
Поспеваает время, видно,
Здесь нам лечь и умереть.

Понял здесь я сладость дома.
Рядом с матерью — отцом
Жил беспечно. В тридцать пять лет
В смерть уперся я лицом.

Каждый день мы умоляем
Сделать порции крупней;
Каждый день их убавляет
Повар австрияк-злодей.

Иногда дают консервы;
А попробуешь — они
Ядовитей всякой серы...
Так что, бог от них храни!

Впрочем, есть у нас такие,
Что при деньгах: хлеб берут
В лавке... Ну а что другие?
Слезы лишь да слюнки льют.

У читателей прошу лишь
Об одном: простить меня —
Ведь с желудком не пошутить,
Без еды сойдешь с ума.

Отчего им не налиться
Кровью, если столько бед
Насмотрелись — в пору птицей
Облететь весь белый свет.

Будет время: все исправно
Набело перепишу —
Лишь попасть бы в наши травы
Да к родному шалашу.

Ах, писал, писал — иссякли
Все слова мои вконец.
Только слез стекают капли,
Как расплавленный свинец.

В пятницу, поднявшись рано,
Начал я писать байт.
Кровоточит в сердце рана,
Все в груди моей болит.

Я когда-нибудь байт свой
Вам надеюсь прочитать.
Слов своих душа боится —
Ах, услышала б их мать!

Января мы третьего в дорогу вышли,
Тридцать дней в окопах жались, словно мыши;
«Мира бы скорее!» — только там и слышишь,
Дал надежду бы нам бог да утешенье.

Австрияк, германец — с нами все воюют;
Ах, когда вернусь и деток поцелую?
Нет пути домой — родным лишь письма шлю я.
Дал надежду бы нам бог да утешенье.

Наши дни вблизи германцев протекают.
По ночам мы звезды на небе считаем;
В юности мы жизнь впустую проживаем.
Дал надежду бы нам бог и утешенье.

Эти дни проводим мы в сражение жарком
В густолесье и в кустах, под солнцем ярким;
От всего вам нас, родные, будет жалко.

Коль умрем, кому тогда быть рядом с нами?
Еназу прочесть и белыми холстами
Нас покрыть, поставить сверху камень?..
Дал надежду бы нам бог и утешенье.

Коль умрем, то белым саваном послужит
Нам рубаха наша белая под нишей
Земляной... Родных до смерти я увижу ль?
Дал надежду бы нам бог и утешенье.

Что до смерти, то солдаты — в её власти,
Не пытайся от нее спастись — лекарства
Нет от смерти — не спасут любые яства...
Дал надежду бы нам бог и утешенье.

Мунажат пишу — прислушайтесь к солдату,
Пусть уроком служит вам наш путь проклятый;
Чай, один из ста вернется в дом обратно.
Дал надежду бы нам бог и утешенье.

И у немцев были мы, и у австрийцев,
Дальше некуда, в плену, как говорится;
Писем жду, как по весне залетной птицей.
Расскажу вам о своем я положенье.

В этой бойне множество людей почили;
Ах, глаза мои все силы источили
От пролитых слез... Мы ими омочили
Землю всю... Аллах, воздай нам утешенье!

От случайного иль точного снаряда
Близкий друг погиб мой — смерть тут бродит рядом.
Многим с нею на войне, увы, нет сладу.
Ах, какое для родителей лишение!

Из-за солнца и земли цари воюют,
А солдат — за голову и жизнь младую;
Нас за тридевять земель везут в чужую
Землю, чтобы окунуть в огонь сражений.

Кто все это испытал, тот сыт войною,
Кто не видел, тот сочтет войну игрою;
В чей подол падет огонь, тот псом зовет.
Принимает всяк из опыта решенье.

«Книгою Юсуфа» буду излагать я
Строки, чтоб они плескались водной гладью;
На верхушку гор попробую взбежать я —
Может быть, увижу край свой в утешенье.

Ах, головушка моя с семьей рассталась,
На чужой земле бесследно затерялась;
Пожелтел мой лик. Что мне теперь осталось? —
С вами мысленно общаться в утешенье.

Каждодневный спутник наш — проклятый немец,
Воевать обречено с ним наше племя;
Ах, когда-нибудь спасемся ли из плена?
Слез нет больше — лишь страданье и лишенье.

III

Написал с тоски я это,
Что не взвидел бела света,
Мне б домой вернуться к лету,
Сердце ублажить навек.

Соловья бы мне послушать
И свою утешить душу;
Иль зажать навеки уши:
Мол, затихни, человек!

Помолитесь за беднягу,
Горемыку, бедолагу,
Что их глаз роняет влагу
Сквозь морщины черных век.

Я не крал ничьей скотины.
Был в плену я сиротиной;
Я погряз в военной тине
Средь чужих холмов и рек.

Ах, не знаем мы друг друга,
Пламя в сердце или вьюга...

Что посмертные потуги,
Если друг ушел навек?

Был на родине в почете,
А не то, что в нашей роте.
Вот, пишу я в черном поте,
Как уставший дровосек.

Продолжать баит иль, может,
Обуздать перо, как лошадь?
Неужели жизнь, о боже,
Не изменится вовек?

Пусть помолится читатель:
Я в плену от горя спятил
И баит закончил кстати,
Строчки завершили бег.

Голова болит уныло...
Но ведь было, братья, было! —
Что летал я, как на крыльях...
Все ушло теперь навек.

Лягу спать, и сон приснится,
Что домой лечу, как птица,
Боль пронзит меня, как птица,
Боль пронзит меня, как спица...
Только жаловаться грех.

34. БАИТ ПЛЕННЫХ

Бисмиллахи ва биллахи,
Праздник подошел — гаит.
Мы писали — вы читайте
Пленных горестный баит.

Лишь увидели германцев,
Повели по ним пальбу;
В месяц «рамазана» сразу
В плен попали наяву.

Кормят нас свиной тухлой:
Съешь — отрыжка до утра;
Здесь не вырвется и муха
На свободу — сто оград.

Говорят, вино — отравя,
Ниже бьет оно колен;
Плен для наших не отрада,
Братья, лучше смерть, чем плен!

Пьем без сахара и хлеба
Почерненный кипяток.
Нет воды — пьем чай из снега,
Лишь согреться бы помог.

Как ввели в барак, сейчас же
Провели средь нас дележ:
Мусульман особым стражем
Отделили, словно вошь.

Ах, в слезах, что льют безмерно
Пленные, плещись бобром.
Не от голода — от нервов
Сгинешь тут в углу глухом.

Мусульмане, кто как может,
Бьют, молясь, к земле челом.
А дадут покушать — боже! —
Крик стоит, как в небе гром.

Иногда кладут картошку
В суп, разбавленный водой.
Только рожки нам да ножки,
А другим — еда едой.

Наши скорбные лежанки
Не в бараках — под землей.
Не себя — детишек жалко...
Ах, как хочется домой!

Иногда дают нам кофе,
(От царя, видать, салям);
Нет в плену огня и крови...
К ратным тянет нас полям!

Как родных припомню, слезы
Кровью алою текут.
Ну а смерть все косит, косит —
Из костей пусть пряжу ткут.

Грунт, где мы лежим, лоснится
Под телами, как навоз.
Не дай бог, во сне приснится —
Захлебнешься, чай, от слез.

Ах, когда дают еду нам,
Взять бы миску пополней.
Каждый день несет беду нам
В чередe унылых дней.

В край германский привезли нас,
Видим: сабли да клинки.
В плен попали — превратились
Вмиг в звериные клыки.

Паровоза горький запах
День и ночь вдыхаем мы.
Коль идем с утра на запад,
Всюду стражу видим мы.

Встать иль сесть — все по сигналу,
Деться некуда а плену.
Если бы родные знали,
То бы прокляли войну.

После смены нас под стражей
В поздний час ведут в барак.
Чай дают порою с кашей —
Ешь и пей, коль не дурак.

Ешь и пей, что приготовят,
И похлебку, и бурду.
Праздник-мубаряк проходит
Мимо — ведь мы все в аду.

Пленные таскают пищу,
Коль дежурство подойдет.
Пленный — это значит нищий,
Это значит, что умрет.

Чтоб от голода не сдохнуть,
Пленный вытащит тайком.
Коль заметит немец — охнуть
Не успеет — враз кнутом.
По рукам связав, ногам,
Измолотят по бокам.

Два часа спустя веревки
С них снимают, и во мгле
Не спеша лупасят ловко
По облупленной спине.

Немец медную кокарду
Прицепляет на картуз.
В суп ни мяса и не масла,
Улучшается, мол, вкус.

Ах, в бараке нашем тесно —
В двух шагах не разойтись.
Утром гонит нас помещик
В поле под бечевок свист.

Немец бьет кого захочет;
Для издевки — босиком
Водит нас он днем и ночью
На работу под кнутом.

Носит немец из брезента
Шапку. А в руке — тугой
Хлыст, плетенный из резины:
Раз ударит — с ног долой.

Эй, родные! Будьте живы.
Эта жизнь с ума сведет,
Вытянет она все жилы...
Свидимся, коль повезет.

Эй, родные! Это сало,
Хлеб попробовать бы вам.
Вот пишу, как обещал я,
Шлю из плена свой салам.

Немец тоже очень разный:
Есть злодей и есть добряк.
Тот даст хлеб, а тот — по глазу
Звезданет вдруг просто так.

Уезжали мы из дому,
Всяк обут был в сапоги.
В плен попали — ноги комом —
Трут из липы башмаки.

По-немецки ни бельмеса:
«Лос-лос!» — гнусно он орет.
Эх, сбежать бы мне от немца —
Только разве повезет?!

Иногда проснешься ночью,
Смотрим: немец пред тобой.
Не поймешь, чего он хочет,
И лежишь, как неживой.

На позиции однажды
На песке я вдруг заснул.
А в плену я сплю под стражей,
Встану — рядом караул.

Пленным нет цены. Бесценок —
Вот у пленного цена.
Розгам кнут придет на смену —
Снова вся в крови спина.

Сколько знают тут ремесел
Пленные! Но ремесло
Им приносит только слезы —
Забивают их назло.

Ах, какие здесь джигиты
Под кнутом живут в плену.
Спины гнут. Жестоко биты
За малейшую вину.

Столько здесь забот у пленных,
Что мутится голова.
Стопудовую телегу
Тянешь будто бы едва.

Строятся, встав утром рано,
Чтоб к помещику пойти.
Вспомнишь дом — и будто рана
Открывается в груди.

Не выдерживает кто-то,
В горы ударет, иль в лес.
Их с овчаркой ловит рота —
Из чужих сбежишь ли мест?

Сколько просьб у нас к аллаху...
Ах, не сбылась ни одна.
Вот и пребываем в страхе —
Ни покрышки нам, ни дна!

Как выходим на прогулку,
Подгоняют нас: «Лос-лос!»
Не подать беднякам булку —
В глаз суют кулак иль в нос.

Иль на всей земле германской
Питьевой водицы нет?
Постираешься с опаской,
Да и то, вскочив чуть свет.

Как-то нес всю ночь я вахту —
Заработался до слез.
Не забуду эту шахту,
Крик противный их: «Лос-лос!»

Лошади у фрицев в мыле,
Масти белой, будто мел.
Мы бы в плен не угодили —
Видно, сам аллах велел.

Ах, давно прогнил и высох
В супе поданном горох.
Немец — толще жирной крысы,
Ходит рядом, будто бог.

Нас выводят на работу
В слякоть, ветер, дождь и снег.
Как на родине погода,
Наших помнят ли там всех?

Ленту красную приделал
Переводчик на рукав.
Ну, приделал — что за дело?
Если никаких нет прав.

Трудимся — а что за это
Получаем? Даже хлеб
Продают за две монеты:
Где нам столько взять монет?

Здесь сады благоухают,
Но хозяин в них — тиран.
Окружил себя он раем,
Ну а нам — ад божий дан.

Мы в плену два года жили.
Праздник вновь пришел — гаит.
В этом месте завершили
Стон несчастных мы — баит.

35. В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ГОДУ

В одна тысяча девятьсот
Четырнадцатом году
Пятнадцатого июля
Враг напал, всем на беду.

Восемнадцатого июля,
В пятницу, не дав вздохнуть,
Увозили нас под пули
На войну в далекий путь.

Объявленья наклепили
Всюду — красные листки.
Наши души воспалили —
Грудь заныла от тоски.

Ах, какая ждет дорога,
Окаянный кавардак!
Радость от такой тревоги
Испытает лишь дурак.

Что джигит с конем не видел,
Кручен-верчен злой судьбой?
Хуже нет в седле быть сиднем —
Уж скорее б — в жаркий бой!

Молодой солдат, что птица,
Оседлал коня — в полет!
Что же, в путь, как говорится,
Пусть скомандуют: «Вперед!»

Из аула выезжали —
Чуть не падали с седла;
Дети, жены провожали
До обочины села.

Эй, друзья мои, родные,
Или мы не молодцы?
Испытанья не такие
Наши вынесли отцы.

На гнедого не валите
Груза лишнего в тиши.
Вы баит мой воспримите
Как признание души.

Спросите, кто написал —
Я с Бурзянской волости.
Там я и солдатом стал,
Там остригли волосы.

В воскресенье завершил я
Ночью в три часа баит,
Вам отправить поспешил я —
Роду преданный джигит.

36. ГОЛОС ОКОПА

Хорошо, друзья, и так беспечно —
Вам не знать, как мир идет ко дну.
Мы лежим в окопах бесконечно,
Проклиная долгую войну.
Мы лежим плашмя в глубокой яме,
Сверху дождь осенний шелестит;
Устлана земля вся сплошь телами,
Пулемет безжалостно костит.
Дождь льет с неба, вязнем по колено
Мы в окопах, в глине и воде.
Страшно все: и смерть, и его плена;
Дрожь по телу — кто спасет в беде?
А у вас под головой — подушки,
Под спиною — чистая постель.
Грязно все здесь — грязь в ушах и душах,
Червь ползет по телу, вошь нас ест.
Вон душа при крике: «Из окопов!»
Как под свистом пуль поднять башку?
Бьет шрапнель по глине, как по гробу,
Весь уподобляешься мешку.

Но бежим вперед врагу навстречу
В штыковую с криками «Ура!»
Те, кого никто уж не излечит,
Умоляют: «Мне б воды, братва...»
Под ногами корчатся, не в силах
Превозмочь агонию конца:
«Пристрели, браток, во имя сына...
Матери родимой и отца...»

37. БАИТ МУХАМЕТСАЛИМА

Слушайте, я прочитаю мунажат вам,
Расскажу вам все про то, что было с нами.
Долю сотую война в нем занимает,
Ну а вы решайте, что об этом думать.

Если ты соображаешь, делай вывод;
Коль чувствителен, откликнешься слезливо,
Коль бывалый — испытаешь горечь живо,
Несмышленный — так не станешь даже думать.

Разнесли в аулы красные пакеты —
В Белебей немедля трогаться с рассветом.
Только с близкими проститься нам при этом
Дали время — ни о чем другом не думать.

Распростившись, из аула утром рано
Я уехал в светлый месяц «рамазана»;
Пели звонко соловьи вблизи урмана...
Помоги нам, о аллах, о них не думать!

Где уж тут нам помышлять о возвращенье;
Суждено аул нам видеть в сновиденьях.
Вас во сне увидишь — все же облегченье...
Помоги, аллах, о доме нам не думать.

Много сел и городов нам попадалось;
Наконец, мы на границе оказались.
Государство нам германское предстало —
Боже правый, странно мне о том подумать.

Ах, солдатская головушка! Чего ты
Не видала, не слыхала в эти годы;
Льем кровавые мы слезы вместе с потом.
Так о чем мне бог велит отныне думать?

Прошлогоднее нам лето улыбалось,
Небо теплыми дождями проливалось,
Потому зерно в колосьях наливалось.
Но однако о другом пришлось нам думать.

О, родные, на чужбине пропадать мне,
Нет товарищей, друзей со мною рядом,
Дни и ночи льются слезы мои градом,
Ни о чем другом я не могу и думать.

Ах, увидеть бы однажды светлый лик ваш,
Может быть, о том уже не стал бы думать.
А пока во мне желанье это свято,
Потому и сочиняю мунажат я.

II

Написано о том, что думают запасные солдаты, лежа на позициях и вспоминая родную сторонку.

Карандаш я в руки взял,
Близким письма написал;
Столько сообщить бы рад —
Не уместит мунажат.
Ну, а как меня зовут,
В записях моих найдут.

Эй, деревья! Сколько лет вам,
Выситесь какое лето,
Грусть моя какого цвета? —
Я к деревьям обращаюсь.

Ты откуда дуешь, ветер,
Сколько ты бродил по свету,
Как, скажи, мои там дети? —
К ветерку я обращаюсь.

Ветер, меня запахом обвей
И садов, и солнечных степей;
Час придет — увянет первоцвет.
Только мне в душе покоя нет.

Мухаметсалим зовусь я,
Весь исполнен боли, грусти,
Мунажат последний пусть мой
Как завет воспримешь ты.

В каземате написал я в воскресенье,
В пять часов, погожим вечером весенним.
Как я видел сон и сам же его разгадал я.

Мне однажды сон приснился,
Долго я ему дивился;
Я проснулся в полночь, встал,
Что и предпринять — не знал.

Собирался я в дорогу,
И еды припас немного;
Вдруг собаки — ну и сон! —
Взяли в круг со всех сторон.

Успокоится ли мама
И утешится ль отец,
Если сын глотает пламя
И подставлен под свинец?
Разве я жену забуду
Ту, с которой разлучен?
Смерть — один лишь только суд мой,
Разлучит меня лишь он.
Может ли джигит без странствий —
Грудь чиста и зорек глаз!
Одарить джигита властен
Счастьем лишь Хызыр-Ильяс.

То, что написал я, вспоминая ваши проводы:

Далеко ваш сын брошен;
Мама, чаще мне пиши,
Чтоб твой сын не жил, тревожась,
Только радуясь бы жил.
При прощанье проливали
Слезы вы... Здоровья вам,
Как и долгих лет желаю —
Слишком не тоскуйте там!
Как верблюд, что с верблюжонком
Расстается, так и вы
Там застыли напряженно,
Не живы и не мертвы.

Силился сквозь них пробиться —
Не хотят посторониться
Псы. Вдруг двое с двух сторон
На меня... Такой вот сон!

Черный сон. Что суждено мне
Завтра? Может быть, сегодня?
Долго ли гореть в огне,
Вновь увидеть все во сне?

Не от вас ли отлучают,
Руки-крылья мне ломают?
Горемыке, мне за что
Причиняет Бог мой зло?

Взор мутится мой от слез,
Душу холодит мороз;
Мать, отец! Я виноват,
Что терзаньями объят.

Дни святые, жизни свет
Позади остались.
Столько миновало лет,
Как с мамой мы расстались.

Разве истинный мужчина
Не добьется своего?
С домом память разлучила —
Не забыл я ничего!

Так прощайте! — говорю вам,
С вами расстаюсь, горюя.
Ах, всевышнему молясь,
Чаще вспоминайте нас!

Где вы, милые денечки,
Сокровенные слова?
Удивительные ночи
И примятая трава?

III

Ах, отец и мать родная,
Милая жена, прощайте!
Близкие мои, родные,
Детушки мои, прощайте!

Гляну — не отмою глаз,
Мольблю — короток мой сказ.
Горе жизни — через край,
Женушка моя, прощай!

Ах, крыло души моей,
Мать троих моих детей,
Двух миров влюбленный край —
Женушка моя, прощай!

Свет души, не забывай,
Друг души, не забывай,
Мы росли с тобой и жили,
Не забудь меня, прощай!

Ту, которую любил,
Вновь увижу ли когда?
Мать, чью грудь сосал с пелен,
Не вернется ль никогда?

Лес сосновый и густой
Заново пройду ль когда?
Душу, что горит тоской,
Изведу ль в себе когда?

Был три года я вдали —
Снова встретиться хочу;
С другом, с кем беду делил,
Снова свидеться хочу.

Черные ее глаза,
Медосочные уста,
Нежный цвет ее лица —
Вновь увижу ли когда?

Подбородок выше плеч
И серебряная речь...
Локти, что белее свеч,
Вновь увижу ли когда?

То, что писал, теща самого себя:

Не плачь, душа моя, не плачь,
Минует день, настанет ночь;
Уйдет беда, на смену ей
Придет череда счастливых дней.

То, что написал, вспомнив, как вернулся домой из Самары, перешагнул через порог и разбудил спящую жену:

Ты уснула крепким сном,
Гюльемеш моя, проснись!
Спишь в постели сладким сном,
Свет души моей, проснись!

Ты в постели белой спишь,
Головою вниз лежишь;
Вот, вернулся я к тебе,
Так проснись же, Гюльемеш!

Муж вернулся — посмотри,
Взгляд в глаза мои упри;
Может, смехом одаришь,
Дорогая Гюльемеш?

Несравненная, вставай,
Незабвенная, вставай,
Муженек твой возвратился,
Посмотреть на лик твой дай!

Возвратился твой супруг,
Встань, жена моя и друг!
Тот, кто спутник был тебе,
Утешением в судьбе,
Возвратился в милый край,
Ненаглядная, вставай!

IV

То, что написал, вспоминая о своем возвращении и новом расставании, тоскуя о том времени:

Нам уйти настал черед,
Оставаться — ваш черед;
Помолиться за солдата,
Что уйдет, пришел черед.

Встретится солдат увечный —
Вспомните, друзья, о нас.
Встретится с мешком заплечным —
Вспомните, друзья, о нас.

Ах, родители вы наши!
Вспоминайте нас почаще.
Пусть молитва ваша нам
Помогает в трудный час.

Некому мне помогать,
За солдата хлопотать.
Нечего мне от царя
Что-то для себя желать.

Ах, отец и мать родная,
Милая жена, прощайте!
Близкие мои, родные,
Детушки мои, прощайте!

Некому здесь, кроме вас,
Сотворить для нас намаз.
Некому в тяжелый час
Поддержать нас, кроме вас.

Бисмиллахи ва биллахи,
Наступил курбан-гаит.
Если спросите, о чем я —
Шлю германский вам баит.

Семнадцатого июля
О войне пришла к нам весть.
Бог велел нам посвист пули
Услыхать нам, наконец.

Восемнадцатого — с рассвета —
Был приказ нам выезжать.
И болит, и ноет сердце —
Как тут быть? Куда бежать?

Лишь до города Варшавы
Добрались, сошли с машин.
Ах, своих детишек жалко —
Голос их в ушах дрожит.

На телегах выезжали;
Каркал ворон на суку.
Мать нас молча провожала,
Прислонившись к косяку.

Уходили на рассвете
В наступленье под огнем.
Будь счастливыми б на свете,
Не покинули б свой дом.

Пусть все стирано и мыто
Будет. Пусть бежит слеза.
На войну ушли егеты*,
Будьте счастливы, друзья!

Пишет на бумаге плотной
Чье-то горькое перо.
Через птиц вы перелетных
Шлите нам привет-добро.

От ходьбы устали ноги,
Я присел, чтоб отдохнуть.
Я сложил баит убогий,
Оттого что рвется грудь.

С юга туча наплывает —
Знать бы, ливень или снег?
Ах, под кров родного края
Ворочусь я или нет?

Выйдя из аула, сели
На попутную арбу.
Что-то слезы одолели —
Ах, понять бы, почему!

Добрались до Белебея,
Загрузились на постой.
Нас в молитвах пожалейте,
Не вернемся коль домой.

Соловьи поют с рассветом
Над рекою в тальнике.
Дети плачут — папы нету,
Растворился вдалеке.

Восемнадцатого июля
На войну нас повезли.
Мать, отец в своем ауле
Пожелтели от тоски.

О войне дошли к нам вести —
Причитанья начались.
А призвали — к фронту вместе
Как-то сразу разошлись.

О войне в толпе крестьянской
Не гадал никто, не знал
До тех пор, пока десятский
Нас на службу не призвал.

Ходит он от дома к дому,
Выкликаая имена;
Вокруг женки: на кого, мол,
Оставляете меня?

Объявил отъезд наш писарь
Ровно в девять поутру.
Слезы на щеке повисли,
Не просохнут на ветру.

Собрались на пункте сборном
Десять человек солдат.
Записали нас, покорных,
Чтоб потом отправить в ад.

Заглянуть домой нам дали;
А прошли через порог,
Домочадцы зарыдали:
«Хоть бы вам аллах помог!»

А потом еду в котомки
Наложили. Лошадей
Запрягли. Под ропот громкий
Покидали мы детей.

Сапоги надел чуть свет,
Натянул затем бешмет.
Дети с плачем помогали —
От их воплей мочи нет.

Белоснежным был платок
Носовой — в слезах промок.
О войне лишь только думы —
Ах, какой в убийствах прок?

Мать хлопочет пятый час.
У отца — слеза из глаз.
«Нас на станцию возьмите», —
Умсляют дети нас.

Час отъезда разузнали
Мои родичи в тоске.
Много пицци натаскали —
Кто в платочке, кто в мешке.

Ехать — я ни мертв, ни жив;
Кто остался, тот счастлив,
Родственники провожали,
Все на свете позабыв.

Наконец, машины встали
Возле станции. Вокруг
Земляки мои стояли —
Было больно от их рук.

На рассвете добрались мы
В крупный город Белебей.
Кто нас помнит, помолитесь
За спасение детей.

В этом самом Белебее
Нас поставили «во фронт».
После этого скорее
В дальний повели поход.

В том тысяча девятьсот
Четырнадцатом году
Не войну, а будто сон
Видел на свою беду.

Сколько праздников с тех пор
Провели вы без меня.
Мой баит, туманя взор,
Прочитайте у огня.

Начал я писать баит свой
В дни жестокие войны,
Вынужден по воле барской
Кануть вдруг в пасть сатаны.

Ах, как тяжело расставанье
С домом и родной землей.
Разделяют расстоянья
С незабвенной стороной.

С жутким выкриком среди ночи
Просыпаюсь ото сна.
Вспомню вас, и нету мочи —
Будь ты проклята, война!

Ждем весну мы с нетерпеньем,
Пенье перелетных птиц.
Проклятое поколение —
Вот кто мы среди прочих лиц.

Сторона родная, где ты? —
Позабыл среди боев.
Через птиц свои приветы
Отослал бы, и любовь.

Через города и села
Добирались мы сюда.
Ах, воюем за престол мы
Ненавистного царя.

Мама, как сготовишь пищу,
Соберешь своих детей.
Нет меня — среди них я лишний,
Вы же — в памяти моей.

Мама, прочитай молитву
Утром, оглянись кругом:
«Где вы, дети? Сын мой, жив ты?
Опустел без вас мой дом!»

Станций две иль три отъехав,
Вся окаменела грудь.
На войне нам не до смеха —
Жизнь иль смерть — таков наш путь.

VI

Военный баит возле Субалкина

В тысяча девятьсот
Четырнадцатом году
У Субалкинских высот
Бой идет — мы все в аду.

Немцы в нас снаряды шлют.
Без конца из пушек бьют;
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

Или щеки пожелтели,
На душе — глухая ночь.
Дети там осиротели —
Чем могу я им помочь?

Начал в этот год сраженьё
Злобный падишах «герман» —
Всем народам на мученье
И от смерти, и от ран.

Сверху льет безумный ливень;
На лугу лежим сыром.
«Божья воля!» — говорим мы,
Видим утешенье в том.

Лошадь, что в моей упряжке,
Тащит на гору свой груз.
«Где наш папа?» — я протяжный
Слышу крик из детских уст.

Вновь вступаем мы в сраженьё;
Барабан нещадно бьет.
У Субалкина лишенья
Терпим мы. Здесь кровь течет.

Издали в ночи мерцают
Германские города.
«О, алла! Алла!» — взывают
Все, кто угодил сюда.

Уезжая, возле леса
Оглянулся... Боже мой!
Как не обернуться, если
Дети за моей спиной!

Град с названием Варшава
Сплошь построен из камней.
За сто верст нас окружают
Только черепа людей.

Как идем мы строим, блещут
Наши русские штыки.
А шрапнель падет — трепещут
Батальоны и полки.

Все извилины солдата
Мы патронами набьем.
Нет надежды, что из ада
Выберемся мы живьем.

Мы дошли до Вислы-речки,
Что задумчиво текла.
Был я отроком беспечным —
Жизнь печаль в меня влила.

Тяжко на гору взбирались,
Отдыхали до утра.
Мы три города германцев
Захватили на «ура».

Соловьи безумно пели
Над рекою в тальнике.
Я байт писать не смел бы —
Сердце извелось в тоске.

Утром вышел я, проснувшись;
Солнечный сиял восход.
Полоснуло мою душу
Слово жесткое «в поход!»

Вы одежду, что осталась,
Надевайте, как и мы.
Вы детей ласкайте наших
Так же жарко, как и мы.

Ах, снаряды наших пушек
На шестнадцать верст палят.
Битва эта — лишь ловушка
Наших жизней, говорят.

В страны мы ушли чужие,
Между нами все горит.
Что мы чувствуем, живые,
Вам поведает байт.

По пути, которым шли мы,
Пара лебедей летят.
О всевышний, сохрани нас,
Отведи весь этот ад!

Суп — капуста мировая!
Говорят нам: это щи.
Только вот шурпа свиная,
Да зеленые хрящи.

Эти щи мы каждодневно
Справно получаем тут.
Целый котелок я съел бы —
Только миску и дают!

Чашка наша: медь снаружи,
Оловянное нутро.
Каша — каждому по ложке,
А сожрал бы — все ведро!

Сухари, что мы грызем, —
Погорчей полыни.
Ах, засушены с червем —
Вместе с супом стынет.

Может, все мы позабудем,
Если службу завершим.
Злы, как псы, на фронте люди,
Нет ни сердца, ни души.

Ах, война нас окружает,
И не видно ей конца.
Кто вернуть пообещает
Сладость отчего крыльца?

В переполненном вагоне
Привезли нас, как овец.
Наше место — в гарнизоне?
Для бойцов нет лучше мест.

Дни сменялись ночами,
Дули стылые ветра;
Я дорогу ел очами,
Грудь сковал холодный страх.

В постоянном ожиданье
Дожили до ноября.
Думали: вот-вот нагрянет
Немец с раннего утра.

В ноябре при аммуниции
Ровно в десять вечерком —
Заняли позиции мы,
С немцами к лицу лицом.

Командиры ходят-бродят,
Расставляют караул;
Немец вновь набор проводит —
Ветер новых битв подул.

Мы окопы рыли глубже,
По врагам стрельбу вели;
На отпор наткнувшись дружный,
Отбивались как могли.

Весь наш двести первый полк
Долго рыл себе окоп;
Немец начал бить с рассвета —
Ядер огненный поток.

Вражеские офицеры
Впереди солдат идут.
Ну а наши офицеры
В полной панике бегут.

В нас враги снаряды шлют;
По шеренгам нашим бьют;
Наши храбрые солдаты
Все в крови — и там, и тут.

Кто без ног, а кто без рук.
Корчатся в крови от мук;
Есть ли в мире, кто несчастней —
Смолкнет где наш сердца стук?

Сухари — наша еда,
Путь наш — горе и беда.
Милые мои, прощайте! —
Мы уходим навсегда.

Мне могилку не вскопают,
Саваном не обернут;
Мои кости, истлевая,
Век валяться будут тут.

Столько их погибло разом?
Юношей простых, как мы.
Вороны клевали глаз им,
Их тела сожрали псы.

В два часа с ночной метелью
Мы вступали в город Лодзь.
Сапоги вконец истлели,
А шинель — хоть в печку брось.

В шесть часов ушли из Лодзи,
От усталости без ног;
Сели — хоть мы здесь не гости —
Кто куда прибиться смог.

Враг из пулемета шпарит
В нас с вершин высоких гор;
Ах, повсюду наши парни —
Кровь течет и стынет взор.

На земле германской много
Отцветающих садов.
Не кручиньтесь, ради бога,
Я пока что жив-здоров!

Покидали утром рано
Город, что спокойно спит.
Видим: тень аэроплана —
По солдатским головам.

Землю грудью пашем, роем
Лезвием тупых лопат.
«Тут не прошагаешь строем,» —
Командиры говорят.

Перестрелка завязалась,
Лишь наметились враги.
Кончились боеприпасы —
Наши бросились в штыки.

День тот Судным был; охвачен
Мир и страхом, и огнем;
Сколько пало с воплем, плачем,
Пулей скошены, штыком...

Дождь со снегом шел. Нещадно
Резкий ветер задувал.
Мертвых и живых смешала
Смерть, валя их наповал.

На рассвете — дым да пепел,
Да горячая зола.
Наседал проклятый немец —
Кровью пенилась земля.

Даже ночью нет покоя —
При прожекторах опять
Путь прокладываем с боем...
Немец, черт, опять летит!

Налетел, как шквал, и бомбы
Сбросил на голову нам.
Ямки нет, укрыться чтобы —
Брызжет кровь из свежих ран.

Только жить-то ведь охота:
По земле лопатой бьем;
Врыться бы в нее, как крот, мне,
Под землей найти свой дом.

Поднялись и мы в сраженье,
По врагам ведем обстрел.
...Это было в воскресенье —
Кажется, весь мир сгорел.

Сверху приказанье было
Ко всему готовым быть:
Город захватить и силу
Вражескую подавить.

Вновь по нам снаряды бьют,
Вновь под ними люди мрут;
Возле каменного града
Заорали нам: «Капут!»

Дальше — лес густой, а там
Проберемся по горам.
Пули бьют свинцовым ливнем,
Только мертвых не поднять.

Для того ли дом бросали,
Чтоб друг друга убивать,
Чтоб по суткам голодали,
Все готовые сожрать?

Нет ни сухарей, ни хлеба,
А без харча жизнь — не жизнь.
Ночь настанет — мы под снегом
Землю роем, чтоб спастись.

А германский император
На все страсти наплевал:
Он вперед направил танки,
Валит русских наповал.

Танки вражеские грудой
Прут на нас с крутых высот.
Против танков наши люди
По крови идут вперед.

Выстроились супостаты
На возвышенных холмах.
Восемнадцать дней солдаты
Наши бились в тех местах.

С ходу захватить окопы —
Значит против пуль шагать.
Сколько раненых и трупов! —
Разве всех пересчитать?

Восемьдесят с лишним верст мы
Продвигались к немцам в тыл.
Полк наш семьдесят обозов
По дороге захватил.

Многих подняли на штык,
Утопили остальных;
Через речку перебравшись,
Выжгли немцев городских.

Кирпичом дома покрыты.
Нет ни стужи, ни жары.
Ночью в пламени и криках
Тонут села немчуры.

Шлемы их сверкают глянцем,
К поясу подвешен нож.
Как начнут палить германцы,
Ног своих не унесешь.

Пушка их не весит даже,
Говорят, восьми пудов.
А пришла мортира наша —
Немец уж бежать готов.

Крикнут нам: «Вперед!» — и все мы
Друг за дружкой бежим.
Падаем, устав, на землю,
Рыбой на песке лежим.

На холмах германец копит
Силы. А коль надо — вдруг
Грузится тотчас в вагоны
И от нас — все «стук» да «стук».

Ну а наши офицеры
Знай одно: «Вперед! Вперед!»
Артиллерия без меры
По окопам нашим бьет.

На позиции военной
То, что хочешь, не поешь.
Как начнут палить, мгновенно
Средь цепей солдатских — брешь.

Немец в нас из пушек бьет,
Города на части рвет;
Города свои порушив,
Прочь от нас всю дерет.

Немец, он — народ умелый,
Повыдумывал машин;
Офицеры носят шлемы —
Что тут скажешь: хороши!

Город по названью Лига —
Не германский ли вокзал?
Вспыхнет дом — девичьим криком
Огласится весь квартал.

Мы из Лиги той германцев
Выгнали ко всем чертям.
Суток несколько негласно
Наше войско жило там.

Край германский — серый камень,
Износились сапоги;
А из пушек бьют упрямо —
Жарко от такой «пурги».

Край германцев — грязь да глина:
Не увязнув, не пройдешь;
Спрятаны в окопах длинных
Пушки немцев — не найдешь.

Дни и ночи цедит дождик,
Ты и без того хорош.
Бить начнут из пушек — дрожью
Отдается в теле сплошь.

На земле палят, и с неба,
Никуда не убежать.
Мертвецам не надо хлеба —
Их бы в землю заховать.

Аэропланы, словно птицы,
Мчатся, распластав крыла,
Аж видны пилотов лица —
Вот такие, брат, дела!

Словно зеркала, сверкают
Вражьи пушки. А пальнут —
Мы от страха замираем,
Кажется: вот-вот убьют.

Немец в нас из пушек бьет;
Дым по брустверу ползет.
Кто без ног, а кто без рук,
Корчатся от страшных мук.

В пору солнечного лета
Мы в окопах ночь и день.
С вечера и до рассвета
Шастаем во мгле, как тень.

Иногда дают нам суп,
Мяса — не поймать на зуб.
Всю неделю голодали —
Командир, быть может, скуп?

Коль заявится — то ночью:
Харч — студеней, чем вода.
Достается, между прочим,
Полтарелки — вот беда!

Ливень — прямо водопад!
В этакий прорвешься ль ад?
Ну а те, кто попытался,
Трупами в грязи лежат.

До утра мы пробирались,
Не одну прошли версту.
Павшие лежать остались —
Знай: те «пали на посту».

Каждый день — то снег, то ливень;
Ну а мы — что день, то в бой.
К черту все, и в хвост, и в гриву! —
Очень хочется домой.

Яблони в садах немецких
Вызревают на заре.
На коротеньком отрезке
Жаркий бой был в сентябре.

Суток семь дожди хлестали,
Превратили нас в плотву.
Суток семь мы голодали —
Успокой-ка тут братву!

Собирают санитары
Раненых среди канав;
Все по правде описал я,
Ничего не переврав.

А дожди прошли — раскрылось
Небо — благодатный вид.
Оттого, что накопилась
Горечь, я пишу баит.

Эта кончится ль война,
Эта схлынет ли беда?
Иль в чужбине наша юность
Отпылет навсегда?

Алый лик мой пожелтел
От войны и мертвых тел;
Снов не вижу по ночам я —
Знать, все сны пересмотрел.

Где немецкий телефон? —
Под землей проходит он.
Где тела солдат российских? —
Там же, где и телефон!

Иногда и наши пушки
Здесь германских бьют солдат.
Офицеры по катушке
В командирский штаб звонят.

Наши бьют по их окопам,
Где засел германский сброд.
Не помогут телефоны —
Немец в землю влез, как крот.

VII

Распрощался с отчим домом —
Увела меня война.
На позициях укромных
Сгорбилась моя спина.

Я ушел с родной сторонки,
Увела меня судьба.
Жизнь моя — лишь плач да стоны,
Сколько помню я себя.

Просыпаюсь среди ночи,
С горечью вздыхая: «Уф-ф!»
Воевать уж нету мочи —
Видно, и помру, вздохнув.

Побывали мы в Самаре.
Думали: вернемся в дом.
Только — вновь в огне и гари
Здесь в окопах мы гнием.

Из Самары увезли нас
Прямо в город Исмаил;
Кто нас проклял в этом мире,
Кто вогнал в кровавый ил?

Довезли нас на машинах
В город Август на вокзал;
«Будьте все неустрашимы!» —
Командир наш пожелал.

А потом тряслись в вагонах;
В сердце — ледящий страх.
Покарал бы по закону
Эту Сербию аллах!

Сколько дней после Самары
Ехали мы в край чужой,
И в Субалкин — с пылу, с жару
Устремились в жаркий бой?

В августе дошли до цели;
Выдали оружие нам.
На места расположенья
Развезли по всем фронтам.

Справа — тридцать два патрона,
Слева — столько ж... Но душа
Каждый миг родной сторонкой
Грезит прошлым, не спеша.

Посвист пуль и вой снарядов
Слышим мы над головой.
Что за горькая награда
Нам досталась тут с тобой?

Сорок дней без перерыва
На позиции я был;
Содрогаясь от разрывов
Я в своем окопе стыл.

Вдосталь горя наглотались,
Только счастья — ни на грош.
Как в живых еще остались —
Не поверишь, не поймешь.

Не видать врага, но слышим
Приближение его.
Чуть от напряженья дышим —
Ах, не сделать ничего!

На войне могил нет братских,
Мир вокруг погряз во зле.
Сколько тут голов солдатских
Остается на земле!

На чужбине дождь да ветер,
Да покойники в бою!
Ну а лучше нет на свете,
Жить бы век в родном краю!

Мы сражаемся с германцем,
Несмотря на долгий путь.
Будем живы — в отчий край свой
Возвратимся как-нибудь.

Не меня ль вы проводили
На войну, отец и мать?
Для того ль на свет родили,
Чтоб отправить умирать?

Вырвали меня из дома,
Бросили в огонь живьем.
Вспомню мать, и в горле комом
Встанет жизнь в краю чужом.

Здесь из пушек, пулеметов
Бьет нас немец — хитрый бес.
Мы же на него — с винтовкой
В бой идем наперевес.

Утром встав, лицо умою,
«Физзарядочка» потом.
Вспомню вас, глаза закрою —
И предстанет отчий дом.

День и ночь травили газом
И стреляли в нас из тьмы.
Около двух тысяч разом
В яме схоронили мы.

Выстроили нас рядами
Перед немцем напоказ.
Каждый в ожиданье замер —
Не косить ли станут нас?

Пулей нас или винтовкой
Не спугнешь — привыкли к ним.
Коль ты даже очень ловкий,
Спасу нет от них живым.

Глядь: снаряд шестидюймовый
Где-то рядом упадет.
Пусть уж лучше, право слово,
В мир загробный заберет!

Маленькой не будь лопаты,
Кости б полетели с треском.
Чернозем хранит нас свято —
Как кроты, мы в землю лезем.

Слишком растянулся этот
Сочиненный мной баит.
Умный вникнет в наши беды
И за все меня простит.

Написал баит в плену я
У германцев вдалеке.
Я о будущем горюю —
Жить ли впредь моей строке?

Берег Дима — мой приют,
Находил я там уют;
Но винтовку взял на горе —
Мыкаюсь три года тут.

Трое суток длился бой;
Без еды я сам не свой.
Ах, забуду эти муки,
Только воротясь домой.

Помню, в Лодзи был кошмар:
От домов шел дым и пар.
Сухарями заедали
В сердце пышущий пожар.

Немцы в нас снаряды шлют,
На живые части рвут;
На позиции солдаты
От недоедания мрут.

На войне, как на войне:
Пушки бьют — и мы в огне.
По нас плачут сотни тысяч
На родимой стороне.

Чтобы в плен германца взять,
Надо хитро воевать.
Оказалось, что мы сами
Угодили к немцу в плен.

В шесть часов перед закатом
Оказались мы в плену.
Ах, вернемся ли обратно
Мы в родную сторону?

Эти строки я в казарме написал
В час, когда весь полк наш спал.

VIII

Бисмилла, сказал я сразу,
Стал баит свой сочинять.
Плен осмысливать свой стал я,
День за днем припоминать.

Лодзь оставили мы утром,
Видя, что грозит нам крах.
Офицеры знали будто,
Что уже под боком враг.

В плен германец нас забрал,
Раненых и брать не стал;
Сапоги, ремни, шинели —
Все с солдат вчистую снял.

Восемьдесят нас в вагон
Затолкали с двух сторон;
Трое суток нас возили —
Только крик стоял да стон.

Всем вагоном, как еду,
Потребляли мы бурду;
Плача дом свой вспоминали,
Каждый про свою беду.

Самых молодых солдат
К нам приставили в наряд;
Сторожей чуть держат ноги,
Курят трубки все подряд.

Постепенно добрались мы
В чудный город Лехниес.
Дать мальчишке ухитрились
Денег, чтобы хлеб принес.

Тот буханку притащил,
«Ну, кому отдать?» — спросил.
Часовой взял хлеб, и малость
Нам, как милость, отломил.

Мы в еврейской синагоге
Просидели десять дней;
Десять дней молили бога:
Не оставь нас, пожалей!

Ах, глаза у нас опухли
От бессониц по ночам.
Перед выездом две булки
Аржаного дали нам.

Ну а к булкам тем впридачу
Дали пару тумаков.
«Буднер! Бит-лос!» — нам кричали,
Как на темных дураков.

Я б отстал от прочих, только
Кнут отставших не щадит.
Слезы льются... Что в них толку? —
Бьет без устали бандит.

Сотня стареньких солдат,
Нас, как прежде, сторожат.
Нет, чай, ни родных, ни близких —
Все зато они нам мстят.

Добрались мы постепенно
До местечка Шентомил.
Шестнадцатилетний немец
Здесь уж в армии служил.

Ну а дней через пятнадцать
Нас собрали вместе вновь.
Приказали перебраться
Под барачный пыльный кров.

Ох, что началось тут: ругань,
Воровство и мордобой,
Сперли воровские руки
Все, что я имел с собой.

Многие в плену загнулись,
Скорчившись в углу своем.
Неужели не от пули,
А от голода помрем?

Каждый день — полфунта хлеба —
Разве голод утолить?
Вот и остается небо
И всевышнего молить.

У германских лошадей
Хвост отрезан до корней.
Норма срезана на пищу
У отверженных людей.

Мы три года отслужили
Императору Руси.
Вот теперь нам удружил он —
Жить нам дни или часы?

Только солнышко восходит,
Нас работа ждет уж здесь.
Воля будет ли господня,
Чтоб досыта нам поесть?

Солнце всходит утром рано...
А когда его заход?
На работе я, как пьяный, —
Ах, как плен джигитов гнет!

Вечером ложимся спать —
Будем с холоду дрожать.
Ночью потихоньку плачем,
Вспомнив вдруг отца и мать.

Вся германская еда —
Свекла, репа да тырма*.
Жизнь попавших в плен солдат
Тут не стоит и дерьма.

Далеко родимый дом.
Как тоскуем мы о нем!
Вместо пицци — отчим домом,
Прошлой памятью живем.

Утром умываться ходим
Без мундира и без брюк.
Лихоманкою исходим —
Ах, от стужи столько мук!

Полетел бы, погрузился б
Я в речные камыши.
С жизнью бы давно простился —
Не дает тепло души.

Мы хозяевами были
На позиции... А тут
Все на свете позабыли —
Как хотят нас бьют и гнут.

Дома у себя ходили
По аулу босиком.
Тут все ноги поразбили:
Плен врага — не отчий дом.

Так порой подступит голод,
Хоть ложись и волком вой.
Попросить бы хлеба корку —
Не понять язык чужой.

Началась война когда-то
В светлый месяц рамазан.
А конца ей нет, проклятой,
Так же, как людским слезам.

38. БАИТ ГИНИЯТА КИЕКБАЕВА

Начинаю я с привета,
Обойдя почти полсвета;
Дело тягостное это —
Дай же силы мне, алла!
Взяли из дому солдата —
Для него уход — не ад ли?
Вышел люд из-за ограды —
Горько: так велел алла.
Проводив солдат бездомных,
В дом вошли, подобный гробу,
Сотворить молитву чтобы —
Милость ниспошли, алла!
Запрягли в телеги клячи
По трое солдат — на каждой,
Мать-отец остались плача,
Сдвинуться не в силах даже.

Рекрутов согнали в город.
Плачут многие здесь в голос —
Деться тут куда, алла?
Приплелись сюда и дети —
Самый жалкий сброд на свете.
Задувает страшный ветер —
Спрячешься ли от него?
Выстроив солдат по двести,
Проводили под оркестром
В богом проклятое место —
Вот и дел до нас всего.

Аждахе подобен голос —
То машины грозный рев.
Покидают парни город,
Покидают отчий кров.
В каждой махалле* встречают
Божьи люди тех солдат;
Нет, не думал я, не чаял,
Что проеду всех подряд.
В путь весною вышли, к лету;
Нынче к осени идет.

С болью узнаем в газетах:
Наших вдрызг германец бьет.
Два полка из Оренбурга
Вышли — в Пензу держим путь.
Береги нас, молим бога,
Помоги нам как-нибудь.

Больше месяца служили
В окаянных тех местах.
Ничего не заслужили,
Но зато познали страх.
На машине повезли нас
На Карпаты, в горный край;
Шнур и саблю получили,
А потом — в седло давай!
Там и свиделись с германцем —
Отвратительный народ.
Их походка — вроде танца,
«Форвертс! — голосят, — Вперед!»
Стал вникать я в быт солдат,
Стал слагать свой мунажат;
В двадцать восемь начал службу —
Жизнь катилась на закат.
В двадцать восемь дом я бросил,
В край далекий понесло;
Всюду смерть народы косит,
Запах пороха — в лицо.

Габдельгафур, мой сынок,
Слушай мать — пусть будет впрок
Мой совет... Жена родная,
Жди, вернусь — настанет срок.
Взял перо, письмо отправил,
С ним — родителям привет.
Пусть наш срубленный дубняк
Не погибнет просто так,
Обо мне не плачьте — лучше
Берегите наш очаг.
В Агидели плотогонил —
Бревна толстые крепил;
Столько видел я и понял
За тот срок, что здесь я был.
В сундуке моем такие
Книги, что сойдешь с ума;
До свидания, родные,
Позвала меня война.

В солнечные дни гаита
Нам на родине не быть.
По следам своим забытым
Нам уж, видно, не бродить.

Ягоду во сне я кушал,
Рот она мне обожгла.
Не заметил я за службой,
Как и молодость прошла.

В жаркий день, в прохладе сада
Ты цветы водой полей.
Мог бы я служить в солдатах
За полтысячи рублей.

Туго в поясах обвиты,
Закаленные в беде,
Наши brave джигиты
Не сконфузятся нигде.

Помню, уезжали лугом
Из аула в ранний час.
Эй, друзья мои, подруги,
С вами разлучили нас.

Я рубашку постираю
Так, что лучше и нельзя.
Напишу, что возвращаюсь —
Встретите ль меня, друзья?

Завершатся службы сроки,
Кончу записи свои.
Пусть, читая этим строки,
Плачут родичи мои.

39. БАИТ САЛЬМАНА НУРАЕВА

Бисмиллахи ва биллахи, праздник миновал — гаит,
Я сложил, а ты послушай песню «запасных» — баит.

С «бисмиллы» его я начал, грусть вложил в него свою;
Из-за матери с отцом оставшихся я слезы лью.

Если спросите, о чем тоска солдата в этот час,
Я отвечу, что о детях думы, и вся боль — о вас.

Под Варшавой оказавшись, бор увидели лесной;
Пригляделись: нет, не бор — то. Вражий стан стоит
стенной.

Вот снаряды на Варшаву полетели — не спастись;
Вспомнил дом родной, пред взором прошлая
предстала жизнь.

Черный бор, густой настолько, что не сыщешь и следов;
Вон солдат идет с позиций, следом багровеет кровь.

Тащатся ножны без сабель, как без тела голова;
Здесь повсюду кровь и гибель, да зловещая молва.

Вон винтовку положил солдат: устала, мол, рука;
Что припомнилось бедняге? Отчий дом, за ним — река...

В штыковом бою внезапно штык согнулся мой стальной;
Возле города Варшавы наша кровь текла рекой.

Коль копать окопы глыбко, выйдет влага и песок;
Коль штыком проткнешь германца, кровь бьет вдоль
и поперек.

Видел городов немало, как Варшава — никогда;
Вспомню деток и забуду про чужие города.

Пули немца пробивают наши брустверы насквозь;
Ранят или убивают — не удержишься от слез.

У германцев — гроб привозят, чтобы мертвых хоронить;
Нам — домой хоть на минутку, чтоб воды родной
попить.

Выберешься из окопа, дальше движешься ползком;
Думает небось германец: вас без выстрела возьмем.

Мы в том городе Варшаве дней двенадцать провели
И врага за это время с польских склонов отмели.

Гнали мы германцев долго — в памяти те дни свежи;
Наконец на них наткнулись у местечка Аражи.

Столько провели в погоне — ноги держатся едва;
В перестрелке столько пало — как цела ты, голова?

К ним подвозятся снаряды на машинах каждый час
А у нас — в телегах или на руках несут припас.

Ну и каски у германцев — прямо блеск на голове!
Одинок я тут повсюду, дай, аллах, терпенья мне.

Ах, остры штыки германцев — протыкают нас насквозь;
В этой битве беспощадной столько крови пролилось.

В городе Варшаве током все машины снабжены;
Воевать в нас нет желанья — нам не надобно войны.

Я пишу байт свой, чтобы не печалилась душа;
Пусть мечты мои и думы только к дому и спешат.

Дни морозны, по колено снег гнедому моему;
Только бог нам и поможет, так помолимся ему.

Слезы льет солдат по дому, по семье своей родной;
Избавленья дай, всевышний, божий подари покой.

Мой оставшийся елян* повесьте бережно на крюк;
Коль гроза в день ясный грянет, это значит — мне какюк.

Командиры — во главе, у нас же черный хлеб — во сне;
Кто-то из солдат живой, а кто погибнет на войне.

Мы с Галиахметом — в поезд, и на фронт... Отец и мать
В стороне родной остались, чтобы плакать и вздыхать.

Едем мы в вагонах, плавно проплывают фонари;
Уплывает край родимый от зари и до зари.

Вражеские аэропланы — словно птицы в небесах;
Ждут ли нас друзья, иль лучше позабыть нам о друзьях?

Боль такая: сколько близких я друзей похоронил.
Коль писать — слов вереница, мне не хватит и чернил.

Я в тоске писал байт свой, в приступе сердечных мук;
Ах, друзья мои, подайте о себе один хоть звук.

40. БАИТ СОЛДАТА-ВОИНА

Оттого, что сердце ноет,
Начал этот свой баит;
Уезжал на фронт из дома,
Окунулся в мир молитв.

За рекой кричит кукушка —
Сколько нагадает мне?
Оставляю здесь я душу,
Ну а жизнь — сгорит в огне.

В пору вызреванья ягод
Дуют теплые ветра.
Отравляет память ядом —
Думаю о вас с утра.

Мы воюем на Карпатах,
По ущельям и лесам;
Думал ли, что быть солдатом
Мне? Что буду биться сам?

Стареньким ремнем обвили
Стан мой, кряжистую стать.
Ах, туда, где жили-были,
Возвратимся ли опять?

Ехали от Оренбурга
Прямо на германский фронт.
Пожелтел мой лик, стал хмур я —
Мы идем по крови вброд.

Я ремнем затянут с бляхой,
Что из медного литья.
Птицей будь — единым махом
В край родной вернулся б я.

Погрузили мы патроны
В кузова — и вновь в пути.
Вспомню дом родной, и стоном
Отдается он в груди.

По две стороны дороги —
Молодых березок строй.
Коль не свидимся, я богу
Жизнь вверяю, дом родной.

Лишь в машину погрузились,
Птицей понеслись вперед;
Вспомню о вчерашней жизни,
Оторопь меня берет.

Чьи-то города проплыли
По пути в немецкий край;
Бога нас спасти молили
С вечера и до утра.

Дали для рытья лопаты —
Те, что крепятся к ремню.
Принесу какую плату,
Коль друзей тут схороню?

Ходит немец в форме синей —
Все солдаты как один.
Поливают смертным ливнем,
А свинец — у нас в груди.

Ах, германские окопы —
Все из глины да камней;
Погибают наши скопом
Средь равнин чужих полей.

Жмет головушку фуражка
Да сверкает козырек.
Бой идет — на сердце тяжело,
Жить какой отпущен срок?

Издали слегка темнеет
Наших лагерей народ,
Отслужившим тяжелее
Вновь отправиться в поход.

В плен забрали мы австрийцев —
Взял бы всех да и убил!
Ненадолго я забылся
И молитву пропустил.

На плече моем винтовка —
Все двенадцать фунтов в ней;
Требуется война сноровки
От воюющих людей.

Там, где поезда буксуют,
Шпалы скреплены винтом.
Супостата, с кем воюем,
Злым германцем мы зовем.

В бой увозят нас машины,
За одной идет одна;
Требует без счета жизней
Распроклятая война.

Горит город Перемышль —
Не сказать одной строкой.
Я не видел и не слышал
Беспощадности такой.

Сколько пало здесь народу —
В этом огненном котле!
Мы ж вокруг да рядом ходим
По истоптанной земле.

Ах, какие здесь сады!
Прежде пели соловьи.
Нет у садов хозяев —
Вот и вывелись плоды.

Перемышль мы окружили
Огненным кольцом полков;
Сколько мы тут уложили! —
Жребий наших войск таков.

Крепости штурмуем в лоб,
Захватить их с ходу чтоб.
Что нам Австрия! О немца
Часто расшибаем лоб.

Мучит нас осенний ветер,
Дождь со снегом — весь сплошняк!
Что есть хуже войн на свете?
Всей земле она страшна.

Выйдешь ночью — полыхают
В стане вражеском огни.
Утром все загромыхает —
Зарывайся в глуть земли.

Офицеры веселятся
И под музыку поют.
Станут бомбы разрываться —
Слома голову бегут.

Покормить коней бы рады —
В поле не растет трава.
Потчевали мы снарядом
Прочь бегущего врага.

Как в друг друга мы стреляем,
Землю застилает дым.
И врагу не пожелаю
Быть солдатом молодым.

Гляну вниз — земля черна,
Гляну вверх — огней стена;
Гляну вдаль — чужие пули
Вьются... Такова война!

Лезвие клинка, как жало,
Лита медью рукоять;
Сколько жизней здесь пропало,
Не сумеешь сосчитать.

Видел сам: повсюду роят
Эту землю — для кого?
Не меня ль она укроет,
Под свое возьмет крыло?

На вершину гор Карпатских
Наши забрались войска;
Утонул в снегу я вязком,
Видно, смерть моя близка.

С верхней точки гор Карпата
Даль чужая не видна;
То, что суждено солдату,
Он испьет в бою до дна.

В пору нестерпимой стужи
Замерзали мы в снегу.
То, что испоганил душу,
Все попомнится врагу.

В Австрии застряли наши
Изможденные полки;
Пропитались гарью, сажей,
Истоптались каблуки.

Перед сном молясь, о сыне
Вспомнить не забудь, отец.
Вспомню дом, и сердце стынет —
Возвращусь ли наконец?

Я винтовку зарядил,
Выстрелом опередил
Тех, кто целился в меня...
Воспалился от огня.

Били мы по Перемышлю,
Воевали день и ночь.
В городе мы крики слышим...
Чем мы можем им помочь?

Перемышль — орешек твердый:
Мы — по ним, они — по нас.
Сколько мусульман тут гордых
Свой нашли последний час.

Меж боями вырву время
И сожму в руке калям;
Настрочу письмо быстрее
И отправлю всем салям.

На вершине гор Карпата
Воевали мы не зря:
Бились десять дней солдаты
За два фунта сухаря.

Грянул с музыкой парад,
Оживились стар и млад.
Иль цари договорились
И войне пришел закат?

Как оркестры заиграют,
Сотрясается земля;
Как снаряд загромыхает —
От земли — одна зола.

Если Бог велит, судьба нас
На край света уведет;
Человек не умирает,
Если пуля не пробьет.

Свой баит для вас я создал.
Так примите: описал
В нем я все, что в битвах грозных
Своей шкурой испытал.

Прежде пользовались луком,
Били издали стрелой;
Нынче истинная мука —
На войне огонь стеной.

Подстрелил я из винтовки
В небе белого гуся.
Я баит тут приготовил,
Вам дарю его, друзья!

41. БАИТ ЗАПАСНОГО СОЛДАТА ГАБИДУЛЛЫ

С «бисмиллы», друзья, баит свой начинаю;
Утром встав, солдатский завтрак уминаю.
Над землю Бузулукской близ луны горит звезда.
Дети счастливы там в лоне у отцовского гнезда.

Плод в саду я отыскал себе на радость;
Бог увел меня из дома, как из сада.
В Бузулуке лампы ярко полыхают;
Здесь солдаты по семье своей скучают.
Поутру звезда пылает над землею;
При винтовках уж стоят солдаты строем;
Жмет в плечах шинель — не распахнешь и силой;
Поседел, но край родимый не забыл я.
Выхожу, шинелью узкою укрывшись,
Напишу письмо, слезами горькими умывшись;
Толку что, коль глаз остер и черны брови,
Коль не знаем, сколько бог прольет нам крови?

Сизый голубь в вышине, все воркует в тишине:
Что на родине, скажи мне, передай привет жене.
Соловей в кустах поет, трели сладостные льет;
Почему один несчастный средь счастливых да живет?

Над рекой Турат¹ стрижи, а в озерах — рыба;
Ах, война! Как много душ ты загубила.
Покидаем Бузулук — на фронт германский
Мы уходим... Ах, домой вернуться б, братцы!
Нынче сено я косил на горном склоне,
Нынче видел я во сне своем погоню,
Видел, как змея за пазуху вползла мне,
Оказалось: это враг, желавший зла мне.
Плод, не вовремя созревший, тверд для зуба,
Не познав беды, не знаем мы друг друга;
Соловьи весной к нам вовремя вернуться ль?
Трели дивные по сердцу разольются ль?
Оседлаю я коня — он вострепнется, —
Коль помирятся цари — солдат вернется.
Солнца луч не пробивает крону леса;
Голова солдатская, спасись от немца!
О алла, нам ниспошли такую милость:
Сделай так, чтоб падишахи помирились.
Белый лебедь озарен лучами солнца;
Как помирятся цари — солдат вернется.

42. БАИТ САБИТУЛЛЫ

Побывали в Павловке, и там я
Повернул направо вдоль пути.
На рассвете я с младенцем малым
Разлучился — только боль в груди.

Ягоды я собирала споро,
Но корзину все ж не набрала.
И взирала на меня с укором
Бледный облик светлого чела.

Выплывает солнце утром рано —
Спрячется ль за тучей дождевой?
Встречусь ли я вновь с ребенком милым?
Помнит ли меня мой дом родной?

Ах, кукует вдалеке кукушка —
Слышно на обоих берегах.
Голос его многим входит в душу,
Но решатся ль их мечтания вот так?

На горах Карпатских — пекло ада:
Это немцы в них из пушек бьют.
Дети наши гибнут от снарядов,
Их тела стервятники дерут.

Яблони позаросли травой.
Как бы их цветенье посмотреть.
Ясновидцем хочется порою
Стать — чтоб все грядущее узреть.

Голос лебедей звучит медово.
Уплывают далеко ль они?
Всюду вижу снова я и снова
Чадо свое — вещице ли сны?

Утки пролетают, и от жира
Тяжелы они для высоты.
Ах, дитя родное! Как же живо
Смотрят на меня глаза твои.

Пестрая утица привела
К озеру утят своих с утра;
Ах, дитя родное! Как игла,
Колет мое сердце их игра.

Дремлет стоя конь мой вороной,
И коню необходим покой.
Сколько на земле чужих детей,
Но роднее всех мой сын родной.

Сплетены поводья на коне,
А седок его — в чужой земле.
Где-то погребен мой сын... Поди-ка,
Разузнай, в какой он стороне.

Круты берега Бадал-реки,
Одолеть их могут знатоки.
Дитяtko родное, дни и ночи
Молча умираю от тоски.

Шелковый кушак — в нем семь аршинов.
В кушаке бухарском — только два.
Под пластом земли — дитя мое,
Не обнять тебя мне никогда.

43. БАИТ СИРОТ

Тем джигитам, что воюют,
Нету праздника — гаит.
Я сложил стихи, горюя, —
От их имени баит.

Очень хочется германцу
Взять Варшаву... Пожалей,
Мой земляк, что в бой ввязался,
Матерей и их детей!

Говорят, какой-то парень
Видел мать свою во сне;
Думает о нем и плачет
Мать в родимой стороне.

Кладбищ нету мусульманских
На войне, святой хазрет.
Нас хоронят без намаза* —
Чтоб прочесть, хазрета нет.

У оставшихся в сиротах
Застилает кровь глаза.
Коль сирот обидит кто-то,
Не отмоется в слезах.

Сирота — он одинок.
Повзрослеет — дайте срок.
Без родителей видать, он,
От беды уйти не смог.

Неужели немцы рады
Истреблению людей?
Мать, стерпи, коль спросит чадо:
«Где отец? Скажи скорей».

Счастьем душу озарите,
Если встанете с зарей.
Сироту благословите —
Распрощаетесь с бедой.

Аулией* Лукман Хакима¹
Называют... У сирот
Вы сперва узнайте имя,
А потом — и масло в рот.

Сирота — худой на тело,
Очень просто распознать.
Сделайте святое дело —
Замените ему мать.

Сын ласкается к вам: «Папа!»,
Скорбный взгляд у сироты.
Дайте ласки — кот заплакал —
Сразу станете святым.

На войне германской пало
Много наших... Где их счет?
Сколько тысяч здесь осталось
Без родителей — сирот?

Ах, друзья мои родные,
На войну уйдем на днях.
Сгубят нас края чужие —
Дети будут в сиротах.

Устремляемся в атаку
Под бушующим свинцом.
Дети наши будут плакать:
Мол, остались без отцов.

Суп, что нам дают германцы,
И полмиски не займет.
К муллам приводить указным
Просим, чтоб учить сирот.

Мы воюем дни и ночи —
Кровь, куда ни бросишь взгляд.
Сирота учиться хочет,
Помолиться будет рад.

Редко роют здесь могилы —
Трупы выгорят в золе.
Детям, чьи отцы погибли,
Нету счастья на земле.

Дети, что отцов теряют,
Робость обретают вдруг.
Жизнь теперь их — с матерями,
С лаской рук, и с болью мук.

Сколько душ война сгубила!
У оставшихся сирот
Горе обрывает жилы,
Слезы заполняют рот.

Что мне скажут? — ждет сиротка:
«Где, скажите, папа мой?»
«Возвратится», — пусть короткий
Будет ваш ответ простой.

Ах, свинец пронзил солдата,
Брызнула из раны кровь.
«Пред детьми я виноватый...» —
Прошептал он, хмуря бровь.

Коль отец падет, в сиротах
Остаются сыновья.
Долг наш: окружить заботой,
В школе их учить, друзья!

Не завидуйте при виде
Выраженных барчуков:
Не жалея сил, учитесь —
Свет войдет в сиротский кров.

Коль родители есть, дети
Чай душистый с медом пьют.
Смотрит, все забыв на свете,
Сирота на их уют.

В пятницу вещал хазрет нам:
Ни один не может так
Остро чувствовать на свете,
Как аульский сирота.

Если жив солдат, вернется
Детям радость и тепло.
Лица их сияют солнцем
Чуть ли не на все село.

Сирота не знает, где же
Кончил жизнь его отец.
В обращенье с ним будь нежен
Горестям в противовес.

Даже стоптанную обувь
Не бросает сирота.
Дни и ночи смотрит в оба:
Не войдут ли в ворота?

Тут осиротели дети,
Папа, знаешь ли о том?
Есть ли ты на белом свете,
Иль закопан в чернозем?

О, как я истосковался!
Ожиданья вышел срок.
Я молитву прочитал бы,
Коль найти б могилу мог.

Одиночество нас давит,
Где к нам прежний интерес?
Нас одолевает зависть
К тем, в чьем доме есть отец.

Я завет отца запомнил,
Не забуду до конца.
Лишь теперь я цену понял
И значение отца.

В сад исхоженной дорожкой
Мы проходим, как и все.
Ощущаем в сердце дрожь мы,
Если вспомним об отце.

Ах, цари бы помирились —
С войн пришли бы, наконец.
Мы, как золото, ценились,
Когда рядом был отец.

Волк сосет больную лапу,
Спрятавшись в глуши лесной.
Плачет сирота, что папа
Не дойдет никак домой.

Вносим за урок мы плату,
Пред хальфою* бьем челом.
Лишь увидим мы солдата,
Поневоле слезы льем.

Я писал байт, и в пальцах
Трепетал мой карандаш.
Мой байт ты, может статься,
Всем сиротам передашь.

Ах, когда в плену томился,
Праздник там прошел — гаит.
В этом месте завершился
Начатый давно байт.

Усергеновская волость —
Место, где родился я,
Вызрел, как осенний колос,
..... зовут меня.

VI. Царская солдатчина

44. БАИТ СОЛДАТА ГАБДЕЛЬГАЗИЗА

Примите от меня салям,
Я шлю свою молитву вам;
Коль помнит кто Габдельгазиза,
Прочти байт — сложил я сам.
Покидая отчий дом,
На него взглянул потом —
С вами расстаюсь, родные,
Сколько мне ходить с ружьем?
Солнце поутру взойдет —
Вызреет на славу плод.
Стоит мне проснуться — мама
Предо мною предстает.
В зарослях Юрмаш-реки¹
Запевают соловьи.
Повидать захочешь, мама, —
Буду от тебя вдали.
Выйдешь из дому чуть свет,
И увидишь ты мой след;
Сын никак мой не вернется! —
Зарыдаешь — проку нет.
Далеко ли до Уфы,
Разузнайте у молвы.
Кто в Уфу уйдет из дому,
Не снесет тот головы.
Там в пути сады цветут,
Яблони и там, и тут.

Нам сказали откровенно,
Что далеко нас зашлют.
Дом наш всем под стать домам.
Окна в домике без рам;
На осмотр нас всех водили —
Ох, как стыдно голышом!
Для грядущей ли беды
Мои мышцы налиты?
Не могу вдохнуть всей грудью
В праздник первой пахоты.
За рекою — ты сама,
Взгляд — здесь; сводит он с ума.
Душу до сих пор пронзают
Те прощальные слова.
Столько вынесет солдат —
Умереть бывает рад;
Пусть же в будущем мужчина
Не ступает в этот ад.
Выстирает мать во сне
Всю одежечку на мне.
Трудно с домом расставаться —
Жить бы в милой стороне.
В небо я взлететь хотел —
Но и на тальник не сел;
Ни одно свое желанье
Я исполнить не сумел.
Ах, родители родные,
Знать, навек прощаюсь я;
Вам не смог помочь ни в чем я,
Так простите же меня.
Ах вы, родичи мои!
Будьте счастливы, друзья.
После каждого намаза
Поминайте вы меня.
Дров моих возов двенадцать
Сплавит плотом Агидель.
Мать, не плачь по мне напрасно,
Береги других детей.
Вдоль реки Юрмаш когда-то
Я ль бродил весенним днем?
Жизнь пройдет моя в солдатах,
Пожелтею я лицом.
Где вы, родичи, теперь?
Заперла судьба к вам дверь.

Участь ли моя такая —
Жизнь вся — из одних потерь.
Кинул я страну свою,
Мыкаюсь в чужом краю.
Долго ль буду я прикован
К окаянному ружью?
В двадцать три из дома вон
Я ушел судьбе в полон.
В восемьсот сорок девятом
К службе был приговорен.
За волной бежит волна,
Связка бревен не видна.
Когда были мы парнями,
Жизнь тяжелая была.
Где Юрмаш — там моя жизнь,
Связана из общих жил.
Знать мое хотите имя —
Звать меня Габдельгазиз.
Я покинул отчий дом
И солдатом стал потом;
Волосы мои остригли —
Стал я вовсе голышом.
Мой походный чугунок,
Ах, служил он мне как мог.
Далеко душа солдата —
Кончится ли службы срок?
Напоит Юрмаш-река,
И чиста, и глубока.
Сотвори по мне молитву,
Коль вернуться не судьба.

45. СОЛДАТСКИЙ БАИТ

Я баит свой начинаю
Словом божьим «бисмилла».
Жизнь свою благословляю,
Хоть в ней пепел и зола.
Я сложил баит с тоскою
Из любви к своей земле.
Возят пусть его с собою
По родной моей стране.
Улица узка в деревне,
Поместится лишь арба.
Пусть хоть на мгновенье
Сытым помню ль я себя?

Птичий звон меня тревожит
И уводит за порог.
Если так велел мне боже,
Значит, мною правит рок¹.
Мы пшеницу засеяли,
Хватит ли вырастить сил?
Видно, люди пожелали,
Чтобы я несчастлив был.
Яблок положил немного
Я в сундук, чтоб запах был;
Каждый день молитесь богу,
Чтоб он жизнь мне сохранил.
Строятся солдаты в ряд;
Пламенем горит закат.
«Выступай в поход!» — команда.
В сердце у меня — разлад.
Где остался край родной?
Ворочусь ли я домой?
Ухожу походным маршем
Я с винтовкой за спиной.

II

Тяжела солдата доля,
Дай ему терпенья, бог!
Я баит по высшей воле
Сочинил — мне бог помог.
Прямо в каменном подвале
Рост измерили; потом
«Годен» — коротко сказали,
И заверили пером.
Стоит солнышку подняться,
На ногах уже солдат.
Как команде раздаваться —
В сердце у меня разлад.
Трудно подниматься рано,
Даже солнцу я не рад.
Офицер кричит, и рьяно
Служит ему взвод солдат.
Я карабкался на гору,
Чтобы дичи пострелять.
Царь увидел в нас опору,
Чтоб за трон свой постоять.

Горизонт стал синим-синим —
Или это просто сон?
Плачет мать моя: где сын мой,
Жив ли, и здоров ли он?
Соловей поет укромно —
Трель уходит в небеса.
Разлучившись с отчим домом,
Утопаем мы в слезах.
Мать, что рвешь свою ты душу?
Слезы, милая, не лей!
Дело по названию «служба» —
Для таких, как мы, парней.
Солнце лишь едва восходит,
В трепет грудь мою приводит
Грозная команда «марш!»
Рослый воин с барабаном
Перед строем, во главе.
Чем шагать в ботинках рваных,
Не родиться б мне вовек.
Солнце начало клониться,
Облака бегут толпой.
Живы будем — возвратимся
Хоть когда-нибудь домой.
Маршировка всю неделю —
Будет этому ль предел?
Не от маршей похудел я —
От разлуки похудел.
...Белый гусь летит на воле.
Вслед за ним летит мой вздох.
Тяжела солдата доля —
Пусть ему поможет бог!

46. СОЛДАТСКИЙ МУНАЖАТ

Не сердчая, прочитайте мунажат, что сложен мной:
Не свершив всех дел на службе, не вернуться мне домой.
Мама, вознося молитву, мне две строчки посвяти:
Если не вернусь обратно, то прощай навек, прости!
В детстве грудью ты кормила, вырос — силу мне дала;
Шила ты мне и кроила, милосердною была.
Добросердный мой отец! По сыну слишком не горюй,
Дай нам всем терпенья, боже, благочестие даруй.
Родственники! И не знаю даже, что вам написать.
Чем терпеть всю эту муку, лучше жизнь не начинать.

Кожуру бухарской сливы бросил наземь почему?
Одoleв мученья службы, вновь вернусь ли я в семью?
В Бухаре цветы алеют; к звездам там душа близка.
Ничего нет в мире горше, чем по родине тоска.
Год один уж миновал, когда другой минует год?
Знаю: время нашей встречи мама с нетерпеньем ждет.
Эти земли б я покинул — царский не велит закон;
Всю любовь в конверт вложил я — до дому дойдет ли он?
За тебя молю я бога. Мама, за меня моли!
Будем живы, в час урочный до своей дойду земли.
А пока одна лишь дума: как родители мои?
Сына помнят ли, солдата? Бог им душу сохрани!
Как там деревце вишневое? Цветет ли для красы?
Мать, не тешь себя надеждой, что вернется скоро сын.
В Уршаке вода сладка. Ваш сын торопится домой,
Не тревожьтесь: разве жемчуг залежится под землей?

47. ФИ МУНАЖАТ, ФИ БАИТ¹

Есть алла у нас единый!..
С «бисмиллы» начну байт.
Было лет двадцать один мне,
Как в солдаты был забрит.

Цвет был белый у рубашки,
Как Уфу я покидал.
Добрались до Томска — там аж
Черно-бурым цвет тот стал.

Мама, поутру проснувшись,
Угли в самовар сложи.
Помолись по мою душу,
Чтоб вернулся, отслужив.

Указанье дали свыше —
От огня пошел и дым.
Всем, кто видел нас и слышал,
Мы «простите» говорим.

Соловей исходит трелью
В тальнике в рассветный час.
Ощутили ль жизни трепет,
Проводив на службу нас?

Там, в низине, расположен
Город по названию Томск.
Чтоб понять нас, каждый должен
Испытать всю горечь слез.

Износившийся бешмет мой
Вы повесьте на крючок.
Коль друзья придут — с приветом
Переступят пусть порог.

Мама, свой намаз читая,
Мой накидывай бешмет.
Теплым словом вспоминая,
Сына ограждай от бед.

Вышел на вершину гор я
Неизведанной тропой.
Мне служить четыре года.
Ворочусь ли вновь домой?

Старые деревья сада
В плот свяжу — пускай плывут.
Обо мне тужить не надо —
Братья, сестры пусть живут!

Белую рубашку шил я.
Коротки в ней рукава.
Для того ль на свете жил я,
Чтоб пропала голова?

Ах, на долгих маршах ноги
Ноют так, что выть готов.
В снегопад, в глухие ночи
Не заметишь маяков.

Город мы проходим строем —
От подошв чугунный звук.
Улицей бреду я тою,
Жалок от голодных мук.

Ах, я девушку любил бы,
Яблоками угощал.
Я в солдаты не ходил бы —
Старший брат мой настоял.

Улица бежит по склону,
Там берез не сосчитать.
Кто меня с тоскою вспомнит? —
Разве что родная мать.

Помню, как с отцом бродили;
Помогал ему, как мог.
Во солдаты уходил я,
Словно ранний ветерок.

Опечатаны вагоны,
Где мы едем, как в аду.
Я ушел бы хоть сегодня —
Но тут каждый на счету.

Лебеди над нами вьются,
Будто чувствуя вину.
Бог поможет ли вернуться
Нам в родную сторону?

Из Уфы мы уезжали
В город каменный — Иркутск.
С чьей молитвой нас рожали,
Чтоб в могилу затолкнуть?

В этом городе сибирском
Нам разжиться не судьба.
Проклят будь мундир кафырский —
Не натянешь на себя!

Что солдатская сноровка,
Коль дать не можешь стрелача?
Будь ты проклята, винтовка!
Скоро ли слетишь с плеча?

Если бы имел я крылья,
Птицей ринулся б домой.
Годы прошлые не былью —
Сном мне кажутся порой.

Тальники растут у мыса;
Срезал палку, чтоб ходить.
Вспомню лишь родных и близких —
Шагу не могу ступить.

48. БАИТ ПРИВЕТА

(Баит-саям)

Возле берегов Урека¹
Птицы водятся ль, отец?
Было: стал я человеком,
Да пришел всему конец.

Нет, баит писал не я —
Карандаш-калям.
Посылаю вам, друзья,
Пламенный саям.

Близкие мне люди, вам я
Строки посвящаю.
Каждому я лучших самых
Благ и дел желаю.

Ни направо, ни налево,
Рядом нет знакомых.
Коль умру — родное древо
В отчем будет доме.

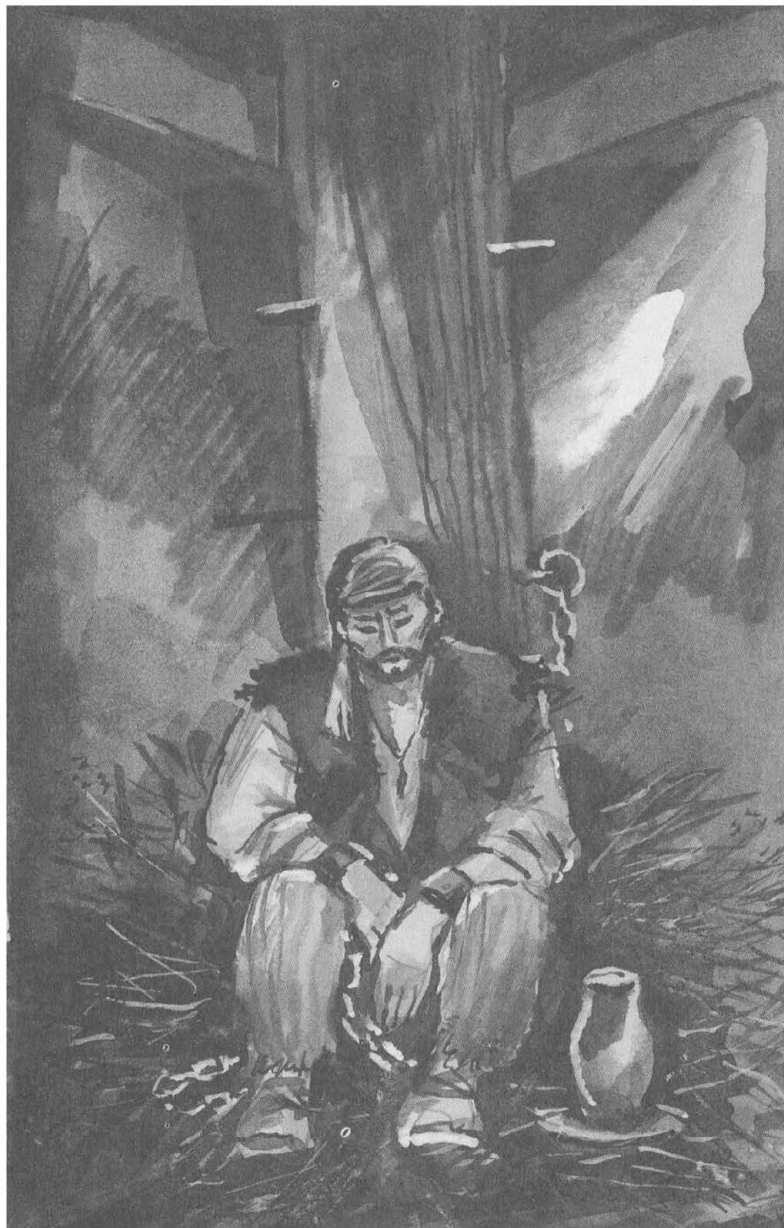
Ем из котелка с друзьями:
Наше — значит ваше;
Я под пулями ночами
Здесь стою на страже.

Гафия и Габдулла,
Вам привет мой тоже.
Помолитесь, и алла
Мне и вам поможет.

Ветерок из дальних стран,
Захвати же зов мой!
Мне удастся ль в свой Сайран²
Возвратиться снова?
Иль жестокость и обман
Суд свершит суровый?

НЕЗАБВЕННЫЙ САЛАВАТ

БАИТ БУРАНБАЯ

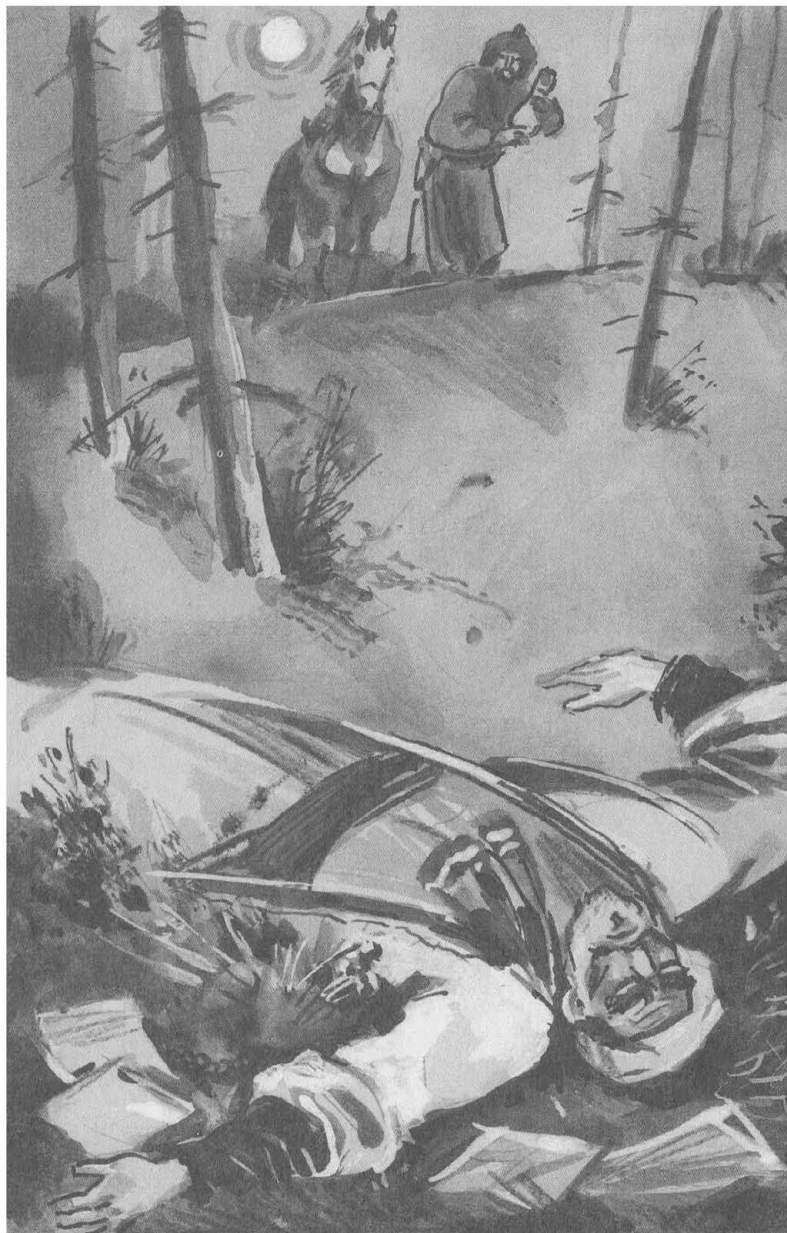
БАИТ О БАХТИГАРЕЕ

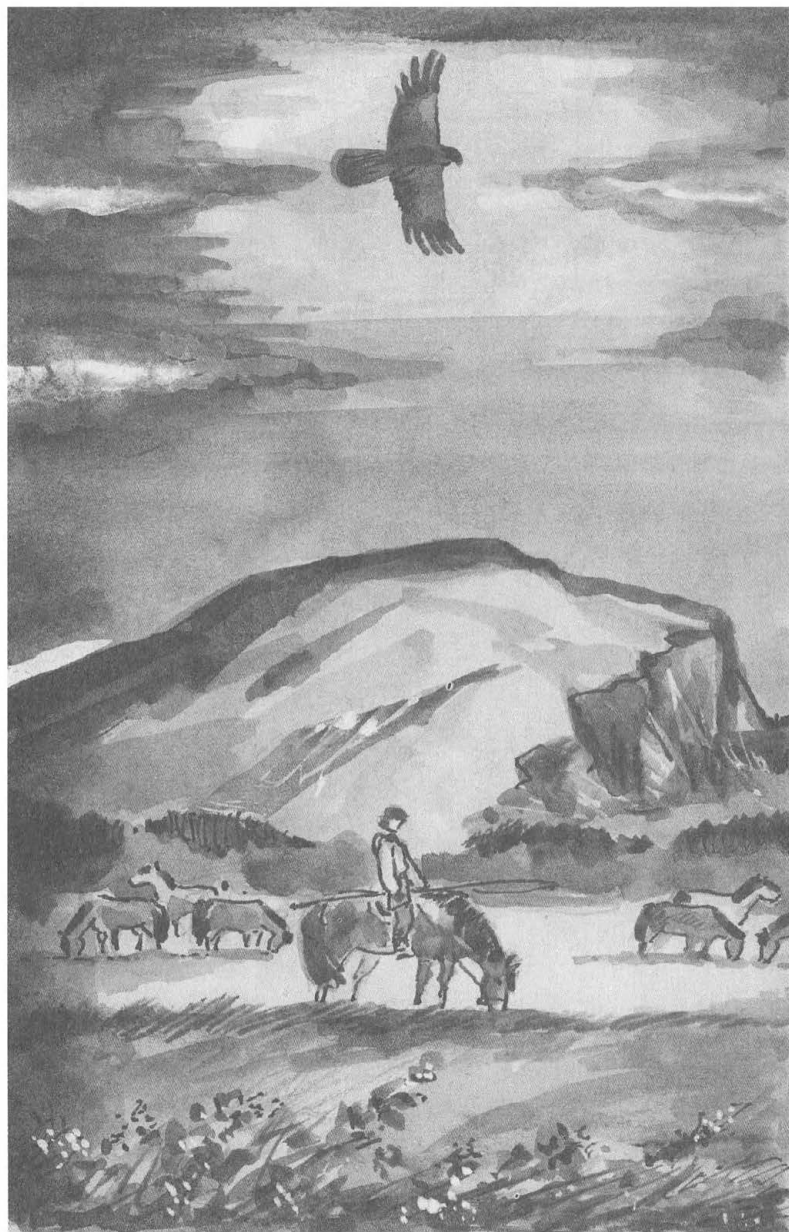
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

БАИТ САКА И СОКА

БАИТ АҚМУЛЛЫ

ЭЙ, МОЙ УРАЛ!

БАИТ ГАЙШИ

49. БАИТ СОЛДАТА БАХТИЯРА

I

Голова моя, головушка! Я маюсь,
Я слезами дни и ночи обливаюсь.

День за днем невыносимые страдания.
Некому сказать, в каком я состояньи.

Голова моя, головушка! Придет ли
День, когда из этой вырвусь преисподни?

Высохнут ли на глазах мужские слезы —
Быть солдатом — все терпеть: зной и морозы.

Эй, друзья! Поймите вы солдата участь:
Лямку тянем, надрываясь и мучась.

Свой привет родным и близким посылаю;
Карандаш я для баита очиняю.

Все слова, что рождены в темнице этой,
Обращаю от души всему я свету.

Скоро ль, думаю, солдатчины не станет,
Скоро ли солдат домой к себе пристанет?

Иль все так же будем мыкаться в солдатах,
На войну вести нас будет царь проклятый?

Вы слова, что кровью писаны, читайте,
И по ним удел солдатский представляйте.

Как хочу родных и близких я увидеть...
Ту любовь и боль прочтете вы в баите.

Вдалеке от нас — и матери, и дети.
Мы вернемся к вам еще на этом свете!

II

На гнедого я надел бы
Золоченую узду.

Белым лебедем летел бы
Я в родную сторону.
Крут хребет, чтобы забраться.
Чтоб спуститься — нету дна.
Рано взяли нас в солдаты,
Жизнь солдата тяжела.
На руку шинель накинул,
Подпоясался ремнем;
Только офицер нам крикнет —
В сердце молния и гром!
Волны Агидели моют
Берега, смывая ил.
Не на голову свою ли
Царь наш пушку зарядил?
Надо мною ворон кружит —
Кто стервятника убьет?
Мы царю усердно служим —
Что нам служба та дает?
Я дорогою раздольной
На отрогах лося бил;
А царя — моя бы воля —
В яму с головой зарыл.
Каша варится без масла
В чугушке весь год подряд.
Куда птице не добраться,
Добирается солдат.
В Жайске¹, на мосту станичном,
Спит осел на склоне дня.
Пусто — только дым струится,
Дым курится без огня.
Нам винтовки для заправки
Выдали — хоть провались.
Наши парни, как пиявки,
По казармам расползлись.
Голуби в окне воркуют,
Всяк и каждый на свой лад.
Воркованье то волнует
Душу грустную солдат.
В Жайске днем не сыщешь тени,
По ночам — кромешный мрак.
Выдали вчера нам деньги —
Может, хватит на табак?
Надевай хоть для приличья,
Мама, старый мой бешмет.
Шапку, как мое обличье,
Вывесь — чтобы видел свет.

Не кукует ли кукушка?
Ей не рано ль куковать?
Мама будет ее слушать
И по сыну тосковать.
На горе курай поднялся,
Птаха песню завела;
Ах, увижу ль снова вас я
И спрошу ли, как дела?

VII. Доля каторжан

50. БАИТ БУРАНБАЯ

За кипой кипа — белая бумага,
Подстрочья буранбаевой руки.
Прочитывая письма Буранбая,
Бывалые рыдают старики.

Конь Буранбая ржет не без причины,
Видать, и он предчувствием томим.
На каторгу ль идти таким мужчинам,
Как Буранбай и верный Ибрагим'?

Расцвел шиповник на лугу. Двенадцать
Различных листьев, говорят, имел.
Ах, принесите! Посмотрю хоть глазом...
Все вытерплю, что мне аллах велел.

Цвет белый — для меня он цвет любимый.
Как белый жемчуг — зубы у меня.
Друзья не знают, как необходима
Мне помощь их! Вся грудь полна огня.

Коль спросите, как звать меня, ответчу:
Ношу я с детства имя Буранбай.
Так вспоминайте каждый божий вечер,
Молитесь, чтоб в родной вернулся край!

Полковник приговор прислал жестокий:
На каторгу ссылает он меня;
Наверное, аллаху так угодно,
Чтоб в разлуке плакала родня.

Год тысяча восемьсот двадцатый.
В тот горький год в студеные края
Был сослан — не вернуться мне обратно! —
Так угодил в чужие руки я.

Остался дух мой дома. Одеяло,
Постель моя — как хочется домой!
Меня печаль глубокая объяла;
Как тяжело мне, поймешь ли, мой родной?

Как встану рано утром — с Кибладина²
Уж задувает теплый ветерок.
Сын Науширван мой! Здесь навек один я,
Жжешь грудь мою ты, словно уголек.

Жена моя! Любимая жар-птица!
Единственный я шлю тебе завет:
Слезам детей бы наших не пролиться,
Пусть справедливость дарит им свой свет!

Коль встану утром — беспросветны дали,
Повсюду стража — сзади и с боков.
Не плачьте, мои дети, что угнали
От вас отца родного далеко.

Головушка моя лишилась крова,
У Сакмар-реки³, где ждал я свет зари.
О, Всевышний! Об одном молю: святого
Мне спутника пред смертью подари!

VIII. Гражданская война

51. БАИТ КОМИССАРА ШАРАФА

Жил в Тюинской¹ волости
Строгий комиссар Шараф.
Раз в аул Кышлау-елга²
Прибыл по делам Шараф.

Появление комиссара
Вмиг враги подстерegli:
В полночь за оградой старой
По следам его пошли.

А Шараф сюда приехал
Как Советов верный друг.
...Шел неспешно. Но гром эха
Выстрела раздался вдруг.

По мосту он шел бесстрашно.
Ну а те — за ним. И вот
Комиссар Шараф Узмашев
От свинца сейчас падет.

Погоди: друзья Шарафа,
Чай, придут, и на тех,
Кто убил, найдут управу —
Уведут с собой их всех!

52. ФАТИХА

I

Между делом вспомним снова:
Ох, как царь нас притеснял!
Оставлял башкир без крова,
Наши земли забирал.
Все при нем: права и сила,
А у нас — ни прав, ни сил.
— Мне в карман клади! — грозил он,
Всяк боярин — господин.
День и ночь серпом мы жали
И кололи им дрова;
Гроши нам за то давали,
Голод жить нам не давал.
Нигматьян¹ богатым был,
Ахмади² богатым был,
Сыновья их — богачи,
Масло им и калачи.
Мы же — в муках и беде,
Жизнь — в слезах, в поту, в труде,
Рванный на плечах бешмет,
От лаптей — корявый след.
Песни — горе через край:
«Таштугай» и «Карабай».
Если счастье не дано,
Гнуть нам спину суждено.

II

Год семнадцатый, февраль.
Царь российский с трона пал.
Всяк тому у нас был рад,
Лишь ту новость услышал.
Сразу вспучились глаза
И у мулл, и кулаков;
По добру у них слеза,
Что ушло из их домов.
Стали сплетни распускать:
Мол, победы не видать
Красным, и рабочий люд
Скоро белые побьют.
Потянулись дни крутые —
Всюду войны, смерть и стон.
К белым подались иные —
Прут они со всех сторон.
Люди нашего аула —
Голь сплошная, бедняки —
Порешили с шумом, с гулом:
«Прочь отсюда, кулаки!»

III

С нами девушка была,
Коль увидишь — дрогнет грудь.
Ее имя — Фатиха —
Ты в дальнейшем не забудь.
Собралось нас больше сотни,
Меж собой решили так:
Бедным землю хоть сегодня,
Ну а кулакам — кулак!
Сам сказал товарищ Ленин:
«Всем крестьянам землю дать,
Всем рабочим выдать деньги,
Фабрики, станки раздать!»
Ну а баи бьют тревогу.
В нашей вольной стороне
Усмирить себя не могут,
К новой тянет их войне.
Как хотелось им порушить
Власть советскую в корню,
Нашу кровь сосать, и душу,
Бедный люд предать огню.

В бой вступили мы жестокий,
Аргамаков оседлав;
Путь борьбы увел далеко,
Нам права на это дав.
Да, на путь борьбы мы встали,
С нами рядом — Фатиха;
Кто нас сломит, если дали
Земляки нам фатиха*?
Фатиха нам говорила:
«Все нас может в битве ждать,
И в сраженьях с вражьей силой
Можем даже жизнь отдать».
Мы Каран³-елгу у белых
Вырвали. В бою любом
Фатиха сражалась смело,
Не тушуясь пред врагом.
Мы берданки прихватили
И в Сосновку ворвались.
И при виде нашей силы
Прочь бандиты подались.
В Фатиху направил было
Револьвер свой офицер,
Как к нему я вышел с тыла:
Не бывать тому теперь!
Перешли мы вместе с нею
Мендем-речку⁴ средь зимы,
Войску Мельсена⁵, как змею,
Оторвали жало мы.
Фатиха не знала страха,
Храброй девушкой была.
Хоть погибла, стала прахом,
Но в сердцах у нас жила.
Суп для нас она варила,
Вместе с нами в битву шла;
С нами хлеб и соль делила,
Доброй к каждому была.
Из одной мы ели чаши
С ней под крышею одной,
Гнали Колчака отважно
В стужу и палящий зной.
Много рек переходили...
Но запомнилась одна —
Ашкадар. Мы не забыли,
Как в ту ночь лилась луна.

Улицы Стерлитамака
Выложены кирпичом.
В город — смелою атакой —
Ворвались мы всем полком.
А переходили речку,
Тут настигла нас беда:
Враг ударил вдруг картечью,
И упала Фатиха.
Вырыли у Ашкадара
Мы могилу. И тот час
Страшным стал для нас ударом,
Горечью наполнил нас.
И с тех пор все чувства наши
Обернулись мезтью. Враг
Драпал так, что трудно даже
Их настичь в пылу атак.
Добрались до Перекопа
Мы уже без Фатихи.
Так закончим же с любовью
Мы о ней свои стихи.

53. БАИТ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Где-то на задворках городских
Я в семье рабочего родился.
Лет в пятнадцать многого постиг,
На завод потом я подался.
Весело бывало по утрам
На работу двигаться толпой.
В час заката, отработав там,
Возвращаться с песнями домой.
Но недолго жизнью той я жил,
Началась кровавая война.
В сорок лет отец мой брошен был
В пекло, у которого нет дна.
Старший брат с винтовкой за спиной
Прочь ушел границы охранять.
К белякам подался брат другой —
Невозможно было удержать.
Чудища невиданных машин
Здесь прошли и вдоль, и поперек.
Перед домом белые в тиши
Прострелили матери висок.
А однажды ночью, в тишине,
Выстрелы внезапно раздались.

Магазин-то Хасаньяна
Выложен из кирпича.
Злой кулак похож на тигра,
Ходит, яростно рыча.

Как въезжал в село Дюмей я,
Обернулся: кулаки
На меня косились злобно —
Грудь заныла от тоски.

Мы втроем в аул вернулись,
Да, видать, в недобрый час.
Ах, дубиною дубовой
Кулаки лупили нас.

Крупное село Дюмей.
Много баев в том селе.
Их закон: всех нищих бей,
Нет им места на земле.

Меж собой совет держали
Нуритдин-бай и Фатих.
Партизан терпеть устали,
Мол, кончать пора и их.

Дети вы своих отцов,
Дети мы своих отцов.
Притащили мать Загита,
Родила зачем сынков?

Шамсию сперва водили,
Избивая до крови.
Дети молят, чтоб не били,
Хоть во имя их любви.

Расчесала она косы,
Что монистами звенят.
Оборвали ей те косы,
Нет теперь монет до пят.

Наповал ее поленом
Хасаньян-кулак свалил.
Заорал Фатих Газизов:
«Свет таким не будет мил!»

Нуритдин в лицо ударил
Кулаком — у Шамсии
Все в глазах перевернулось,
И лицо ее в крови.

За окном у Хасаньяна
Старая растет сосна.
Тонет Хасаньян в богатстве,
Потому не знает сна.

Лошади у Хасаньяна —
Лучшей масти не сыскать.
Есть леса и есть сушилки,
Некуда добро девать.

Расцвела в лесу рябина,
Знать, нескоро отцветет.
Ах, богатства Хасаньяна
Кто узнает, кто сочтет?

Каменные есть амбары.
Успокоится ль на том? —
Есть земля — под сто гектаров,
В Дюртюлях имеет дом.

Ну а дом свой — двухэтажный,
Из сосновых бревен весь.
Вся семья, весь род служили
Белым. К нам кипит в нем месть.

Сыновей у Хасаньяна
Двое — Мирхайдар, Махмут.
К белякам ушли, но тщетно —
Снова оказались тут.

За окном у Хасаньяна
Сосен строй ласкает глаз.
Ложь и хитрость — вот источник
Хасаньяновых богатств.

Двадцать восемь Шагисултану,
Был в семье послушный сын.
А Загит и вовсе молод —
Только-то двадцать один.

Восемнадцать лет Сабиру.
Ну а Шамсие-апай,
Матери Загита — сорок,
(Вот такую вспоминай).

Трое мы в аул вернулись.
Был один особо смел:
Как примету партизана,
Саблю при себе имел.

У реки Базы пасутся
Гуси-утки на виду.
Партизан весной убили
В восемнадцатом году.

За аулом — в чистом поле;
Там, где схоронили нас,
В Узункуле, словно с горя,
Снег истаял в этот час.

Нас начальники прислали,
Чтобы здесь вести дела.
Нас поленьями забили,
Окровавили тела.

Рафиков — отец другого,
Сын его — Шагисултан.
Сын убит. Отца до крови
Били. Изнемог от ран.

Здесь течет Дюмей-речушка
И вливается в Базы.
Озверели богатеи...
Нас, алла, от них спаси!

Вышел в поле утром рано,
Травы радовали глаз.
Реки крови здесь пролили
Баи, бога не боясь.

Вышел в поле утром рано,
С горем справиться не смог:
Моего Сабира насмерть
Убивали кто чем мог.

Чай пила из самовара
Шамсия-апай, и вот,
Вся избита кулаками,
Кровь глотает у ворот.

В берегах неудержимы
Воды у Базы-реки.
В восемнадцать лет Сабира
Били насмерть кулаки.

Утром встав, шел к этой речке
На рыбалку Сабирьян.
Не его... Какое горе
В родовой пришло их стан!

Голову ему пробили...
И за то, что у родни
Как-то партизаны жили,
«Партизаном» нарекли.

Вверх зачесывал, бывало,
Волосы наш Сабирьян.
Хоть бы возрастом и мал он,
Да «гвардейцем» всеми зван.

Габдрафиком называли
Сабирьянова отца.
Вспомню их, и заструится
Вдруг невольная слеза.

Перстень на кровавом пальце
Чистым серебром горит.
Весь поленьями избитый,
На земле лежит Загит.

В мае полем мы бродили:
Что, мол, будем нынче жать?
Как схватить меня хотели,
Я пытался убежать.

Перстень с пальца Сабирьяна
Не убийцами ль забыт?
О пяти мы партизанах
Стали сочинять байт.

Впятером они вернулись
Навестить друзей своих.
Хасаньян-кулак с дружками
На тот свет отправил их.

Говорят гвардейцы: «Будет
Наша власть Советов жить.
Даже после нашей смерти
Дух наш правый не убить!»

Вата там плывет иль пена
По реке в такую рань?
Удальцов таких не сыщешь,
Как покойный наш Султан.

Шакирьян-мулла с поленом,
У Фатиха — кнут тугой.
Совершив убийство, баи
Пир устроили горой.

Двое — из села Дюмея,
С волости Елдар — один.
Шагисултан — самый старший,
Матери любимый сын.

Хасаньян Ахметов родом
Из Казани. Совершил
Он с друзьями святотатство —
Наших сыновей убил.

Принимали в том участие
Таминдаров Нуритдин,
С ним — Фатих, друг Хасаньяна,
Ни холуй, ни господин.

Лошади у Нуритдина
Ясли голые грызут.
Баи здешние жиреют —
Кровь бедняцкую сосут.

Лошади у Нуритдина
Сплошь гнедые — алаша*.
К Колчаку удрать скорее
Кулаку велит душа.

Трое их совет держали —
Нуритдин, Хасан, Фатих:
Мол, гвардейцы-то в ауле,
Нешто мы потерпим их?

Старостой Фатих считался,
Кем-то выбран был давно.
Баи были здесь у власти —
Разве бедным суждено?

У Газизова Фатиха
Сто гектаров площадей.
Втайне исподволь готовил
Он для беляков людей.

Вот тот самый кровопийца
Власть над прочими имел:
Шамсию-апай он с сыном
До смерти забить велел.

У реки камыш раздольно
Вырастает каждый год.
Пятерых убили сразу —
Будет проклят весь их род!

У реки Базы привольно
Тальники поют с утра.
Партизан живьем зарыли
В землю черную вчера.

У реки Базы трепещет
Дивный голос соловья.
Всех парней живьем зарыли,
Долго дергалась земля.

— Шамсия не виновата, —
Не стерпел Мунир-агай.
«Вошь ты красная, не каркай,
Прочь отсюда, краснобай!»

В Агидель Базы льет где-то
Воду чистую свою.
Шамсию-апай мне жалко,
Слезы горькие я лью.

Растекается привольно
Базы-речка по весне.
Хасаньян с дружками стали
Газраилами в селе.

К Узункулю привезли нас,
Яму вырыли потом.
Торопливо затолкали
Богатеи нас живьем.

Как черемуха весной
Расцветает за рекой!
Партизан живьем зарыли —
Плача, шел народ домой.

Солнце упадает ниц.
Не видать печальных лиц.
«Нас живьем не хороните!» —
Умоляли мы убийц.

Черен дуб от птичьих стай,
Их попробуй сосчитай!
Стало черным от побоев
Тело Шамсии-апай.

Чайки над рекой летают —
Ах, какой красивый вид!
Как дубасили Сабира,
Бабы плакали навзрыд.

Косы Шамсии звенели
От монистовых монет.
Баи женщину забили,
И прощенья им нет.

Плачет Шамсия-апай —
Бьет ее поленом бай.
А упала — рвут монисты —
Это ж нелюди, считай!

Волосы сплела, монисты
Аккуратно в них вплела.
А дубасить стали баи —
Черной кровью истекла.

Вырастила она сына,
Нарекла его — Загит.
У соседей побывала,
«Сердце, — молвила, — болит».

Сон ужасный ей приснился:
Змеи заползали в дом.
Сон тот в жизни подтвердился —
Кровь текла с нее ручьем.

Чистым молоком вскормила
Сына Шамсия-апай.
В сорок лет ее убили
Злой кулак да жадный бай.

В месяц май, в тиши вечерней,
Плача, шаль вязала я.
Сабирьяна все жалела,
Вся сама-то не своя.

Я кольцо носил, и камень
Драгоценный в том кольце.
Пятерых нас загубили
В мае месяце, в конце.

Караулили у дома,
Чтоб удары нанести.
Там, где кровь стекла на землю,
Будет ли трава расти?

Утром вставши, разложила
Жемчуга на нарах мать.
А в крови меня завидев,
Стала бога поминать.

Мать с отцом остались дома.
Я, шатаюсь, уходил.
Баи в кровь меня забили,
Все на свете я забыл.

Лошадей горячих пара
Скачет так, что пышет пасть.
Суждено, знать, мне судьбою
От руки кулацкой пасть.

На подушку, где лежал я,
Чья головка упадет?
Старики меня жалеют,
Вся деревня слезы льет.

Узункуль — святое место,
Пала не одна слеза.
Партизан сгубили баи,
Но остались их друзья.

Ах, в Маты леса сгорают,
Превращаются в золу.
Земляки нас не забудут,
Преградят дорогу злу.

На крыльцо я вышел. Стало
Сразу благостно в груди.
Видно, суждено нам было
Навсегда от вас уйти.

Кто поджег в Маты чащобу
От корней до самых крон?
Отомстится ли убийцам
За такой большой урон?

Я кричу: «Не убивайте!» —
Все сильнее убийца бьет.
Нас обманом заманили:
Собирается, мол, сход.

Оболгали нас: вернулись,
Мол, затем, чтоб красть коней.
Ах, куда бы нам укрыться
От поленьев и камней?

На рыбалку мы ходили
К берегам Базы-реки.
Заживо нас схоронили
В Узункуле кулаки.

Баи били нас из злобы —
Кое-как дышали ртом.
Сход созвали, чтоб ославить
Нас опять на сходе том.

Тальники шумят у речки.
Утонули в черной мгле
Четверо гвардейцев. С ними
Шамсия лежит в земле.

Не видали лишь слепые:
Четверых мужчин тела
Вместе с женским трупом в полдень
Мать-земля в себя взяла.

Устремляются весною
Утки к нам изо всех сил.
Арслангали, Исламгали
Бродят мрачно у могил.

Эти вот «гали» в убийство
Партизан внесли свой вклад:
«Почему в земле хороним,
Если всяк из баев — гад?

Преступления не скроешь:
Дело то ушло в Ражап.
Держат пусть ответ убийцы,
Пусть трепещет их душа!

Не вода в Базы-речушке —
Мед течет в ней для услад.
Как убили партизан тех,
Красный подоспел отряд.

Ах, вода в Базы-речушке —
Вольно в ней белье стирать.
Красные к нам подступают,
Не пора ли нам тикать?»

Так упрашивал Фатиха
Хасаньян, едва дыша.
К Нуритдину устремился —
Не пора ли, мол, бежать?

Ах, село Дюмей большое,
В нем — четыре махалля.
Коли партизан убил ты,
Мстит тебе сама земля.

Глубока ль Базы-речушка,
Вся — от пояса до пят.
Чтобы вскрыть, как дело было,
Прибыл красный к нам отряд.

Всех свидетелей собрали,
Стали спрашивать у них:
Как тут все происходило,
Кто замучил пятерых?

Заднюю открыл калитку
Кто-то... На коне своем
Хасаньян, прознав опасность,
Ускакал тотчас верхом.

Всех виновных те гвардейцы
Взяли тут же под арест.
А убийц двух расстреляли —
Так сбылась святая месть.

В тальнике Базы-речушки
Соловей все утро пел.
Мы благодарили красных
За тот праведный расстрел.

Да, приехали гвардейцы,
Чтобы истину раскрыть.
Жаль, не смог я их увидеть,
Чтобы боль свою излить.

Да, гвардейцы приезжали
В наше бедное село.
Фахретдин ответил тоже
За двуличие свое.

Дни кошмарные уплыли,
Не осталось ни следа.
Хасаньян, богач казанский,
Растворился навсегда.

А за ним Фатих исчез вдруг,
Бая правая рука...
Нынче разлилась привольно
По полям Базы-река.

И Шакир-мулла не спал,
С ним и Нуритдин удрал.
«Служим Колчаку мы ныне», —
Сыну весточку прислал.

Так вот четверо в те дни
Стали Колчаку сродни.
Здесь оставили на случай
Слухачей своих они.

Их начальником был Гутлень,
Командиром — Нуритдин.
Никуда тебе не деться
От возмездья, господин!

Гутлень — здешних мест помещик,
Наши земли захватил.
Наше ел и пил, однако
Нам и пядь не уступил.

Вдоль Базы растет привольно
Разнолистая трава.
Ах, у нас в родном Дюмее
И похлеще есть дела!

Как шальной подует ветер,
Мельничный всплывает гул.
Красные ушли — на смену
Белые вошли в аул.

Лебеди купают крылья
В зеркале Базы-реки.
Белые пришли — ожили
Богачи и кулаки.

Лебеди, что улетели, —
Вновь в волнах родной земли.
Вновь активность проявляют
Араслан, Исламгали.

Утки плавают все лето
В нашей речке в камышах.
Вместе с белыми вернулись
Все, кто некогда бежал.

Белые пришли в Дюмей,
Горе грянуло в наш край.
Всех подряд здесь проверяют —
Хоть ложись и помирай!

Все кого-то забивают
Или просто насмерть бьют.
А иные в тайном страхе
Ожиданием живут.

В доме каменном Шакира
В день прихода беляков
Крик стоял, струились слезы —
Гнев муллы, знать, был таков.

Исламгали, Араслан —
Братья кровные. Они
С появлением белых стали
Сразу злобным псам сродни.

В их капкан попали братья
Нафик и Габдерафик.
Их обоих расстреляли —
За оградой замер крик.

Вдоволь нашу кровь попили
За три, за четыре дня.
Бедным кушать не давали,
Хоть беги, судьбу кляня.

А учителя-беднягу
Выловили, и потом
До смерти его забили
Туго скрученным кнутом.

Те дела свершить могли
Лишь дружки Исламгали.
Били нас они и жгли —
Змеи черные земли.

Нафик и Габдерафик —
Братья родные. Их крик
До сих пор терзает уши,
Не смолкает ни на миг.

Звали их отца Сабиром.
На защиту было встал
Сыновой своих, но тут же,
Пулей срезанный, упал.

Шагисултан похоронен
В Узункуле. Был убит
И отец его. Исконный
Срезан род, но не забыт.

Миновали дни шальные,
Дни спокойные пришли,
Войны минули, бывые
Вновь дома мы возвели.

Большевик Гиният Галиев
Прибыл, чтобы приказать
Трупы партизан казненных
Из земли извлечь опять.

Мы с лопатами явились
В Узункуль. И там тела
Извлекли и вновь прокляли
Белых черные дела.

Там, где мертвых закопали,
Тлел навоз, устав смердить.
Знать, его там навалили,
Чтоб то место утаить.

Только мы-то знаем место!
Соскребли навоз, и вот
Из могил достали трупы —
Замер в горе весь народ.

Людям вспомнился учитель...
Не сумел-таки спастись.
Ах, Исламгали-мучитель,
Отнял у бедняги жизнь!

У Шакир-муллы ворота
Открывались без конца —
Гость его — Ислам-убийца,
Били моего отца.

Красные являлись с мезтью,
Беляки же лили кровь.
Так друг дружку и сменяли —
Все менялось вновь и вновь.

Мы в гробы их положили
При стечении людей,
С почестью похоронили
В горестной земле своей.

Та земля — посреде аула.
Поднялся там обелиск.
Гиният промолвил слово
Под рыдания и визг.

В день, когда их хоронили,
Гуси из далеких стран
Прилетали... На могиле
Надпись: «Тут пять партизан».

Здесь — все правда, а не сплетни.
И за то, что наш баит
Слушали вы, наше сердце
Вам «спасибо» говорит.

55. БАИТ О ШЕСТИДЕСЯТИ ДВУХ ПАРТИЗАНАХ

Смолкни, ветер! Веселиться рано:
Здесь друзья схоронены мои.
Шестьдесят два храбрых партизана
Здесь лежат — в живой своей крови.

На вершине каменного плато —
Алый флаг чуть ниже облаков.
Шестьдесят два партизана как-то
Расстреляла банда беляков.

Кто же верховодил этой бандой? —
Звали Тухватуллин Шакирьян.
Фаткельхак — помощник Шакирьяна...
Каждый исполнял злодейство рьяно,
Убивая бедных партизан.

Я вошел в водицу ключевую,
Перейти ее желая вброд...
Сколько под сырой землей лежу я!
Нестерпимей мне из года в год.

Иль за что-то жизнь мне отомстила,
Что навек я растворен во мгле?
Мучили злодеи и убили
Дух и плоть... Мы преданы земле.

Нет, пока живет о нас преданье,
Мы в сердцах по-прежнему живем,
Помогая людям в их деяньях,
В черный мрак не вбитые врагом.

56. БАИТ О ТРИНАДЦАТИ ПАРТИЗАНАХ

Бисмиллахи ва биллахи,
Завтра день — байрам-гаит.
Мы сложили, вы услышите
Партизанский наш баит.

Казачи нагрянут — гривы
Лошадей чесать велят.
Партизан убьют — буржуи
Виноваты, говорят.

В поле бедных убивают,
В ягоднике средь полян.
А однажды истребили
Пол-аула партизан.

«Где сыночки наши?» — стонут
Их родители. А их
Порубили на кусочки
Средь кусточков казаки.

Не стреляли из винтовок,
Прямо шашками секли.
А в колодцы побросали —
Реки крови потекли.

Муллахана за оградой
Избивали день-деньской,
А потом убили там же
Черной пулею весной.

57. БАИТ О БАХТИГАРЕЕ

Я Бахтигареем звался,
На войне за красных дрался,
Чтобы в глубь родной земли
Банды белых не прошли.

Я коня ударил в бок,
Вырвал из ножен клинок.
С кровью взяли мы свободу —
Как ее отдать я мог?

Красная звезда на шлеме
Служит для врагов мишенью.
Присягаю я народу:
Жизнь отдам я за свободу!

На разведке на мой след
Враг напал — спасенья нет.
А потом и сам, без сил,
Я им в руки угодил.

День и ночь меня пытали:
Где, мол, красные шакалы?
Так упорно я молчал,
Что палач весь черным стал.

К дубу привязав меня,
Дали в сердце залп огня.
Я не сломлен, хоть погиб —
Сломлены мои враги!

Там, где кровь моя стекла,
Мак-цветок взрастит земля.
Жизнь свою не жаль — потом
Ваша жизнь взойдет цветком.

Под крутой горой Вишневой
Прах лежит Бахтигарея.
В наше сердце вписан он,
Вечной молодостью полн.

58. БАИТ О ГАЙНУАНЕ НАСЫРОВЕ

Растила мать: «Ах, мой утенок!»
Знал горе, но не знал забот.
А белые пришли — со стоном
Под пулей пал в тот страшный год.

Бедняг по списку отыскивали —
Двенадцать было их, парней.
И слушать земляков не стали;
Был белый офицер — злодей.

По одному переловили,
И розгами по двадцать пять
Ударов всех их наградили,
Да так, что не смогли те встать.

Когда б лишь это!.. Их пытали
И до беспамятства секли.
Потом зачем-то в штаб таскали —
Босыми по снегу вели.

Затем в Арсланово угнали
И на ночь заперли в амбар;
На ранней зорьке расстреляли —
От снега шел кровавый пар.

Когда на смерть их уводили,
Остались матери в слезах:
«Придется ль вновь нам их увидеть?» —
Немой вопрос был в их глазах.

Коль мать птенца теряет, телом
Трепещет вся и бьется в кровь.
Как Гайнуан перед расстрелом
Стремился мать увидеть вновь!

Ах, гуси у реки гогочут,
Гусята их ласкают глаз.
Мать Гайнуана стонет ночью,
К могиле сына прислонясь.

Любимая джигита тоже
Осталась со своей бедой,
Слез горьких удержать не может,
Все плачет дома день-деньской.

Как уводили Гайнуана,
Шла от реки с водою мать.
«Прощай навек, — сказал он, — мама,
Я не вернусь к тебе опять».

Погибли юными парнями
Айнуш, Бакир, Вафа, Ахмет...
А вскоре палачи и сами
Ответили — их ныне нет.

В гостях однажды песню пел ты.
Запомнил я ее навек.
С тех пор в душе звучит напев тот...
Живи же в дружбе, человек!

59. БАИТ О ФАЗЫЛЕ

На Урале добывают
Минералы среди камней.
Ах, убил Фазыл-агая
Кем-то нанятый злодей.

Да, расправились с Фазылом.
Но от гибели одной
Коммунистов не убыло
И не поредел их строй.

Масти лошадей в ауле —
Пегий, серый в яблоках.
Затаились — не заснули
Кулаки в своих домах.

Липу в воду окунули,
Лыко чтоб прибрать к рукам.
Продались в Таскак-ауле¹
Люди муллам, кулакам.

Но пред ними страха нет,
Смять народ им не с руки;
Все они враги Советов —
Баи, муллы, кулаки.

Начали борьбу мы с ними
В их обители — Таскак.
С псами я сравню их злыми —
Ведь на то он и кулак!

Получив задание, стали
Прятать хлеб — ищи-ка след!
А потом нас уверяли,
Что его в помине нет.

Глушим кулака налогом,
Тащим хлеб из-под земли:
Можешь ты молиться богу,
Только с нами не шали!

Подкупай слепые души,
Подкулачников пои,
Но закон, наше оружие,
Хитрости побьет твои!

Кулаков исторгнем силой,
Жрать собакам отдадим.
Праведную кровь Фазыла
Свято в сердце сохраним.

Возвратим цветы Фазыла,
Бережно взрастим их вновь.
Пусть пройдут года — не сгинет
Имя его, дух и кровь.

Будь к врагам, мой друг, неистов,
Как неистов к нам он сам.
Верьте слову коммуниста:
Жизнь за друга я отдам!

60. БАИТ О КАЮМЕ

Бегом ли к Басю-реченьке¹ спускался,
Чтобы водицы сладостной испить?
В глухом лесу погубленным остался,
Беднягу даже некому зарыть.

На нем костюм обычный, нефасонный,
Затянут пояс замшевым ремнем.
Собрался в дальний путь. Земное лоно
Его звало сильнее с каждым днем.

За той опушкой — белые березы,
Меж ними вьется узкая тропа.
Не знал, какие ждут в дороге грозы,
Чья посягнет бандитская рука.

Седлал коня, на сук поводья бросив,
Чтобы в Архангельск² выехать скорей.
Но там, где густо пенятся березы,
Его бандиты ждали меж ветвей.

Не стал в рубаху облачаться ту, что
Любил носить — иль смерть предвидел он?
В путь трогался в слезах: в курной избушке
Оставить мать-отца был принужден.

Где соколы лихие? — в тайных гнездах.
Где гнезда те? — на скалах, в синей мгле.
Живут в тех гнездах, будто бы на звездах.
Лишь нет джигитам жизни на земле.

Кольцо из серебра, в оправе — жемчуг,
Их отблеск отражается в воде.
Родится ли джигит еще на свете,
Как ты? — Такого не найдешь нигде.

Ах, белая рубашка светит нежно
Во время сенокоса на лугу.
Припомню сына — кто меня утешит?
Никак его забыть я не могу.

Мой сын ушел — осталась дома обувь,
Напоминая день и ночь о нем.
Лежит в лесу мой сын, залитый кровью;
Отец худеет в горе с каждым днем.

Седло из меди, в серебре — поводья
Туда-сюда волочит конь гнедой.
С чужбины воротясь, уныло бродит
Джигит, тоскуя по земле чужой.

Басью-речушку перейти не смог,
Застрял в камнях, где бесится порог.
В дороге дальней был убит жестоко...
Кто смерть такую предсказать бы мог?

Сегодня сына видела во сне:
Форель светилась чешуей на дне.
Когда подрос и возмужал мой отрок,
Осталось имя — сам сгорел в огне.

Бледнеет свет семилинейной лампы,
Коль десятилинейная горит.
Трель соловья с восходом солнца слабнет,
Смолкает, коль взойдет оно в зенит.

В степи кукует бедная кукушка,
Не зная, где пристанище найти.
Пою и плачу, чтоб утешить душу,
Не в силах горечь погасить в груди.

61. БАИТ О НАДЖМИ

От руки кулацкой враз
Жизнь моя оборвалась;
Мама ждет, небось, вестей —
Что мертвец ответит ей?
Было мне всего семь лет,
Как отец оставил свет;
Через трудности в пути
Дожил до двадцати пяти.
Приняли меня в ячейку
В бане у Вильдан-муллы;
Через год стал сам начальник —
Заострила жизнь углы.
Вдруг мятеж в Кайпане Старом¹
Мы — в седло и в то село;
Налетели с пылом-жаром,
Даже челюсти свело.
А мятежники, увидев
Нас, тотчас бежали прочь.
Были рады мы победе,
Веселились там всю ночь.
Проводив друзей, в Кайпане
Я остался по делам;
Выполнив свое заданье,
Выехал затем и сам.

Если б знал, что этой ночью
Смерть грозит мне, и в аду
В путь не вышел бы... Нет мочи
Мне излить свою беду.
Лишь достиг Хмельного Кула,
В сторону отпрянул конь;
Я винтовочные дула
Увидал, потом — огонь.

Кто б предвидеть мог такое?
Кто б мне гибель предсказал?..
Пули пролетали с воем;
В сердце мне свинец попал.
Подошли ко мне убийцы:
«Окаянный комсомол!..»
За ноги проволочили —
В яме ложе я обрел.
Обливаясь слезами
Мать ждала меня домой.
Сын ее в глубокой яме
В грязь уткнулся головой.
Жизнь мою отняв, какую
Вы победу обрели?..
Месть свершат друзья большую,
Чтоб лить кровь вы не могли.
Весь аул в печали плакал —
Труп несли мой на весу.
Враг мой не пропал во мраке —
Спящего нашли в лесу.
На горе похоронили —
Виден мир во всей красе;
Памятником осенили
Со звездою на конце.
«Наджми-тау» она зовется —
Та высокая гора.
За горой восходит солнце —
Светит мне оно с утра.

62. БАИТ О КОМСОМОЛЬЦЕ

В одна тысяча девятьсот
Тридцать первом году
Голову мою губили
Ночью, в снежную пургу.
Лезвие ножа сверкнуло
В кулаке у кулака.
Смертью в душу мне подуло,
Взвилась вверх моя рука.
Шел когда я, на ночь глядя,
Думал ли, что смерть близка?
Оказалось же, что рядом —
В злобном взмахе кулака.
С вечера я пел беспечно
Вдоль аула Ыракай.

Ночью был убийцей встречен,
Там, где леса дикий край.
Мне в живот пырнул убийца —
Кровь ударила струей.
В Сергиевской больнице
Разлучился я с душой.
Ах, земля, где я косил,
Сено душное возил!
Умер я — а ты осталась,
Расставаться нету сил.
Мама, как вскипит котел,
Все рассядутся за стол;
Лишь меня средь вас не будет—
Оросишь слезами пол.
Ах, на кладбище есть птица,
Все летает по углам.
Будете за стол садиться —
Лишь меня не будет там.
Мчит машина равномерно,
Черным гружена углем.
Мне пошел лишь двадцать первый —
Скорым я сгорел огнем.
Та, которую люблю —
Дорогая Айхылу —
На земле одна осталась,
Превратился я в золу.
Коль в больнице день и светел,
Все ж не вырвет из тоски.
Пусть не гибнут ваши дети
Вновь от вражеской руки.
К вам, родные, обращаюсь:
Не забудьте про меня;
С вами навсегда прощаясь,
Всем добра желаю я.
Ах, друзья мои, терпите,
Не роняйте горьких слез.
Не узнать и не увидеть,
Вам того, что я унес.
Завиваясь на излуках,
Вдаль течет Урал-река.
Душу разъедает мука —
Ах, аул мой Ыракай!
Собирал у Агидели
Я тем летом камыши.

Трепет соловьиной трели
Памяти меня лишил.
Запестрела вся поляна
Алыми цветами сплошь.
Отомстится ли душманам,
Что в меня вонзили нож?
Ах, родные! Папа, мама!
Не кручиньтесь обо мне!
Знайте: я и в смерти с вами
В нашей милой стороне.
Пусть мою одежду носят
Братья младшие. За них
Я погиб в пурге морозной,
Чтоб остаться им в живых.
Перстень, что ношу на пальце,
Называется Гусман.
Тот, кто на меня бросался,
Называется «душман».
В детстве под крылом Аллаха
Мы росли. Прошли года,
Выросли мы, и как птахи,
Разлетелись кто куда.

63. БАИТ О ЯГУДЕ

Зайца белого разделади —
Шкурку спрятали куда?
Что с моим братишкой сделали?
Кости спрятали куда?
Заглянула в дом — его там нет,
Вышла на крыльцо — простыл и след;
В поисках к мечети я пошла:
Нет души — лишь косточки нашла.
Пусть кровь зайца, что зажали вы,
Растеклась бы вешнею рекой;
Пусть бы сила жаркой той крови
Кулаков сразила бы собой!
Залетел в окошко мотылек,
Сел вниз головой на потолок.
Сына увидав в кровище, мать
Волосы, рыдая, стала рвать.

64. ДИТЯ СВЯТОЕ

Бьется зеркало крутое,
Что прикреплено к стене.
Ах, дитя мое святое
В злой убито стороне.
«Болен», — вечером сказали;
К сумеркам другого дня
Прах земле его предали —
Обманули, знать, меня.
Прорубь нашего аула
Разрубили широко.
Чья отправленная пуля
Сбила сына моего?
Плачет чайник одиноко.
Самовар стоит пустой.
Я вхожу: лежит сынок мой,
Утонув в крови густой.
Положили его на пол,
Вытянув вдоль половиц.
Все лицо в густых накрапах —
Не бывает хуже лиц.
Гуси речку обогнули
Над вершинами берез.
Лишь вонзилась вражья пуля,
Сердце вмиг оборвалось.
Ах, как сердце раскалилось,
Будто обожгли огнем.
Было счастье — развалилось,
Было — поросло быльем.
Как к воде сырой спускалась,
На песке остался след;
Не дошла — душа рассталась
С телом... Нету сына, нет!
«Умираю, умираю,
Где моя, скажите, мать?
Бог велел: в чужом ауле
Суждено мне умирать».
Ах, плоды домашних яблонь,
Знать, спели за окном.
Став мишенью, вскрикнул слабо
И плашня упал потом.
Жизнь не предвещала боли,
Сын имел цветущий вид.

Став безвинной жертвой пули,
Охнул: «Мама, я убит!»
Кудри черные тесьмою
Шелковистой вязал;
Истекаю я слезою —
Мне тех слов он не сказал.
Платъице из льна простого
Износить я не смогла.
На сынишку дорогого
Насмотреться не смогла.
Привезла его одежду —
Память горькую о нем.
Дома будто все, как прежде...
Но как пуст и чужд наш дом!
На аклане* ягод летом
Собирай — не соберешь.
Лик его восходит светом
Пред глазами — не уснешь.
Все наперсточки, как перстни,
Не проколет их игла.
Как в него стреляли? Если б
Видеть я тогда могла!
Слезы капаят. От звука
Их взлетают соловьи.
Кабы вам испить все муки
И страдания мои.
Днем — дела одни, дела.
Ночью — дома я нема.
Голову куда бы сунуть? —
Ах, боюсь сойти с ума.
Бьюсь, как рыба на песке;
Утонула жизнь в тоске.
Из ружья его убили,
Жизнь моя — на волоске.
Есть птенцы у соловья,
Дочери и сыновья.
Улетают летом птицы,
Остаюсь в сиротах я.
По весне дохнуло хладом,
Яблоня не расцвела.
Ясный лик святого чада
Черная взяла земля.
Перстень золотом сверкает
На руке его немой.
Пуля грудь его пронзает —
Мальчик умирает мой.

То, что от него осталось,
С мылом выстирала я,
Давит на душу усталость —
То кровинушка моя.
Загустел мой сад за домом,
Не проедешь, не пройдешь.
Жизнь мою сразило громом,
В грудь мою вонзился нож.
День придет: обломим зубы
Всем убийцам-кулакам.
Будет и закон, и суд им —
По ногам и по рукам.
Чтоб гнедой набил утробу,
Дать овса не позабудь.
Кулаки — враги до гроба,
Кулакам закройте путь!

65. БАИТ О МАХМУТЕ

Лошадей запряг и вышел в путь,
В Камышлы¹ направился Махмут.
На свою же голову Махмут
Вышел в этот безрассудный путь!
Рыл Махмут колодец свой давно,
Нет воды в нем, хоть глубоко дно.
Где Махмут? Его простыл и след:
Конь вернулся, а Махмута нет.
Вожжи волосяные в шесть аршин
Одиноко на коне лежат.
Где ружье, кинжалы и клинок? —
Их себе Махмут оставить мог.
На лугу, там, где Махмут ходил,
Говорят, бой жаркий проходил.
Шестеро там ждали кулаков —
В бой вступил Махмут под этот зов.
Запрягал Махмут своих коней —
Упряжь — прочим не сравниться с ней.
Кулаки осуществили месть.
В смерти той знак героизма есть.
Соловьи разливисто поют,
Слышится в их трелях: «Ах, Махмут!..»
Коммунаром был, и — парня нет.
А Махмуту — только двадцать лет.

Кулаки Махмута стерегли,
Голову железом рассекли.
Труп его на берегу реки
Сунули под кустик кулаки.
Воду в ведрах тяжело несла —
Ни покоя нет тебе, ни сна;
Мама! Твои думы — обо мне,
Дни и ночи вся ты, как в огне.
Называется Кисеу у нас река,
Глубока она, хоть и узка.
Знаю: плачет мама. Хоть разок
Мне б услышать вздох ее: «Сынок!»
Лошади, что запрягал Махмут,
Все гнедые, что не знали пут.
Смерть его коварна и страшна,
Пусть любого обойдет она.
Загрустила и Кисеу-река,
У нее — в цвет крови — берега.
Ах, таких борцов, как наш Махмут,
Понимает только божий суд.
На Кисеу-реке нет ни души,
Скорбно шелестят лишь камыши:
Голос он пред смертью подавал,
Но никто его не услышал.
Раннею весной сыра земля,
Талая вода бежит, бурля.
За свободу бился наш Махмут,
Не боясь, что смерть отыщет тут.
Берега Кисеу красны, как кровь.
Сиротой остался отчий кров.
Смерть моя забудется ль? О ней
В книгах вспомнят через много дней.
Сколько б ни пытался помешать
Нам кулак — мы не отступим вспять.
Выпроводим — и порвется нить,
Зла не будет больше он чинить.
Мы навеки укрепили власть —
Пусть кулак теперь поплачет всласть.
Был закон советский к ним суров —
Расстреляли их без лишних слов.

IX. Великая Отечественная война

66. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Весть по радио пришла
Непредвиденно, неожиданно.
Всю страну она прожгла —
От морей до океана.
Объявил фашист войну,
Грабитель принял страну.
Чтоб ввести «порядок новый»,
В нашу прибыл сторону.
Говорят, фашист идет,
Наши города берет,
Вешает евреев сплошь,
В горло нам воткнули нож.
Взять хотели Сталинград,
Но попали в сущий ад.
Захватить всю Русь хотели —
Удалось прибрать лишь пядь.
Генералу Паулюсу
Гитлер приказал: «Возьми
Летом город Сталинград,
Чтоб из Волги пили мы!»
Но дела у генерала
Дальше Волги не пошли.
Знать, силенок было мало —
Только город подожгли.
Приказал наш вождь: врагов
Задушить у берегов.
Наша армия рванулась —
Нет от немца и следов.

67. НА БЕРЕГАХ ВОЛГИ

Начал против нас войну
Гитлер — каин и злодей.
На советскую страну
Бросил тьму своих людей.
Чуб у Гитлера упал
На глаза... Задумал он
Каждого, кто стар и мал,
Превратить в своих рабов.

Ухожу на фронт, друзья,
Говорю «прощайте» я.
Не горюйте, коль домой
Не вернется сын родной.
Стал солдатом отпрыск ваш,
Он теперь отчизны страж.
Ах, желайте и во сне
Победить нас на войне!
Зверь по имени Адольф
Людоедом был рожден.
Пьют его солдаты кровь —
Так велел фашистам он.
Раевку прошли, Чишмы¹,
К Куйбышеву вышли мы;
Мы спешили, чтобы нечисть
Не проникла вглубь страны.
В молодости наши деды
Шли в пехоте на врагов.
Мне с пехотой до победы
Тоже топать суждено.
Вот подъехал к Сталинграду
Эшелон. Отсюда фронт
В двух шагах. Летят снаряды,
И в упор бьет пулемет.
Нету дня и нету ночи —
Лишь шальной огонь врагов;
Если с ним столкнуться хочешь —
Сделай несколько шагов.
Мины тут тебе и бомбы,
А сойдемся — так штыки.
А еще несут урон нам
Пулеметные стрелки.
Самолеты, словно мухи,
День и ночь вовсю кружат.
Бомбы рвутся, режут слух нам,
Люди трупами лежат.
Словно оводы, жужжат
Пули у виска.
В пятки просится душа
И гнетет тоска.
Сталинград не отдадим мы,
Если даже здесь умрем.
Коль фашист пойдет лавиной,
Голову ему свернем.

Много здесь мы воевали,
Пали на земле своей,
Все же город не отдали
На глумленья палачей.
Волга широка, привольна —
Броситься бы и поплыть!
У реки той сердцу больно,
Хочется от горя выть.
Все в огне — земля и небо.
Даже плавится гранит.
Лишь солдат здесь прям и крепок,
Он не тонет, не горит.
Нападает враг, как зверь,
Ломится в чужую дверь;
Сходит, кажется, с ума —
Ведь горит под ним земля.
Лезет враг вовсю из кожи,
Так и смяк бросается.
Почему не прошибешь их? —
Гитлер удивляется.
Лает и кусается.
В это время маршал Паулюс
Нами окружается.
— Ах, злодей, попался в руки —
Как ты шел на нас, рыча?!
За страдания и муки
Все сполна и получай!
Ну-ка, поднимай-ка руки!
Будет разговор потом.
Будет наперед наука,
Чтоб в чужой не лазить дом.
Лил огонь — терпели, ждали,
Лил свинец — перенесли;
Час пришел — мы вмиг прорвали
Фронт, которым нас сплели.
Паулюса, как говорится,
В мышеловочку потом:
Триста тысяч его фрицев
Опоясали кольцом.
Двадцать с лишним генералов
В плен забрали мы и — в тыл.
Так простор, от крови алый,
От врага очищен был.

Прибыл Сталина приказ,
Он хвалил в приказе нас:
Молодцы, мол, все солдаты,
Смело бились в грозный час!
Мы представлены к наградам
Были... С ними в светлый час
Возвратимся. На Урале
Пусть тепло встречают нас!

68. ИЗ АУЛА УШЛИ, ДО БЕРЛИНА ДОШЛИ

Начинаем свой баит мы
Безо всякой «бисмиллы».
В Алкино¹ — как с поля битвы,
Нас на битву повезли.

В часть с трудом мы добирались,
По воде и грязи вброд.
С Янаула¹ — Уметбаев
С нами разделил поход.

Там искали древесину
Для землянки — все подряд.
Познакомились с Хакимом,
С ним и Габдельбар-солдат.

Как построили землянки,
Разделили по взводам.
Выдалась и нам «делянка»,
Нам и нашим землякам.

«Есть жилище!» — закричали,
Раздеваться стали, и
По Уралу заскучали
От земли родной вдали.

«Ну, на что способны, парни?» —
Командир один спросил,
И улыбкой лучезарной
Бескорыстно наградил.

Я смолчал. Хамит ответил:
— Трактористы мы... — А тот
Похвалил: «Сам бог наметил
Вас на танки и — вперед!
Приготовьтесь, очень скоро,
Может, вас отправим в город».

Дали на дорогу денег,
В путь отправились потом.
День и ночь — сплошные тени,
Лишь туман да хмарь кругом.

Там от станции исправно
Потащили нас на фронт.
С Волховстроя нас направо
Отделили и — вперед!

А состав тот наш — налево...
Вдруг — фашистский самолет! —
Бомбы стали падать с неба...
«Повезло» нам, видно, черт!

Расскажу-ка я подробно
Вам о жизни фронтовой,
Как я мучился на фронте,
Как хотелось мне домой.

В дни погожие мы, летом,
На отрогах дивных гор
На камнях лежали бедных,
В ямах, наподобье нор.

Мы в болотах утопали;
Пули сыпались, как дождь.
Кровь с пробитых тел стекала,
Затопляя землю сплошь.

Стали мы палить из пушек.
Видим: с финской стороны
Враг бежит — знать, в пятках души!
Рвется, что ли, нить войны?

По домам фашист бьет с ходу,
По больницам и больным;
Бомбами по пароходам
Сыплет — как спастись живым?

Разжигает мировую
Необъятную войну.
Надо — жизнь отдам свою я
За родимую страну!

Бились день и ночь бессонно
У реки и за рекой.
Коль в живых останусь, снова
Я вступлю с фашистом в бой.

Волны плещут понемногу,
А в воде лежат тела:
Кто безрукий, кто безногий —
Вот такие, брат, дела!

Люди старые стенают,
Плачут женщины навзрыд.
Дона берега пылают,
Город выжженный дымит.

Спрятаться куда не знают
Люди, птицы и зверье;
Взрыв — и сразу засыпает
Всех живых земель сырой.

Доползти хотят к окопам,
Чтоб лишь не гореть в огне.
Коль беременна — попробуй
Разродиться на войне!

К травам тянутся иные...
Но напрасно! В их огне
Заживо горят такие,
Муки их страшны вдвойне.

Кто что чувствует — кто знал бы!
Люди мрут, судьбу кляня.
Мы беременную бабу
Вытащили из огня.

Обвалилась сверху крыша,
Все в развалинах лежит.
У бедняжки тело пышет,
Платье тлеет и дымит.

На позиции к нам рвутся,
Не желают отставать.
Слезы женщин так и льются,
Их попробуй-ка унять.

Трупам нет числа и счета —
Насмерть их скосил свинец.
Нам кричат фашисты что-то:
Мол, капут вам всем, конец!

Там луна, тут смотришь — тоже.
Что-то много стало лун.
Сколько танков прет, о боже?
Каждый — как стальной колун.

Бомбам нет числа фугасным,
Пулеметы бьют сильней.
Здесь солдаты из запаса —
Нету крепче их людей.

Бьют из корпусных орудий,
Сотрясается земля.
Защищаем землю грудью,
Трупами ее стеля.

Только вот от Волховстроя
Вдруг «Катюши» стали бить.
Ах, летят ракеты с воем,
Всех готовые убить.

Фрицы, что в живых остались,
В лес бегут в кромешной мгле.
Кто погиб, кто, истекая
Кровью, бьется на земле.

В кроне спрятался «кукушка»,
Наших щелкает солдат.
Кто-то снял его с макушки
Дуба — всяк тому был рад.

Три из снайперов советских
Пали... И лишь наш земляк
Бьет прицельно псов немецких —
Из Илякшиде³ — Мубаряк.

Пулемет свалился ночью
Возле дремлющих голов.
Застонал наш пулеметчик
Ямилов из Турбаслов⁴.

Озеро полно оружием —
Автомат, наган, снаряд...
По кровавым ходим лужам,
Где убитые лежат.

Вот по ним рванули танки,
Кости в пыль размолотив.
Конники пошли в атаку
С казаками впереди.

Парень из Старо-Сурмата⁵
Звать Аминев. Тракторист.
На «КВ» торит солдатам
Путь туда, где был фашист.

Да снаряд взорвался с края.
Тут на помощь подоспел
«Дизель» — Мисбах в нем хозяин;
Да Аминев в грязь засел.

Тут еще тягач. На пару
Выволокли все же танк.
В город Псков таким макарон
Утащили кое-как.

Взяли «языка» ребята,
Возрастом — аж сорок пять.
Не чета простым солдатам —
Офицерской касты, знать.

Весь напуган и подавлен.
Из зелено-серых глаз
Капают за каплей капля
Слезы вниз за разом раз.

Много нам поведал немец,
Сведений до черта дал.
«Не стреляй!» — молил нас немо,
Жизнь оставить умолял.

Я под мышками ощупал,
Все карманы осмотрел.
Золотые стиснув зубы,
Фриц захваченный сидел.

Вдруг из рукава фашиста
Выхватил наган Ямил.
Тот рванулся — двинул снизу
Фрица изо всех я сил.

Этот сдался в плен, а тот
Нами пущен был в расход.
Ну а кто-то утром рано
В тыл к нам проползти хотел.
Ту змею Кеняз Усманов
Подстрелить-таки успел.

Был джигит один наш ранен —
Из Старого Карыша⁶.
Била, как вода из крана,
Кровь из раны — вот дела!

Сломаны у парня ребра,
Рой осколков в животе;
Все лицо залито кровью —
Нет нормальных мест нигде.

Обвязал Ямил джигита —
Не бинтами, а тряпьем.
В «санитарку» проводили,
Горевали все потом.

В январе дул снежный ветер.
Вместо снега — черный грунт.
Пули щелкают, как плети,
Бомбы грудь земную рвут.

Не забудешь заваруху
В тех болотистых местах.
Описать не хватит духа —
Сломится перо в руках.

С Петрозаводска самолеты
Налетают каждый час;
Превратили в ад болота
И в него загнали нас.

В щепки станция разбита...
Стонем, мерзнем в блиндаже.
Призадумались джигиты,
Было скверно на душе.

Скоро выяснилось: это
Склад бомбил шпион-фашист.
То, что было под секретом,
Приказало долго жить.

Все довольствие, посуда,
Все солдатские пайки
Полыхали двое суток
Возле Пскова у реки.

А потом дошли до Ржева
В середине февраля.
За сраженьем шло сраженье,
Превратилась в ад земля.

Расчехлили мы орудья
Под бомбежкой и огнем.
За страну стояли грудью
Час за часом, день за днем.

Двое суток шло сраженье,
Дымом все заволоклось.
Бились насмерть подо Ржевом,
Обломилась жизни ось.

Повели огонь «Катюши»,
Танки тихо поползли.
Грохотали всюду пушки —
Все в дыму, в огне, в пыли.

Оказаться там, где немцы
Были прежде, — боль и страх:
Кто повешен, кто растерзан,
Вместо деревень — лишь прах.

Изуродованы дети,
Четвертованы отцы.
Нет существ подлей на свете,
Чем фашисты-подлецы!

Гнали сотню километров —
Нас вела святая месть!
В Вязьме с мстительным тем ветром
Оказались наконец.

Всюду — выжженные села,
Дзоты, минные поля...
Все вокруг мертво и голо,
Всюду — черная земля.

Возле Вязьмы огляделись,
Стали раненых считать.
О, как роты поредели! —
Где тут раненых искать?!

Ну а силы наши? Танков
С экипажами штук семь.
Небогато для атаки.
Но не то, что нет совсем.

А разбитые машины
Невозможно сосчитать.
Скольких здесь друзей лишились! —
А ведь где-то ждет их мать.

Вражеские минометы —
В шесть, наверное, стволов;
Как начнут лупить — охота
Превратиться вмиг в кротов.

Справа от горящей Вязьмы —
Станции. Мы бьем туда.
Видим: кто-то гибнет сразу,
От других нет и следа.

Слева от горящей Вязьмы —
Партизаны немцев бьют,
Или убивают сразу,
Или в плен, подлюг, берут.

Лыжники и верховые,
Словно молнии, сплелись.
Где убитые, живые?..
Что им смерть? И что им жизнь?

Кто в живых остался — руки
Подняли — сдаются в плен.
Наземь бросили оружие,
Все для них отныне — тлен.

А потом нам приказали
Командиры выступать
В город Белый. Ровно в десять
Там всю нашу часть собрать.

Танки — в путь. За ними — пушки,
Трактора и тягачи.
Сзади двинулись «Катюши»,
Бомбовозы-силачи.

Мы со всеми — при орудьях,
Путь у нас далек и крут.
Машут нам руками люди,
Черствый хлеб нам подают.

Заняли мы город Белый
Ровно в полночь. До утра
Продолжалась перестрелка —
Отступил проклятый враг.

Наши лыжники вослед,
Бьют нещадно — спасу нет.
Кавалерия за ними —
Настоящий винегрет!

Танки в огненном аду,
Пехотинцы, как на льду,
Падают, вдруг поскользнувшись, —
Им не встать уж на беду.

А минут через пятнадцать
Всюду посветлело так,
Что открылся сразу глазу
На горе высокой враг.

А у нас тут — хворь и голод.
Всяк из нас обоза ждет.
Наконец продукты в город
Нам забросил самолет.

Подзаправились, и снова
В наступленье! Пушкари
Бьют и бьют по их высотам —
Вся гора, кажись, горит.

У фашистов под горою
Оружейный был подвал;
Там — и танки, и сырое
Мясо, хлеб, их черт бы драл!

Застрывать мы там не стали —
Все смели и разнесли,
Вновь на запад их погнали,
Прочь от нашенской земли.

Так дошли до Кенигсберга.
Ну а там — то дот, то вал:
Не пройдет и черт, наверно —
Вмиг уложат наповал.

Не берут их и снаряды,
Бомбы вряд ли разнесут,
Так уж укрепились, гады,
Что, кажись, хана нам тут!

При осаде Кенигсберга,
Чай, снарядов миллион
Выпустили мы примерно —
Потому и сдался он.

Бил фашист в нас не без толку —
Вновь в окопы нас загнал.
Вдруг в солдатскую котомку
Вражеский свинец попал.

Он пробил навывлет кружку
И застрял, задев плечо.
Вдруг «Ура!» пронзило душу,
Снова гнев забил ключом.

Кенигсберг мы окружили,
На врагов пошли в штыки.
Пушки грохотом глушили,
Гибли целые полки.

Кенигсберг мы захватили,
Взяли много фрицев в плен.
Чуть меня там не убили —
Кровь ударила из вен.

Санитары прибежали,
Рану чтоб перевязать.
Не успели — тут же взяли
В самолет, и в нем спасать.

В самолете холод страшный,
Ветер прямо в рану бьет.
Кровь застыла под рубашкой,
Тело превратилось в лед.

Сели на аэродроме
В некоем городе Тильзит.
Там больница в белом доме
В ожидании стоит.

Выйти как из самолета?
И куда снесут сейчас?
...На носилках сестры с ходу
Понесли меня в санчасть.

Тот, кто тяжело был ранен,
По пути отдал концы.
Без стенания и брани
Уходили в мертвецы.

Кровь мою остановили,
Тело вымыли водой.
Там на койку уложили —
Неужели я живой?

Голова опухла. Темень
Пред глазами. Нет зубов.
Отнялся язык. Я немо
Пялюсь из своих бинтов.
Врач ощупывает тело,
Повторяя: «Ну и дело!»

А потом вдруг захватили
Немцы этот городок.
Свой порядок насадили —
Кто бы нам в беде помог?

Чуть пришли в себя — погнали
Восстанавливать мосты.
Что и делать, мы не знали —
То ль работать, то ль в кусты?

Судим-рядим, входим в споры,
Размышляем про себя:
Где, мол, Севастополь-город?
Мол, податься бы туда.

Думали все, как из зоны
Незаметно убежать?
До границы верст три сотни —
Очень просто удержать.

Ах, что будет, то и будет! —
Мы в побег ушли с темна.
Ту дорогу кто забудет? —
Пули свищут. Спит луна.

У реки вдруг оказались,
Называется Дунай.
Бесполезно брод искали —
Ну-ка, сунься тут, давай!..

Там — Болгария направо,
Чуть левее — сразу фронт.
На ночь нас укрыли травы;
А потом — хоть вплавь, хоть вброд.

Кто-то в воду лезть боится,
Кто-то влез, осилив страх...
Где прикажете укрыться,
Если вдруг настигнет враг?

Догадались наконец-то
Сколотить из бревен плот,
Чтобы всем хватало места,
Кто отсюда поплывет.

Вместе с нами санитарка
Госпитальная была;
Ей ни холодно ни жарко —
Вместе с нами поплыла.

Ночью челном по теченью,
Днем уходим в камыши.
Страх сменяется мученьем,
Катер мчится — не дыши.

Так нас и не увидали,
Быть иначе б нам в беде.
Видно, немцы понимали —
Не укрыться нам в воде.

Тихая река ль под нами? —
Не заметишь, как течет.
Зажжена прожекторами
Темная поверхность вод.

Вдруг поверхность разбежалась,
Островки пошли да ил.
Близко море! Оказалось:
Это город Измаил.

Дальше — по ветру: студеный,
Как сибирский, холодит.
Что такое? Уж не фронт ли? —
Столько раненых лежит!

Жалко оставлять — взирают
Жалобно — хоть волком вой.
А куда их деть, не знаем
В этой сваре огневой.

Долго мы в лесу бродили,
Встретили там партизан.
Лишь вчера солдатом был я,
Ныне партизаном стал.

Бились мы остервенело,
Мстили мы за все врагам.
Фриц бежит, а мы умело
Ставим на него капкан.

А потом соединились
С регулярной группой войск.
Своего-таки добились —
Пусть германец чешет нос!

Сколько было тут орудий,
Разных пушек и «Катюш»!..
Заболтался, видно, люди,
И спешу сказать вам: «Хуш».

Нет побед светлей на свете,
В дом вернемся наконец.
А привел к большой победе
Мудрый Сталин, наш отец.

С той победой возвратились,
Грудь — в медалях, орденах.
Мы с врагом достойно бились —
Знать, за совесть — не за страх.

«Доберемся до Берлина», —
Говорили уходя.
Говорили: «Победим мы
И вернемся навсегда!»

69. БАИТ НУРГАЛИ НУРИТДИНОВА

Помню июль. На рассвете
Вражья задвигалась рать.
Множество войск наших метил
Гитлер, чтоб в прах растоптать.

Двигается фриц. В ожиданье
Наши застыли полки.
Ох, понесли ж наказание
Шедшие строем враги!

Немец прорвать наши цепи
Жаждал, чтоб в тыл к нам зайдя,
Горы, леса наши, степи
Сплошь захватить их шутя.

Танки по прозвищу «Тигры»
Перед пехотой гремят.
В наших окопах, ретивы,
Смотришь, как факел, горят.

Видели «Тигров» под Курском,
В Белгороде и Орле.
Но уползали, как трусы,
Вспыхнув на русской земле.

Дрожь по земле от разрывов,
Бух! — недолет, перелет!
Танк подожжем — немец дыбом,
Волком ощерясь, встает.

Бьем зажигательной смесью,
Связки швыряем гранат.
Тем и сбиваем их спесь мы,
Танки за танком подряд.

Снайперы целят по дзотам,
Пушки по брустверам бьют.
Не выдержав этой охоты,
В тыл свой фашисты бегут.

Дал нам приказ маршал Сталин
Напрочь врагов истреблять;
Мы же картечью да сталью
Будем его исполнять.

Сердце кипит и клокочет,
Глядь, оборвется как нить.
Надо — так гибелью хочет
Землю свою защитить.

Сердце трепещет и скачет,
Чтобы скорей победить,
Чтобы врагов, не иначе,
В землю родимую вбить.

Если идем мы в атаку,
Ярость пылает в груди:
Нужно — один на десяток
Может на фрицев пойти.

Верим товарищу Сталину,
Дух укрепляет наш он.
Клятву даем, что в развалину
Будет фашизм превращен!

70. БАИТ ХРАБРОГО ОФИЦЕРА ФАЙЗУЛЛЫ КАЮМОВА

В одна тысяча девятьсот
Сорок первом году
Оказались наши части
В жутком фронтовом аду.

Прибыли сюда мы, чтобы
Отстоять Отчизны честь,
Потому что ей до гроба
Были верные как есть.

Командир же наш Каюмов —
Это истинный герой.
Верили во всем ему мы,
За него — всегда горой.

Сквозь огонь, свинцовый ливень
Вел он нас всегда вперед.
Знал он цену дисциплине,
Был во всем для нас оплот.

Мы за ним — в огонь и в воду!
Каждый этим только горд.
Страха с ним не знаешь сроду,
Никакой не страшен черт.

Наш Каюмов-командир
Родом, значит, был башкир;
Он училище кончал,
Смело немчуру встречал.

Обратится перед боем
К нам: «Друзья мои, вперед!
Победим и дружным строем
Возвратимся через год!»

На груди у командира
Пара орденов горит.
Наша часть идет всем миром.
Враг, узнав о том, дрожит.

Что с победою вернется,
Верим мы, наш командир.
Воевал-то по-геройски,
Потому он и батыр!

71. БАИТ АБУБАКИРА ГАЛИНА

Ну, направлен я в приемку!
Так солдатом стану я.
Натяну шинель потуже,
Разгуляюсь я, друзья!
Спустишься к Инзер-реке¹ ты,
Зачерпнешь воды ведром;
Вспомнишь — и меня одаришь

Хоть малюсеньким письмом.
На столе приемки нашей
Книги — не перечитать.
Осмотревши, врач-профессор
Рявкает: «Его принять!»
Радовался: стал солдатом,
Бить фашистов научусь,
Кончу их из автомата,
И Героем ворочусь.
Голубочек мой в гнезде,
А гнездо то на гвозде.
Коль погибну, ворочусь я
Песней в боевой узде.
Я уехал на войну
Защищать свою страну;
Расскажу вам, что познал я
Там, где все подобно сну.
Под рукою автомат,
Связка разрывных гранат;
В стороне родной гулял бы,
Если б не германец-гад.
Автомат ли, пулемет ли —
Крепко их держу в руках.
Коль идет фашист, глотаю
Я его, как аждаха.
— Где Уфа? — спрошу. Ответят:
— На горе она, где лес.
Никого на белом свете
Не боится наш боец!
На посту стою, замерзший,
Можно в жиже потонуть.
Не гранаты б мне, а ложку,
Чтоб похлебочки глотнуть.
Если б знали, как отвратно
На посту быть часовым.
Рвутся там и тут снаряды —
Смолкнуть не прикажешь им.
Я бутыл с горючей смесью
Бросил прямо в ихний танк.
Сразу загорелся весь он...
Жизнь кому-то спас я так.
Вязнут вражеские танки
В жиже северных болот.
А «Катюши» стали бахать —
Кто — назад, кто в грунт, как крот.

Было дело в сорок третьем:
Окропила кровь листву.
Мы открыли путь свободный
С Ленинграда на Москву.
Путь открыли, и просторно
Мы вздохнули... Смяв врага,
До его дошли берлоги.
А теперь — домой пора!

72. БАИТ ВОЙНЫ

Год сорок первый. Я помню:
Ярок был день и погож.
Немцы вдруг начали бойню,
Тучи накрыли нас сплошь.
Рвутся снаряды, и пули
Всю прошивают страну.
Двадцать второго июня
Начали фрицы войну.
Тут на защиту поднялся
Весь наш советский народ.
В седла вскочили мы разом,
Кони рванули вперед.
Вышли мы из Давлеканова¹
На ста двадцати лошадях.
Остался в тумане край мой —
Что ждет нас в далеких краях?
Нас обучали из пушки
И пулемета стрелять.
Саблю точили мы лучше,
Чтобы врагов истреблять.
Двинулись ныне на Запад.
Ну а Уфа за спиной
Нас провожает глазами...
Вновь возвратимся ль домой?
Едем в набитых вагонах,
Цедим крутой кипяток;
Письма на перегонах
В ящик кладем под замок.
Ныне со смертью мы рядом...
Где-то остался наш край.
Делимся всем, чем богаты,
Пляшем, поем под курай.

Часто приходится спать нам
Средь тараканов и крыс.
Чтобы, вскочив, с супостатом
Вновь в рукопашной сойтись.
Вот и весна наступила,
Стаял обугленный снег.
Пуля кого-то пробила,
И отошел человек.
Лошади ржут ошалело
В чьем-то чающем саду.
Я от души пожалел их —
Мирную им бы узду!
Лошадь, поди, для башкира
Спутницей первой была,
С ней он объехал полмира,
Всюду борясь против зла.
...Слышу: «Огонь, батарея!»
Это кричит наш комбат.
И засвистели, шалея,
Вдаль за снарядом снаряд.
Прямо в немецкую кухню
Один угодил, говорят.
Аж потолок ее рухнул —
Вот уж снаряд, так снаряд!
Жрите металл вместо мяса,
Если он вам по зубам!
Силой своею вы хвастали —
Вот и урок будет вам!
День наступления нынче —
Девятнадцатое ноября;
Кончились мелкие стычки,
Кончить вас разом пора.
Заговорили «Катюши»,
Залпы орудий слились.
В пятки ушли ваши души,
Вмиг вы назад подались.
Видим: немного осталось
Взять вас всем войском в котел,
Чтоб в том котле сталинградском
Выварить вас — и на стол!
Пули свистят, и снаряды
Взрывами землю долбят.
Как вам в котле нашем, гады?
Пятки не очень горят?

Гитлера нет для подмоги,
Фюреру нынче капут...
Кто без руки, кто безногий,
Глотку собачью дерут.
Вижу: фашисты направо,
Слева — опять же фашист.
Трупам их вечная слава! —
Бог приказал долго жить.
Триста тридцать тысяч фрицев
Мы сварили в том котле.
Может это лишь присниться
На истерзанной земле.
На другой день утром рано
Видел пленных по пути:
Двадцать с лишним генералов
И фельдмаршал впереди².
Усмехался наш народ:
«На Москву фашист идет!»

73. В ДОНСКИХ СТЕПЯХ

Ветер, дующий отсюда,
Будет ли оттуда дуть?
Мой привет знакомым людям,
Заберут ли в дальний путь?

Красноармеец Якупов —
Из Башкирии джигит.
Раненный в живот в окопах,
Сочиняю я байт.

Буду жив — в свою сторонку
Я однажды ворочусь.
Всем, что пережил, негромко
С земляками поделюсь.

Своих деточек родимых
Я к груди своей прижму.
Как шагал в огне и дыме,
Им подробно расскажу.

— По вагонам! — закричали
Нам, башкирским седокам.
...В Ефремграде оказались
В мае, как велели нам.

Подъезжали мы под трели
Соловьев. А там — фашист.
Мы их с ходу одолели,
Бились насмерть — не на жизнь.

Ах, краса реки Олыма
В час, когда восходит рожь!
Мы ж окутаны тут дымом
И огнем объаты сплошь.

— Ну-ка, конники-башкиры, —
Нам командуют, — Вперед!
— Бейте недругов, батыры,
Знайте: за спиной — народ!

День и ночь мы наступали,
Брали в плен врага в боях;
Непокорных убивали...
Где их трупы? На полях.

Многих доблестных джигитов
Потеряли мы в те дни.
Раненые не забыты —
В тыл отправлены они.

Жили мы семьей единой,
Все делили пополам;
Путь и тягостный, и длинный
В той войне достался нам.

Степь густой травой покрыта,
На траве — роса и кровь.
Стерпят ли, как мы, джигиты
На земле своей врагов?

Мы вели огонь из пушек,
Били мы из ПТР;
Били так, что глохли уши;
Сердце ныло от потерь.

Но завет: назад ни шагу! —
Мы держали каждый час.
Мы судьбу страны решали,
В бой страна водила нас.

Командир наш Ибрагимов
Нам команду подает:
— Эскадрон, в атаку мигом!
И несемся мы вперед.

Много раз водил в атаку
Нас отважный командир.
Трижды ранен был, однако
Воевал он, как батыр.

Как огонь, в потемках наших
Бродит ненависть к врагу.
Потому он нам не страшен —
Пред страной мы в долгу.

Потому и шли бесстрашно
На конях в его тылы;
Не пугали даже танки,
Возникавшие из мглы.

И в воде мы не тонули,
Не горели и в огне,
Мы врагов в подкову гнули,
Были в их же стороне.

...У Стерли растут арбузы,
В Бирске яблони цветут.
С Янган-тау посмотришь: грустно
Реки дивные текут;

Красоту Уральских гор,
Агидели синий взор,
Звон ручья под косогором,
Листьев солнечный узор —

Все в себя вбирает воин
Пред атакой на врага,
Сокрушает грозным боем,
Обломав ему рога.

Шестеро солдат немецких
Выбрались из камышей,
Выстрелили из винтовок —
Мы прогнали их взашей.

Коль тоска вдруг одолеет,
Посмотрите на луну;
Если ярость одолеет,
Отправляйтесь на войну!

Пусть не топчет враг проклятый
Нашу светлую страну;
Пусть своим звериным взглядом
Не чернит ее весну.

Мы искореним заразу —
Прочь бегут от нас враги.
Приближается наш праздник,
Потерпите, земляки!

Эй, бойцы родные, братья,
Пусть счастливым будет путь!
Будем вас с победой ждать мы,
Жаркую смиряя грудь.

74. БАИТ ВИЛЬДАНА ИСКАНДАРОВА

В одна тысяча девятьсот
Да в году сорок втором
Я — Вильдан Искандаров —
В Туймазах¹ оставил дом.

Как и водится, родные
Проводили нас ладком.
Ну а девки озорные
Помахали нам платком.

На плечи шинель накинув,
Мы уходим в ранний час.
Не ушли бы — фриц нахлынул
С запада, напав на нас.

Черен дым от той машины,
Что на фронт нас увезла.
Оглянулся: дом мой милый
Виден на краю села.

Эй друзья мои, родные!
В путь уходим в грозный час.
Вспоминайте, дорогие,
Между делом и про нас.

В зимний день мы сели в поезд
И отправились на фронт.
Вы о нас не беспокойтесь —
В светлый мы вернемся год.

Говорят, фашист проклятый
Украину захватил.
Но наступит час расплаты.
Скажем: фриц, твой час пробил!

До степи донецкой нас
Докатил состав как раз.
Отступали наши строем...
Мы ж — в атаку, в добрый час!

Так нас встретила война —
Ни покрывки ей, ни дна!
Наступаем... Ну а немец
Бьет в упор... Ужель хана?

Масти серой наши кони,
Скачут весело и зло.
Взяли мы после погони
Погорелово-село.

Дальше двинулись бойцы,
Мои други-молодцы.
Я ж упал, свинцом пробитый —
Неужель отдам концы?

Автомат сжимаю крепче,
Бью по фрицу наугад.
Но от этого не легче —
Весь в крови мой автомат.

Санитары наконец-то
В госпиталь меня свезли.
Что ж, война такое место,
Где кричат «ура!» и «пли!»

Кость в ноге разбила пуля,
Жжет внутри сильнее огня.
Скверно написал — в ауле
Не сердчайте на меня.

Там воюйте по-геройски,
Бейте фрицев, не щадя,
Чтоб у них трещали кости,
В прорве снега и дождя.

75. БАИТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На родную землю нашу
Гитлер в ранний час напал,
Превратил он села в кашу,
В городах — сплошной завал.

Новость ту услышав, разом
Я взметнулся, весь в пылу:
Был бы лук — вонзил бы сразу
В сердце Гитлера стрелу.

На войне погиб финляндской
Старший сын мой Гайфулла.
Четверо других остались —
Нешто их сожрет война?

Вся деревня прет на митинг.
Я ж вздыхаю про себя:
Неужели же (поймите!) —
Жить с детьми мне не судьба?

Словно уголь, почернели
Лица наших земляков.
Проклиная немцев, еле
Разошлись без лишних слов.

Исмагил — сынок мой младший,
Добровольцем укатил:
Мол, я псам задам, мать вашу,
Биться буду что есть сил!

Вырастил пять сыновей я,
Нет красивей никого!
А увидишь на войне их —
Нет отважней никого!

Письма шлют мне: бьем врага, мол,
Землякам привет большой.
Их читаю я с друзьями,
Радуюсь за них душой.

Радуюсь, горжусь!.. Но только
Радость вдруг оборвалась:
Будто вдруг пронзило током,
Тьма и скорбь объяли нас.

«Сын Хамза погиб», — такая
Весть способна враз убить.
Потекли друзья рекою,
Чтобы горе разделить.

Сын Камиль на Белорусском
Фронте ранен — весть пришла;
Пусть бы Гитлер захлебнулся
В пасти собственного зла!

Шарифулла, Гарифулла!
Где вы, деточки мои?
Госпиталь забрал Камиля,
Раны лечит там свои.

Вот и наступил май-месяц,
Землю одарив теплом.
Наши гонят немцев с треском,
Враг от наших — кувырком.

С Дона вышибли фашистов...
Из-под города Берлин
Сыновья прислали письма —
Кто из них? Который сын?

Кто там — в чине капитана?
Кто там — старший лейтенант?
Каково им в дальних странах,
Чтит ли свято брата брат?

Пятеро ушли на битву,
Трое выжили из них.
Каждый при народе видный,
И награды — на троих!

Собрались мы в день Победы
У правленья всем селом.
Угостили нас обедом,
Окружили нас теплом.

Чтобы корень гитлеризма
Иссушился на века,
Пожелали братьям жизни,
Ну а мне же в дар — телка.

76. БАИТ ЗАЙЛАГИ МУСИНА

Ах, напал проклятый Гитлер
На Советскую страну.
Разной нации джигиты
Поспешили на войну.
Возвели мы мост-временку,
На тот берег перешли,
Жгли гранатами их танки,
Доты, дзоты все пожгли.
По названию «Катюша»
Сущий зверь у наших есть.
Как ударит — в пятки души
У врагов и там, и здесь.
Нет и сорока мне... Только
В руки, в ноги ранен я;
Не могу ходить без палки,
Жалкий вид имею я.
Утром жду письма из дома,
Не скрывая горьких слез.
Эх, вернуться б, ради бога,
Весь поднял бы я колхоз!
Плохонький баит свой молча
Здесь, в санбате, завершу.
Ногу вылечу — хоть ночью
В дом родной свой почешу!

77. ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

Немцы у Днепра в резерве,
Чтобы совершить прыжок.
Будь ты проклят, фриц! Всю землю
И разграбил, и пожег.
За Днестром на возвышенья
Виден Киев далеко.
Фриц обрек нас на мученье —
Будет самому ль легко?
Глубока вода Днепра.

Возводили мост с утра.
Коль сумеем перебраться,
Сокрушим к чертям врага.
На плоты и в лодки сели —
Неужели унесет?
Напишите нашим, если
Пуля грудь мою пробьет.
Плыли в лодке мы. Внезапно
За бортом упал снаряд.
Ну а я, не будь растяпой,
Вмиг откинулся назад.
Среди трупов и разрывов
Берега достигли мы.
Дай бог жизни тем солдатам,
Что, как мы, доплыть смогли!
Облака плывут, как рыбы,
Коль стоишь тут на горе.
Утонули иль погибли
Люди многие в Днепре.
Ночью, в грунт врываясь грудью,
Все разведали. С утра
Вызвали огонь орудий
С того берега Днепра.
Что тут началось! К тем пушкам,
Что палили по врагу,
Подключились и «Катюши» —
Ад на нашем берегу!
Вражеские самолеты
Черным факелом горят.
Из окопов и из дотов
Немцы чешут все подряд.
Подступает к нам подмога,
Расширяется плацдарм.
Наступаем понемногу —
От фашистов только пар.
...Хутор выжженный мы взяли.
Там у черного крыльца
Девочка нам прошептала:
— Мать убили... и отца.
С неба в нас фашист стреляет.
Возведенный нами мост
Помаленьку догорает —
Лишь с конца остался хвост.
Ночью вдруг огонь по небу
Полыхнет над головой.

Утром оглянешься слепо —
Друг лежит твой неживой.
На крутой горе днепровской
Мое место на земле.
Здесь ли я оставлю кости,
Чтобы пес их сгрыз во мгле.
За Днепром белеет камень,
Словно ангела душа.
А в воде, в днепровской яме,
Рядом мертвецы лежат.
Лучше мне с водою чистой
Вдаль уплыть, закрыв глаза,
Чем плененным быть фашистом,
Чтоб он кровь мою сосал.
Через Днепр переплывая,
Потерял я страх давно.
Лишь моя душа живая,
Все друзья ушли на дно.
Над Днепром стоим мы группой,
Голову терзанья жгут.
Тех, кто уплывает трупом,
Дети маленькие ждут.
От плотов, что вдаль уплыли,
Не остался даже след.
У людей, что утонули,
Имя есть, а тела — нет.
Все, что описал я выше,
Я рукою вывел сам.
Все изложенное выше
Все, как есть, я видел сам.
Я о том напоминаю,
Чтоб читающий узнал,
Как, на фронте погибая,
Слово вам сказать мечтал.

78. ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Миновали много сел мы,
Проезжали города,
У Берлина оказались —
Ну а дальше-то куда?
Бомбовозам нет конца —
Сотрясают небеса.
Сбросят бомбы над Берлином
И скорей спешат назад.

Русская винтовка; к ней
Сто патронов, сто огней.
Стоит фрицу показаться —
Сразу по макушке бей!
Много топали мы, чтобы
До Берлина дошагать.
Не забудет фриц до гроба
Нас теперь, едрена мать!
Перед взятием Берлина
Ураганный бил огонь.
Кровь на улицах Берлина —
Захлебнется добрый конь.
Мы немецкую столицу
Взяли в тесное кольцо.
В памяти с тех пор хранится
Майский день со всей красотой.
Мы фашистские знамена
Наземь бросили в тот день.
Обретали цвет зеленый
Листья, нам бросая тень.
Мы верны присяге были:
Взяв Берлин — войну долой!
Столько лет беду делили,
А теперь — пора домой.
Мы на улице Берлина
Укрепили красный флаг.
Был наш путь к Берлину длинным —
В грозном грохоте атак.
Наш солдат обед готовит,
Шуткой сам себя смешит.
Не горит в огне, не тонет,
Писем ждет, домой спешит.
...Мы в аул свой воротились —
Никого нет из мужчин;
Избы набок покосились,
Нету ламп — лишь блеск лучин.
Эх, родная сторона!
На все стороны видна.
Где друзья мои? Неужто
Разметала вас война?
Фотографии висят
На стене за рядом ряд.
Вспомню тех, кто был со мною,
И глаза от слез болят.

Я шинель свою повесил
На заржавленном крючке.
Вспомню о былом, и песню
Заведу в глухой тоске.
Эх, родная сторона!
Ты же у меня одна.
Как к тебе не воротиться,
Коль грустна ты и бедна?
Кто постигнет наши муки,
Кто проникнется душой?
Кто безногий, кто безрукий,
Возвратились мы домой.

79. БАИТ ЮЗЮМБАЯ

Значок мой гвардейский
Сверкает на мне.
Родных своих деток
Я вижу во сне.

Значок свой гвардейский
Я, знать, заслужил.
Как в плен не попал я?
Сам бог, знать, хранил.

Мы с другом Закиром
В обнимку лежим;
Стреляем в фашистов,
Коль надо — бежим.

Я ранен был в ногу,
Наложили гипс.
Весь месяц валялся,
Сухарики грыз.

Сняли гипс, и снова
В полку я родном.
Близка уж граница —
А там — отчий дом.

Бьет ветер в лицо нам,
Сулит сотни бед.
Закир, мой товарищ, —
С деревни Армет¹.

Товарищ мой верный
Отважен и смел.
Воюет умело,
Медаль заимел.

* * *

Из аула своего ушел я,
В город Орск добрался натошак.
Писем жду от родственников... Что же
Мне прислать не могут их никак?

Уходя из дома, я оставил
Сына там. Нет никаких вестей.
Душу беспокойство забирает —
Что с родней вдруг стало там моей?

Ровно с двух часов я заступаю
Каждый раз на пост служебный свой.
В семь утра — другому уступаю
Место, уходя своей тропой.

Чуть не убегаю из траншеи,
На бегу одолевает сон.
Если одолеть врага сумеем,
Возвратимся с первым же снежком.

* * *

На ноге моей заметен
Шрам от раны — с палец он.
Юзюмбай письмо шлет детям,
От тоски забыл и сон.

Но из дому писем нету.
Сам вернусь в конце я лета.
Грусти вся душа полна —
Почему молчит жена?

Рахимьян зовут дружка.
Из аула он Алга.
Буреломов нет уж больше,
Впереди — одни луга.

Друг мой родом из района
По названью Бакалы².
Пушки бьют и бьют бессонно,
Слепнем мы от дымной мглы.

Когда город Минск мы брали,
Взяли там большой трофей.
Немцы многих потеряли
На Дону-реке поздней.

Драпануть куда не знали
Немцы — их сорвался план.
На Дону мы их достали
И захлопнули капкан.

Ах, моя пилотка шита
Из отменного сукна.
Наши части жмут открыто
Через Минск, не зная сна.

Гвардейская дивизия
Бьется на земле врага.
Глянь в бинокль — и увидишь
Перелески и луга.

У коней фашистских всюду
Пообрезаны хвосты.
В страхе, потеряв рассудок,
Немец прячется в кусты.

При освобожденьи Курска
Многих потеряли мы.
Не давали немцам спуска,
Злости праведной полны.

Гитлер, руки прочь от пашен,
Леса, где хозяин я.
Заняли гвардейцы наши
Белорусские края.

Передаст привет пусть сын мой
Знакомому Зиеву.
Доберется, видно, скоро
Наша часть до Киева.

Передаст пускай сто крат
Мой привет Миннигалибанат.
Мол, вернется очень скоро
Их отец домой назад.

— Гитлер, для чего ты начал
Эту страшную войну?
Очень скоро сам заплачешь,
За свою платя вину.

Армия у нас такая —
Под стопой ее умрешь.
От гвардейцев утекая,
Место под землей найдешь.

Нас гвардейцами зовут,
Бьем врага мы там и тут;
Скоро на земле германской
Будет Гитлеру капут.

Думал ли о чем-то Гитлер,
Начиная с нами бой?
Эх, его б под танк! Молитву
Ты прочел бы так: «Ой-ой!»

«Ястребы» с высот бросают
Бомбы вниз, в ночную темь.
Коль с фашизмом мы кончаем,
Хорошо нам будет всем.

Прикрепили мы «Катюшу»
Да к машине боевой.
Гитлер! Будешь ты задушен
На земле своей родной.

Арткоманду телефоном
Мы своим передаем.
Нанесем врагу урон мы,
В логове его побьем.

Воротился я в землянку,
А там нечего поесть.
Я на Гитлере проклятом
Вымещу и злость, и месть.

Бью фашистов я в сраженье
И бросаю их в окоп.
Гитлер не найдет спасенья —
Ждет его повсюду гроб.

Я на фельдшера учился,
А пришлось солдатом стать.
Неужели против фрицев
Не пошел бы воевать?

У курая звук глубокий
И напевы широки.
Я, кто пишет эти строки,
Из района Мияки³.

Уршакбаш Карамалы —
Мой аул. А сельсовет
Сарсавинский. Как ушли,
Так вернемся мы чуть свет.

Место, где я рос, зовется
Берег Уршака, Аит.
Я отсель теперь далеко,
Оттого душа болит.

На году сорок девятом
Взяли в армию меня.
Мухамадия, Аухади —
Вот мой дом, моя семья.

Когда брали Запорожье,
Многих немцев взяли мы.
Гитлер, что теперь ты сможешь,
Сам став пленником тюрьмы?

80. ПИСЬМО-БАИТ РАЗВЕДЧИКА

Взял перо, письмо сложил я,
Чтоб послать его домой;
Люди, средь которых жил я,
Помяните меж собой.
Впереди фашист, а сзади —
За приказом прет приказ.
Под разрывами снарядов
Дни и ночи держат нас.

Воронов крыла чернее
Были волосы. Теперь
За два года поседали,
А виной — фашистский зверь.
Самолеты, сбросив бомбы,
Улетают иль горят.
На Днестре — раскаты грома:
Или бомба, иль снаряд.
Над Днестром в тоске бродил я,
Пел, о родине грустя.
Потихоньку слезы лил я
Под каплями дождя.
Запою, коль захочу,
Запляшу, коль по плечу.
Чтобы у друзей веселье
Вызвать — шутку закачу.
Коль тоска невыносима,
Глажу волосы свои.
Слезы душат с новой силой —
Где вы, радости мои?!
Лебеди по небосводу
К морю синему плывут.
Мы воюем год за годом —
Вырвемся ль из этих пут?
Год за годом гул сражений,
(Их познать, так самому);
Пить из чаши тех мучений
Не желаю никому.
Закружилась голова,
Взял перо, нашел слова.
Много лет расти не будет
На путях моих трава.
Мы еще сегодня тут,
Завтра в бой нас поведут.
Будем живы — возвратимся,
Пусть нам письма лишь идут.
Много-много написал бы —
Нет бумаги под рукой.
Много-много рассказал бы —
Рвется берег под ногой.
Написав письмо, отправил,
Долго вдоль Днестра бродил.
Чтоб дошло оно исправно,
Я слезу свою пролил.

Все же свой напомним адрес:
За Уралом прежде жил.
Приезжайте, бога ради,
В мой родимый Абзелил¹.
Если спросите аул мой,
То зовут его Ахай².
«Как зовут?» — меня ты спросишь,
Г. Насыров называй!

81. БАИТЫ ХАБИБЫ АРСЛАНОВОЙ

I

В армию, в которую так рвался,
Наконец-то мой Зиннат ушел.
Годы службы мне считать осталось —
Как булыжник, каждый день тяжел.

Против нашей родины проклятый
Фриц однажды объявил войну.
Смерч войны дитя мое — Зинната —
Враз забрал в чужую сторону.

Я не знаю, где ты заблудился;
День и ночь тоскую я, Зиннат;
Город под тобой ли провалился,
Разорвался ль над тобой снаряд?

Некогда черкнуть письмо мне даже,
Иль отвык перо держать в руке?
Смелым был — сам черт тебе не страшен!
Отчего ж исчез ты вдалеке?

Или ранен был и пал на землю?
Или в плен к фашистам угодил?
Иль в крови, мое родное семя,
Ты лежишь, и друг тебя забыл?

Нет, сынок, ты вдруг пропасть не можешь,
От руки врагов не можешь пасть.
Власть Советов, знаю я, поможет,
Ведь она для нас — родная власть.

II

Вот и радость дом наш озарила:
От Зиннатуллы пришло письмо.
В окруженьи был, но не убило,
Ускользнуть сумел сыночек мой!

Тех убили, а других пленили.
А Зиннат мой убежал в леса.
Где, на счастье, партизаны были,
И остался там средь партизан.

О сынок, и боль моя, и гордость,
Житель огнедышащих лесов,
Партизан мой, что берет за горло
Супостатов, отзовись на зов!

Уваженье в той войне снискал ты,
Все лишенья доблестно сносил;
Под откос составы их пускал ты,
Их солдат — твой автомат косил.

В глухомани, на болотах вязких,
Жил ты средь друзей и воевал.
Самолет нашел тебя, как в сказке,
И письмо твое с собой забрал.

Здесь семнадцать месяцев ждала я
От тебя хоть весточку одну;
Наконец-то дождалась! Читая,
Будто б окунулась я в войну.

Шестьдесят четыре мне. А рядом
Нету никого из сыновей.
Подарила Армии солдат я,
И теперь одна на склоне дней.

Партизан — один, другой — Герой.
Вот таких я сыновей взрастила.
Если б жизнь мне юность подарила,
Я за ними поспешила б в бой!

Партизан Зиннат! Тот день нагрянет:
За большие подвиги тебе
Сам Калинин поднесет награду —
Буду благодарна я судьбе.

Партизаны, воины родные!
Вы — опора ваших матерей.
Бейте немцев! Знайте, что Россия
Не забудет храбрых сыновей!

III

Бисмиллахи ва биллахи,
На носу Курбан-Гаит.
Мы сложили, вы прочтите
О военных днях баит.

Я промчалась на коне
По германской стороне.
Не бывать фашистской швали
В нашей солнечной стране.

Всюду радостные лица —
В чем причина? В ком вина?
Можешь нынче веселиться —
Ведь окончилась война.

Ранним утром объявили
О победе над врагом.
Наши парни задавили
Гниду крепким сапогом.

Пролетают аэропланы
В синеве родных небес.
Где таится Гитлер драный,
В щель какую он залез?

Пусть земля благоухает
Возле озера Хасан.
Пусть уймутся самураи —
Им отпор достойный дан.

Соловьи всю шалеют
За рекою средь садов.
Гитлер нас не одолеет,
Пока Сталин жив-здоров.

... Пал мой сын. Моя беда
В сердце впилась навсегда.
Пятеро детей осталось —
Каждый — бедный сирота.

82. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Жизнь прожившая старуха,
Сочинила я байт.
Мой Харис на фронт уехал —
Что мне делать? Как мне быть?

Многие ушли на битву,
Дом оставили родной.
Эту бойню начал Гитлер —
Он ответит головой.

Уходя в края чужие,
Оглянулся: отчий дом!
Мама родная, родные,
В сердце вы навек моем.

Свищут пули, гибнут люди,
Содрогается страна.
Кто предскажет, сколько будет
Длиться страшная война?

Кони добрые на месте
Пляшут, рвутся на врага.
Мчатся в бой красноармейцы,
Крик стоит: «Вперед! Алга!..»

Сыплет фриц на нас снаряды,
Гарь окопы замела.
От разрывов стала адом
Опаленная земля.

Стянут в поясе ремнем,
Оснащен стальным клинком —
Не вернусь, не посчитавшись
С ненавистным мне врагом.

Посмотри, как мало, все же,
В нашей родине мужчин.
Гибнут люди. Да поможет
Бог от всех спастись кручин.

Гибнут люди. Ну а раны
Никого не обошли.
Вражеские генералы
Наше сердце обожгли.

Вражеские генералы
Захватили полстраны.
Сколько душ мы потеряли
В адском пламени войны.

Ну а мы, сжимая сабли,
Перед смертью запоем.
В мертвецы нас записали,
Ну а мы на них — живьем!

Наши верные сыны
Защищают честь страны.
Кровью кости их умыты,
Сожжены огнем войны.

Но мы верим в час победы:
В их же утопив крови,
Мы сживем врагов со света,
Беспощадно разгромим.

Наши танки наступают,
Грозные, как аждаха.
Враг куда бежать не знает,
Это значит — он труха.

Добрались мы до границы,
Фрицу обломав рога.
Будем в логово стремиться,
Чтобы там добить врага.

Посылаем мы приветы
Через перелетных птиц.
Знайте: близок час победы,
Значит уничтожен фриц!

Мы верны приказам были,
Исполняли как могли.
Супостатов мы разбили,
Прочь с земли его смели.

Говорили, что фашистов
Победить нельзя никак.
Бились, не жалея жизней,
И теперь разгромлен враг.

Рвался с яростью звериной
Он к Москве. А что сейчас? —
Вьется флаг наш над Берлином —
Пусть навек запомнят нас!

В грозный час расправил плечи
Весь могучий наш народ.
Оказалось: мы покрепче
Силы гитлеровских орд.

Над Берлином красный флаг —
Кровь сражений и атак.
Пусть трепещет дни и ночи
Побежденный нами враг!

83. БАИТ О РИФКАТЕ ХАФИЗОВЕ

По приказу ль бросился в атаку,
На смерть роковую мой сынок?
Сколько пролежал он в буераке,
С жизнью распроститься все не мог.

На рассвете, уходя из дома,
Жал мне руки: милая, прощай!
Уходил дорогою знакомой —
Вслед за ним рвалась моя душа.

Уезжал на фронт сынок мой милый,
Чтоб найти пристанище в земле.
Приоткрыть бы вновь его могилу —
Светится ль лицо его во мгле?

Ветерок в густой играет кроне,
Не молитву ль шепчет надо мной?
Я терплю — ведь мир в печали тонет:
Сколько Газраил забрал с собой!

Соловьи поют невыносимо,
То переливаясь, то звеня.
Вдалеке покоится прах сына,
Только горе — в сердце у меня.

В нем никак не утихает горечь,
Боль пронзает, кажется, насквозь.
Станет душно — выхожу на воздух,
Но не остудит ее мороз.

Будто бы шагаю по дороге,
А она уводит не туда.
Не была безумной, слава богу,
А теперь вот — с головой беда.

Собирала дикий лук, бывало, —
Он исчез неведомо куда.
Своего сыночка б повидала —
Под землей он — нет пути туда.

Лишь окоп остался, где он, может,
Землю согревал своим теплом.
Детские слова его тревожат:
«Сколько простоит отцовский дом?»

Помню, как порог переступал он,
Шапку вешал с ходу на крючок.
«Мама, писем что, не поступало?
Нет прислать хоть весточки клочок!»

На горе береза нежит ветки,
Под березой вьется лебеда.
У других давно вернулись дети,
Ты лишь не вернешься никогда.

То — твоя береза! Слезы сами
Льются, как на гору погляжу.
Знаю, горю не помочь слезами,
Потому в безмолвии брожу.

Письма перечитываю долго —
Вижу край, где смерть тебя нашла.
У Днепра угодно было богу,
Чтобы пуля грудь твою прожгла.

«Мамочка, — писал, — вернусь я скоро...»
И вскипала радостью душа.
Сколько лет не утихает горе,
Сколько лет не чувствую опоры,
Сколько лет живу я, чуть дыша!

Раньше в пять ручьев сплетала косы,
А теперь — две тонкие косы.
Как во сне тебя увижу — слезы
Душат до утра меня, мой сын.

Загляжусь на воды Агидели:
Пена возле берега шипит.
Чувствую озноб в дрожащем теле,
Чувствую укол твоих обид.

«Сына не видал?» — спросила птицу.
То был дикий гусь. Смирная грусть,
«Сын твой никогда не возвратится», —
Мне ответил перелетный гусь.

84. СВЯЩЕННЫЙ СЫН МОЙ

За окном рассветный тополь стынет,
Оттого ли он припал к окну?
Только лишь подросток священный сын мой,
Гитлер начал против нас войну.

Дух мой отделился ли от тела? —
В небе он, сама ж я — у крыльца.
Жизнь моя в печали пролетела —
Слезы лью по сыну без конца.

Звезды в небе за луной уплыли.
Где рассвет? — Не чувствую его.
В землях отдаленных схоронили
Прах священный сына моего.

Давно уж писем из земель далеких,
Увы, мне не приносит почтальон.
И потому мне страшно одиноко,
Дни — как во сне, бежит ночами сон.

Бешмет остался старенький от сына,
Пять пуговиц испачканы в крови.
Я, похоронку получив, застыла
И умерла от горя и любви.

85. БАИТ О БАДРЕТДИНЕ

Остался ты под взрывами снарядов
И заживо был там же погребен.
Наверно, руки простирал: «Ребята...
Воды мне дайте... Буду я спасен!»

Роняют птицы перья, словно листья,
Спадает крона пожелтевших лип.
Когда живой был, приходили письма,
Не стало их — подумала: погиб.

Роняют птицы траурные перья,
И оседают перья на камнях.
Погиб мой муж... Но я тому не верю,
Кто заберет его несчастный прах?

Роняют птицы перья утром ранним...
Такая тишь у птиц и благодать.
А может, жив родной — он просто ранен
И письмецо не в силах написать?

Его коняга — не войдет в оглобли,
Дуга не в силах шею обхватить.
Погиб на фронте милый... не во гробе —
В песке пришлось его похоронить.

Х. Афганская война

86. АФГАНСКИЙ БАИТ

Камыши над озером цветут.
Не тебя ли с нетерпеньем ждут?
По весне пернатых птиц орда
Прилетает каждый год сюда.

Земляки тебя не забывают,
Ты для всех остался светлым днем,
Добрым словом всюду поминают,
Отвечая на добро добром.

Только лишь у матери в глазах —
И тоска, и горькие слова,
Лишь одно желанье — хоть бы раз
Ты пришел, пока она жива.

Слезы вытекают, как родник.
Сникли люди в горести своей.
Всяк к тому давно уже привык,
К ним — лишь только не к тоске моей.

Ну а было так: вдруг выстрел
За спиной прогрохотал.
Обернулся сын мой быстро
И на землю вдруг упал.

Обжигает знойный ветер
На афганской стороне.
Вряд ли есть такой на свете,
Кто б все вынес на войне.

Ноги ль у него устали.
Путь-дорога ль далека.
Лишь одно в Афганистане —
Кровь взбухает, как река.

Ну, а если в небе тучи —
Падает свинец с небес.
Умереть самой бы лучше
Средь своих родимых мест.

Гуси дикие, привет мой
Передайте сыновьям!
Но в ответ: сынок твой бедный
Там же смертью храбрых пал.

Я у соловья спросила:
«Ты куда летишь, дружок?»
Он в ответ мне: «Где сразила
Пуля сына твоего».

Мой сынок лицом был красен,
Брови черные, как смоль.
Пуля всякая опасна —
Оставляет в сердце боль.

Посадила я осину
На высоком берегу.
В память павшего там сына
Нареветься не могу.

Кто войну придумал эту? —
Я ему проклятье шлю.
Мамы всей земной планеты,
Преградим дорогу злу!

Помню: уходил на службу
В той одежде, что носил.
И в жару, небось, и в стужу
Шел в ней из последних сил.

Про Афганистан ты песню
Сочинил и выслал нам.
Тропы здесь — как ваши вести
Долго вьются по камням.
«Коль умру — не обессудьте,
Шлю привет последний вам!»

II. СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ БАИТЫ

I. Родители и дети

87. БАИТ САКА И СОКА

(мифологический)

Бычий пузырь вместо стекол прибит.
Про Сака и Сока послушай баит.

Из-за стрелы мы рассорились. Мать
Нас прокляла, а за что — не понять.

Птицы кормежку приносят с полей.
Мать прокляла нас, своих же детей.

Саком один стал, а Соком другой.
Мы улетели рассветной порой.

Мать нас кляла... До прихода отца
Нас-то она извела до конца.

С юга ветра стали вдруг задувать.
Бог дал кусок нам — взяла его мать.

Лет до шести мы друг с дружкой играли,
А через год Саком, Соком мы стали.

В сани впрягли мы двух резвых коней.
Нас мать прокляла — все проклятье на ней.

Мы перелетаем с ветки на ветку.
Неужто мы видеться будем так редко?

Сели на дерево — крылья раскрылись.
С матерью, что прокляла, мы простились.

Справа крыло и слева крыло.
Нас мамы проклятье на боль обрекло.

Рубашки мы новые не надевали,
Когда улетали, «прощай» не сказали.

«Ах, мама, не плачь! Слез своих не копи,
Сама прокляла нас, сама и терпи!..»

У зябкой черемухи ветви цветут.
У матери родненькой слезы текут.

Ягоды в лес мы пошли собирать.
Братьев несчастных обидела мать.

Играли и плакали мы... Навсегда
Мать прокляла нас — такая беда!

Пролилось небо холодным дождем.
Мама, в слезах мы навстречу идем.

Множество книг в медресе уцелели.
Мама осталась — ну а мы улетели.

Птицы поют... Там, наверно, отец
Спрашивает: «А где мой птенец?»

«Дитятки наши!» — вздыхает, чай, мать.
Папа ей: «Что ж было их проклинать?»

Прокляла мать нас — знать, близок конец,
Тут мы летели — не видел отец.

В лес мы пошли, два невинных ствола.
Мама, не плачь, коль сама прокляла.

Папа, гляди: ворох туч почернел.
Саком и Соком мы стали теперь.

В лес мы пошли, чтобы ягод набрать.
Нас вспоминая, кручинится ль мать?

Девушки в Деме полощут белье.
Наше несчастье к воде повело.

Демские набережья — камыши.
Наши стенания — ропот души.

Птицы щебечут во мраке лесном.
Плач Сака и Сока в щелесте том.

Мама, летим! Узнаешь ли ты нас?
Папа, скажи: где же острый твой глаз?

Медный в дыму самовар потемнел.
Стать Саком и Соком нам Рок повелел.

Слева — один из нас, справа — другой.
Как мы желаем быть вместе с семьей!
Сено сгрузили с арбы на гумно.
Скоро ль увидеться нам суждено?

Ветром стог сена всю обдаст.
Всем в доме собратья б — рассвет настает.

К озеру ль выйдем — туман в камыше.
Мама, такая тоска на душе!

В лес мы пошли и срубили березу.
Мама, грустим по тебе и льем слезы.

Мама, позволь тебе слово сказать:
Благословишь — в дом вернемся опять.

Как я хочу к вам — нет жизни и сна.
Как наша мама? Жива ли она?

А в медресе — полка стареньких книг.
Голос наш — к богу взывающий крик.

Книги прочтешь те — и тайну поймешь.
След птиц перелетных «судьбой» назовешь.

Пух на небе вьется — гусей не видать.
В глазах наших слезы — ведь прокляла мать.

Как хочется снова под отчий наш кров!
Год минул, другой... В теле мается кровь.

Солнце восходит — лучи по глазам.
До дня киямата не свидеться нам.

Бобер под водой порезвиться бы рад.
Но мать прокляла — нам пути нет назад.

Река в камышах: ты внимай и молчи;
Стон Сака и Сока услышишь в ночи.

88. БАИТ О НАВРУЗЕ

(мифологический)

Коль дороги вам дети,
Вы крепче их любите,
От сглаза берегите...
Пусть счастье даст Навруз!

Красотка своим видом
Берет в полон завидный...
Нет денег у шакирдов...
Пусть счастье даст Навруз!

Ах, сколько их, красавиц —
Аж забирает зависть.
Баит поем мы с вами:
Пусть счастье даст Навруз!

Тем девушкам не верьте,
Словам и завереньям,
Хитрей их нет на свете...
Пусть счастье даст Навруз!

На нас вы не гневитесь,
Не скроем, извините:
Пришли смотреть девиц мы...
Пусть счастье даст Навруз!

Вон та красива... Знать бы,
Не из семьи ли знатной?
Пойти да поболтать бы...
Пусть счастье даст Навруз!

Когда б была скотина,
Не шел бы на смотрины,
Похитил бы дивчину...
Пусть счастье даст Навруз!

Украл бы — были б руки,
Прижал бы — были б груди
Да не смотрели б люди...
Пусть счастье даст Навруз!

Красива — что сказать тут!
Но как ее сосватать?
Была б нам очень кстати...
Пусть счастье даст Навруз!

Что вам скажу, известно:
Пусть к нам идет невестой
Дочь ваша — будет к месту...
Пусть счастье даст Навруз!

Да ниспошлет вам боже
Добро и благо тоже!
Внемлите нам... Пока
Давайте садака*...
Пусть счастье даст Навруз!

89. БАИТ МАТЕРИ

Ствол древесный — это мама,
Дети — ветви на стволе.
Расставанье — это рана,
Что пылает на земле.

Я писать хочу — нет мочи.
От судьбы, знать, не уйти.
Мне терпеть и дни, и ночи,
Усмиряя боль в груди.

Прожила с одним понятием:
«Ах, дитя!» — и жизнь прошла.
Жизнь была сплошным проклятием —
Не стерпел бы и алла.

Жизнь была — на грани смерти,
Радостных не знали дней.
Ах, душа моя! Поверьте:
В небесах парить бы ей!

Горе, беды и сиротство —
Все она перенесла.
Знала ль сколько слез прольется?
Не дай бог другим, алла!

Из долгов не вылезали
Без еды во мраке стуж.
Но лишь одного желали:
Был бы детям хлеб не чужд.

Слово детское порою
Входит в душу, как игла, —
Мать становится больною, —
Обволакивает мгла.

Ну а вырастет сыночек —
И уже забыта мать.
Брошенная между прочим,
Слезы будет проливать.

А пока его растила,
Не мечтала ни о чем.
Глядь: ушла куда-то сила,
Старость грянула, как гром.

Только жизнь без улучшения —
Голод, холод и тоска.
Вырос сын, лишь я — в лишениях,
В жажде хлебного куска.

И куда податься той, чья
Жизнь беззвучно утекла?
Нет покоя днем и ночью,
Нет уюта и тепла.

Жизнь была б получше, может,
Коль в сиротах не ходить;
Как ни бейся — если брошен,
Счастья в жизни не добыть.

Я умру... Лишь только б знали
Имя хоть среди семьи.
Лишь бы внуки прочитали
Эти записи мои.

Ну а в жизни все иначе:
Скажешь слово — не проймет.
Накричишь — и это значит
Собеседник не поймет.

В счастье человек не знает,
Что беда — иных удел.
Жизнь моя в несчастье тает —
До других нет людям дел.

Моим внукам пожеланье:
Знайте беды горемык,
Относитесь с почитаньем
К тем, кто жить для вас привык.

Мать растит детей в мученьях...
Стоит взрослыми им стать,
Предают ее забвенью —
Не нужна отныне мать.

Без ходьбы — длинна дорога,
Без волны — тиха река.
Сердца радость — твой ребенок
Остается на века.

Матерей, хранящих верность,
Чаще прочих ветры бьют.
Ну а вырастают дети —
Где для матери приют?

В одиночестве сгорая,
Сердце в ней кровотоцит.
Мужа в юности теряя,
Сиротою жизнь влачит.

Нет печальнее картины:
Материнская беда.
Сын становится мужчиной —
Мать по-прежнему одна.

Сколько сил в детей вдохнула,
Сколько дум вложила в них.
Ныне бродит по аулу
Приживалкой у чужих.

Ей и дома одиноко,
Да не в силах умереть.
Помутился разум. Только
Не берет беднягу смерть.

Вырастают дети — тотчас
От детей уж блага нет.
Материнских одиночеств
Много знает белый свет.

По две жизни не дано нам.
Мать в урочный час умрет.
Но до смерти одиноко
От детей вниманья ждет.

Помощи ждут дни и ночи.
Не дождавшись, наконец,
Закрывают тихо очи
И находят свой конец.

II. Дела житейские

90. БАИТ ЗИМЫ

Чуть зима — чего у нас не происходит:
Землю снег густой завалит, засугробит.
В холода бедняк свое здоровье гробит —
Так зима к нам неожиданно приходит.

Лед к окну пристанет с палец толщиной.
На печи старуха мерзнет — ей бы зноя!
Будет жить или преставится весною:
Делать нечего — приходит смерть без стука.

Летом долог день, а ночь — не надо света:
Пусть любой к зиме готовится усердно.
Тот негодник, что бездельничает летом,
В стужу зимнюю без пицци околет.

На саях мотаться станет он впустую,
И губами только шлепать вхолостую.
Ну а тот, кто без работы прожил лето,
Будет здравствовать, накопленным торгую.

В пору зимнюю недолго заблудиться.
В снегопад или метель — куда прибиться?
Если летом ты с работою не дружен,
То закаркаешь зимой, как ворон-птица.

91. БАИТ СЕНА

Друзья, приступим к сенокосу!
Пришла пора — берись за косы.
Добро еще, здоров! Зимую
Есть, что поесть — скотина в стойле.

Косу острей купи на рынке,
Выкашивай весь до травинки
Свой луг и сырт*. Скотину сеном
Зимой ты выкормишь отменно.

Коси саженно — отец косил так,
Аж копна вывозить нет силы.
Он проходил косой — и с хрустом
Трава стлалась — и вмиг все пусто.

И твой покос пусть будет чистым,
Коса лишь отдается свистом.
И женщины, идя по следу,
Пусть скажут: брак ему неведом.

А коль не так — сломают грабли
И скажут: луг он только грабит.
Так приступай с утра к покосу,
Останешься иначе с носом.

В дождь — скатертью тебе дорога! —
Так убирайся, ради бога!

92. БАИТ КУМЫСА

В мае месяце — начало кумыса*.
Жены-матери всюю его взбивают.
В октябре свою работу завершают —
Уж тогда его испробовать нельзя.
Прежние кочевья наши — где они?
След простыл их — всюду комья целины.
С давних лет мы содержали лошадей,
Пасся скот в долинах рек, в цвету степей.
На охоте били зайцев, лис, волков,
Ели-пили в черед бегущих дней
На байрамах — наш обычай был таков.
Если вся была истоптана земля,
Предлагал сосед соседу: не пора ли
Перебраться на те степи и поля,
Где чиста вода и травы не увяли?
И снимаются все разом — сват и брат,
И на новые кочевки отбывают.
Три-четыре раза за лето подряд
Ставят юрты и места свои меняют.
А кумыс-меджлис* кочует вместе с ними,
Вслед за старыми, детьми и молодыми.
Так и вертится все время год за годом
Перезды и кочевки — род за родом.

2.

Пенится кумыс в глубоких чашах,
Из той чаши пьют и ваши, пьют и наши.
Попадет лишь хмель в гортань — уже веселье
Круг за кругом понеслось по карусели.

* * *

Я бродил по Камалек-реке¹... И что же? —
Поиссохли все деревья там, о боже!
Что случилось? — я подумал. Неужели,
Чтоб вспомнить их, все ручьи здесь обмелели?
А бывало: Камалек-река в теченьи
Разливалась вместе с паводком весенним,
Добиралась до холмов и вверх взбиралась...
Что же это с Камалек-рекою стало?

Был и мост, чтоб на Яик идти и в Сызрань.
Под мостом вода текла легко и быстро.
Ну а люди по обеим сторонам
Торг вели вовсю и счет вели деньгам.

93. БАИТ О ВРЕДЕ ЧАЯ

Придумали же для забавы
Траву по названию «чай».
Одалживали, пока те травы
Вконец разорили наш край.
Лишь молвит один: «На базар!» —
Уж мчатся туда млад и стар.
Дай бог угодить их потребе,
Коль чай для людей — божий дар!
Загонят, бывало, и клячу,
Вовсю полосую камчой.
Аулом на рынок! — иначе,
Глядишь, не достанется чай.
Такая в траве той нужда —
Родная жена не нужна!
Дай боже, чтобы хватило,
Нет чая — какая, брат, сила?
А что, если чаю конец?
«О, где ты? — разверзнутся вопли
Со всех обездоленных мест. —
Какой водохлеб чай наш пропил?»
Летом жаждою томимы,
Там прокашляют всю зиму.
Дай-то бог иметь заварку,
Если это — божий дар!
Дома есть жена. Подарком
К ней прибудет самовар.
Но зато в хлеву скота
Уж не будет ни черта.
Но зато разочек чая
Выпив за день, счастлив будь.
Бог наш, дай нам, не серчая,
Чая хоть когда-нибудь!

94. БАИТ О ПОЛЬЗЕ ЧАЯ

Поведаю рассказ, коль слушать станете,
Коль уличать меня в обмане перестанете,
Пред скатертью наполненной поведаю,
И с глупым, и с разумным побеседую.
Коль выпьешь чай, поднявшись рано утром,
Достойно будешь ты вести себя и мудро.
Коль выпьешь чай к обеду, с большим настроением
Весь день трудиться будешь, без сомнения.
В бумажной пачке — наше угощение —
Так вознесем ему благодарение!
А в том сосуде — мед, приправа к чаю —
Растопит душу он и все печали.
Едва взошла заря, мужик поднялся
И в дом, где шел дымок, тотчас подался.

95. БАИТ ЧАЯ

Мужик поднялся на заре, и сразу в дом,
Откуда шел дымок. И видит в нем:
Сидит мулла там за столом. И с ним мужик
Здоровается, как с младенчества привык.
А на подносе — чайные пиалы.
При виде их все в мужике затрепетало.
«Не объяснили б вы предназначенье
Того, что вам дано на услуженье?»
Мулла в ответ: «Зовется это самоваром,
Тому, кто выпьет из него, — быть януаром*».
Не стерпел мужик — рукой коснулся меди.
Он внутри ее огонь живой заметил.
А коснулся — и обжег мгновенно руку.
Вмиг она распухла вся — изведал муку!
Он увидел пар идущий, но воды
Не нашел там ни снаружи, ни внутри.
Чашку чая мужику налил мулла,
Не сказал, вода какая в ней была.
«Холодна водица», — думает мужик,
Стал глотать ее, как дома пить привык.
Выпучил глаза и губы в волдырях.
«Что за яд? — воскликнул в страхе, — о аллах?»
Двое мулл (еще был гость тут в ранний час)
Лишь смеются: мол, не яд, а просто чай.

А не веришь — сделай ты еще глоток,
Ну а следом хлеба проглоти кусок.
Но с тех пор, обжегшись чаем, навсегда
Чай пить бросил водохлеб наш. Вот беда!

96. БАИТ О ЧАЕ

Это дело начинается весной:
Нарядившись и довольные собой,
Две-три бабы, в чьем-то доме запершись,
Гнать чай начнут, да так, что аж держись!

К ним пристают другие. Всей толпой
Бредут, изнемогая, в летний зной.
Иную сваха у ворот встречает,
По-женски многословно привечает:
— Жива-здорова ль, сваха?

— Да, жива.

Сама-то как?

— Вот, бегаю с утра.

Дай, думаю, с людьми развеюсь тоже.
Устала, уфф! Поставь-ка самовар...
На руки смотришь в ожиданье? Что же,
Осьмуху прихватила на завар.

Пьют свахи чай, беседуют в тиши,
Хохочут, веселятся от души.

А в это время заглянула вдруг
Забывтая золовка. На хозяйку
Набросилась: «Пьешь чай среди подруг,
Сама ж, как что, ко мне: то, это дай-ка!»

Вот так, весь выпив чай, в свои дома
Бегут. Там бесприютно. Ветер дует.
Коль в дверь войдет ее мужик, сама
Вползти она готова в щель любую.
Лишь до порога доходя, бегом
Припустит, чтоб нырнуть скорее мужа.
Из колыбели чадо — кувырком,
Охрип от крика. Не сготовлен ужин.
Тут до дитя ль! Затапливает печь,
Притворно приговаривая: «Крошка,
Видать, упала ты. Вот дай испечь
Мне что-нибудь. Пока ж поешь объедки.

Негодница, нет, чтобы полежать
Спокойненько! Тебе бы все визжать.
Отец усталый явится домой,
Котел мой даже не залит водой...
Не лучше ль притвориться мне больной?»

Ах, бедный муженек! Приходит он
Усталый и голодный. А супруга
Ему, как будто сдерживая стон:
— Вон, бархатный камзол моей подруге
Муж подарил. Продай корову и
Камзол такой мне тоже подари!
А муж в ответ: «Что ж, бархатный — тебе,
А мне — простой, коль надо так судьбе».
— Не ври! — в ответ. — Я вижу по глазам:
Пока телиться будешь — год минует.

— Коль я корову бедную продам,
Поверь, себе найду жену другую.

97. БАИТ ПЕРЕПИСИ

I

Чтоб душ число определить,
К нам счетчиков прислали.
Ах, сколько слез пришлось пролить,
Пока нас сосчитали!
Фамилия у одного
Из них, кажись, Муратов.
Забыл, как звать... Ну а другой
Шарафетдин Салимов.
Добро еще, с одной земли,
С одной сторонки были,
В одной упряжке жить могли,
Все ссоры позабыли.

Тогда-то и набрал отряд:
Мол, ну давай, Салимов,
Докладывай нам все подряд
Ты числами своими!
Кто, думаете, состоит
В Обжорной той команде? —
Я ниже опишу их вид
И звания в той банде.

Исправник значится один,
И станowych — четыре.
Урядников — шесть человек
И много-много — сотских.
Десятников — хоть пруд пруди,
Солдат — тех больше сотни.
Жандармов — бог не приведи!
И старост к ним — двор скотный.
Коль всех сумеешь сосчитать —
За двести перевалит.
Как тут пред ними устоять?
Удастся вам едва ли.
Пришли со стороны Корос¹
Карательной дружиной.
Кнутом лупили — только хруст
Костей стоял и у двужильных.

Вот до Кадыра² весть дошла.
А там — отряд явился.
Вот к краю подошли села —
Вмиг разум помутился.
Когда, в Сенгряне постояв³,
Они подняли свару,
Кадырцы в ближние края
Уже бежали в страхе.
Сенгрянцы привели им скот,
Питье несли при этом.
А у «обжор» дай боже рот! —
Все слопали моментом.
Потом всю пошел разбой,
Грабеж по всей деревне.
А ты при этом смиренно стой
Иль падай на колени.
Порезали живых коров
И ведрами упились
Вина... И значит, будь здоров,
Как славно потрудились!
А после перешли на чай —
Кончали сорок пачек...
Восьмой был месяц, почитай.
А мы — и ныне плачем.
Овец десятка полтора —
И худобу, и жирных,
И куриц — целая гора
Бандитам разложили.

И сахарку — пуд-полтора —
Мы дали им «отведать».
Настанет ли когда пора
Вернуть тем мародерам?
А масло ели, словно хлеб,
Топленое — хлебали.
Другой — от жира бы ослеп,
Те — губы лишь лизали.
Как долго прожили у нас
Проклятые обжоры,
Уж не припомню я сейчас...
Но предали позору
Невинных девушек и жен,
Дерзили людям старым.
Осталось все, как страшный сон,
Легло на нас угаром.
Лупили молодых мужей
И женихов карали...
Ах, август месяц! Боль в душе
Сотрешь у нас едва ли.
Салимов — счетчик! Опиши
Как есть в своей тетради,
Про все народу расскажи
Жестокой правды ради.
Расскажет сам Муратов пусть,
Старик Гильман оплачет.
Тот август — это скорбь и грусть —
До самой смерти, значит.

Так, землю нашу осквернив,
В Асяново⁴ метнулись.
Повсюду страх несли они,
Под плеткой спины гнулись.
— Скот есть?.. Имеешь сколько душ?
— Жена и я... Зовут Хайруш...
— Речист!.. Наверное, спина
Кнута желает. На же, на!..

Идут «обжоры», всех подряд
Сечет и грабит их отряд.
Идут под видом нас считать,
На деле ж — бить и оскорблять.
Но вот деревня Лаяшты⁵ —
Яркево⁶ не близко к ней.

Пришли обжоры. Грабежи
Вновь начались среди людей.
Конец ли света? Или царь
Решил нас вывести, как встарь?
Иль беднякам пришел конец
И вырежут их, как овец?
Ответ свой держит Гайнулла:
— Мое богатство еле дышит —
Детишек девять да жена,
Избушка ветхая без крыши...
— Болтун! Заприте на замок! —
Приказ дает Обжора старший.
— Пусть будет болтуну урок. —
И Гайнуллу берут под стражу.
— Я здесь государя приказ
По переписи выполняю.
Ослушавшихся в тот же час
В Сибирь и дальше отправляю!

И вновь над людом свищет кнут,
Идет пальба из ружей,
И снова жены слезы льют
И гибнут наши души.
«Считали» так они людей,
Так перепись вели народа.
А счет тот был — людских смертей
Их прихоти в угоду.
Плач матерей и их детей —
Такого не услышишь сроду.
Так выполнялся тот приказ
Царя. И дом за домом
Бандиты обчищали нас —
Пусть поразит их громом!
Неужто солнце не взойдет,
Не одарит лучами?
На то надеялся народ
Во дни своей печали.

98. БАИТ ПЕРЕПИСИ (вариант)

В двенадцать ночи к нам пришли
«Обжоры». Приказали
Любой клочок своей земли
Расчистить. Бить нас стали.

Полезли в подпол стар и млад,
Старухи, дети, жены.
Бежали прочь, чтобы отряд
Их чести не затронул.

Тогда, деревню окружив,
Их выпускать не стали.
Дома разграбив, от души
И пили все, и жрали.

«Что ж за обжорный тот отряд?» —
Вы спросите. На вопрос ваш
За строчкой строчка — все подряд
Отвечу очень просто.

Подробно расскажу как есть,
Ничто не позабуду.
Пусть к будущим дойдет та весть,
Уроком горьким будет.

Два счетчика пришли. Один —
Муратов. Мусульманский.
Другой из них — Шарафетдин
Салимов. Иштирякский.

Так перепись вдвоем вели,
Под каждой были кровлей.
Всех нас пе-ре-ло-па-ти-ли,
Дай бог друзьям здоровья!

Мы родились от матерей,
И что такого, если
Нас сосчитают как людей,
Цифирь на нас повесят?

Велели это нам и то,
Сказали, что вернуться...
А мы лишь думали: когда
Обжоры уберутся?

В Уфу уехали они
И, чтоб смотреть за нами,
Солдат оставили своих —
Давить нас их руками.

Ах, если б слушались отцов,
Внимали их совету,
Не знали б этих молодцов
И всю команду эту!

99. БАИТ ШКОЛЫ

Выборных¹ собрав, обманом
Печать властей заполучил.
Вместо медресе поганую
Школу там же заложил.
Заложив ее, проклятье
Всех живущих заслужил.
В этом и загробном мире
Неприятелей нажил.
В судный час пусть будет лик
Твой чернее угля... Пусть
Ты навек ослепнешь вмиг,
Да будешь же ты пуст!

Власти прежние ты видел,
Всех их на смех поднимал.
Сам предстал ты в их же виде —
Сам посмешищем ты стал.
Сняв Куватова², вы сами
Объявили власть свою.
«Шайтан хажи» — «чертов хажи» —
Вас прозвали в том краю.
Земли распродать велел,
Долю бедных сам же съел,
Отнял силой у сирот
Их последний жалкий скот.
Землю ты спустил и воду,
Гарцевал в седле весь день.
Озеро Сахип ты продал —
Плакали семь деревень.
Превратил поля в кладбища —
Беднякам пойти куда?
Превратил башкир ты в нищих,
Русским землю их продал.
Дозволенье губернатор
Грабить дал свое, и ты
Всех припущенников кряду
Свел до нищенской черты.

Подалвал другим червонец,
Сам по тыще зажимал;
Потерял навеки совесть —
Все чужое пожирал.
Черная душа плоха —
Зато рядится в меха.
Грабежом решил ты жить,
Славу громкую добыть.
Эй, хажи! Не разумеешь,
Что никем ты нынче стал.
И что, скажи, имеешь,
Сколько б там ни воровал?
Нахватав ячмень ты сорный,
Смолоть на мельнице велел.
Та мука поперек горла
Встала — сам ее бы ел!
Вороного своего ты
До смерти довел. Тогда
Друг Бустан свою дал лошадь.
На ней ты ездил года два.
Тут Курман — сынок Бустана —
Вновь коня гнедого дал.
Даже в самом сне прекрасном
Лучшего ты не видал.
В волость, несмотря на злобу,
Бедный люд тебя избрал.
В волостных лет восемь пробыл,
Пока русским ты не стал.
Против своего народа
Совершил немало зла:
Разным богачам в угоду
Забивал людей села.
Утешал себя ты: волость,
Никуда, мол, не уйдет,
Мол, людских проклятий голос
Стороною обойдет.
Разорил округу: я, мол,
Совершу священный хадж.
Над тобой враги ислама
Обсмеялись: царь, мол, ваш!
А вернулся после хаджа
На деньгу, что здесь украл, —
От своей же этой кражи
Настоящим чертом стал.

С первых дней вступил с народом
В распри ты завел опять.
Чтоб казну пополнить с ходу,
Начал землю продавать.
Дав коня с телегой, спешно
Взял в Рысаеве³ жену.
Объявив себя умершим,
Возвратил ее отцу.

Все это исполнив, край тот
Сразу обездолил весь.
Ну а скот продав татарам,
Распродать велел коней.
Их «отбросы» взяв задаром,
Вновь богаче стал и злей.
На те деньги дармовые
В хадж отправились шутя.
Да в Стамбуле⁴ задержались,
До Медины⁵ не дойдя.
Вам дойти ль до края света
С той награбленной деньгой?
Царь стамбульский, зная это,
Посмеялся над тобой.
Собрался в Стамбуле вашем
Богомольцев целый рой.
То, что ты — двурушник, каждый
Сразу понял той порой.
«Он коварнее еврея, —
О тебе прошла молва. —
Ты — хитрец, а он — хитрее,
Лживы все его слова».
Но зато за сына рады
Были и отец, и мать.
Что ж тебе в Медине надо? —
«Святость» имени поднять!
В волостные не она ли
Вдруг тебя произвела?
Вмиг на прочих наплевал ты,
Превратясь в исчадье зла.

Повели тебя любезно
К шаху, чтобы заглянуть,
Был ли в детстве ты обрезан?
И потом закрыли путь.

Остальные ж пропуск взяли
Путь продолжить, и потом,
Возвращаясь, отыскали
Вновь тебя на месте том.
И по приказанью шаха
Должен был убитым быть.
Без еды, дрожа от страха,
Только слезы мог ты лить.
Подменен был Ибрагимом
Ты, и сто его рублей
Стали, стало быть, твоими —
Вновь ты обманул людей.
Для чего так хочешь быть ты
Головою волостным?
Будешь с кем ту власть делить ты,
Коль останешься живым?
А пойдешь против аллаха —
Весь увязнешь во грехах.
Кровью брюхо вдруг бабахнет
И останется лишь прах.
Если б вместо этой школы
Ты воздвиг бы медресе,
«Хадж» забыли б твой, и долго
Благо помнили бы все.
Коль ученые бы вышли
Из тех стен, и бедняков
Одарили, — сотни тысяч
Мог бы ждать от земляков.
В школе ж — не до шариата,
Нет в ней святости людской.
И молитвы ей не надо,
Добродетели мирской.
«Хаджем» приобрел почет ты...
Только кто тебя хитрей? —
Штраф платить заставил тех, кто
Против школы был твоей.
Коль в отчаянии нищий,
Может бунт поднять, тогда
Бог тебя едва ль услышит,
Не заставит ждать беда.
Болью и тоской объятый,
Я со стороны гляжу:
Если не уймешься сам ты,
Вынудят тебя, скажу.
Есть аул Курач⁶. Продашь ты
Земли, в ход пуская ложь.

Мой баит прочтешь однажды
И грехи свои поймешь.
Было: сам ты в доме отчем
Был хозяином. И вот
Стал владыкой между прочим,
Всех берешь в свой оборот.
Одной шубы, оказалось
Мало — две тебе подай.
От кого тебе досталась
Страсть, что бьется через край.
Если ты никак не можешь
Образумиться, я всем
Расскажу — пусть знают тоже,
В книге пропишу затем.
На шести листах подробно
Опишу твою гульбу.
Засмеют тебя, до гроба
Будешь клясть свою судьбу.
Станешь так с людьми шутить,
Греховодно в мире жить,
Навсегда в устах народа
Праведным тебе не быть.

Сей баит не зря писал я,
Хоть неглубоко копал,
Хоть небольно вас кусал я,
Недостаточно щипал.
Я хочу на этом кончить.
 Попрошу о том и вас.
Призываю, между прочим,
Всех услышать этот глас.
Если кто-то знает больше,
Пусть продолжит мой рассказ.
Только упаси вас боже
Проклинать за правду нас!
Открывал ее с трудом я,
От души признаюсь вам.
Всем читающим знакомым
Свой передаю салям.

100. БАИТ АКМУЛЛЫ

Для чего арбу поэта
Выкрасили? — Вся в мелу.
За добро, какого нету,
Умертвили Акмуллу.

Отчего его чалмою
Стан обвязан Давлетши?
Акмулла зажал рукою
Клок бородки Давлетши.
Акмуллы камзол был вышит
Позументами. Пронзил
Нож Даули чуть сердца ниже
Акмуллу. Певца убил!
Давлетша — Даули сквозь дали
Гнался псом за Акмуллой.
Люди Троицка¹ взирали,
Как поник тот головой.
Давлетше, поди, достался
Акмуллы литой кумган.
Труп в степи лежать остался,
Где ковыль лишь да бурьян.
Уничтожили потом
Книги Акмуллы огнем.
.....
Бал начальниками дан².
Круглый дворик Акмуллы
Лепестками замело.
Остались жалкие рубли
После гибели его.
Будет тополь там шуметь,
Вспоминая Акмуллу.
Сколько надо зла иметь,
Чтоб вот так убить муллу!

101. БАИТ ПОКАЯНИЯ

(Баит Акмуллы)

Вот, друзья мои, явился
Праздник наш курбан-гаит.
Слушайте: расскажем близким
Мы про Акмуллу баит.

Чалмой Акмуллы повязан
Давлетша — ну и дела!
Давлетши клочок бородки
В кулаке сжал Акмулла.

Сани Акмуллы для славы
Выкрасили. Но потом
Из-за зависти к той славе
В грудь ударили ножом.

Позументы на одежде
У него из серебра.
Надо быть таким невеждой,
Чтоб не знать, что он мулла!

Как сээна догоняли
С тем безжалостным ножом!
Чуяли, как убивали
Даже в Троицке самом.

По-над Аем¹ стонет тополь
На раскаянной земле.
Тянутся людские тропы
В память о святом мулле.

Акмулла творит молитву,
Белый коврик разостлав.
Давлетшой-Даули убит он —
Стал богатым Давлетша.

Два гнедых на гору тянут
Скорбную арбу муллы.
Возле речки бездыханно
Только тело Акмуллы.

За Уфой в ауле жили
Мать с отцом, в своем углу.
А за мельницей убили
Тут их сына — Акмуллу.

Были лошади — куда их
Увели безумцы зла?
Что душа муллы святая
Лиходеям тем дала?

В доме Давлетши на крюке
Шуба Акмуллы висит.
Обагрились кровью руки —
И убийца прочь бежит.

Вышли в городе Казани
Сочиненья Акмуллы.
Обливались слезами
Почитатели муллы.

Кони в прежние владенья
Ускакали во всю прыть.
Взяв убийц, им обвиненья
Не сумели предъявить.

III. Родной край

102. ЭЙ, МОЙ УРАЛ!

Хой, Урал! Богатство мира,
Пуповина всей земли.
Здесь давно живут башкиры,
Здесь приют они нашли.

Клад ты наш, Урал. Не пил кто
Вод твоих прозрачный мед?
Для души не находил кто
Соль земли и неба свод?

Выбрали тебя среди прочих
Наши предки в пору ту.
Будем помнить дни и ночи
Щедрость их и доброту.

Их могил остались камни,
Что хранят священный прах.
Не остынет наша память,
Сохраним мы их в сердцах.

Столько ты растишь деревьев,
Холишь летом и зимой;
Сколько золотых каменьев
Здесь находят под землей.

Скот, что худ порой весенней,
Летом обретает жир.
В юртах пьют кумыс. Веселье
Заполняет целый мир.

Из курая вдруг зальется,
Как души волшебный дар,
Песня скорби, песня солнца —
«Тафтиляу» и «Ашкадар»¹.

Да, постранствовал немало,
И когда пришел черед,
Стал Старейшиной Урала
Называть меня народ.

Ты зимой укрыт снегами,
Ледяным охвачен сном.
Летом поишь нас ручьями,
Одаряешь нас зерном.

Берега твои объаты
Разноцветием цветов;
Так прекрасен аромат их,
Что не надобно духов.

Петь курай не уставал —
Этот предков дивный дар.
Боль я в песнях изливал —
«Тафтиляу» и «Ашкадар».

Да, бродил я много лет
По тугаям и горам.
Стал теперь и стар, и сед —
Счет забыл своим годам.

Ай, Урал! Зимой в снегах
Неподвижно стынешь ты.
Летом — в травах и цветах —
Поишь нас и кормишь ты.

Ты, что нам всевышним дан,
Нас связал одной уздой.
Ты — наш материнский стан,
Ты — отцовское гнездо.

Ты нам жизнь и силу дал,
Мой, навек любимый край.
Кто продаст тебя, Урал,
Продад мать свою, считай!

103. УРАЛ

Ах, веселый сад, Урал мой, пуповина всех земель!
Всех башкир собрал в себе ты, всех кочевьев колыбель.

И деревья, и плоды — благоухающий цветник.
Ты — гнездо всего живого, всех сокровищ светлый лик.

Ты зимой покрыт снегами, что искрятся, как ковер.
Летом поишь нас водою, красотой лаская взор.

Берега твоих озер и рек пылают от цветов —
Никаких духов не нужно нам из рук скупых купцов.

Лошадь каждая весною, глядь, уж накопила жир.
Белые шатры раскинув, кумысом справляют пир.

Сам Алла дал нам сад этот, что и славен, и красив.
Неприступен, непродажен этот сад для вражьих сил.

Лето на Урале — отдых до зимы — хой, мой Урал!
Кто продал его, считайте: мать родную он продал.

Ты — сокровище, ты — клад, и ты — молочная река.
Кто тебя иной проклянет — и отсохнет вмиг рука.

Много я бродил неспешно по Уралу, и теперь
Поседел, состарюсь... Что же! — я нырну в другую дверь.

Да, бродил я здесь немало, видел праздники, когда
На курае молодые зазывают всех сюда.

Да, из дудочки исходят здесь напевы, как река.
И богат ты, но у юных нету грамоты пока.

Прежде старики старались эту грамоту внушить.
Вы о них не забывайте — тщитесь вместе с ними жить.

104. ПРЕКРАСНЫЙ УЙЗЮРЯК

Чуден берег Уйзюряка¹,
Запах каждого цветка.
Горы тонут в синем мраке.
Хой ты, Уйзюряк-река!

Здесь озера нежат взоры,
Отразились в них века.
Бесны в солнечных узорах,
Хой ты, Уйзюряк-река!

Тонут степи в разноцветье,
Так бывало здесь века.
Что прекраснее на свете,
Чем ты, Уйзюряк-река?

Шапка пенится курая,
Соловей поет с утра.
Голубь слезы льет, внимая...
Хой ты, Уйзюряк-река!

Целина была когда-то,
Стлались там весной шелка.
Полыхал огонь заката...
Хой ты, Уйзюряк-река!

А бывало, кочевали
Богачи и бедняки,
На долинах ночевали
Нашей Уйзюряк-реки.

Белые расставив юрты,
Проводили тут деньки.
Скот бродил веселым гуртом
Возле Уйзюряк-реки.

Было время то беспечным;
Так народ и жил века.
Сыт и волк, жива овечка.
Хой ты, Уйзюряк-река!

Все запахано нещадно —
Степи, горы и луга.
Нет дорог теперь опрятных...
Хой ты, Уйзюряк-река!

105. БЕРЕГА ЮРМЫЯ

Ах вы, берега Юрмыя:
Аромат густых лугов,
Плоскогорья голубые.
В разнотравии цветов —

Дар отхлынувших веков,
Хай, Юрмыя берега!

Вот курай — в чалме голов,
Песнопенье соловьев,
Ковылей седой покров.
Чтоб все это мне представить,
Не найти достойных слов.
Хай, Юрмыя берега!

Дойка сонных кобылиц,
Плеск воды и визг девиц;
Кочевое продвиженье
Бедняков и богачей,
Зной и зелень летних дней,
Хай, Юрмыя берега!

Юрта — будто снежный ком,
Вновь кочевка со скотом,
Год за годом, день за днем,
Хай, Юрмыя берега!

Дня сегодняшнего дар —
Отравленье и угар.
Перепаханы пути —
Здесь кочевок не найти,
Хай, Юрмыя берега!

106. БАИТ РЕКИ БИЛЕГУШ

Билегуш-река¹ прекрасна,
Аромат цветов и трав.
Горы высятся, как в сказке,
В воды чистые упав.

Здесь двенадцать есть аулов,
Вместе доят кобылиц;
Отдается звонким гулом
В ведра бьющийся кумыс.

Дальше — берега Касмарта²,
Тут — долина Аселе³.
Здесь тепло с начала марта
И на речке, и в селе.

Было весело мужчинам,
Пели девушки вовсю.
Билегушевы долины! —
Вашу ль описать красу?

Минареты ввысь всплывают
У речушки Ссяякле⁴.
Билегушевские баи
Там мечети возвели.

Эти земли вдоль реки
Распродали дураки.
Здесь теперь полно бояр
В пойме Билегуш-реки.

Срам «навек» ее продать
(На базар один под стать
Выручка от той земли) —
Что им правнукам сказать?

107. ЗЕМЛЯ УПЛЫВАЕТ

Милые друзья!
Жизнь пошла такая,
Что из наших рук
Земли уплывают.
Для хлебов поля
Сдобрить не смогли.
Если жить вот так —
Будем без земли.
Сытость — от нее...
Ну, а мы вовсю
Продаем ее —
Это ль нам к лицу?
За бесценок мы
Землю распыляем,
На голодный мор
Себя обрекаем.
Деды и отцы
Сев не признавали.
Все ж свои поля
Не распродавали.
Разводили скот
По долинам рек.

Где земля отцов? —
Уплыла навек!
Для того, чтоб вам
Земли сохранить,
В дальние края
Стали уходить.
Землю, что была
Матерью для нас,
Будем же беречь,
Словно пару глаз.
С той поры, когда
Чужаки сюда
Потянулись, здесь
Край разграблен весь.
Все добро земли
В руки им плывет.
Ну а наш народ
В нищете живет.
Даже та земля,
В чьих потьмах лежит
Предков прах, уж нам
Не принадлежит.
Клин живых долин
По реке Кизил¹ —
Дедов колыбель —
К чужакам уплыл.
Церкви вознеслись
Там, где был наш стан.
Край цветущих рек
Неродным нам стал.
К чужакам плывут
Земли на века.
Дети проклянут
Нас наверняка.

108. БАИТ О ПРОДАЖЕ ЗЕМЛИ

Суждено ль когда-нибудь гулять нам степью,
Чтоб без усталы шагать до края света?
Мы, башкиры, без земли остались ныне —
Неужели предок наш во всем повинен?

Захватили плодороднейшие земли.
Развелось у нас купеческое племя.
Мы, наследники отцов, гнем нынче спины,
В услуженье мы у русской чертовщины.

В злых бояр купцы мгновенно превратились.
Скот их топчет нашу степь — где божья милость?
В батраках у тех бояр мы в этом мире,
Ухмыляются: «Ну, что тебе, башкирин?»

Атаманы нашу воду замутили,
Наших братьев мнимым благом развратили:
Мол, из рук земля уходит — пусть хоть малость
Да уж сбывать ее, чтоб денежка осталась.

Тут сбежались горлопаны, горлохваты,
Землекупцы — для обмана и захвата;
Между ними споры, драки начинались,
Иногда они убийствами кончались.

Подговаривают бедных на продажу:
Мол, тебе кормить скотину негде даже.
Не продашь, мол, — байский скот твой луг погубит,
Ни зерна тебе, ни сена не прибудет.

Так вот земли друг за дружкой распродали,
Должниками у хозяев новых стали.
Ну а те долги вовсю уже торопят,
Бедняков они чуть заживо не топят.

Ну а если землю не пускать в продажу,
Что бы делать стали? Пусть осмыслит каждый:
Попросили б: приложи к бумажке руку,
В положение войди и будь, мол, другом.

Стоит руку приложить тебе — и тотчас
Станут гнать тебя из собственных же вотчин.
Проходимцы заорут, завоют разом:
Мол, теперь продать угоды ты обязан!

К судьям тут башкир отправился. И что же?
Только собственные хлопоты умножил.
Там судья прибудет: что, мол, тут у вас?
Ну-ка землю им продай-ка сей же час!

Эх, друзья мои! Позорище какое,
Вновь идти к купцу с повинной головою!
Без земли остаться, будучи земельным,
За осьмуху чая сплавив двор удельный.

Да, бывало, по степи своей гуляли,
Взгляд не в силах обхватить был наши дали.
Дети предков, без земли остались ныне —
Кто задумался о горестной причине?

109. БАИТ ЗЕМЛИ

Хороши у нас прибрежья Туеяса¹.
«Их продать бы надо», — точит кто-то лясы.
Коль продать их — без земли детей оставим.
Сохраним иль имена свои осливим.

Коль знать цену, наши земли — это злато.
Продадим — из рук уйдет все то, что свято.
Не сегодня — завтра киямат* настанет,
После нас детей своих мы с чем оставим?

Так давайте же, друзья, сойдемся вместе
Млад и стар, обсудим наши интересы;
Если кто продать собрался свои земли,
Запретим — пусть большинству безумец внемлет.

Чтоб стирать белье, всего лишь мыло нужно;
Чтоб пасти коров — тебе угодье нужно.
Есть угодье — там гнездовье родовое,
Там семья твоя, пристанище родное.

Коль земли лишишься — нет тебе скотины,
Будешь ты ее кормить речною тиной.
А попросишь землю вновь — сразит как громом
Злой ответ их: «Нет отныне ни земли твоей, ни дома!»

Если землю ты продашь — едва ли будешь
Сыт, одет — зато презрение добудешь.
Не осьмуху чая — может быть, всю четверть
Ткнут тебе, и ты подпишешь отречение».

Вон мукасовцы⁴ свершили преступление —
Продали «Сомтар-Узьяк»⁵ в одно мгновенье.
Вырвали от их земель густые сливки —
Знали б цену, то не сделали б ошибки.

Есть доверенные лица у пришельцев —
Скажем, брюхо и начальнические жесты.
Есть у нас свои обжоры — им бы глотку
Лишь залить — исполнят все они в охотку.

Землю сбудешь — писарь вмиг под нос бумажку.
Каин-староста печать приклепнет важно:
Что башкир-глупец, мол, в этом разумеет? —
Ведь бумажка-то и силы не имеет!
За потворство в сделке той проклятый писарь
«Темную» в карман положит свой без риска.
А башкир знай продает ему в угоду,
Все добро бессмысленно бросает в воду.
Хоть не пьем «ках-ках» мы чай, а все ж в ответе.
Берегите землю — может, наши дети
Цену ей поймут, глядишь, на этом свете.

110. РОДНЫЕ, ЗЕМЛЮ НЕ ПРОДАВАЙТЕ!

I

Землю, родные, не продавайте,
Деток без матери не оставляйте.
Нет ее — все мы голодными будем,
Все в этом мире перезабудем (повтор).
Матери нашей земля ведь подобна,
Пестует нас как ей угодно.
За землю родную народы иные
Смерть принимают и муки любые (повтор).
Земля, чтоб весною ее засеять,
Чтоб урожай с нее собирать;
Будет зерно — медресе мы построим,
К грамоте, к свету дорогу откроем.
Станем детишек мы там обучать,
Писать их научим, научим читать.
Ученых людей мы выращивать будем,
Хотя этот путь и очень труден (повтор).
Жалеть разве можно на это расходов?
Зато и не будем мы хлеб свой транжирить,
Беспечно гулять, пировать целым миром.
И в жизни, чтоб не обездолить себя,
Не рвите земли своей отруба.
Пусть каждый припомнит отцовский завет:
В единстве лишь сила, в ином ее нет.

На голову башкир налетела напасть —
Столько болезней напало на нас.

Столько всего нам пришлось испытать —
Не приходилось лишь голодать.

Сколько было у нас скота
И голод терпеть было хуже стыда.

Но вот явилась и к нам беда,
Земля исчезла, а с ней — еда.

Встречают осень одни — в зерне,
Другие пухнут уже к весне.

Одни не знают, куда деть хлеб.
Другие плачут — иль бог ослеп?

Башкиры моду ввели — спустить
Сперва всю землю, — да водку пить.

От пьянства — глупость, болезни, мор.
Так сколько можно терпеть позор?

Благоухал наш простор весь год.
Неужто землю башкир пропьет?

Здоровье наше — от той земли.
Осталась благодать ее вдали.

Цветы земные ласкали глаз,
Врачами были они для нас.

От прошлой жизни осталась пыль.
Башкиры гибнут — вот наша боль.

111. УДЕЛЬНЫЙ БАИТ

Стойла — берега Зирека¹,
Сто озер — у Куваша².
Здесь удельные уголья
У речного камыша.

Хлеб удельные не сеют —
Землю голой продают.
Без труда живут, не тужат,
Припеваючи живут.

Говорят, Куваш, мол, мелок,
Занырнешь — не будешь рад.
Чтобы землю дать раждунам³,
Есть закон, мол, говорят.

Ах, удельные деляги,
Упаси бог, рядом жить!
Дозволенья ждут раждуны,
Чтобы земли поделить.

Земскому начальству скажем,
Что без вод мы и земли.
Сделаем им подношенья,
Лишь бы малость отвели.

II

Землю поровну поделим
На башкир и на татар.
Коль земли они лишатся,
У удельных где «навар»?

У удельных худосочны
Лошади — опавший бок.
Старики удельных ищут —
Землю сохранить предлог.

Сосны рубятся на бревна,
Гнут полозья по домам.
Прут удельные к начальству:
Дай, мол, жить по отрубам⁴!

Вот она — тамга закона:
Колесо, дуга, топор...
Чтоб за землю удержаться,
Собрался удельный сбор.

Все начальство прикатило:
И урядник, и жандарм.
Ждут раждуны: мол, поделят
Землю... Рад и млад, и стар.

Земский говорит народу:
Вспять, мол, не летит стрела.
Чтоб взять землю у удельных
Нам мешает их тамга*.

III

Наши реки и озера —
Рыб лови хоть круглый год.
Словно громом пораженный,
Весь оцепенел народ.

Ах, раждунские владенья,
Взглядом их не оглядеть.
Почему прав у раждунов
Нет, чтоб землей владеть?

Шум и ропот. У ахуна
Спросим, говорят, давай!
А других закон пугает:
Прав нет — рот не разевай!

112. БАИТ О КАРАГАЙ-УЗЯКЕ

(Баит Соснового лога)

Говорят иные: хватит нашу землю продавать,
Чужаков в пределы наши родовые запускать.

Сами чернозем распашем и посеем хлеб на нем,
По миру блуждать довольно — жизнь оседлую начнем.

А купцы что? Все дела свои по-прежнему творят.
Все начальнички гурьбой: «Сбывайте землю!» — говорят.

— Мой отец не сеял хлеб, но никогда не голодал.
Мог всю землю распродать, и все-таки не продавал.

— Сколько бог вам дал землицы — прямо некуда девать!
Добрые наедут баи — вам без пищи не бывать.

Тех, кто держится за землю, приглашает старшина,
Глотку яростно дерет — аж брызжет черная слюна.

Шкур продажных наседало много здесь на земляков;
Сбыв кочевки, они сами превратились во врагов.

Яикбаевские баи спешно землю продают:
Мол, приезжих объегоривать купцов мы будем тут.

Землю лишнюю отнимут, русских баев наведут,
Потому все, кто умней, досрочно землю продадут.

Староста их поддержал, и так, и эдак людям лгал,
Чтоб народ склонить к продаже, к хитрым мерам
прибегал.

Всем им сунули купцы вперед и взятки, и дары,
И теперь они своим мозги морочат до поры.

Но народ не напугать и всех подряд не оболгать.
По столу начальства стал тут кулаком один стучать:

— Не брешите, все мы знаем: подобрали к вам ключи —
С потрохами все купили в одночасье богачи.

Сами продались. Хотите землю нашу им продать:
Что, мол, быдло знает? — смеетесь. Знайте: будете рыдать!

Поддержали смельчака, сказали много гневных слов.
Так противники продажи победили болтунов.

По домам народ растекся, а начальники в тиши
Пили-ели до рассвета, веселились от души.

Все здесь: и Егор, и Кишкин; с ними Дарвин и Сергей.
Продавцы земель с купцами веселились: ешь да пей!

Хвастал старшина. Другие радовались как могли.
— Я — хозяин! Изловлю всех похитителей земли!

Смейтесь, только разумейте: я всему тут господин.
Дело есть ко мне — ночами осторожно приходи!

— Что невежда разумеет в наших праведных делах? —
Бьет он в грудь. Другие вторят старшине: мол, ох да ах!

— Пусть-ка явятся поутру — пропусти, скажу я, всех,
Так силки свои расставлю — вот уж будет смех так смех!

Разделив их на две части, стану с ними толковать:
Сделаете, как скажу, — то буду вам я помогать.

Непродажники пусть подписи поставят на листе —
Так мы почерк их получим — пригодится он везде.

Сколько будет продающих, сколько прочих — все учтем.
Исходя из тех подсчетов, наше дело поведем.

Так решили, вновь попили, вновь поели кордаши*,
Всех продажных шкур аула подкупили за гроши.

На другой день вновь народ стекается со всех сторон,
Снова встречи, снова речи — ложь, введенная в закон.

Встал туря* и потянулся, подпишите все подряд:
«Мненье знать должны народа», — наверху нам говорят.

Если мало продающих, вам останется земля.
Справедливей нет решенья — разберетесь опосля.

Если много продающих, к земскому пускай идут,
У него указ короткий — все обратно отдадут.

Продавать кто не желает, пусть подпишут хоть со сна;
Так закон повелевает — знать должны мы имена.

Так в продажную бумагу люди подпись занесли.
Их безграмотность лишила навсегда своей земли.

Продавать хотят сто двадцать. Лишь двенадцать не хотят.
Ложь и хитрость все решили — обманули всех подряд.

Так провел туря свой план — хвала начальства его ждет.
Где свою поставил подпись, темный не смекнул народ.

Все уладили дела. Все скупщики теперь с землей.
А продажные душонки оказались с деньгой.

Взял не меньше, чем три тысячи, и земский-волостной.
Все Абдуловы¹, Камалые² богатели — хоть на убой.

Землю продал Яикбай, но черта из него-то бай?
Продает теперь дрова и пьет безбожно через край.

А земля-то — ваша мать, хлеб рождает испокон
А вы — сено продаете, пьете русский самогон.

Видно, тем, кто продает, и надоела мать-земля.
Прозвище «Нугай» вам дали, за усердие хваля.

Провели вас на мякине, потому вы и «нугай».
Вы презренье заслужили — вам лишь водочку давай!

По яйляу тоскуя, плачет наш Сакмар³, несясь во мрак.
Лишь во сне теперь увидишь место «Карагай-Узьяк».

Цель ленивых — не работать, поскорее землю сбыть.
Продают дрова и сено, чтоб муку себе добыть.

Баи мать возьмут, заставят спину гнуть твою жену.
Будешь жить, торгуя сеном, поклоняясь вину.

Так невежество приводит к разорению гнезда,
К рабству и засилью баев, жизнь окажется пуста.

Был бы в грамоте силен — никто б тебя не оболгал.
Не служил тому бы баю, что кусок твой отобрал.

Ты услышишь наш байт и станет стыдно, может быть.
Там, глядишь, возьмешь букварь и станешь сам себя
учить.

113. БАИТ О ПРОДАЖЕ САЛЬЮТСКОЙ ЗЕМЛИ

Землю продали навечно
И остались без земли.
Деньги пропивали вместе —
За дома потом взялись.
На подоле нет монисто —
Не скупил ли Салихьян?
Продаешь свою землю —
Почему же пуст карман?
На Сальюте утром рано
От кустов калины тень.
Поддались лжи Салихьяна
Восемнадцать деревень.

14. ПЛАЧ ДЕТЕЙ ТЕХ, КТО ПРОДАЛ ЗЕМЛЮ

Были когда-то привольные дни.
Был саду подобен лик нашей земли.
Уплыли те земли, не знаем к кому;
Отцы наши, деды — причина тому.
Бывало, привольно гуляли в степи.
Не знали границ — уставали стопы.
Теперь без земли мы, противу уму;
Отцы наши, деды — причина тому.
Отцы наши, деды в гробах не видны.
Остались мы голы и голодны;
Без денег, ремесел нас бросили в тьму;
Отцы наши, деды — причина тому.
Сожрали всю землю — был труд их таков.
Они насадили у нас чужаков.
Теперь на них спину мы гнем... Почему? —
Отцы наши, деды — причина тому.
Пришельцы — в боярах. Несносен их гнет.
Привольную степь заполняет их скот.
Когда мы идем к ним, послушны судьбе,
То слышим: «Что надо, башкирин, тебе?»
Не знаем, что завтрашний день нам сулит,
Чем дети украсят могильный гранит.
Но мы начертали на ваших гробах,
Что землю вы продали в наших краях.
Не хватит чернил, чтобы зло описать,
Заставит оно и бумагу рыдать.
Но ваше безумье останется жить
В истории, чтоб не могли вас забыть!

4. Женская доля

115. СЕМЬ ДЕВУШЕК

Словно в небе Семизвездье,
Здесь семь девушек росли.
Жили вместе, были вместе,
Друг без дружки не могли.

Берегом Мандем-речушки
Вышли как-то погулять.
Словно рыбки, семь подружек
Водную взбивали гладь.

Вдруг егетов увидали
Там, где вились тальники.
Все семь разом застеснялись
И нырнули в глубь реки.

Знали хитрость тех егетов
Семь подружек озорных —
Подобрались незаметно:
Что ж, теперь ловите их!

Смотрят парни. Семь подружек
Предпочли позору смерть:
Утонули друг за дружкой,
Чтобы сплетен не терпеть.

Память о семи живая,
Хоть и нет уж их давно.
Семизвездье выплывает,
А подругам — не дано.

116. БАИТ СЕМИ ДЕВУШЕК

Из-под трона тихо-мирно
Пара птиц вспорхнула вдруг.
Средь восьмидесяти шакирдов
Выучились семь подруг.

Мы из дома уходили
У деревни на виду.
Вместе в медресе входили,
Переночевав в саду.

Я стояла на морозе —
На снегу остался след.
Что мы девушки, никто здесь
Не узнал за много лет.

Срежем мы ножом московским
Наши косы. А прознав,
Что шакирдов имя носим,
Удивлялись... Чья вина?

Заплели узду из кожи
Для хазретова коня.
Мы смекнули: выкрасть можем,
Красотой своей пленя.

Растворившись в общей массе,
Девушки зубрят талмуд.
Как про них узнали в классе,
Шум пошел и там, и тут.

Волосы подстригли малость
Под мальчишек в Каргалах.
Было семь нас — шесть осталось.
В тех одна живет краях.

Виден лишь наполовину
В темном небе лунный круг.
Выучилось из семи нас
Только шестеро подруг.

Семеро девиц одеты
В тюбетейки и штаны.
Парни бы узнали это —
Косы наши не видны.

Каждая сойти могла бы
За мальчишку. Если б знал,
Их давно хазрет прогнал бы —
За егетов принимал!

117. ЖЕНСКИЙ БАИТ

Написала я баит
О девической любви,
Чтобы девушки узнали,
Что любовь у них в крови.
Положение девиц
Любящих — не рассказать.
Если скажут: влюблена, мол,
Брось плечами пожимать.
Любит девушка — так что же
Тут такого? — любит пусть!
За ученого отдайте,
Коль о нем девичья грусть.
У ученых светел лик —
Уж не солнцем ли облит?
Сладкозвучен их язык
И благообразен вид.
Суть моих заветных слов
Всяк признать пусть будет рад.

Если девушка влюбилась,
Не бросайте ее в ад.
Соком налился мой стан.
Выдал замуж мой отец
За невежду. Лучше б черта
Подыскал мне, наконец!
Так вошел невежда тот
Мне в объятья, словно тень.
Я сказала: пусть придет
Светопреставленья день.
Облик мудрого похож
На созревший сладкий плод.
Помолиться не забудет
Перед тем, как он уснет.
Облик глупого похож
На взбесившегося пса.
Как уснет, начнет чесаться —
Не ужалила ль оса?
Коль невежда ляжет спать,
В старый заползет тулуп.
А проснется — и споткнется
О порог — на то и глуп.
Коль ученую невесту
За тупицу отдадут,
Это значит: луч прелестный
Псам, как косточку, швырнут.
Плачем опишу про то,
Что девичья есть любовь.
Образованной невесте
Злостью не черните кровь.
Та невеста — что цветок,
Серебро в живых лучах.
Девушек таких в Коране
Чтут — лишь грела бы свеча!
У таких в пятнадцать лет
Тело соком налито.
Минет возраст благодатный —
И увянет наш цветок.
Потерпите, есть еще
Что мне девушке сказать:
Их злодеям не давайте —
Злость невежеству под стать.
Растеряет красоту,
Потеряет чистоту,
Лик прекрасный почернеет,
Словно яблоко в саду.

И тогда одни из них
Грех, глядишь, свершат большой.
Мало кто справляться может
С греховодницей женой.
И тогда ищи-свищи
Скромницу свою жену.
Пресмыкаться перед нею
Будешь, уходя ко дну.
Без ее согласия муж
Даже в гости не пойдет.
Коль не верите, проверьте —
Вот таков он, женский род.

118. БАИТ ПРОСВЕЩЕННОЙ ДЕВУШКИ

Жил мулла в недавнем прошлом,
С ним жена его жила.
Кроме них, как свет в окошке,
Дочь-красавица была.
Вот однажды в кадер-вечер*
Женщины пришли в их дом
Книжные послушать речи
О заветном и святом.
Сели, подогнув колени.
Дочери велел сперва
О писании священном
Гостям рассказать мулла.
Ну а те: «Тебя мы просим
Объяснить нам, Гульямал,
Что несчастье нам приносит,
Кто б нам радость жизни дал?»
Что бедняжке им ответить —
Не читавшей книг отца,
Мало что на этом свете
Знавшей? Что ей им сказать?
Но зато жена-хозяйка
Образованной была,
Предложила она: «Дай-ка
Растолкую вам сама».
Гюльгюной хозяйку звали.
С книгой стала им гадать.
Все тут сразу замолчали,
Стали прорицаний ждать.

«Слушайте меня, родные,
Каждой дам я свой совет.
На вопросы на любые
Вы получите ответ.
Коль жена, на мужа глядя,
Хочет высмеять его,
То получит, как награду,
Десять, может быть, грехов.
Поцелует — сразу двадцать
Ей грехов отпустит бог!
А к груди прижмет — все тридцать,
Чтобы разлюбить не мог».
Гостьям так она вещала,
Божью книгу полистав.
«То, что я вам обещала,
Все сказала до конца».
«Все слова твои правдивы, —
Женщины сказали ей. —
Вознесем тебе молитвы,
В мире нет тебя умней».
Вот и я любой и каждой
Говорю: с любовью вы
И красивее, и слаще
Будете в устах молвы!

119. БАИТ ГАЙШИ

Выросла Гайша-подруга
Здесь, на демских берегах.
Здесь купалась в праздник пашни,
Здесь плескалась в волнах.

Пред своею свадьбой в среду
Полоскала здесь белье.
В воду пав, ушла со света,
Нет теперь в живых ее.

Выходила в палисадник,
Поливала не спеша.
Выдали насильно замуж —
В воду бросилась Гайша.

Полоскать белье зачем ты
Отпустила меня, мать?
Коль сидела б дома в среду,
Не спешила б умирать.

Родила меня зачем ты
И за бая продала?
Что дала продажа эта? —
Дочь из жизни б не ушла.

В среду я скроила платье,
Знала, что мне день сулит.
Отличалась нежной статью —
Для кого теперь мой вид?

На спине монисто брызжет,
Как серебряная гладь.
Весть о дочери услышав,
Горестно рыдает мать.

В тальниках погибла звонких
Девушка всем на беду.
Нежила я стан свой тонкий,
Видно, рыбам на еду.

Ворот платья срезан косо —
Шею туго обмотал.
Лик Гайши, подобный солнцу,
Черный камень разодрал.

То утонет, то всплывает
Платье синее на мне.
Тело девушки мерцает
Кожей белою на дне.

120. БАИТ ДЕВУШКИ, ПРОДАННОЙ ЗА СКОТ

Детство

Не было меня — создал бог меня.
В этот мир пришла чище снега я.
Целомудренной я была во всем,
Сделал ангелом меня отчий дом.
Целый мир внимал пенью моему,
Если пела я равно соловью.
Зажигала я и гасила я —
Камни на горах, степи и поля.
Беспорочной я от роду была.
Вся земля вокруг пела и цвела.

Холила меня и любила мать,
Начинала вдруг к сердцу прижимать.
Находила мне нужные слова:
«Яблочко мое, ласточка моя,
Ты мой соловей», — говорила мне.
В материнском я выросла тепле.
Низко подо мной гнулась колыбель,
Тыкалась рука в мягкую постель.
Грудью покормив, уходила мать,
Не забыв меня в лоб поцеловать.
Оставалась я, руки раскидав.
Скоро, мол, пойду, с колыбели встав,
Скоро побегу, мол, я со всех ног.
Стану, мол, большой, выйду за порог.
В белом теле кровь алая текла.
Каждая щека яблоком цвела.
Ссохлась ныне кровь, пожелтел мой лик —
Где те времена? Где тот чудный миг?
Бровь вилась дугой. Карие глаза —
Тайна, говорят, в них таилася.
Тонок был мой стан, как полдневный луч.
Детский мой язык — звонок и певуч.
Вырастала я, вольный первоцвет.
Стукнуло и мне вдруг двенадцать лет.
Был по росту мне купленный наряд:
Люди на меня пялились подряд.
Баловницей все оставалась я,
Вешалась, смеясь, на шею отца,
То кидалась вновь к матери своей,
Думала, что так будет лучше ей.
По головке дочь гладила она,
Хоть тиха была, хоть была грустна.
И бывало, мне скажет мой отец:
«Вот и выросла дочка, наконец!»

Девичество

Вырастая так вполне беспечно,
Я шестнадцати достигла лет.
Крылья словно уносили в вечность,
И мечтам, кажись, предела нет.
Но внутри себя я ощущала
Измененья странную печаль:
«Вот и я уж девушкой стала», —
Мысль меня терзала, горяча.

Иногда на игры я ходила —
Прихожу и за людьми слежу.
Думала, что вольность сохранила,
С кем хочу встречаться, к тем хожу.
Ах, мечты! Хоть в шелк их заверни ты,
Окуная в золото потом!
Иногда казалось: мой любимый
Предо мной встает чудесным сном.
Иногда душа моя желала
Стать хозяйкой в доме и в семье;
Только мысль об этом вновь пугала —
Лучше б в девках оставаться мне!
Не забыть вовеки мне то время —
Жизнь звенела песней и цвела.
Не была красавицей, наверно,
Но и некрасивой не была.
Лампа счастья мраком обернулась
Чуть позднее в сторону мою.
Рук отцовских жалость или грубость:
Жизнь ли я устроить не могу.
Возраст мой расцвел, цветком пылая,
И вошла в людские я уста.
Лепестки осыпятся, я знаю,
Но в ворота ль та войдет мечта?
Сваты в дом приходят раз за разом —
Кто высок, а кто-то низковат.
Говорю: мол, не желаю замуж,
Но иное чувства говорят.
Молодых не признает отец мой,
Не идут ровесники в наш дом:
Глядь, жених появится со средством,
И довольны будут мать с отцом.

Сватовство

Вот приходит сватать душегуб,
Чтоб меня просватать за кого-то;
Мол, живет в роскошном он дому
И добра имеет полон рот, мол.
Хвалит: есть, мол, у него сынок,
Хоть и на ногу одну хромает.
Но при этом быстрый, мол, ходок,
Потому что палка помогает.

Мол, у них богатства — на всю жизнь,
Ну а то, что хром — грустить не стоит.
Будет вся в шелках она ходить,
С головою вас в добро зароет.
Мол, запрос на девушку — хоть бей.
Можно получить от богатея.
Уж не меньше пятиста рублей
Принесет удачная затея.
Коль нужна одежда — шелк, атлас.
Будет дочка в бархате купаться.
Птичьим пухом будет взбит матрас,
Белой ватой будет укрываться.
Про еду — не стоит говорить:
Мяса, масла, меда, чая — вдоволь;
Так давайте счастьем дорожить,
Человек он крупный, бай медовый.
Так склонил и мать он, и отца,
На продажу дочери принудил.
Получивши досыта скота,
Дочь чужим они продали людям.
А когда не согласилась я,
То проклятья полетели градом,
Запугали руганью меня,
Божьей карой, ужасами ада.

Свадьба

За того, кто мил, отец не выдал,
Ближе к шкуре оказался шелк.
Соловей из рук порхнул. Забыт мной
И тулпар. Закрывл мне путь ишак.
Взял отец калым, набил карманы
Золотом — всего теперь полно.
Продали дитя свое за скот они,
Что в душе моей — им все равно.
Так моя головушка пропала,
Продана родительской рукой.
На меня дубина жизни пала,
Отняла и радость, и покой.
Мясо, масло поплыло пудами,
Ведроми шел мед. От тех даров
Мой отец витал за облаками,
Ввергнув дочь в объятия оков.

Замужество. Женская доля.

Дуют ветры. День за днем минуют.
Нет любви. Нет любящих сторон.
Что девичеством мы именуем,
Превратилось в материнский стон.
Дни поры девической. Приволье!
Где вы? Как цветок, увял мой лик.
Годы шли. А у него — застоля.
В жизни только к пьянству он привык.
Не трезвеет ни на день. Уходит
Из дому, бывает, вдоль села;
В дом, где удовольствие находит —
Лишь бы рядом выпивка была.
Я лежу одна. Со мною рядом
Никого. Лишь смертная тоска.
Он с другой лежит — своей не надо,
Нежит ее щедрая рука.
По ночам со мною счеты сводит.
На похмелье требуя, грозит.
Если ж кто-то что-нибудь находит,
Снова выпивает, паразит.
Я живу в сплошной беде и муках —
Кто бы только пожалел меня?
Лишь один бы протянул мне руку,
Только он бы вырвал из огня.
Лишь ему мое доступно горе.
Боль моя и дум тяжелых груз.
Ах, дружок! Терпенье лопнет вскоре,
Нет теперь меж нами прежних уз.
Просветленья нет в судьбе горючей,
Вся она во тьму погружена.
Даже друг мой не придет на случай,
Если помощь будет мне нужна.
В юности была цветком чудесным.
Тот цветок безвременно увял.
Соловьем была, чьи лились песни —
Чудный голос от тоски пропал.
Жизнь моя цветущая проходит
Возле недоноска во хмелю;
На восходе ль солнца, на заходе ль —
Жизнь темна. Цветок упал во мглу.
Мир широкий — узок и бесправен,
Рвет он жилы сердца и души.

От кровавых слез я слепнуть стала,
Да и губы стали не свежи.
Словно молоко, была бела я,
Как вода, чиста. Так в чем мой грех?
Нет грехов моих! Не забываю:
Скарედность отца, довольный смех.
Или бог меня для наказанья
В эту преисподню затолкал?
Мол, не знала в юности страданий,
Вот за то тебя я наказал!
Как я по прошедшему тоскую!
Тяжко тело, но летит душа.
Ночью мысль лелею лишь одну я:
Я в любви жила б и без гроша.
Выбора нет у меня. Готова
На душу принять последний грех:
Навсегда отречь себя от крова
И от мира этого навек.
Я не стану жить в хмельном болоте —
Для других пусть блещет мир в лучах.
Щедрые золовки пусть выходят
Замуж за калеку богача.
Но оставлю свой завет сугубый
Тем, кто замуж хочет поскорей:
Пели: кого в юности полюбишь,
Будешь с ним душой до смертных дней.
Что скрывать, коль правда? В молодые
Годы есть у каждого любовь:
С кем клялись преодолеть любые
Трудности — хотя бы губы в кровь.
С ней вовеки вы не разлучайтесь,
Будьте вместе с милым до конца,
Ругани отцовской не пугайтесь —
Чувство выше матери, отца.
Чтоб всегда молчать — мы не рабыни,
Так всю жизнь в бесправии дремать?
Чтоб нас продавать — мы не скотина,
Нас никто не вправе продавать!
Были мы всегда во всем послушны
Воле тех, кто нас родил на свет.
А послушны — значит малодушны,
Не могли сказать насилью: нет!
Подстрекали злые нас старухи —
И душа перечить не могла.

Нас Судьбой пугали, высшим духом,
А Судьба — в руках у нас была.
Жизнь меня познанием одарила,
Поняла законы я Судьбы.
Коль уйду сегодня, божьи силы
Будут к моей гибели слепы.
Если жить решу с хромым пьянчугой,
Снова станет он моим судьей.
Так не лучше ль порешить с недугом
И уйти с высокой головой?
Диваною* были мы, глупцами,
Позволяли обмануть себя.
Если б не дрожали пред отцами,
Никуда не делась бы Судьба.
Девушкам благое пожеланье:
Победите внутренний свой страх,
Выходите замуж, коль избранник
День и ночь живет у вас в сердцах;
Пусть девичья участь просветлеет,
Пусть душа от горя не болит;
Дочь муллы — пусть буду я последней
Жертвой, что сложила свой баит!

121. БАИТ КРАСАВИЦЫ САГИДЫ

Эй, послушайте, друзья,
Пропую баит для вас,
О страданиях Сагиды
Вам поведаю сейчас.

На Ургяне¹ тополя —
Их вершин не разглядеть.
Так велит нам божья воля —
Чтоб терпение иметь.

В пятницу белье стирала,
Не успела достирать.
Что такое приключится,
Не могла и ожидать.

Во дворе у муэдзина
Конь на привязи стоит.
На воротах муэдзина
Человечья кровь горит.

Землянику у реки
Принялась я собирать.
Час пришел в острог идти —
Стала бога поминать.

Как-то шла по Байдавлету² —
Мост широкий узким стал.
Нож воткнула в муэдзина —
Весь подол мой красным стал.

Утром рано — яркий свет,
Солнце алое горит.
Держит Сагида ответ —
Сердце у меня дрожит.

Как прошли пять тополей —
Те шумели до зари.
Как вершила я свой суд —
Трепетало все внутри.

Иней тает на земле,
Облака плывут во мгле.
Я сижу в глухом остроге —
Кто же вспомнит обо мне?

Золотые мои серьги!
Груз у золота большой.
Если б знать, в какую пору
Ворочусь я вновь домой.

ГРУСТНАЯ ЖЕНЩИНА БИБИГАЙША

Обращение ко всем

Вот вам, милые, кисса*,
Что в душе давно ношу.
Коль покажется печальной,
Спеть ее со мной прошу.

В чем ее живая суть,
Постарайтесь уловить.
Не отбрасывайте: мол,
Хочет баснями кормить.

Будет хоть какая польза
Коль с пристрастием читать.
Пусть иной и под угрозой
Смыслу не способен внять.

Но при этом есть другие,
Знающие, что к чему.
Пожелания благие
Возношу я их уму.

Так читай, родной, читай,
И тогда познаешь вкус.
Если есть на чтение время,
То не бремя этот груз.

Ведь всего не прочитаешь
В школе или медресе.
Так читай, не отвлекаясь —
Мир узришь во всей красе.

Даже праздники свои
Пропусту не проводи.
От души тебе желаю
В жизни верный путь найти.

Молодежь порой шалает
От безделья на селе.
Иссыхает суховеем
Ум в бездумной голове.

Если есть библиотека,
Не ленись туда сходить.
Нужен поводыр великий,
Чтоб слепых с собой водить.

Слово Гайши-ханум, сказанное мужу

Приглянулась молодая —
Он жениться захотел.
Ревность в доме воспалая,
Слез моих не разглядел.

Я тебя любила очень,
Преданной во всем была.
Коль задерживался — ночи
Напролет тебя ждала.

Так тебя любила сильно —
На руках моих ты спал.
Для тебя я приносила
Столько жертв — не замечал.

Все твое, что черным было,
Сохраняла в белизне.
Все стерпела, все забыла,
Все осталось, как во сне.

Красота моя и статность
Лишь твою и знали власть.
Что велел — то было в радость,
Что просил — то было всласть.

Зулейха твоя нисколько
Не прекраснее меня.
Душу ты мою жестоко
Сжег нещаднее огня.

Не виню тебя при этом,
Честь мужскую не хую.
Пусть не любишь ты ответно —
Я по-прежнему люблю.

Ты не подарил ни разу
Мне приветливый свой взгляд.
Затуманен был твой разум,
А в словах сочился яд.

Но при этом я довольна,
И меня не гложет страх.
За детей лишь только больно —
Ведь в чужих они руках.

Пусть наперсница не бьет их,
Дети — свет моих очей.
Кровью их растила, потом...
Их собой теперь согрей!

Не держи в худой одежде —
Хоть в заплатках ходят пусть!
Пусть сиротство слух не режет,
Душу не корежит грусть.

От жены держи подальше,
От расправы береги.
Коль рассвирепееет даже,
Защити от злой руки.

Под твоим они отныне
Крылышком — так будь отцом!
Мачеха полна гордыни,
Обвинит детей во всем.

А придет пора — ты в школу
Отведи, пусть учат их.
Помянут меня, быть может, —
Будет дух мой средь живых.

Сызмальства пусть постигают
Грамоту по мере сил.
Пусть их не подстерегает
Темноты болотный ил.

Пусть приученными будут
К службе и мирским делам —
Косят, жнут, чинят посуду,
Вилы приложат к стогам.

Пусть политику познают;
В роли судей вижу их.
Будут доктором — и станут
Не слабей они других.

Объяснять коран пусть могут,
Надо — в муллах состоять.
Познают в ту пору много —
Пусть свое сумеют взять!

Пусть все лучшее вбирая,
Стороной обходят зло;
На чужбине утверждают
Наших предков ремесло.

Завещанье было длинным,
Умереть могу теперь.
В озере Кабан¹ я сгину,
За собой захлопнув дверь.

Грустные песни Гайши-ханум

В детстве, отрочестве я
Бед не знала и забот.
Мать баюкала меня,
Жизнь сладка была, как мед.

А когда я подросла,
Призадумалась мать.
Все, что в жизни собрала,
Стала к свадьбе собирать.

Скоро был и пир горой,
Сваты к нам пришли домой.
Как и требует аллах,
Прочитал мулла никах.

Так из девушки стремглав
Превратилась я в жену.
Радость горем обросла —
Кто за то возьмет вину?

В юности казалось мне,
Что конца блаженству нет;
Жизнь моя, как в сладком сне,
Излучать мне будет свет.

А она груз тяжких бед
Вдруг свалила на меня.
Дел до слез моих ей нет,
Облилась слезами я.

Искорежила вконец
Жизнь и душу, и любовь.
Поняла я, наконец:
Мне не жить надеждой вновь.

Иль я провинилась в чем,
Если жизнь так злобно мстит?
Бьет и жжет меня огнем,
Разлучиться с ней велит.

Мучила, терзала так,
Что возник пред взором мрак.
Я с душой рассталась там —
На дне озера Кабан.

Ах, бросала жизнь меня
В полымя да из огня.
Не было в конце пути
Мне и двадцати пяти.

Пусть не застит вам глаза
Сладость молодых годов.
Не сулят вам небеса
Радость жизни и цветов.

Я для будущих невест
Эту правду говорю.
Как горчайший образец,
Вам судьбу свою дарю.

Плач Гайши-ханум по детям

Деточки мои родные,
Вам сиротство суждено.
Вам ко мне, как в дни былые,
Уж прижаться не дано.

Неужель и вам лить слезы,
Жить и в горе, и в беде?
Многие живут в сиротстве,
Трудно в жизни сироте.

Вы не первые среди тех,
Кто без родителей живет.
Знаю, будет не до смеха,
Тяжелей из года в год.

Жизнь признала вас врагами,
Жить без мамы обрекла.
Мачехе не быть вам мамой,
Нет родного вам угла.

Исхожу по вас тоскою,
Для меня вы свет очей.
Вы всегда передо мною,
Как волшебный блеск лучей.

Вы цветы живые, дети,
Я навеки вас люблю.
Лишь бы темными на свете
Не остаться вас молю.

Дети, надобно учиться
И мулле, и мужику.
Как иначе полюбиться
Богу на своем веку?

Будете учиться — лик ваш
Станет светлым, как и путь.
Счастье пусть хотя бы бликом
Озаряет вашу грудь!

Пусть ваш школьный путь пребудет
Светлым, как речная гладь.
Будут деньги, будут люди
Уваженьем воздавать.

Так простите и прощайте,
Оставляю вас навек.
Иногда хоть вспоминайте —
Я ж вам близкий человек!

**Слова Гайши-ханум,
обращенные к братьям и сестрам**

Не печальтесь, что со света
Я ушла такой тропой.
В узенькой могилке этой
Мне уютно быть одной.

Лишь одно гнетет и мучит:
Вас не видно из глубин.
Иногда, хотя б на случай,
Прочитайте мне ясин*.

Горечь вечная осталась:
Не смогла увидеть вас
Перед смертью. Не бросайте
Наших чад — зеницу глаз.

Жизнь моя распорядилась
Самовольно смерть избрать.
Выбрала я божью милость,
Под землей она мне — мать.

Будьте в жизни терпеливы.
Я еще бы жить могла —
Жизнь была ко мне бодливой,
Наказанье воздала.

Так прощайте, дорогие,
Будьте стойкими всегда.
Мою душу на могиле
Поминайте иногда.

Обращение Гайши-ханум к мужьям

Эй, мужья! Вы — зеркала
Наши. Мать вам честь дала!
Умники! Для вас мы — дуры,
Испытать сама могла.

Мы, по-вашему, глупы —
Волос длинный, ум короткий.
Но не мы ль полмира держим,
Хоть всегда, во всем мы кротки.

И не больше ль среди вас
Простофилей напоказ?
И не будь мы рядом с вами,
Кто б одел, кормил бы вас?

Не «мужами» ль вас зовут?
А что скажет Высший суд?
Нас рабынями считая,
Трон они не обретут.

С женами нельзя играть,
Их за кукол принимать.
Равными себе людьми их
Не пора ли признавать?

На жену взгляните раз
С теплотой влюбленных глаз.
Коль не в духе, успокойте
Нежностью и лаской нас.

Женщина тонка по сути,
Душу так легко разбить.
Осторожными с ней будьте —
Только так и можно жить.

Последнее слово

Ну, довольно! Слишком долго
Я печаль свою лила.
Что б еще сказать вам толком? —
Слов найти я не могла.

Да и карандаш дрожит мой,
Спотыкается, скользя.
Коль есть ярость в выраженьях,
Осуждать за то нельзя.

Ведь они — могилы голос.
Вы ж теперь мне — зеркала.
Чтоб душа не раскололась,
Я крепилась, как могла.

Старцы и юнцы! Бумага
Мне прощает. Слух живет:
Мол, уметь прощать — отвага.
Так простите мой уход!

123. БАИТ ДЕВУШКИ-СОДЕРЖАНКИ

В мире хуже нет сиротства —
Даже бедности самой.
Если ж бедность и сиротство
Слиты вместе — волком вой!

Говорят, одна такая
Сирота жила-была.
Матери с отцом не зная,
Жизнь голодную вела.

Умерла однажды мама —
Сколько горя для детей!
Бедность не снеся и срама,
Заболел отец за ней.

Ну а жизнь-то непосильна,
Разным бедам нет конца.
Бедность и сиротство — с ними
Мрут и львиные сердца.

Ремеслом и знаньем нужно
Для работы обладать.
Если нет их — каждый дружно
Прочь от дома станет гнать.

Труд тяжелый не по силам
Девушке. Зато весь свет
Ей, неопытной, красивой,
Дружно подает совет.

Приходите к нам, вещают,
В город, шумный для людей.
Мы вам свято обещаем
Кров для брошенных детей.

Как о том отец прослышал,
«Доченька, — он мне сказал, —
Видишь, что у нас нет жизни,
Ну а дальше так нельзя.

В город, если живы будем,
Повезу тебя, и там,
Коль даст бог, хорошим людям
В содержание отдам.

Если повезет, одежду
Справишь. Там, глядишь, потом
Снова обретешь надежду,
Будешь и с другим добром.

Станешь, может быть, учиться,
Знания будешь обретать,
И всевышнему молиться,
Нашу веру соблюдать».

Те слова пришлись мне в пору.
Да, нельзя так больше жить!
Впрямь мне лучше ехать в город,
Чем тут в нищенках ходить.

Тут еще и две сиротки
Ехать вместе собрались.
Каждая из них в охотку —
Ждет, мол, там другая жизнь!

Вот в один из дней решились
В путь отправиться пешком
К городской красивой жизни,
Покидая отчий дом.

Пару дней вот так шагали,
Проклиная белый свет.
В город наконец попали
Через сотни мук и бед.

Где приткнуться там, не зная,
Вдоль по улицам брели.
Кто б укрыл нас хоть в сарае? —
Только и мечтать могли.

Наконец в каком-то доме
Предоставили нам кров.
У хозяйки незнакомой
Вырвалось немного слов:

«Только взрослые девчата
В услуженье мне нужны.
Вы ж пока что только чада,
Руки для труда нежны».

Но вопросы, между прочим,
Задаёт: знать, ловит в сеть.
По всему, продать нас хочет,
Чтобы выгоду иметь.

Но ту женщину услышав,
Подошел отец: «Домой,
Прочь, змея!» — и чуть не дышлом
Вмиг прогнал ее долой.

Та ушла. Пришла другая.
В содержанье просит нас.
«Мы согласны, — отвечаем, —
Коль троих возьмете враз».

А она: «Пойду у баев
Их согласия спрошу.
Если баи пожелают,
Тут же к ним вас и свожу».

А потом мужик явился:
Есть, мол, место для троих.
Баи тут живут, мол, близко,
Надобно согласие их.

Жены баев осмотрели
Нас. Согласны их мужья.
Мы три места заимели.
От волнения дрожа.

Мой отец ушел обратно
В наш осиротевший дом.
Абыстай к себе украдкой
Призвала меня потом:

«Нет своих... Мне будешь дочкой.
Глух был бог к моей мольбе.
Коль прилежной будешь очень,
Все останется тебе».

Тут же платье подарила,
И к нему еще — платок.
Я ее благодарила:
Чтобы ей аллах помог!

Абыстай меня одела —
Закружилась голова.
Вместе с ней взялась за дело,
Засучивши рукава.

Учит каждый день порядку,
Проклинает в людях лень.
Чтобы было чисто-гладко —
Мне внушает каждый день.

Прилежанию и чести
Обучали в доме том.
Было вдоволь, что поесть там,
Не морили голодом.

Месяц так жила, быть может,
Исполняла, что велят.
Видела подружек тоже:
«Все в порядке!» — говорят.

Мне исполнилось девять.
Я окрепла, расцвела.
Стала я почти что девой —
Выйти замуж бы могла.

Навещал отец недаром:
Ведь хозяин подарил
Дорогой ему подарок —
На седьмом тот небо был.

Абыстай папаше хвалит:
«Дочь услужлива у вас,
Все, что в школе я давала,
Понимала в тот же час».

Так вот дни мои бежали.
И казалось мне, что бай
Был доволен: содержали
Сироту аж через край.

Мой отец опять уехал,
Положенью дочки рад.
Абыстаю я утеха,
Хвалит, холит на свой лад.

Жизнь течет светло и гладко.
Все легко дается мне.
Появилась в жизни хватка
В каждом деле и труде.

Мне исполнилось пятнадцать.
Что случилось вдруг? Огонь
Задувает бай. И сразу
Вата источает вонь.

Я ловлю косые взгляды —
Что еще замыслил бай?
Пристает ко мне, коль рядом,
И не видит абыстай.

Коль одни мы остаемся,
Заговаривает вдруг;
Руки жмет, о чем-то просит,
Нет противнее тех рук.

Обещает мне наряды,
Если тайну сохраню.
Как-то мне хозяин старый
Про любовь сказал свою.

Утешает: мол, в наряды
Облачу — лишь не перечь.
В жены, мол, возьму, коль надо,
Клятвой скрашивает речь.

Уверяет, заклиняет,
Проклинает абыстай:
Мол, она любви не знает,
А ему — ребенка дай!

Но претят мне уверенья,
Заклинания его;
Вызывает озлобленье
Стойкий нрав мой у него.

От его неясной злобы
Я не знаю, как мне быть.
Ум мутится мой. До гроба ль
Мне в такой тревоге жить?

Дни проходят, как мгновенья.
И я чувствую уже:
Абыстай полна сомнений,
Что-то у нее в душе.

Стоило открыться тайне,
Изменилось все тотчас:
Драки в доме ли, в чулане —
Их не видел бы мой глаз!

Правду абыстай не знает,
Мой отказ ей невдомек.
Как ее не уверяю —
Все слова мои не впрок.

Уж теперь она со злобой
Так и смотрит на меня.
Нет и речи об учебе,
Стала ненавистной я.

Ну а бай ко мне, как прежде,
Пристает. Когда я с ним
Остаюсь, вдруг рвет одежду,
Телом льнет ко мне своим.

От него мне нет проходу,
Всюду норовит поймать.
Так прибрать стремится с ходу
Филин зайца, чтоб сожрать.

Ах, глупа была! Считала,
Что не дамся никогда.
Но однажды сил не стало,
Жизнь сломал он навсегда.

Там и абыстай горланит:
Сгинь, бесстыдница, долой!
Больше жить не будешь с нами,
Убирайся-ка домой!

Возвратилась. Вышла замуж
Вскоре там за бедняка.
Бай навеки жизнь сломал мне —
Для мужского кулака.

Баи содержанок любят:
Обрюхатив их, домой
Отправляют. Жизнь их губят,
Жертву взяв любой ценой.

Дозволяется всем баям,
Коль добра не перечеть;
Девушки, им доверяясь,
Навсегда теряют честь.

Что им возраст содержанок!
Опозорить — вот их цель.
Не присуща баям жалость,
Им — добрачную постель.

Не идите в содержанье,
Если виды есть свои.

Пусть вам бай не мешают
Выйти замуж по любви.

Средь насильников, бывает,
Попадается мулла.
Сладкой речью завлекая,
Причиняет много зла.

На заре намаз читает,
И бела чалма его.
Сотни хитростей он знает,
Добиваясь своего.

Многих содержанок так вот
В жертву прихотям своим
И приносят: выбрось страх свой —
В жены баю отдадим.

Так вот глупая девчонка
Отдается: мол, потом
Мне найдут они байчонка,
Станет он, мол, женихом.

Где уж там сыночки баев! —
Проходимцам отдают.
Так вот жизнь и протекает —
Смолоду невинных жрут.

Сироту на содержанье
Взяв, и кормят, и поят,
Чтоб обречь их на рыданья
За поношенный наряд.

Обвиняю этих баев
За жестокость их и зло:
Благородство превращают
Баи в злое ремесло.

Не боятся даже бога
Или Страшного Суда.
Жертва, покидая дом их,
Боль уносит навсегда.

Отчего присущи баям
И распутство, и корысть?
Ложью благо добывают,
Всех готовые загрызть.

Если б честно скот был нажит,
Ложь и прихоть не брала б.
Так у зла стоит на страже
Бай, хоть разумом и слаб.

За то зло, что причиняют,
Бай жертвам — ты поверь:
Бога гнев они познают,
Будь ты хоть миллионер!

Я баит свой изложила,
Прошлых глупостей стыдись.
Гнев течет по женским жилам:
Кончится ли баев власть?

124. БАИТ О ЛАУХИДЕ

Бисмилла ва биллахи, знать, подошел Курбан-гаит.
Вы послушайте — расскажем мы про Лаухиду баит.
Мыло алое Лаухиды на подставочке лежит.
Девушку убил Латип — в сарае бедная висит.
Мама, почему ты в среду уходила на базар?
К возвращенью дочь сгубили — поднесли кровавый дар.
В среду сердце мое билось, жгла смертельная тоска;
Мама, я твоя кровинка, и уход мой — на века.
Серьги Лаухиды, как будто капли светлые, горят.
Уходил Латип-убийца, будто он не виноват.
Пуговицы покупали Лаухиде в Уфе самой;
Я в петле, всю душу взяли. Я поникла головой.
Убирала хлеб в ауле по названью Таш Елга¹.
Среди множества народа гибель я свою нашла.
Воротившимся с работы есть готовит Лаухида.
Мы от жалости рыдаем, труп бедняжки Лаухиды.
Мать купила на базаре нитки, чтобы вышивать,
А домой пришла — не знает, что от ужаса сказать.
Как ни утомились пальцы от вязанья у нее?
Даже крикнуть не успела — сжали воротник ее.
Начинала с «бисмиллы» любое дело Лаухида.
Было ей всего семнадцать — и такая вот беда.
Свой повесила передник аккуратно Лаухида.
Видно, бог велел, чтоб гибли мы в цветущие года.
Убирала хлеб в ауле по названью Ташелга,
Мама, я с душой рассталась — ухожу я навсегда.
Износилось ли, не знаю платье бедной Лаухиды.
Жизнь оборвалась так рано, большей нет для нас беды.

125. БАИТ РАЙХАНЫ

Милые друзья, о прошлом
И о нынешних делах
Расскажу вам кое-что я,
Прочее — у вас в руках.

В отрочестве я осталась
Без матери сиротой.
Было мне тогда двенадцать —
Мать в мучениях скончалась,
Хоть остался сын живой.

Сиротой была, но все же
Сильною тогда была.
Только, душу мне тревожа,
Туча завтрашняя шла.

Пролетела юность скоро,
Жизни светлая пора.
Что она сулит мне взору,
Станет ясно лишь с утра.

Так, вчерашняя девчонка,
Я невестой стала вдруг:
Жизнь пошла, как за решеткой,
Только слезы лью от мук.

Видно, счастье отвернулось,
Пожелтел мой белый лик.
Почему так обернулось,
Не пойму по сей я миг.

Жизнь заставила расстаться
С муженьком. А почему,
Не могла понять я сразу,
Да и нынче не пойму.

Не раскаивалась в том я,
Возвращаясь в отчий дом.
Но тоска и в отчем доме
Грудь мою рвала потом.

А родился сын (в пеленке) —
Вновь беда меня ждала:
Передать отцу ребенка
Вынуждена я была.

Эта новая разлука
Тяжелее той была.
Но опять забылась мука,
Вновь я тихо зажила.

Поступила я в колхоз,
Нет вчерашних бед и слез.
Даже стала бригадиршей:
Дел, забот — аж полный воз!

Но зато я полной жизнью,
Счастьем трудовым жила.
Но опять меня лишили
Этой жизни силы зла.

Супостат напал внезапно,
Начал против нас войну.
Все мужи ушли на запад —
Защищать свою страну.

Ну а вскоре «похоронку»
Получила я. С тех пор
Вновь живу в своей сторонке
В горе. Потускнел мой взор.

Жизнь трудна.хлопот так много.
Что ж, теперь лишь слезы лить?
Повторяю: слава богу,
Есть работа, чтобы жить.

Мужики, свою Отчизну
Отстоявшие в войне!
Я зову вас к новой жизни
В порушенной стране.

Вы отменно воевали,
Отстояли честь страны.
Ну а мы вам помогали
И за нами нет вины.

И теперь вам говорим мы:
С женщинами не балуй!
Их не оскверняйте имя,
Поскромней держите...

К женам относитесь ровно
И не распускайте рук;
Спор решайте любовно,
Без ненужных слез и мук.

Знайте, что душа у женщин
Беззащитна и нежна.
Так не приносите в жертву
Душу ту, что вам нужна.

С девушками не шутите,
Не позорьте там и тут;
Честь девичью берегите —
Честь вам жены сберегут!

Жены, к вам я обращаюсь:
Будьте ласковы к мужьям;
Криком жизнь не превращайте
В отвратительный бедлам.

Если надобно, терпите,
В доме пусть царит покой.
Верность женскую храните —
Наш обычай вековой.

Не корите вдов, не дайте
Ревности своей пылать,
И мужей своих нестати
Вдовами зло попрекать.

Помните: супруги вдов тех
Полегли все на войне.
Сохраняйте чувство локтя —
Много вдов таких в стране.

Вдовы: обращаюсь к вам я:
Для чего вам чей-то муж?
Лучше быть одной, чем в сраме,
Средь людей тянуть свой гуж.

Хуже нет чужого мужа:
Он всегда в постель готов.
А беда придет — и в душу
Плюнет, не придя на зов.

Девушки! Не поддавайтесь
Разным клятвенным словам.
До поры не раздевайтесь —
Иль до смерти плакать вам.

Не обманывайтесь, парни,
Красотой иных подруг.
Выбирайте себе пару
По единству душ и рук.

126. БАИТ АСЫЛБИКИ

На ветру шумят над плесом
В Каракуле камыши.
Вскрик Асылбики пронесся
В ранней утренней тиши.

Чтобы умыкнуть невесту,
Сел в седло Набиулла.
Ночью в дверь стучать уместно ль? —
Проклянет, поди, алла.

Девушки домой шагали,
Как лебедушки, рядком.
Про грабеж узнав, рыдали —
Где теперь подружки дом?

Набиулла черноликий
Притаился у ворот.
Девушку схватил он мигом,
Вмиг прикрыл рукой ей рот.

Мама, ситцевое платье
Для чего ты шила мне?
Чтоб у вора на захвате
Быть в родимой стороне?

Парни, девушки! Друг дружку
Не водите за нос, чтоб
Не запачкать жизнь и душу
И не лечь до срока в гроб.

Обращаясь к вам, своею
Жизнью хочется подать
Всем пример. Я это смею,
Ибо я вдова и мать.

Знаю: как умру, забудет
Мир меня. Но мой байт,
Верю, прочитают люди,
Да не будет он забыт!

Я хочу на этом кончить.
Если что не так пишу,
Всех, кто прочитает, очень
Извинить меня прошу.

Парни, девушки, простите,
Вдовы, женушки, молю:
Не взыщите и живите
Счастливо в своем краю!

127. БАИТ РАЙЛИ

Не ходила ты нарядной в годы школьные свои:
Думала ль, что рок нещадный горе черное таит.

В платьице, простом и чистом, всем была ты, как сестра.
Повторяли то и дело «мамочка» твои уста.

Пионеркою была, носила в три угла платок.
А теперь ты под землей, и смертный сон твой так глубок.

Раиля, душа-кровинка, на учебу молча шла.
Не судьба была учиться — смерть в буран тебя нашла.

Я на пальце называю перстенок свой «Мамдуда».
Не на месяц и не на год, а ушла я навсегда.

Камешком зеленым был украшен тонкий перстенок.
Бедной Раиле мученья — кто узнать бы это мог?

На лугу сгребала сено — там, где в рост была трава.
Папа-мама не пришли, а ведь была-то я жива.

Да, Калман-река узка — почти сходились берега.
Но что делать мне: ведь брали панцирем меня снега.

Встало рано и умылась: в школу, мол, идти пора.
«Не ходи, — сказала мама, — что-то вьюжит там с утра.

Папа, милый, на гнедого тяжело ты не грузи.
Далеко ушла навек я, возвращения не жди.

Мамочка, проснешься утром, самовар поставишь ты;
Вспомнишь дитяtko родное — миновала б лишь беды.

Добела белье стирая, не сушите по дворам.
Пусть другим наукой будет: не таскайтесь в злой буран.

К нам домой не заходите, не рвите в комнате цветов.
Ах, отец, коль потеряю — видно, рок уж мой таков.

Белоситцевое платье, развевается подол.
До среды была живою, но, как видно, срок пришел.

Вышла Раиля из дома, торопясь уйти скорей.
Кинулись искать, почуяв, что беда грозила ей.

Раиля-душа, бедняжка, расчесала волоса;
А когда отец приехал, глянула, открыв глаза.

Соловьи распелись дружно, сидя друг за другом в ряд.
Сняли валенок, разрезав, ну а там — холодный ад.

Уж во вторник, на закате, начался сплошной буран.
Раиля сняла одежду, обнажив лебяжий стан.

Платьице — сатин зеленый, а подол — что черный стяг.
В день буранный погибает; ах, постылое дитя...

Не могли увидеть люди, как летает воробей.
Раилю услышал конюх, но не кинулся он к ней.

К озеру слетелись стайкой семь соловушек-птенцов.
Подросла душа-девица — но бело уже лицо.

Раиля была согрета — черненький на ней бешмет.
Раиля погибла юной лишь одиннадцати лет.

Выводок птенцов гнездится на ветвях среди плодов.
Дочь сказала: Умираю!.. Папа понял и без слов.

И трех лет не проучилась наша крошка Раиля,
И никто не слышал криков «Умираю!.. ай, улям».

Радовалась, ах, бедняжка, став ударницей вчера.
По дороге на учебу подстерег ее буран.

Утром выхожу во двор я — звучный слышится азан*,
В яме силосной молитву за упокой души воздам.

У дороги тополечки — не срублю ни одного.
Мать, стели поуже — место мое пусто все равно.

5. Что уготовлено судьбой...

(судьбы людские)

128. «ВОСЬМОЙ»

На восьмом заводе камни
Непосильно тяжелы.
Прорубаешь их кайлами,
Задыхаешься в пыли.

Русские меня не знали,
Как пришел я на завод.
А ушел — им должен стал я
Десять рубликов за год.

Целый день веревку тянем,
Тащим груз с рудой от гор.
Возвращаться к дому станем —
Упираемся в забор.

Вниз сбежал я по ущелью,
Воду чистую попил.
«Родился на свет зачем я?» —
Сам себе я говорил.

Будешь в горьких сновиденьях
Видеть девочку свою;
Спрашивать подружек, где я,
И здоровьем не сдаю?

Плохо выдавать насильно
За мерзавцев дочерей.
Еще худшее насилье —
Красть детей у матерей.

На дне озера сыскали
Краденной бедняжки труп.
Набиуллу затолкали
За решетку поутру.

Кровь похищенной падет
На тебя, Набиулла!
Будешь плакать — час придет,
Не простит тебя алла!

129. БАИТ ШАХТЕРА

Мама родная, навеки прощай,
Вспомнить молитвой меня обещаю
В пятницу. Не ворочусь я — не жди,
Слезы не лей, заглуши их в груди.
Из дому выйдя, пришел я к вокзалу:
Там — паровая машина умчала.
В мае я весь волосами оброс —
Край свой покинув, опух я от слез.
Ты говорила мне: «Не уезжай!
Голову на стороне не теряй».
Жизнь молодую сберечь я не смог,
Думать: умру здесь — мне было не впрок.
Наши мечети поставлены врозь.
Мир для меня будто создан из слез.
Мама, расчесывай косы свои,
С грустью смотри на одежды мои.
Выволокли мое тело на свет
Из-под земли, и затем — в лазарет.
Нож у врача засветился,
Смерть мне раскрыла объятия свои.
Младший мой брат Тимерхан далеко,
Был бы он рядом — мне б стало легко.
Бусы, сестренка, надень, Нафиса,
Вымой по брату слезами глаза.
Этот байт написал мой калям.
Шлю, Нафиса, тебе поздний салам.

130. БАИТ О КУРАМШЕ

Сколько, скажите, лет Курамше?
Шапка зеленая на голове.
Спросите вы, где живет Курамша, —
У речки, у Ори, где тьма камыша.

Черные брови у Курамши.
На оренбургском пути ни души.
Мать Курамши утирает глаза,
Не высыхает в которых слеза.

Как уходил Курамша из села,
Горько рыдала вослед Загифа.
Что ты льешь слезы? Уйдет Курамша,
Успокоенье познает душа.

Пусть примиренье находит с отцом,
В жертву приносит овцу с жеребцом.
И после оградою каменной пусть
Он обнесет оренбургский наш путь.

У акбузата на шее аркан
Волосяной. У красавицы стан
Тонок и нежен — обняв, чуть дыша,
Держит в руках ее Курамша.

131. СИБИРСКИЙ БАИТ

Фаридонов-то Лукман о человечности забыл —
Он Яншу и Сулеймана вероломно погубил.

Дом Лукмана — на вершине оголенного холма.
Он в Сибирь двоих отправил — не поможет и алла.

Салиха кобылу вяжет: у монист набор большой.
Сулейман в семьдесят пятом сослан был в Сибирь
с Яншой.

Абдельгани скалит зубы: мол, донес-то Хуснутдин,
Что Янша ворует, значит, он — скотина из скотин.

Ах, одежды, ах, одежды! Не одежды — гарнитур.
Сплетни плел за Хуснутдиновой бутылкой
Шарипкул.

Яксабы¹ — девять аулов. Габдрашит² для них чужой.
Много ли сурайцам³ надо? Пару человек — долой!

132. БАИТ ЗИНДАНА*

(тюремный баит)

Не могу я спать полночи.
Жжет в груди, саднит душа.
В шубе скорбной, между прочим,
Думы вновь ко мне спешат.
Я лежу. И вот воздушно,
Ярко, с четырех сторон
Лунный свет мою подушку
Озарил, навея сон.
И теперь ловлю я молча
Золоченый блеск луны.
Как уйти из этой ночи,
Если нет прочней стены?
Сколько лет я в заточеньи
В этой непроглядной тьме,
Обреченный на мученья
И на ужасы в тюрьме!
В небе солнца я не вижу,
Ночью нет мерцанья звезд.
Я заброшен и унижен,
Не сдержат горючих слез.
Вместо пицци человечьей
Хлеб сухой все дни грызу.
Так живу во мраке вечном,
Смахивая прочь слезу.
Хоть горька такая доля,
Нету жалости ко мне.
Видно, не обресть мне воли,
И до смерти тлеть в огне.
Угощал друзей, бывало, —
Позабыли ныне дверь.
В клетке пленной птицей стал я —
Что я для друзей теперь?

133. БАИТ ЯГАФАР ШАКИРДА

В воскресенье уходил я
Почему-то в медресе.
Что же ты не запретила
В день тот мне ходить совсем?

Керосиновая лампа
Обожгла меня тогда.
Взять бешмет я смог едва —
Загорелась голова.
Мама, видно, суждено мне
От ожогов умереть.
В голове саднит и ломит,
Продолжает все гореть.
Шапку, что осталась, будешь
Сам, отец, теперь носить.
Брата младшего отныне
Ты Ягафаром будешь звать.
В медресе уйдя из дому,
«До свидания» сказал.
Поступил бы по-другому,
Если бы про лампу знал.
Молод был Ягфар-шакирд,
Белою чалмой покрыт.
На четырнадцатом годе
Был Ягфар огнем убит.
Конь гнедой его остался —
Не спешите запрягать.
В медресе уйдя, расстался
С домом он — не надо ждать.
Около Аургазов
Три моста есть, чтоб пройти.
Не закроешь на засов
Боль горючую в груди.
Подо мной конь вороной
Все поводит головой.
Медресе вдали стоит,
В нем шакирд в огне горит.
Мой оставшийся бешмет
Будешь, брат мой, надевать;
Обо мне ты сколько лет
Будешь с болью вспоминать.

134. БАИТ ХАЛИМА-МУГАЛЛИМА

Ты в глуши лесного мрака
Одиноким был цветком.
В грамоте не знал ты равных,
Разбираясь во всем.

Счеты с жизнью свел ты рано,
Не успев и расцвести.
В гости в мир пришел незванно,
Чтобы, погостив, уйти.

Если спросите, о ком мы —
Звать его Габделхалим.
Стал утратой он огромной,
В кровь разделился с ним.

Среди многих звезд полночных
Был ты Утренней звездой.
Просвещенным был ты очень,
Как тулпар, стремился в бой.
А по виду, между прочим,
Был султан ты молодой.

В пору пышного цветенья
В пыль и грязь тебя смели.
Кто с тобой войдет в сравненье
На просторах всей земли?

Потеряв светильник лучший,
Растерялся вдруг народ.
Ты ушел, чтоб не вернуться,
Бросив на земле сирот.

Виделся издалека ты,
Светом солнечным лучась.
В школе нас учил когда-то,
Надеяя знаньем нас.
Школа мертвая стоит.
Сердце пламенем горит.

Волость Карагай Кыпсака¹,
В ней Билалово² — твой стан.
Бит ты был в Тамьяне всяко —
Кровью да костями стал.

В жизни истинную цену
Светочу не знали мы.
А ушел — кричим: «Что делать?
Кто нас выведет из тьмы?»

Утром встал, спустился к речке: гуси там стоят гурьбой.
Не могу остановиться, скорбный стих слагая свой.
Хафиз-агай сзади шел, следы его он видел сам;
Как принес он весть свою — она пошла по всем дворам.
Был заботлив: сруб поставил и отцу он и себе.
В Теляуле хотел свернуть, да не по той прошел тропе.
Сняли всю с него одежду, взяли пояс и бешмет.
(Коль товарища б дождался, не видал бы он тех бед.)
И туда бежал, бедняга в страхе, и сюда бежал:
«У меня есть детки!» — тех он и просил, и умолял.
Отчего так бьются в окна бабочки и мотыльки?
Набирался сил, избитый, возле ивы у реки.
Говорят, узка дорога у Урдая; березняк.
Слышали, как он кричал, но крик тот уходил во мрак.
Аксарлак — обитель чаек. Там стонал он, весь избит.
Как сказали: умер папа, дочь заплакала навзрыд.
Летом на горе высокой земляника зреет враз.
Мой байт из сердца вышел, болью огненной сочась.
Сделал озером я двор свой — лебедь плавает там пусть.
Сочинил байт я этот — может, в нем отгадет грусть.
Два коня остались — их не запрягайте, утром встав.
Два ребенка с ними... Боже, их в сиротстве не оставь!
На Урдаевской дороге двух берез прекрасен вид.
На побережье Аксарлака тело бедное лежит.
Шубу, сшитую недавно, вдоволь поносить не мог.
На детей своих родимых наглядеться я не мог.
Что с оставшейся одеждой делать нам? У двух сирот
Был отец. Теперь одежду каждый пусть себе берет.
В пятницу, в священный день, одежду ту носите вы.
Хабебитдина — звали так отца — не забывайте вы.
Шапка новая осталась — попросу не надевать.
Сиротой остались двое — сохранить бы только мать.
К белой утке льнут утята, словно белые цветы;
К матери припали дети: с нами будь хотя бы ты.
Будешь каждую неделю платье белое стирать.
Не с кем радоваться детям, не с кем, радуясь, играть.
Поутру гляжу я: птицы улетают далеко.
Ах, с детьми я разлучился — будет деткам нелегко.
В понедельник на рассвете вслед за стадом уходил;
Коль душа покинет тело, без нее жить нету сил.
Вздумает ли кто сохою землю на горе пахать?
Коль судьба велит однажды, должен кто-то умирать.
Вся озерная долина завывает на ветру;
Что шептал он перед тем, как сказать: «Сейчас умру».

Возле Аксарлака телок он оставил в тальнике;
Если рок велит, то душу не удержишь в кулаке.
Как поутру выйду рано, на дорогу взгляд падет.
Пожелтею я от горя, видно, из-за двух сирот.
Улица у нас узка, не уляжется и конь.
Я печалюсь и страдаю, душу жжет мою огонь.
Все покрыл собой буран, пыль заволокла глаза.
Перед тем, как нам расстаться, не успел я все сказать.
С парой телок он ушел, веревкой шею обмотав.
«Руки мерзнут», — говорил, под шубу руки затолкав.
Утром рано выпил чаю, закатавши рукава.
Думая о детях только, юность я прокуковал.
Утром рано затопил я печку, не жалея дров.
Пусть здорова будет мать и будет пусть отец здоров!

136. БЕДЫ ПЬЯНСТВА

Богат теперь на технику колхоз наш:
Комбайн или трактор — вам не лошадь.
Кто хочет — тот за руль садись и — с богом!
На луг иль в поле — скатертью дорога.

И армия механиков такая,
Что техника гудит, не умолкая.
Комбайнер — тот, а этот вот — водитель,
Хозяин и в машине он воитель.

Но есть среди них такие, что по литру
Глощают водку или палитуру.
В итоге: прет на всех и вся открыто
И, может, где-то сковырнется сдуру.

Фаткельбаян был пьян. Угробив трактор,
Правление поставил перед фактом.
Ему бригадный выписал путевку,
Хоть знал прекрасно, что он пьян пред вахтой.

Руль удержать не в силах, повалился,
Попав под трактор, господу взмолился.
Так жертвою он пьянства оказался.
Навеки инвалидом он остался.

Отрезали Фаткельбаяну ноги,
Приделали култышку, слава богу.
А сверх того обязан уплатить был
Правлению за трактор свой разбитый.

Прочтите мой байт и вывод извлеките,
Подумайте: есть польза ль от распитий?
Чтоб не было у нас подобных фактов,
Не пейте — вам послушен будет трактор.

137. БАИТ СТАРОСТИ

Молодость попутным ветром прошумела.
Слишком скоро старость жизни налетела.
Как цветок, увяло все; травой осенней
Дни пожухли. Где вы, радость и веселье?

В теле нет былой энергии и силы,
Кожа высохла и вены стали сини.
Дух спирает, грудь сжимает... Видно, срок мне
В дом уйти другой по воле злого рока.

Борода и волос сильно поредели.
Щеки алые, увянув, пожелтели.
Голова клонится, взгляд потух в глазницах.
Дрожь в ногах и вечно ноет в пояснице.

Там, глядишь, и старость грустная нагрянет,
Тело в мир иной уйдет и прахом станет;
Что пришло откуда, вновь туда вернется,
На земле живое гнилью обернется.

Под землей опять ко мне молодость вернется,
С новым телом вновь душа моя сольется;
Неувядшие цветы к подножью лягут,
И вольется в душу юность и отвага.
За ошибки, умоляю, не браните,
Лучше, их поправив, мимо проходите.

138. БАИТ О СМЕРТИ

Сладость смерти выпью я однажды,
В светлый мир уйдя, избавлюсь я от жажды.

В этом мире не насытился я жизнью,
Его сладостью живой не насладился.

Силы будут на исходе. Смерть нагрянет.
Прочитать ясин мулла в мой дом заглянет.

Прочитал бы сам его — да сил не будет,
Посмеются надо мной свои же люди.

Газраил придет, чтоб душу взять с собою.
Желтый лик мой станет высшею судьбою.

Светлый мир я заменю могилой темной —
Как же буду жить, что стану делать в нем я?

Голова в пространстве черном превратится
В белый череп. Будут черви в нем резвиться.

Ах, как тяжело отдавать аллаху душу!
Только я законы жизни не нарушу.

139. ШКОЛА ОТЦОВ

Мы вырастем — ваш околеет скот,
И рубль, поди, вдвойне подешевеет,
И труд ваш понапрасну пропадет,
Коль школу нам поставить пожалеют.

Детей своих поймите в этот час:
Наследники мы ваши, а не тени.
Невеждами не оставляйте нас,
Учите молодое поколенья!

Отцы, коль вы не будете учить
Нас в этом мире, кто займется этим?
Мы вечно тупарями будем жить,
Не забывайте: мы же — ваши дети!

Отцы, постройте школы, чтобы мы
Могли учиться там. Имейте мудрость!
Пришла пора нам выходить из тьмы.
Учите нас, чтоб не заела дурость.

6. И смех и грех

(сатира и юмор)

140. БАИТ О ЖЕНЩИНАХ

(шутливый баит)

Нет, не могу понять умом все эти сходки,
Всех этих женщин свору праздную и сводни,
Добро, салму б они иль мясо уплетали,
Нет! — пьют бузу*. Ее бы до смерти лакали.

Друг друга в гости раз за разом приглашают,
Пьют чай, бузой хмельной друг дружку угощают.
Мужья голодные, брошенные бродят,
До них тем женам пьяным дела нету вроде.

В конце аула приглашают на барана.
На приглашенье отсылают Сабирьяна,
Подвешивают бубенцы к дуге посланца —
Пусть, мол, форсит перед толпою голодранцев.

Ахметшариф и Хатиря дадут согласие —
Ведь одеяло даже бая дом украсит.
Гильмишариф присесть, поди, предложит,
Бибихуснэ полезет вон из кожи.

Ну, Ракия — она расчесывает косы,
При этом в зеркало посматривает косо —
Нет, не на волосы глядит она — на зубы,
Которых нет. Лишилась из-за них рассудка.

141. БАИТ О СУФИЯХ

В стране суфиев положение такое:
Обман и хитрость — вот для них святое.
Обман и хитрость ими управляют;
А люд простой — то плачет, то рыдает.

Имеют шапку белую, и вот по ней
В них признает простой народ святых людей.
Про жадность их не станем говорить —
Без скаредности и дня им не прожить.

А чтоб вот так существовать легко,
Искать совсем не надо далеко:
Необходимо к жадности всегда
Лишь прибавлять отсутствие стыда.

Суфиев глотки широко открыты,
Бывают святы, если только сыты.
И прятать это нужным не считают,
Лишь помечтал и тотчас совершают.

Ах, до суда вот так иные докатились —
Бесстыжие. Но тут же появились
И лжесвидетели, и денежки. И снова
Они правы, им слава, им и слово.

Добро других чрез их проходит глотку
И вниз летит — в кишечную проходку.
Дыряво брюхо их, и никакою
Уж не зашить его ни ниткой, ни иглою.

Коль ты суфий, таким и надо быть,
Чтоб лгать, морочить голову, ловчить,
И быть в родстве с Иблисом. Потому
Тавром клеймить их Богу самому.

Нет ни достоинств у суфиев, нет заслуг.
Нутро черно — таков уж их недуг.
И просвещения и грамоты враги,
А людям помогать им не с руки.

В гостях сидят, к подушкам прислонясь,
А говорят, слюнями брызгаясь, лоснясь,
И речь темней болота. Обсмеет
Ее и самый неразумный черт.

О, знал бы люд простой, что нет глупей
На свете этих святотатственных людей!
Вникал бы в их безумные слова,
Давно о них уже ползла б молва.

А самый наглый у суфиев — кто умеет
В трусливых зайцев превращать тех, кто умнее.
Не даст он вере процветать и шарияту,
Задушит их в своем саду когда-то.

Он, в медресе учась, остался диванкою,
И в том, что жизнь у нас прогнила — он виною.
Он, не боясь молвы народа, за святого
Век будет выдавать себя — уйми такого!

О, у такого ядовито все нутро,
Ведь он живет коварно и хитро;
Чтоб слыть добропорядочным, свой скот
В хлеву своем содержит, будто болен тот.

Корысть в его реченьях и злокозни.
Он ведь и держится на хитрости и розни.
Что бедняки? До них ему нет дела —
Родной карман, свое богатство — ближе к телу.

Уловка их: сидеть глазами вниз уставясь,
При этом сети на глупцов расставив,
Чтобы «по-темной» околпачить простодушных —
Скупить их земли за бесценнок, те, что лучше.

Чтобы попроще обвести их вокруг пальца,
Тут словоблудьем надобно заняться.
И простачи клюют на удочку святого —
И честь, и землю продадут ему без слова.

Бывает, зазовет ишан такого
Обедать: мол, поешь еду святого;
И обалдевший обалдуй от чести этой
Утешится подкинутой монетой.

Но не поймет он, как скотина, что к чему,
И почему внимание — ему;
Потому ум не вселяется в мюрида —
Башка суфия сбита, будто сито.

Вот потому-то назиданье мудреца
Он не приемлет — лишь святого дай отца!
Не понимает он ни нищих, ни сирот,
Лишь рай святых ему подай, да прямо в рот.

Все счастье — в четках, что в кармане шелестят,
Да в длинной палке в два аршина.
Да место красное в гостях... Тогда, судьба,
И губернатором считал бы он себя!

Но в шариате мало сведущ всяк из них.
Чтоб чью-то ложку облизать — зови лишь их.
А как увидят стог в лугу — готовы красть...
Уж такова дурмана веры злая власть.

И каждый день к ишану тянутся они,
Как будто он лишь удлинит их жизни дни,
Лишь в славословии находят утешенье,
Страхнув с себя грехи и прегрешенья.

Бахваляются потом: в раю душа, мол.
Мол, тот ишак, кто не ходил к ишану,
Мол, жены наши — небожительницы рая,
Мол, не забыть про то нам, даже умирая.

Такова религия суфиев. Она их
Привела и к преступлениям, забывая
Мозг дураков. Но все ж от бед и горя
Им не уйти, тут бог им не опора.

Ведь пред людьми носить святого тогу,
При этом причиняя им же зло, греша пред богом,
Не это ль наполняет душу черной тьмою? —
Ну как при этом оставаться ей святою?

Все это — допущения ислама,
Открыл он доступ к тупости и сраму.
Коль было б место спрятаться, наверно,
Святоша наш нырнул туда бы первым.

Иной из них: тверезый стал шакирдом,
Намаз творю — уж я святой всем видом.
А раз святой — благопорядочен и сам я,
Пусть служит мне исправно дух ислама.

Коль я святой — то пусть блаженствуют кретины:
Очистили, мол, перед праведным грехи мы.
Пускай в одно седло садятся вместе с чертом,
Пусть тешатся своим блаженством гордым.

Пускай старейшина нас побыстрее образумит,
Нас на путь истинный наставит и рассудит,
В раю нам место купит. В миру загробном
Мы пребудем у всевышнего в утробе.

Пусть путь к ишану станет нужным для такого,
А там, глядишь, он доберется «до святого»,
Ну а жена — считай уже блудница,
А сам — в развратника однажды превратится.

Ах, сколько их в таких мерзавцев превратились,
Не ангелам, а дьяволам молились.
Глядишь: и выведет дорога в негодяи,
Что потеряли до конца и стыд, и милость.

Вся цель их — землю сбыть и «темную» купить.
А коль по силам — привилегии добыть.
Всех неуступчивых отправить в мир иной,
Ну а покладистых — плясать перед собой.

Так им в историю хотелось бы войти,
«Святыми» стать на жизненном пути.
Коль даже и войдут в такую дверь,
В другую сразу вышвырнут, поверь.

А если так, чего ж болтаются они,
Как звери, в ночи непроглядные и дни?
И вместо праведных, полезных миру дел
Лишь прозябать среди людей — вот их удел.

Скажи, возможно ль Бога так вот заменить?
Ведь только Бог нас может счастьем наделить.
Или святые муллы наши так слепы,
Что ложь не видят на поверхности тропы?

142. БАИТ ЫРЫС-ТУРЯ

Сход созвал Ырыс-туря*
Всякие решать дела;
Но не мог предположить,
Что беда его ждала.

Вел высокомерно сход,
Никого не признавал;
Мол, важней меня тут нет —
Знать собравшимся давал.
«Хвост подрежу!» — пригрозил
Вдруг Абдульгате-мулле;
Тот ответил: «Не боюсь
Дряни на своей земле».

Прибыл через двадцать дней
«Полномочный» земский.
Улизнул Ырыс-туря —
Вслед пустился Зельский.

Ах, глупец Ырыс-туря!
Слишком ты, брат, возомнил
О себе. Всех земляков
На себя настропалил.

В праздник Рамазана пил
И про уразу забыл,
Всех, кто явится к нему,
Плетью сыромятной бил.

По соседству ль кто зайдет,
Нрав выказывал он свой;
Вот стихами объясню
Вам тот нрав его лихой.

В ночь к Степану приходил,
Плача, говорил: «Отец,
Если денег мне не дашь,
Знай, что ждет меня конец».

К свату посылал гонца,
Тоже денежки просил,
А явился Земский вновь —
Свой покинул Лавазим.

Громко плакала жена,
Горько убивалась мать.
... Жить не можешь средь людей —
Плата не заставит ждать.

143. БАИТ О СОБАКЕ

С «бисмиллы» баит мы этот начинаем,
Как дробили в понедельник черепа
Псам, за лис их на охоте принимая,
Били псов — и хохотала вся толпа.
Стали гнать их от березы одинокой.

У Куюлукуль настигли беглецов.
«Взяли лис!» — кричал нам минарет высокий —
Это дети там орали вместо псов.
Сын Ахьяруллы кистень сжимает:
Бьют собак, приняв их за лисиц.
Сын Ахьяруллы камчой махает;
«Пес убит!» — кричат. — Они слетают вниз.
Ну а крикунов попробуй, удержи-ка! —
Вместо пса в Мухаметхана угодил.
Вот «охотнички» промчались с криком-гаком,
Всюду смех — «Кого ты, удалец, забил?»
Ахьярулла, кистень с ним ой-ой-ой!
Мухаметхан пса к себе унес домой.
Звонко родничок сбегает вниз,
Кто собачек бьет вместо лисиц?
Асылгарей говорит: «Так это ж пес!»
Самигулла: «Бейте, ног чтоб не унес!»
Фазлыахмет пса у стога подбирает
И во двор Закир-муллы его бросает.
Возле речки Карагуш¹ гуляют гуси.
По собаке Мухаметхан исходит грустью.
Зерна по весне посеял — выросла одна трава.
Мертвой притворясь, собака, видимо, была права.
Пара лебедей, горя, стынет в камышах давно.
В полночь ожил пес — и сразу побежал к себе домой.
Берег вдоль реки Куваша² камыши под ветром гнет.
Кто, подбив собаку, людям, как лисицу, продает?
Вдоль по Карагуш-реке два лебедя идут на зов.
Пожалел Самигулла, убитых вспомнив бедных псов.
В стужу жуткую, когда покрылось льдом окно,
Пока расстреливали псов, Араслан Султый замерз давно.
Брови рыжие на редкость у жены Ахьяруллы.
Лбы собакам разбивали — струи крови потекли.
Ахьярулла с гор спустился, через мост пошел потом,
Взгляд потух его — напрасно он расправился со псом.
Бить лисиц хотят и пользу от битья того иметь;
Не лисиц бьют, а собак, потом — давай о них жалеть.
По реке Инеш у нас растет задумчивый ивняк.
В мире мало кто стреляет вместо лис живых собак.
Кто «лиса», а кто «собака» говорит — поди, реши!
Сочинили мы байт — пусть посмеются от души.
Был, как вымя, переулок — уподобили соску.
Пса зарезав, Мухаметхана ввергли, бедного, в тоску.
Дерево в лесу у нас не может стройным быть бревном.
Пусть убийство псов считают преступленьем пред царем.

144. БАИТ «БИШАУДАР» (пятерых)

Бисмиллахи ва биллахи,
Наступил Курбан-гаит.
Слушайте, мы вам расскажем
Нашей Бишаудар баит.

В Бишаударе — пять егетов
И ружье на пятерых.
Но ружье-то не стреляет —
Гайнетдин-то — из слепых.

У Шаяхмета — пять коней,
Нет на скачках их быстрей.
Били пса: считали — волка —
Нет, не получилось толка.

На башке у Шаяхмета
Тюбетейка в пять копеек.
Отрицал бы: не стрелял, мол,
Только ложью вмиг повеет.

145. БАИТ О ПУТЕВОЙ И НЕПУТЕВОЙ НЕВЕСТКАХ

I

Утром спит, лицо не моет
И корову не подоит,
Ей дитя родить не стоит,
Лоботряске, тидия*.

Утром встав, золу из печи
Не почистит, скажет: «Нечем»;
Вот такую плетью сечь бы,
Лоботряску, тидия.

Ленится, ничуть не тужит,
Не готовит завтрак, ужин,
Мыть себя не удосудит
Чашки, ложки, тидия.

Не расчесывает косы,
Коль обед готовить — в слезы,
А сготовит — не попросишь,
Жадничает, тидия.

Муж неприбран, неухожен;
Постирать белье не может,
Тайны разболтает тут же,
Языкаста, тидия.

Серп в руках держать не хочет,
Коль работать — нету мочи,
Муж ее — несчастлив очень —
С лоботряской, тидия.

Даже лень ей помолиться,
Мужу как с такой ужиться?
В выборе б не ошибиться,
Дай-то, боже, тидия!

II

На заре лицо умоем,
Там коровушку подоит;
От такой дитя героем
Вырастает, тидия.

Ножки стылые согреет,
Там и завтрак подоспеет,
Всю посуду одолеет —
Вот такая, тидия.

Встанет рано — лишь забрезжит,
Вычистит золу из печи,
Запросто блины испечь ей,
Так проворна, тидия!

Маслом смазывает косы,
На людей не смотрит косо,
Даст поесть, кто ни попросит,
Вышла нравом, тидия.

Смотрит мужа и жилье,
Выстирает вмиг белье,
Вот невестка, тидия!

Помолиться не забудет;
Муж любить такую будет —
По жене о муже судят! —
Мол, счастличик, тидия!

146. БАИТ САМОГОНЩИКА ГАДЕЛЬЯНА

Гоним самогон мы, чтобы
Руководство угощать.
Угостив, свои делишки
В фактор жизни обращать.
Самогон хмельной мы гоним,
Есть на это аппарат.
Пьют его, начальства кроме,
Сват какой-нибудь иль брат.
Манит встречных-поперечных
Самогона жаркий дух.
Трахнут кружечку под вечер:
Мне на стол деньжонок — бух!
Самогон — я это понял —
Прибыль добрую сулит.
Пусть тот мается от боли,
Кто его везде хулит.
Угощаю бригадира,
Коль что надо поскрести.
Угощаю я шофера,
Коль что надо подвезти.
Самогон — моя опора,
Он — домашний мой колхоз.
С ним привез дровишек впору,
Сена для скота привез.
Только — ах! Недолго длилось
Счастье: кончился удой.
Обернулась божья милость
Непредвиденной бедой.
Вдруг милиция явилась,
Слила в яму самогон.
Взяли аппарат, судимость
Приписали: мол, закон
Так велит. Прощай, головка!
До свиданья, божий дар!
Хоть здесь петь не очень ловко,
Мямлю песню «Ашкадар».
Кто я, спросите вы коли,
Мое имя — Гадельян.
А не веришь — в протоколе
Прочитай, коль сам не пьян.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии содержат сведения:

1. Когда, кем, где и от кого (фамилия, имя, отчество, профессия информатора) записан текст (если имеются сведения); затем указывается место хранения рукописи, выходные данные и публикации. Оговаривается, по какому источнику осуществлен перевод текста для публикации в настоящем издании, кроме случаев, когда текст переведен по книгам «Башкирское народное творчество» (Уфа. 1978. На башк. яз.) и «Башкирское народное творчество» (Уфа. 1981. На башк. яз.).

2. В тех случаях, когда больше десяти вариантов, указываются лишь районы распространения и места хранения записей (архивные и личные фонды).

3. Примечания, пояснения исторического, этнографического характера. Дополнительные сведения относительно художественного оформления текста.

4. Пояснения к обозначенным цифрами местам текста.

5. Комментарии дополняет глоссарий.

Принятые условные сокращения:

АН РБ — Академия наук Республики Башкортостан.

АЭ — археологическая экспедиция.

Башк. яз. — башкирский язык.

БГУ — Башкирский государственный университет.

БНТ. 1959 — Башкирское народное творчество (Сост., ред., предисл. и примеч. А. И. Харисова: Уфа. Башкнигоиздат. 1959) на башк. яз.

БНТ. 1978 — Башкирское народное творчество: Байты (Сост. М. М. Сагитов, Н. Д. Шункаров; вступ. ст. М. М. Сагитова и Г. Б. Хусаинова; ответ. ред. Г. Б. Хусаинов. Уфа. 1978) на башк. яз.

БНТ. 1981 — Башкирское народное творчество: Байты. Песни. Такмаки (Сост., авторы вступ. ст. и коммент. — М. Сагитов и Мидхат Мамбетов. Ответ. руковод. Кирей Мэргэн. Уфа. Башкнигоиздат. 1981) на башк. яз.

БФ АН СССР — Башкирский филиал Академии наук СССР.

вар. — вариант.

вступ. ст. — вступительная статья.

г. — город.

г. р. — год рождения.
д. — дело.
дер. — деревня.
диал. сл. — диалектное слово.
ж. — журнал.
зап. — записано.
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН.
коммент. — комментарий.
ЛЛ — листы.
МАЭ — материалы археологической экспедиции.
НА — научный архив Уфимского научного центра РАН.
обл. — область.
оп. — опись.
опубл. — опубликован.
ответ. ред. — ответственный редактор.
предисл. — предисловие.
примеч. — примечание.
РАН — Российская академия наук.
РБ — Республика Башкортостан.
ред. — редактирование.
р-н — район.
рук. — рукопись.
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.
с. — страница.
сост. — составитель.
урож. — уроженец.
УНЦ — Уфимский научный центр.
ЦГА — Центральный государственный архив РБ.
ФФ БГУ — фольклорный фонд кафедры башкирской литературы и фольклора БГУ.
ф. — фонд.
яз. — язык.

І. ИСТОРИЧЕСКИЕ БАИТЫ

І. Крестьянская война 1773—1775 гг.

1. Салават Юлаев (Салауат Юлаев). Зап. молодым тюркологом М. Билаловым в Месягутовском кантоне на родине батыра. Вместе с несколькими песнями о Салавате он передал баит московскому профессору А. Н. Максиму. Спустя некоторое время рук. снова возвращается к нему. Однако скоропостижная кончина Максимова помешала осуществить планы об издании этих произведений. Через три года после смерти, в 1936 году, профессор Н. К. Дмитриев, указывая соавторство М. М. Билалова, публикует их вместе с русскими переводами в ж. «Советский фольклор» (№№ 2—3) с небольшой вступ. ст. и комментариями.

Второй раз данный баит был опубл. в 1960 г. в Казани в книге «Баиты» (С. 60—61). В 1978 г. он включен в том «Баиты» 18-томного свода БНТ.

¹ Возраст Салавата в тексте указывается по-разному. На самом деле ему было тогда 22 года.

2. Песнь о Салавате (Салауат йырауы). Рук. баита найдена татарским ученым Альбертом Фатхи в отделе восточных рукописей научной библиотеки Казанского университета (арабский ф., №1622/2189/. 12-строчный текст баита написан на последней странице рукописной книги «Шохуры Мисбах»). В своей статье об этом баите («Казан утлары». 1967. № 5. С. 121—125) А. Фатхи указывает, что он был записан в 1792 г. в селе Каргалы Оренбургской губернии. В статье приводится фотокопия баита, транскрипция арабского текста и комментарий.

Опубл. в книге «Баиты» (на тат. яз.). Казань. 1978. С. 50—51; БНТ «Баиты» (на башк. яз.). Уфа. 1978. С. 50; «Баиты» (на тат. яз.). Казань. 1983. С. 35.

¹ В рук. написано «канак». Но такого слова в башк. и тат. яз. нет. Поэтому предлагается слово «казах».

² Яик — прежнее название реки Урал.

³ Ротники — видимо «ротные», командиры рот в царской армии.

⁴ Юрюзань — река на северо-востоке Башкортостана, где родина Салавата Юлаева (в тексте нет).

3. Незабвенный Салават. (Оногмабыз, Салауат). Зап. в дер. Кичикирово Янаульского р-на от Шарафутдиновой Райханы Назаровны. Когда, кем — сведений нет.

Опубл.: газ. «Совет Башкортостаны». 1974 г. 8 июня. Текст к печати подготовлен Н. Д. Шункаровым; БНТ. 1978. С. 52.

По характеру и форме данное произведение более близко к песне. Однако в рук. под заголовком стоит слово «байт». Варианты:

а) Байт о Салавате (Салауат хакында бәйет). Зап. в 1946 г. в дер. Кичикирово Янаульского р-на М. В. Рафиковым от Зайтуны Тажетдиновой (1916 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 12. Ед. 235. ЛЛ. 358—359. Опубл.: газ. «Совет Башкортостаны». 1974 г. 8 июня.

б) Байт Салавата (Салауат бәйете). Зап. в дер. Богданово Миякинского р-на Н. Д. Шункаровым от 102-летнего Ахметзаки Сулейманова. НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. Л.10.

Данный вар. байта по своей поэтической форме близок к традиционным эпическим поэмам — кубаирам. Имеет определенный зачин: «Салауат батыр ир ине» (Салават батыр был мужчиной), с которого начинаются все куплеты.

4. Байты о Киньякае (Кинйәкәй бәйете). Рук. хранится в НА ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 36. Опубл.: БНТ. 1978. С. 44—48. Впервые опубл. Н. Т. Зариповым в ж. «Агидель» в 1972 г. под названием «Мунажат о Киньякае» (С. 124—126). В коммент. к тексту он пишет следующее: «Мне в 1968 г. пришлось участвовать в фольклорной экспедиции, в дер. Арметово мы встретились с известным башкирским писателем Ибрагимом Гиззатуллиным, который подарил нам тетрадь с записями. Там оказались четыре произведения на тюрки, имеющие непосредственное отношение к башкирскому народному творчеству и к древней рукописной литературе. В 1945 г. они были переписаны И. Гиззатуллиным с другой тетради, которая затем была утеряна. Владельцем этой рукописи и автором байта, как явствует из первых строк произведения, видимо, является Даутов Мухамадулла Ахмадулович из дер. Исякаево того же района. Подробная биография М. А. Даутова пока не выяснена. Как считает И. Гиззатуллин, он жил в XIX веке. В свое время за успешное окончание Макаровского русско-башкирского училища ему был вручен подарок — Коран на русском языке с надписью его имени. Тетрадь хранилась вместе с Кораном. Потом Коран и рукопись каким-то образом оказались у муллы из дер. Арметово».

Опубл.: БНТ. 1978. С. 44—48.

Композиционная структура «Байта о Киньякае» состоит из трех частей, в которых использованы данные шежере башкир тальтеюрматинцев. Байтсе (сочинитель байта) знакомит читателя с некоторыми историческими событиями, в т. ч. связанными и с поджогом деревни Киньякай. Эти трагические события описываются в стиле поэтического шежере и кубaira.

¹ Киньякай (Кинйәкәй) — прежнее название дер. Петровское (из коммент. Н. Т. Зарипова).

² Ишей, Салих, Карагай, Ишимбай, Байгужа, Ташбулат, Киньябулат, Кусапкол, Саргай, Исякай, Тумер, Макар, Сайран — башкирские дер., расположенные на территории нынешнего Ишимбайского р-на РБ. Названия этих дер. связаны с именами конкретных личностей.

³ Мрак (Морак) — название дер. в Ишимбайском р-не.

⁴ Утяк (Утәк) — дер. в Гафурийском р-не Башкортостана.

⁵ Кармыш — прежнее название дер. Янгизкаиново в Гафурийском р-не.

⁶ Тимаш бояр — русский боярин Тимашев, который обманым путем засел на землях тальтем-юрматинских башкир и основал там село. Это село и поныне называется Тимашевка.

⁷ Карательный отряд, направленный царским правительством для подавления восстаний и бунтов. В дер. они ели и пили за счет башкир. Поэтому такие отряды народ по своему называл «обжорными командами».

⁸ Егән — приток реки Белой в Ишимбайском р-не.

⁹ Емелька (Емельян) — предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. Емельян Пугачев.

¹⁰ Кинзя — башкир, один из руководителей Крестьянской войны 1773—1775 гг. Кинзя Арсланов.

¹¹ Салават — сподвижник Пугачева, один из предводителей Крестьянской войны 1773—1775 гг. Салават Юлаев (1752—1800).

5. Баит о Тафтиляу (Тәфтиләу бәйте). Рук. обнаружена в 1976 г. участниками 6-й археографической экспедиции ИИЯЛ В. И. Ахмадевым и А. Х. Вильдановым в дер. Ташлы Альшеевского р-на. Она находилась у Юмабики Саубановой. Ныне хранится в рукописном фонде ИИЯЛ (РФ ИИЯЛ, МАЭ, 1976).

Опубл.: БНТ. Баиты. 1978. С. 46—50.

В конце баита говорится: «Писал Шакирьян, сын Нагимьяна». Однако неизвестно: Шакирьян — автор этого произведения или переписчик.

¹ Тафтиляу — мурза Тевкелев Алексей Иванович (до крещения Кутлиахмет Тевкелев). В первой половине XVIII века состоял помощником губернатора Оренбургской губернии. Начальник отряда, с особой жестокостью подавлявший восстания башкир 1735—1740 гг., ненасытный феодал, силой захвативший многие башкирские земли.

² Ерекле (Зирикли) — река в Бакалинском, Шаранском р-нах.

³ Ереклекуль (Зирикликүль) — озеро в Миякинском р-не.

II. Отечественная война 1812 г.

6. Баит дерева (Агас бәйте). Зап. в 1966 году в дер. Кипчак-Аскароро Альшеевского р-на Н. Д. Шункаровым от Шакирьяна Махмутова (1896 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 16—19.

Опубл.: газ. «Совет Башкортостаны». 1969. 18 октября; БНТ: Байты. 1978. С. 56—57.

В баите описываются события Отечественной войны 1812 г., участниками которых являются воины одного из башкирских полков.

¹ Уйзюрjak, Удряк (Өйзәрәк) — река на юго-западе Башкортостана, левый приток Демы.

² По древним поверьям башкир, красный багровый восход солнца — предвестие беды, войны. Байтсе удачно использовал в баите это поверье.

7. Байты французской войны (Француз яуы бәйете). Зап. в 1967 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Верхний Муйнак Зианчуринского р-на от Губайдуллы Хамидуллина (1907 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. Л. 12.

Опубл.: «Совет Башкортостаны». 1969. 21 октября; БНТ: Байты. 1978. С. 53.

¹ Год мыши — прежде башкиры, как и все тюрко-монгольские народы, вели календарь, состоящий из циклов по 12 лет, каждый из которого имел название определенного животного: мыши, свиньи, собаки, курицы, обезьяны, овцы, лошади, змеи, дракона, кролика, барса, коровы.

8. Французский баит (Француз бәйете). Зап. в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в г. Миассе Челябинской обл. от Файзрахмана Яшелбаева (1901 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. Л. 13. Опубл.: «Совет Башкортостаны». 1969 г. 19 октября; БНТ. 1978. С. 54—55.

9. Баит о русско-французской войне (Рус француз һуғышы бәйете). Переписан в 1905 г. башкирским писателем Ф. Туйкиным (1888—1938) из рукописного альбома (владелец альбома не указан). Баит был записан в альбом в 1958 году.

С. 551

Некоторые мотивы, элементы сюжета данного баита Ф. Туйкин использовал в своей драме «Ватан каһармандары» (Герои Отечества), написанной в 1912 г. и посвященной 100-летию Отечественной войны 1812 года.

Текст баита по своему содержанию и поэтике близок к народным песням, посвященным Отечественной войне 1812 года.

Рук. баита хранится в фонде Ф. Туйкина научной библиотеки Казанского университета. Опубл.: книга «Байты». Казань. 1960. С. 67—68. БНТ. 1978. С. 52—58.

10. Баит Российского воинства (Рәсәй ғәскәрҙәре бәйете). Из рукописного фонда И. Н. Березина, хранящегося в Ленинградском отделе Востоковедения РАН; переписал А. Н. Киреев и опубликовал в своей книге «Башкирский народный эпос». Уфа. 1961. С. 379. Опубл. также в БНТ. 1978. С. 57—58.

11. Баит о Кутузове (Кутузов бәйете). Зап. в 1969 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Кипчак-Аскароро Альшеевского р-на от Махмута Шакирьяна (1896 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 68. Д. 42. ЛЛ. 14—15. Опубл.: газ. «Совет Башкортостаны». 1969. 21 октября; БНТ. 1978. С. 55.

III. Русско-турецкая война

12. Байты о русско-турецкой войне (Рус-төрөк һуғышы бәйет-тәре). Зап. лит. сотрудником Чекмагушевской районной газеты Х. Канзафаровым (урожд. Илишевского р-на). В каком году, у кого — сведений нет. В конце байтов — запись: «В 1853—1854 годах была война между Россией и Турцией. Об этой войне сложено народом много байтов. Я собирал, где только слышал, и систематизировал». НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 1—7. Оpubл.: «Байты». 1978. С. 116—121.

13. Байт о турецкой войне (Төрөк һуғышы бәйете). Зап. в 1966 г. журналистом Чурагуловым Рахметом Лутфулловичем в дер. Сысканово Кармаскалинского р-на, от кого — неизвестно. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 78. ЛЛ. 20—24. Оpubл.: БНТ: Байты. 1978. С. 121—126.

Байт хранится среди рук. у его родственников. Он дает следующее пояснение: «В 1966 г. данная рукопись байта оказалась у меня. Если обратить внимание на бумагу и почерк, то можно предположить, что байт записан около 55 лет тому назад. Когда рукопись мне давали — напомнили, что она принадлежала моему отцу — участнику русско-японской войны. Тетрадь хранилась у моего младшего брата — участника Великой Отечественной войны Насретдина Чурагулова, погибшего на этой войне». В конце первой группы байтов (25 куплетов) есть запись: «писал Бадретдин Бадретдинович», а остальные 5 куплетов записаны другим почерком.

Прослеживается, что байт сочинили несколько человек и переписали его не единожды. Чурагулов дает пояснение о том, что в ходе бытования и неоднократного переписывания в байте вместо слова «турк» стало применяться слово «герман».

14. На берегу Дуная (Дунай буйында). Переписан в 1974 г. участниками 3-й археологической экспедиции В. И. Ахмадиевым и А. Г. Кудашевым в дер. Каранаево Буздякского р-на из тетради Ханифа Юсупова. Транскрипция со старотюркского Г. Б. Хусаинова. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 207—210. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 126—127.

15. На Балканских горах (Балкан таузарында). Сочинен в 1877 г. Г. Габдельбакиевым, был включен в шежере (родословная) рода. Переписан Н. Муратовым и сдан в архив бывшего ВФАН СССР (ныне ИИЯЛ). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 308. ЛЛ. 414—415. Оpubл.: БНТ. Байты. 1978. С. 127—129.

¹ Бисмиллахи валлахи (ар.) — именем бога даю клятву. Начало суры из Корана.

² Курбан-гаит — праздник жертвоприношения по исламу. Приносят в жертву мелкий рогатый скот и угощают родственников, а также малоимущих.

Варианты:

а) Баит турецкой войны (Төрөк һуғышы бәйте). Паспортные данные отсутствуют. Оpubл.: БНТ. 1954. С. 112—113.

б) Баит русско-турецкой войны (Рус-төрөк һуғышы бәйте). Паспортных данных нет. Обнаружен в 1973 году 1-й археографической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР. В транскрипции Г. Б. Хусаинова включен в рукописный том материалов экспедиции. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1972. ЛЛ. 584—585.

в) Баит турецкой войны (Төрөк һуғышы бәйте). Паспортных данных нет. Подписан Г. Б. Хусаиновым в 1974 г. и включен в рукописный том материалов экспедиции. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 327—328.

IV. Русско-японская война

16. Баит войны 1905 г. (1905 йылғы япон һуғышы бәйте). Переписан в конце 40-х годов Х. Канзафаровым из рукописной тетради Гаффана Гафарова, погибшего в Великой Отечественной войне, урж. дер. Верхнее Мансарово Илишевского р-на. Х. Канзафаров информирует, что баит сочинен в 1905 г. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 157—161. Оpubл.: БНТ. С. 130—133.

¹ Либадан — река на Дальнем Востоке.

² Ялу (Ялуцзян) — река в Китае.

³ Здесь критикуется главнокомандующий сухопутными войсками генерал Куропаткин, по приказу которого вагонами были привезены псалтыри, которые использовались в целях повышения духа русских войск.

⁴ Фук — тип крепостного орудия.

17. Дороги войны (Яу юлдары). В 1940 г. вместе с другими рукописными баитами был передан уроженкой дер. Калта Куюргазинского р-на Гайникамал Куликасовой писателю Б. Бикбаю. Рук. баита досталась Г. Куликасовой от отца Хариса Ишкинина. Все эти баиты сочинены в 1905 году жителем дер. Аксары того же р-на Габдельхаким Мукминовичем (фамилия неизвестна) и подарены Х. Ишкинину. По сообщению Б. Бикбая, данная рук. состояла из 10 страниц, включающих 9 баитов, общий объем — около тысячи строк. Часть баитов опубл. Б. Бикбаем в 1941 г. в ж. «Октябрь» (№ 3. С. 56—58). К двум баитам, относящимся к русско-японской войне 1905 г., Бикбай дает следующий коммент.: «Если некоторые баиты из данной рукописи пронизаны религиозными мотивами, то большая часть из них отражает реальные события войны, мучения и лишения солдат. В баитах есть много сильных сравнений, удачных поэтических строк». НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 133—138.

¹ Харбин, Мукден — города на севере Китая.

18. Баит русско-японской войны (Рус-япон һуғышы бәйете). Зап. в 1940 г. Х. Канзафаровым. Паспортных данных нет. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 8—13. Сокращенный вар. под названием «Баит японской войны» (Япон һуғышы бәйете). Опул. в БНТ. 1954. С. 115—116. Полностью опул. в БНТ в 1978.

¹ Здесь солдат укоряет отца, что тот не откупил его от службы, как делали обычно богачи, спасая своих сыновей.

² Порт-Артур (Люшунь) — военно-морской порт и город, расположенный на Ляодунском полуострове у берегов Желтого моря. В 1898 г. царская Россия арендует его на 25 лет у Китая и укрепляет как военно-морскую базу. После войны 1904—1905 гг. переходит к Японии.

³ Куропаткин — Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925), военный деятель, генерал, командующий русскими сухопутными войсками. После поражения русских войск под Мукденом освобождается от должности.

⁴ Николай — царь Николай II (1868—1918), последний император из династии Романовых.

⁵ Сеул — столица Южной Кореи.

19. Баит о японской войне (Япон һуғышы бәйете). Переписан из рукописной тетради участниками 2-й археографической экспедиции (РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974.).

В конце данного баита приписано: «Анкасрулла Габдрахим». Не известно, он автор баита или переписчик. Из начальных строк текста выясняется, что баит сочинен в письменной форме.

20. Война с японцами (Япондар менән һуғыш). Обнаружен и переписан в 1961 г. участниками фольклорной экспедиции в дер. Таллы Больше-Черниговского р-на Куйбышевской области. НА. С. 144—152.

Данный баит близок к «Баиту японской войны» («Япон һуғышы бәйете»), включенному Х. Бадиги в книгу «Народная литература. Баиты» на татарском языке, изданную в 1913 г. в г. Казани. Данный баит опул. также в книге «Баиты» (Казань. 1960).

В научном фонде УНЦ РАН хранится несколько вар. баита, записанных среди башкир. По своей полноте и художественному оформлению обращает на себя внимание вар., записанный в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Ибраево Зианчуринского р-на от Нагимы Батталовой. НА. Ф. 3. Оп. 35. ЛЛ. 141—156.

¹ Восток — г. Владивосток.

21. Назымы японской войны (Япон һуғышы назымдары). Сочинены в 1905 г. жителем дер. Аскароро нынешнего Куюргазинского р-на Габдельхаком Мукминовичем (фамилия не указана). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 303. ЛЛ. 271—282.

Баит состоит из 9 назымов, которые составляют единый цикл. Из них 7 и 8 назымы в сокращенном виде опул. писателем Б. Бикбаем

в 1941 г. в ж. «Октябрь» (№ 3), 6 назывов в небольшом сокращении опубли. в книге БНТ. 1978. С. 153—158.

¹ Назым — песня, повесть.

² Юшатыр — река в Куюргазинском р-не.

22. Баит войны 1904—1905 гг. (1904—1905 йылгы һуғыш бәйете). Сочинен жителем дер. Каркалятамак нынешнего Миякинского р-на Фаткуллиным Мухаметвафой Сафиулловичем. Баит был переписан его сыном Вафиным Тазизом (1858 г. р.) и в 1970 году передан фольклористу Н. Д. Шункарову. По словам Т. Вафина, его отец М. С. Фаткуллин был участником русско-японской войны. В 1905 г. он участвовал в восстании солдат и был осужден на 2 года. В родные края вернулся в 1907 году. И здесь проявился его бунтарский дух — за поджог байского имениа он был осужден и 6 месяцев провел в Белебеевской тюрьме. Для своего времени он был довольно грамотным, имеющим прогрессивные взгляды, человеком. НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 52—57.

Оригинал баита в 1975 году передан Т. Вафиным руководителю 4-й археографической экспедиции Г. Б. Хусаинову. РФ. МАЭ. 1975.

^{1,2} широко распространенные книги религиозного содержания.

23. Японская война (Япон һуғышы). Переписан в 1946 г. писательницей З. Бишевой из рукописной тетради жительницы дер. Турумбетово Кугарчинского р-на Нафисы Суюндуковой. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 258. ЛЛ. 57—65.

З. Бишева сопровождает баит следующим коммент.: «Этот мунажат сочинил житель дер. Караберда Зианчуриноского р-на Шагивали, сын Латифа, участник русско-японской войны. Баит был прислан с фронта письмом. Мунажат был довольно длинным, но многие куплеты его затерялись. Здесь приводятся три оставшиеся его части».

¹ Здесь имеется в виду свинина, которую Коран запрещает есть мусульманам.

² Гаслян (каулиан) — маньчжурское просо. Иногда его называют «китайское просо».

³ Шумиз (чумиза) — широко распространенное в Китае однолетнее зерновое растение. В баите идет речь о пище, приготовленной из него.

24. Тоска солдата (Һалдат һағышы). Зап. в 1962 г. студенткой БГУ С. Карагуловой в дер. Яныбаево Белокатайского р-на от 62-летней Вазифы Мустафиной. ФФ БГУ. 1962. ЛЛ. 413—414.

Этот баит был сочинен участником русско-японской войны Ахатом Валиевым, урож. указанного села. Баит был прислан с фронта вместе с письмом.

25. Порт-Артур. Зап. в 1964 г. Р. Яхиной от жителя дер. Абзакново Баймакского р-на Газина Ибрагима Абубакировича (1903 г. р.). ФФ БГУ. 1964. Том II. ЛЛ. 194—195.

Варианты:

Зафиксировано около 20 вариантов. Ареалы распространения: Куюргазинский район (отдел фольклора и искусства ИИЯЛ), Кугарчинский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 260—261), Кигинский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 235. Л. 391), Илишевский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 157—161), Чекмагушевский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 233—245), Зианчуринский (ФФ БГУ. 1959. Т. 1. Л. 195), Белорецкий (ФФ БГУ. 1964. Т. II. ЛЛ. 165—166), Кармаскалинский (НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 78. ЛЛ. 32—51), Абзелиловский (ФФ БГУ. 1968. ЛЛ. 89—90), Альшеевский (ФФ БГУ. 1971. ЛЛ. 145—154), Миякинский, Больше-Черниговский р-н Куйбышевской области (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 6. ЛЛ. 73—76), Люксембургский р-н Оренбургской области (ФФ БГУ. 1962. ЛЛ. 406—407).

V. Русско-германская война 1914 г.

26. Баит русско-германской войны (Рус-герман хугышы бэйете). Зап. в 1940 г. Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 14—21. Опувл. в БНТ. 1954. С. 116—119; БНТ. 1978. С. 168—171.

27. На германской войне (Герман хугышында). Паспортные данные отсутствуют. Опувл.: БНТ. 1954. С. 124 —126; БНТ. 1978. С. 173—176.

28. Письмо из окопа (Окоптан хат). Переписан в 1965 г. журналистом Сурагуловым Рахметом Лутфулловичем, жившим в то время в Москве, из рукописной тетради Зуфара Мустафина, автора данного байта, урож. дер. Байгильдино Нуримановского р-на РБ. В 1966 г. баит передан им в научный архив УНЦ РАН. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 78. ЛЛ. 66—80. Опувл.: БНТ. 1978. С. 208—212.

В коммент. к байту Р. Л. Сурагулов пишет: «В конце 1917 года среди нас — пятисот шакирдов Кишишкинского медресе Уфимского уезда — распространился слух о том, что с фронтов германской войны Зуфаром халфой (халфа — духовное лицо) прислан баит. Вскоре баит был переписан в нескольких экземплярах и получил широкое распространение среди шакирдов. Состоящее из 252 строк произведение произвело на читателей большое впечатление. Многие выучили его наизусть. И я, тогда еще 14—15-летний мальчуган, долго его носил в памяти».

В 1965 г. Р. Л. Сурагулов встречается с автором байта Зуфаром Мустафиным и заново переписывает его, но уже в уточненном виде. В авторской рук. баит не имел оглавления. Название «Письмо из окопа» дано Р. Л. Сурагуловым. Об авторе байта он пишет следующее: «Зуфар Мустафин был большой любитель поэзии. В его тетради, переданной мне, имелись и его собственные стихи, а также стихи таких известных поэтов, как Дэрдмэнд, Сагит Рамиев, Шайхзада Бабич,

Мажит Гафури, Н. А. Некрасов и др. Кроме того, он был человеком довольно грамотным, сведущим в делах современности и политики).

¹ 11 ноября 1915 года.

² Рославль — город в Смоленской области.

29. Ах, головушки вернутся ли обратно? (Кайтыр микән баштарыбыз?) Паспортные данные отсутствуют. Опувл.: БНТ. 1954. С. 126—128; БНТ. 1978. С. 212—214.

30. Чего не видят головы солдат... (Низәр күрмәй һалдат баштары...) Зап. в 1961 г. С. Г. Сафуановым в дер. Таллы Больше-Черниговского р-на Куйбышевской обл. от Насыровой (1905 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 6. Т. I. ЛЛ. 127—129. Опувл.: БНТ. 1978. С. 214—215.

31. Баит воюющего солдата (Яузагы һалдат бәйете). Переписан в 1941 г. из рукописной тетради Н. Абунасинова его сыном Л. Н. Абунасиновым, колхозником колхоза «Красная звезда» Шаранского р-на, и передан в архив ИИЯЛ. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 136—141. Баит был сочинен в 1914 г. его отцом Н. Абунасиновым, участником первой империалистической войны. Опувл.: БНТ. 1978. С. 215—218.

32. Австрийский баит (Австрия бәйете). Зап. в 1960 г. Ф. А. Надршиной в дер. Габдрафиково Переволоцкого р-на Оренбургской обл. от Мукарамы Байтимировой (1905 г. р.). По сообщению информатора, автором баита является участник первой империалистической войны Гайзулла Бакаев. Однако сведений о нем не имеется. НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. ЛЛ. 192—196. Опувл.: БНТ. 1978. С. 218—221.

33. Баит пленного солдата (Әсир һалдат бәйете). Зап. в 30-е годы в дер. Тазеево Илишевского р-на от 57-летнего Тимербая Шаяхметовича. Кем — неизвестно. Под заглавием стоит дата «1916—1919 гг.». Однако неясно — это дата рождения баита или годы его переписки. В рукописном его вар. озаглавлен как «солдатские баиты». Название «Әсир һалдат бәйете» дано составителями тома БНТ. 1978. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 302. ЛЛ. 48—63. Опувл.: БНТ. 1978. С. 221—225.

¹ Хуш — до свидания, прощай.

² Такбир — слова, выражающие почтение к богу.

34. Баит пленных (Плендагылар бәйете). Переписан в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Верхний Муйнак Зианчуринского р-на из рукописной тетради Хамидуллина Ахметгаля Гайсиевича (1894 г. р.). Под рук. имелась надпись: «11 октября 1916 г.». Это может быть датой сочинения баита. НА. Ф. 3. Д. 35. Т. 3. ЛЛ. 181—192. Опувл.: БНТ. 1978. С. 236—242.

35. В четырнадцатом году (Ун дүртенсе йылда). Зап. в 1970 г. студенткой БГУ Р. Галеевой в дер. Кашкарово Зилаирского р-на от

Фатимы Баймуратовой (1888 г. р.) (ФФ БГУ). Материалы фольклорной экспедиции 1970 г. ЛЛ. 109—111. Опул.: БНТ. 1978. С. 252—253.

36. Голос окопа (Окоп тауышы). Обнаружен в 1974 г. участниками 2-й археографической экспедиции. Транскрипция с арабского осуществлена Г. Б. Хусаиновым. РФ. МАЭ. 1974. Л. 583. Опул.: БНТ. 1978. С. 253—254.

37. Байт Мухаметсалима (Мөхәммәтсәлим бәйете). В 30-е годы машинописный материал на латинской графике был передан в ИЯЛИ. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 260. ЛЛ. 4—58.

Сведений о том, кто был автором байта и кто его переделал, нет. Лишь в пояснении к одному из слов стоят инициалы: «Г. А.». Можно предположить, что переписчиком является Габдулла Амантай, тогдашний директор института, руководитель фольклорных и других экспедиций. В начале байта написано: «Взяты в сокращенном виде из байтов Мухаметгалима Кильдиярова». Из контекста произведения выясняется, что М. Кильдияров был жителем Белебеевского уезда Демского бассейна.

Эти записи, озаглавленные как «Байты германской войны», в сущности составляют единый цикл. В первую часть входят байты, написанные, как выясняется из содержания, солдатом Мухаметсалимом в разное время и в разных условиях военного времени. По стилю изложения и поэтической форме (размерам) они отличаются друг от друга и самим М. Кильдияровым называются то «мунажат», то «робаги», то «байт». В сущности же все они являются байтами.

Шестой и последующие байты относятся ко второй части. Как считают составители тома БНТ. 1978 М. М. Сагитов и Н. Д. Шункаров, они могут быть сочинениями других авторов или же сводом, состоящим из наиболее популярных военных байтов.

Опул. в сокращенном виде в кн. БНТ. 1954; полностью в книге БНТ. 1978.

Вариант:

Байты германской войны (Герман һуғышы бәйеттәре). Обнаружен среди рукописных книг участниками 2-й археографической экспедиции РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1973. Л. 333.

38. Байт Гинията Киекбаева (Гиниәт Кейекбаев бәйете). Зап. в 1946 г. Ю. Г. Киекбаевым в дер. Каран-Елга Гафурийского р-на от Киекбаева Гинията Загитовича (1884—1965). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 11—15.

Ю. Г. Киекбаев о своем отце Гинияте Загитовиче пишет следующее: «Он в 1907 году был призван в действительную армию. Вернулся со службы в 1910 году в чине бомбардира. В 1914 году был отправлен на фронт. Грамотный, умеет писать и читать. По его словам, в детстве 2 года учился вместе с М. Гафури в Больше-Утяшевском медресе, затем обучался в дер. Арметово (Макаровский р-н) у Хабибнажархазрета.

В том куплете, где сказано:

Рекрутов согнали в город —
Где смута, кутерьма и голод.
Плачут многие тут в голос...
Ах, куда тут деться, алла? —

речь, видимо, идет о бунте, прошедшем в 1914 году в Стерлитамаке среди рекрутов. Тогда рекруты грабили промтоварные и винные магазины (казенные склады) и, напившись, устраивали дебоши.

У Гинията Киекбаева был сын Габдельгафур, родившийся в 1913 году. Впоследствии он погиб на финской войне 1939—1940 гг. Отсюда можно предположить (в баите есть обращение к Габдельгафuru — Б. Б.), что баит сочинен самим Гиниятом Киекбаевым.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 242—244.

39. Баит Сальмана Нураева (Сәлмән Нураев бәйете). Переписан в 1973 г. Кадимом Аралбаевым в дер. Сабырово Зилаирского р-на из рукописной книги под названием «Мунажаты и солдатские баиты, принадлежащие жителю этой деревни Туляшеву Гатаулле Габдрашитовичу». Рук. была написана на арабском языке и состояла из 56 листов. Автором-составителем являлся урж. нынешнего Хайбуллинского р-на, участник первой империалистической войны Шарифьян Гибадуллоевич Кунакасов. Книга хранилась в семье Кунакасовых как семейная реликвия, затем перешла к Г. Туляшеву, имевшему родственные отношения с той семьей. Рук. состояла из 26 баитов, мунажатов и песен.

В рук. баит назван «Мунажатом Салимьяна Нураева». Как прослеживается из содержания, он был участником русско-германской войны.

Опубл.: БНТ. С. 244—245.

40. Баит солдата-воина (Яугир һалдат бәйете). Зап. в 1964 г. в дер. Верхний Муйнак Зианчуринского р-на от Хамидуллина Ахметгали Гайсиевича (1894 г. р.). НА. Ф. 3. Д. 35. ЛЛ. 171—180.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 246—251.

41. Баит запасного солдата Габидуллы (Запасной Ғәбизулла һалдат бәйете). Переписан К. Аралбаевым в 1973 г. в дер. Сабырово Зилаирского р-на из рукописной книги, хранившейся у Туляшева Гатауллы Габдрашитовича (см. коммент. к баиту 39).

Опубл.: БНТ. 1978. С. 251—252.

¹ Турат — дер. и река в Хайбуллинском р-не.

42. Баит Сабитуллы (Сабитулла бәйете). Зап. в дер. Новое Мусатово Бурзянского р-на от Уразаевой Марзии (1877 г. р.). М. Уразаева посвятила свой баит невернувшемуся с германской войны сыну Сабитулле (личный архив М. М. Сагитова).

Публикуется впервые.

¹ Павловка — сборный пункт рекрутов в нынешнем Нуримановском р-не.

² Бадал (Базал) — гора в Бурзянском р-не.

43. Баит сирот (Етемдәр бәйете). Зап. в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Верхний Муйнак Зианчуринаского р-на от Хамидуллина Ахметгали Гайсиевича (1894 г. р.). НА. Ф. 3. Д. 35. ЛЛ. 193—201. Опубл.: БНТ. 1978. С. 254—258.

¹ Лукман Хаким — ближайший помощник Яфеса в мусульманской мифологии. У народов востока и тюркских народов — известный врачеватель, ясновидец.

² В рук. стоит лишь заглавная буква «Г».

Варианты:

Имеется свыше 30 вариантов. Ареалы распространения: Архангельский р-н (ФФ БГУ. 1962. ЛЛ. 397—399), Салаватский (ФФ БГУ. 1963. Т. 1. ЛЛ. 262—268), Илишевский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 113—143), Зианчуринаский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 35—37), Стерлитамакский (ФФ БГУ. Т. 1. ЛЛ. 287—288), Альшеевский (ФФ БГУ. 1965), Ишимбайский (НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. ЛЛ. 291—301), Зилаирский (ФФ БГУ. 1970. ЛЛ. 35—36), Белебеевский (ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 338—342), Туймазинский (НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 61. Л. 190), Кармаскалинский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 120—122), Чекмагушевский (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 260. ЛЛ. 54—55), Прелюбский р-н Саратовская обл. (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 6. Л. 106), Челябинская обл., Кунашакский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. Л. 236) и пр.

VI. Царская солдатчина

44. Баит солдата Габдельгазиза (Ғәбделғәзиз һалдат бәйете). Переписан с рук. и отпечатан на машинке. Паспортные данные отсутствуют. В конце рук. имелась надпись «1899 г., 17 марта». Видимо, это дата переписки баита. По содержанию же прослеживается, что он сочинен в 1849 году жителем дер. Юрмаш нынешнего Кугарчинского р-на, 23-летним Габдельгазизом. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 308. ЛЛ. 396—397. Опубл.: БНТ. 1978. С. 103—105.

¹ Юрмаш — река и дер. в Кугарчинском р-не. Дер. под таким же названием имеются и в Гафурийском, Мелеузовском, Нуримановском р-нах.

45. Солдатский баит (Һалдат бәйете). Зап. в 1893—1894 гг. С. Г. Рыбаковым и включен в сборник «Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта», опубликованный им в 1897 году (Спб. С. 55—57. 1, 2 примеры). Вместе с русским переводом С. Г. Рыбаковой дается и оригинал на баш. яз.

Опубл. в сокращенном виде в книге БНТ. 1954. С. 113—114; полностью в БНТ. 1978. С. 105—107.

¹ По исламскому верованию, судьба каждого человека predetermined богам задолго до его рождения.

46. Солдатский мунажат (Ҡалдат мөнәжәте). Сочинен в 1919 г. жителем дер. Турумбет Аургазинского р-на Смаковым Валижаном Габбасовичем, о чем свидетельствует запись в конце байта. Кем записан или переписан — неизвестно. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 43. ЛЛ. 23—24. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 109—110

Произведение названо мунажатом, однако по содержанию, стилю изложения оно тяготеет к байту.

47. Фи мунажат, фи байт (Фи мөнәжәт, фи бәйет). Передан в ИИЯЛ в 1966 г. журналистом Сурагуловым Рахметом Лутфулловичем, проживающим в г. Москве. Когда, где и от кого записан — сведений нет. В конце байта имеется запись: «Переписал полностью как есть. Р. Сурагулов». Отсюда можно предположить, что байт был переписан с какой-то рукописи. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 78. ЛЛ. 6—12. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 110—114.

¹ Фи мунажат, фи байт — то мунажат, то байт.

48. Байт привета (Сәләм бәйете). Зап. в 1968 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Хазиново Ишимбайского р-на от Ахметовой Тайбы (1893 г.р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. ЛЛ. 274—275. Оpubл.: БНТ. 1970.

¹ Урек — река в Ишимбайском р-не.

² Сайран — дер. в том же р-не.

49. Байт солдата Бахтияра (Бәхтиәр Ҡалдат бәйете). Зап. Гибаем Хамитовым от Бахтияра Ташбулатова. Где и когда — не указано. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 129—134.

В начале байта имеется запись следующего содержания: «Записано от Бахтияра Ташбулатова, служившего в 1884 г. в царской армии на Дону. В байте он рассказывает о своих нуждах, о трудностях царской солдатчины для народа».

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 114—115.

¹ Жайский — казачья станица на Дону (*коммент. информатора*).

VII. Доля каторжан

50. Байт Буранбая (Буранбай бәйете). Зап. в 1958 г. С. Ф. Миржановой в дер. Буранбаево Баймакского р-на от Буранбаева Абдуллы Бахтигареевича (1896 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 23. Д. 5. ЛЛ. 232—233. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 58—59.

¹ Буранбай Котосов и Ибрагим Айсуаков в начале XIX века служили юртовыми старшинами 6-го кантона (нынешний Баймакский р-н, дер. Старый Сибай) (ЦГА. Ф. 100. Оп. I. Д. 16. ЛЛ. 101—113). Они защищали интересы простого народа, за что были арестованы правительственными властями и сосланы в Сибирь. По этому поводу народ сложил о них песни и байты.

² Кибладин, кибла — юго-восток, где расположен священный город мусульман — Мекка.

³ Сакмар — река на юге Башкортостана.

VIII. Гражданская война

51. Баит комиссара Шарафа (Комиссар Шәрәф бәйте). Зап. в 60-е гг. Киреем Мэргэном (фольклорист А. Н. Киреев) в дер. Кышлау-Елга, Базачатово, Тульгузбаш Аскинского р-на и включен как образец в статью «Развитие жанра баит в современных условиях» в кн. «Башкирская советская литература и вопросы народного творчества» на башк. яз. Уфа. 1968. С. 204—205.

В коммент. к баиту Кирей Мэргэн пишет, что Шараф Узмешев, чьим именем назван баит, после гражданской войны в Аскинском р-не и приграничных Башкортостану р-нах Пермской обл., служил прокомиссаром и был расстрелян белыми. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 35.

¹ Тюинск — поселок в нынешнем Шуге, Озерском р-не Пермской области. До революции и в годы гражданской войны был волостным центром.

² Кышлау-Елга — дер. в Аскинском р-не.

52. Фатиха (Фатиха). Зап. в 1957 г. Г. Шаяхметовым в дер. Саитбаба Гафурийского р-на от Юнира Утяганова (1938 г. р.). ФФ БГУ. № 62. ЛЛ. 321—323. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 35—38.

^{1, 2} Нигматъян, Ахмади — богачи дер. Каран-Елга нынешнего Гафурийского р-на (*коммент. информатора*).

^{3, 4} Каран-Елга, Сосновка — дер. в Гафурийском р-не.

⁵ Мендем — речка в Гафурийском р-не.

⁶ Мельсен — командир отряда белых, прибывших из Ростова, унтер-офицер (*коммент. информатора*).

53. Баит о Гражданской войне (Граждандар һуғышы бәйте). Зап. в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Ташлы Альшеевского р-на от Шарипова Хамбала Хайрулловича (1926 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 1. ЛЛ. 22—48. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 39—57.

54. Баит о пяти партизанах (Биш партизан бәйте). Зап. в 1948 г. Х. Канзафаровым в дер. Дюмеево Илишевского р-на от Мунира Казыханова, Гинията Галиева и др. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 22—48.

В коммент. к баиту Х. Канзафаров пишет следующее: «Баит рассказывает о трагическом событии, происшедшем в дер. Дюмеево Илишевского р-на, когда деревенскими баями были зверски замучены и захоронены заживо трое из города, прибывшие организовать красную гвардию, и двое сельчан Шамсия и Сабир. После гибели партизан в деревню прибывают красные. Они подвергают казни убийц партизан. Организаторы же убийства убегают к белым. Затем деревню занимают белые. Они избивают и убивают деревенскую бедноту. Эти события произошли в 1918 году, весной и осенью. В 1928 году коммунисты Галиев Ганият и Баязитова Асма перенесли останки погибших с места расстрела из оврага, называемого Узункуль, в село, и захоронили в центре. В их память колхозники назвали свой колхоз «Биш партизан» (Пятеро партизан). Этот баит сочинен после того случая. Я записал его от нескольких человек и привел в порядок».

Опубл. в сокр. виде в кн. БНТ. 1955. С. 188—190. Полностью: БНТ. 1981.

¹ Дюмей — дер. в Илишевском р-не.

55. Байт о шестидесяти двух партизанах (Алтмыш ике партизан бәйете). Зап. в 1950 г. Ханифом Сафиним в дер. Таймеево Салаватского р-на от Рахимы Зариповой. Из коммент. Х. Сафина следует, что Р. Зарипова — член КПСС с 1919 г., в годы гражданской войны — партизанка. В дер. Аркаул белыми были расстреляны 62 партизана. Сельчане похоронили их с почестями. Байт был сочинен по этому случаю. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 236. ЛЛ. 102—103.

Незначительными поправками впервые опубл. в кн. БНТ. 1955. С. 57—58. Перевод осуществлен по последнему изданию.

Этот же байт записан в 1977 г. З. Габбасовой в г. Учалы от того же информатора Р. Зариповой, переехавшей из Салаватского р-на, и опубл. в газ. «Совет Башкортостаны» (1977. 18 марта).

Здесь последние строфы чуть изменены.

56. Байт о тринадцати партизанах (Ун өс партизан бәйете). Зап. в 1960 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Юлдашево Люксембургского р-на Оренбургской обл. от Бусаевой Мастуры Минлегуловны (1900 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 5. ЛЛ. 22—23.

По сообщению информатора М. М. Дусаевой, байт сочинен Таисовой Минзагирой. Дусаева дает сведения о том, по какому случаю был сочинен байт: в 1918 году в дер. Юлдашево возвратившиеся из царской каторги Тахаутдин Дусаев а также житель этого села Хайбулла Чувашев и еще одиннадцать человек установили советскую власть. Однажды, когда эти тринадцать активистов-партизан возвращались из Бузулука, отряд белых, вызванных из Оренбурга Хафиз-муллой, захватил их и учинил над ними казнь. Информатор сообщает также имена партизан, расстрелянных возле дер. Юлдаш: Азнаев Рахматулла, Дусаевы Тахаутдин и Минлебай, Муллабаевы Ахмади, Магади, Тимербай, Чувашевы Хайбулла, Яныбербе, Якшигул, Салдиев Хисмат, Ишкулов Рахматулла, Дусаев Низам. Опубл.: БНТ. 1981. С. 58.

Вариант: БНТ. С. 58.

Бар. под названием «Партизанский байт» был записан С. А. Галиным в дер. Старое Гумерово Александровского р-на Оренбургской обл. от Алмабики Гайсиной (1960 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. Л. 230.

57. Байт о Бахтигарее (Бәхтигәрәй бәйете). Зап. в 1976 г. Г. Якуповой в Гафурийском р-не от З. Надршиной. НА. Ф. 3. Оп. 71. Д. 23. Л.1. Опубл.: БНТ. 1981. С. 59.

58. Байт о Гайнуае Насырове (Ғәйнуан Насыров бәйете). Переписан в 1979 г. Н. Д. Шункаровым из рукописной тетради Улямаева Кашафа Гильмитдиновича (1897 г. р.), жителя дер. Нижние Термы Чишминского р-на. НА. Ф. 3. Оп. 73. Д. 23. ЛЛ. 2—4.

По сообщению информатора, байт посвящен Гайнуану Насырову, урож. села Чишмы, погибшему в 1918 году от рук белых. Он также сообщил, что там же, за отказ служить в белых войсках, двадцать человек были подвержены казни в виде 25 ударов плетью, а затем расстреляны. Опубл.: БНТ. 1981. С. 59—61.

59. Байт о Фазыле (Фазыл бәйете). Зап. в 1928—1929 гг. поэтом С. Кудашем в дер. Таскаклы Московской волости Бирского кантона (ныне Дюртюлинский р-н) от учительницы З. Вахитовой. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 92—93.

Впервые опубл. в 1939 г. в ж. «Октябрь» (№4); далее он публикуется в школьных учебниках и в кн. БНТ. 1955. С.190—192; БНТ. 1981. С. 61—62.

¹ Таскак, Таскаклы — дер. в Чекмагушевском р-не.

60. Байт о Каюме (Кәйүм бәйете). Зап. в 1966 г. под названием «Байт» Н. Д. Шункаровым в дер. Тирякле Архангельского р-на от Сайды Багаутдиновой (1938 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 61. Д. 2. ЛЛ. 120—131.

По сообщению информатора, автором байта является жительница этой дер. Зулькагида Фазылова. Она сочинила байт по поводу трагической гибели своего сына Каюма. Комсомолец Каюм возвращался домой с выборов и по пути был схвачен бандитами и зверски убит. Опубл.: БНТ. 1981. С. 62—63.

¹ Басыу — речка, впадающая в Инзер.

² Архангельск — районный центр в Башкортостане.

61. Байт о Наджми (Нәжми бәйете). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. «Фольклорные материалы, собранные в разные годы». № 35. ЛЛ. 70—72. Опубл.: БНТ. С. 63—65.

¹ Старый Кайпан — дер. в Татышлинском р-не.

62. Байт о комсомольце (Комсомолец бәйете). Зап. в 1963 г. под названием «Байт о погибшем комсомольце» Киреем Мэргэном в дер. Аракаево Красноуфимского р-на Свердловской обл. от Сауии Сабитовой. НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. ЛЛ. 231—284. Опубл.: БНТ. 1981. С. 65—66.

63. Байт о Ягуде (Йәһүзә бәйете). Зап. в 1973 г. А. М. Сулеймановым в дер. Ялимбетово Абзелиловского р-на от Мухаметдиновой Гульюзум Бахтияровны (1906 г. р.). ФФ БГУ. №20. ЛЛ. 457—458.

По сообщению информатора, в 1922 г. пьяные бай дер. Кусимово насмерть избивают Ягуду Бахтияровича, бывшего красного партизана, активного участника борьбы за установление советской власти в этих местах. По случаю трагической смерти родного брата Ягуды, Г. Мухаметдинова сочиняет данный байт. Опубл.: БНТ. С. 66—67.

64. Дитя святое (Ғәзиз бәбкәм). Паспортных данных нет. ФФ БГУ. «Фольклорные материалы, собранные в разные годы». № 35. ЛЛ. 73—75. Опубл.: БНТ. 1981. С. 67—69.

65. Баит о Махмуте (Мәхмүт бәйете). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. «Фольклорные материалы, собранные в разные годы». № 35. ЛЛ. 73—75. Опувл.: БНТ. 1981. С. 69—70.

¹ Канышлы — дер. в Благоварском и Миякинском р-нах.

IX. Великая Отечественная война

66. Начало войны (Һуғыш бәйете). Зап. в 1963 г. под названием «Баит» С. А. Галиным в дер. Арсланово Ниязи-Петровского р-на Челябинской обл. от Каримова Гали (1928 г.р.). НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. Т. 2. ЛЛ. 164—165. Опувл.: БНТ. 1981. С. 70—71.

67. На берегах Волги (Волга ярзарында). Зап. в 1948 г. писателями Шакиром Насыровым и Шарифом Биккулом в дер. Саитбаба Гафурийского р-на от Гималетдина Фахретдинова.

Впервые опубл. под названием «Под Сталинградом» в кн. БНТ. 1955. С. 199—202. Далее: БНТ. 1981. С.71—74.

¹ Раевка, Чишма — станция и районный центр в Башкортостане.

68. Из аула ушли, до Берлина дошли (Ауылдан киттек, Берлинга еттек). Зап. в 1946 г. Х. Канзафаровым от Ш. Хазиева (1911 г. р.).

Х. Канзафаров сообщает о том, что информатор Ш. Хазиев, колхозник колхоза им. Ленина, является участником штурма Кеннигсберга и Берлина, награжден боевыми орденами, имеет ранения. Место проживания информатора не указано. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 208. ЛЛ. 196—225.

В баите описываются события исторической Ленинградской битвы и операций советских войск «Ржев—Вязьма», «Донбасс», «Берлин». Опувл.: БНТ. 1981. С. 74—89.

¹ Алкино — дер., расположенная недалеко от Уфы, сборный пункт солдат.

² Янаул — райцентр Янаульского р-на.

³ Илякшиде — дер. в Илишевском р-не.

⁴ Турбаслы — дер. в Благовещенском р-не.

⁵ Старо-Сурмат (Старосурметово) — дер. в Чекмагушевском р-не.

⁶ Старый Карыш (Старокарышево) — дер. в Балтачевском р-не.

69. Баит Нургали Нуридинона (Нургәле Нуридинов бәйете). Передан в архив ИИЯЛ в 1943 г. поэтом С. Кудашем. Баит был прислан ему с фронта солдатом Нургалием Нуридиновым. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 208. Опувл.: БНТ. 1981. С. 89—91.

70. Баит храброго офицера Файзуллы Каюмова (Батыр офицер Фәйзулла Кәйүмов бәйете). В конце 40-х гг. передан неким Ахметшиным писателю Гайнану Амири. Полных паспортных данных Ахметшина не имеется. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 208. ЛЛ. 30—31. Опувл.: БНТ. 1955. С. 213—214; БНТ. 1981. С. 91—92.

71. Баит Абубакира Галина (Әбүбәкер Галин бәйте). Зап. в 1966 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Тавакачево Архангельского р-на от Абубакира Галина (1896 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 1. ЛЛ. 198—199. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 99—101.

72. Баит войны (Һуғыш бәйте). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. №88. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 99—101.

¹ Давлеканово — город в Башкортостане.

² Здесь речь идет о фельдмаршале Паулюсе.

73. В Донских степях (Дон далаларында). Рук. баита найдена в конце 1943 г. писателем и военным журналистом Али Карнаем и опубл. в 1943 г. в газ. «Кызыл Башкортостан» (11 мая). Включен в сборник «Военный фольклор» (Сост. Кирей Мәргән. Уфа. Башкнигоиздат. 1944 г.). Далее опубл.: БНТ. 1955. С. 192—195; БНТ. 1981. С. 101—104. Баит включен в хрестоматию по башкирской литературе для средних школ. Как явствует из содержания, автором баита является красноармеец Якупов.

74. Баит Вильдана Искандарова (Вильдан Искәндәрөв бәйте). Переписан Киреем Мәргәнөм из тетради солдата Вильдана Искандарова и опубл. в сборнике «Военный фольклор» (Башгосиздат. Уфа. 1944. С. 8—10).

Оpubл.: БНТ. 1985. С. 211—213; БНТ. 1981. С. 106—107.

¹ Туймазы — город и районный центр в Башкортостане.

75. Баит Великой Отечественной войны (Бәйөк Ватан һуғышы бәйте). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. № 89. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 107—109.

76. Баит Зайлаги Мусина (Зәйләги Мусин бәйте). Зап. в 1959 г. Ильгамовой под названием «Военный баит» в дер. Халилово Абзелиловского р-на от участника Великой Отечественной войны Зайлаги Мусина. ФФ БГУ. № 40. Баиты. Л. 120. Оpubл.: БНТ. 1981. Л.109.

77. Форсирование Днепра (Днепрзы кискәндө). Передан в архив ИИЯЛ в 1979 г. участником Великой Отечественной войны Насировым Гайзуллой Шагивалеевичем (1902 г. р.), урож. дер. Аскарово Абзелиловского р-на. НА. Ф. 3. Оп. 73. Д. 23. ЛЛ. 5—8. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 110—112.

78. Взятие Берлина (Берлинды алганда). Передан в 1979 г. Г. Б. Хусаинову Г. Ш. Шакировым (см. коммент. к баиту 77). НА. Ф. 3. Оп. Д. 23. ЛЛ. 16—18.

Оpubл.: БНТ. 1981. С. 116—117.

79. Баит Юзюмбая (Йезөмбай бәйте). Переписан в 1972 г. М. Сагитовым из рукописной тетради Мурзагалиева Юзюмбая Мурзагалиевича (1894 г. р.), урож. дер. Аитова Миякинского р-на. НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 9. ЛЛ. 96—103.

Ю. М. Мурзагалеев — участник первой империалистической, гражданской и Великой Отечественной войн, сочинил этот баит в фронтовых условиях и переслал на родину письмом. После войны сочинил последние две строфы. Рук., написанная на арабской графике, хранилась у него.

Опубл.: БНТ. 1981. С.121—125.

¹ Армет (Армет Рахимово) — дер. в Ишимбайском р-не.

² Бакалы — село и райцентр в Башкортостане.

³ Уршак — дер. в Миякинском р-не.

80. Письмо-баит разведчика (Разведчик һалдаттың бәйет хаты).

Передан в 1979 г. Г. Ш. Насировым (см. коммент. к баиту 77) заведующему отделом литературы и фольклора ИИЯЛ Г. Б. Хусаинову. Рук. на арабской графике хранится у него. Опубл.: БНТ. 1981. С. 129—131.

¹ Абзелил — райцентр.

² Ахай — дер. в Абзелиловском р-не.

81. Баиты Хабибы Арслановой (Хәбибә Арысланова бәйет-тәре).

Зап. в 1943 г. писателем Б. Бикбаем в дер. Кинья Куюргазинского р-на от матери Героя Советского Союза Гафията Арсланова — Хабибы Арслановой. Она посвятила баит своим сыновьям Гафияту, павшему смертью храбрых в сражении за Брянск, и Зиннату, партизанившему в Брянских лесах и награжденному многими боевыми наградами. НА. Ф. 3. Оп. 12. ЛЛ. 93—96. Опубл.: БНТ. 1981. С. 135—137.

82. Отечественная война (Ватан һугышы).

Зап. в 1948 году Х. Канзафаровым в колхозе им. Ленина (дер. Новобалтачево) Чекмагушевского р-на от Хадисы Мулюковой (1883 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 127—130.

В конце баита приписано: «1941—1945 гг». Возможно, это даты создания баита.

Опубл.: БНТ. 1981. С. 138—141.

83. Баит о Рифкате Хафизове (Рифкәт Хафизов бәйете).

Зап. в 1966 г. историком Р. У. Кузеевым в Аргаяшском р-не Челябинской обл. от Хафизовой Гаян Зарифовны (1895 г. р.) и передан фольклористу М. М. Сагитову. По сообщению Р. У. Кузеева, этот баит сочинила сама Хафизова в честь погибшего на фронте сына — офицера Советской Армии Рифката Динмухаметовича Хафизова. Рифкат Хафизов, 1924 г. р., учился в Уфимской школе-интернате и оттуда ушел добровольцем на фронт. Получил офицерское звание. Участвовал в боях за Днепр и погиб в 1943 году.

Опубл.: БНТ. 1981. С. 141—143.

84. Священный сын мой (Ғәзиз балам).

Зап. в 1962 г. С. А. Галиным в дер. Хужино Аргаяшского р-на Челябинской обл. от Гайникамал Якуповой (1904 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. С. 237. Опубл.: БНТ. 1981. С. 145.

85. Баит о Бадретдине (Базретдин бәйете). Зап. в 1992 г. М. М. Сагитовым в дер. Маянган Альшеевского р-на от Сайфетдиновой Хадии Алтынгужевны (1895 г.р.). Х. А. Сайфетдинова посвятила свой баит мужу — Бадретдину Сайфетдинову, погибшему на фронтах Великой Отечественной войны. НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 9. ЛЛ. 116—117. Оpubл.: БНТ. 1981. С. 144—145.

Х. Афганская война

86. Афганский баит (Афган бәйете). Сочинен матерью погибшего в Афганистане воина Рима Сувакаева Нажией Сувакаевой из дер. Бала-Сатырманово Федоровского р-на. Баит опубл. в республиканской молодежной газ. «Йәшлек» от 22 февраля 1992 г. В сопроводительном письме к баиту сотрудник Федоровской районной газеты Н. Салишева сообщает, что Сувакаев до армии окончил десятилетку и учился в автошколе. Он погиб в самом начале Афганской войны. Его мать Нажия Сувакаева ныне живет одна. Ее горькие материнские чувства выражены в баите.

II. СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ БАИТЫ

I. Родители и дети

87. Баит Сака и Сока (Сак-Сук бәйете). Данный баит уже несколько веков бытует среди башкир и татар. Более 60 вар. баита хранятся в НА УНЦ РАН, в рукописном отделе ИИЯЛ, в фольклорном отделе БГУ, а также в кабинете фонозаписи Уфимской государственной академии искусств. В некоторых местах бытует в диалектном звучании как «һак менән һук бәйете», «һак һәм Сук бәйете» и т.п.

Предлагаемый текст баита зап. в 1968 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Новоаккулево Давлекановского р-на от Х. Валеевой (1909 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 1—4.

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 37—39.

Ареалы распространения вариантов:

Башкортостан — Альшеевский р-н (ФФ БГУ. 1967), Архангельский (НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 1. ЛЛ. 121—125; ФФ БГУ. 1962. Л. 405), Баймакский (ФФ БГУ. 1970. ЛЛ. 34—35), Белорецкий (ФФ БГУ. 1959. Т. 1. Л. 153), Бурзянский (НА. Ф. 3. Оп. 23. Д. 7. ЛЛ. 24—26; НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 5. ЛЛ. 167—168; ФФ БГУ. 1965. Т. 1. ЛЛ. 338—341), Давлекановский (НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 8. Л. 114; ФФ БГУ. 1971. ЛЛ. 183—184), Зианчуринский (ФФ БГУ. 1968. ЛЛ. 222—226; ФФ БГУ. 1969. ЛЛ. 103—105), Кугарчинский (НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 5—9), Куюргазинский (НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 62. ЛЛ. 141—149), Ишимбайский (НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. Т. 2. ЛЛ. 241—242, 279, 282—290), Миякинский (ФФ БГУ. 1971. ЛЛ. 141, 211—213), Салаватский (ФФ БГУ. 1964. Т. 1. Л. 153), Стерлибашевский (ФФ БГУ. 1965. Т. 1.

ЛЛ. 309—310), Стерлитамакский (ФФ БГУ. 1965. Т. 1. ЛЛ. 267—268, 307), Туймазинский (НА. Ф. 3. Оп. 61. ЛЛ. 206—209, 210—215, 216; ФФ БГУ. 1964. Т. 2. ЛЛ. 192—193), Хайбуллинский (ФФ БГУ. 1968. Л. 94); Куйбышевская обл., Алексеевский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 6. ЛЛ. 91—94; НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 5. ЛЛ. 28—29), Курганская обл., Альменский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 1. ЛЛ. 28—29), Оренбургская обл., Ново-Сергеевский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. ЛЛ. 184—185), Переволоцкий р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. ЛЛ. 225—227), Медногорский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 8. Л. 376), Пермская область, Ошинский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 6. ЛЛ. 94—96; НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 3. ЛЛ. 374—375), Челябинская обл., Аргаяшский р-н (ФФ БГУ. 1961. ЛЛ. 57—58), Республика Татарстан, Мензелинский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 6. Л. 86).

88. Баит о Наврузе (Науруз бәйете). Зап. в 1960 г. А. Н. Киреевым в дер. Мрясово Ново-Сергеевского р-на Оренбургской обл. от Минлекамал Бикташевой (1888 г. р.). В конце текста дан коммент.: «Баит, исполняемый под определенную мелодию шакирдами на весеннем празднике Навруз». НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. ЛЛ. 184—185.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 42—43.

89. Баит матери (Ана бәйете). Зап. в 1968 г. Т. Ягафаровой в дер. Большеабишево Хайбуллинского р-на от Бибикамал Аминовой. ФФ БГУ. 1968. Л. 91.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 326—329.

II. Дела житейские

90. Баит зимы (Кыш бәйете). Зап. в 1971 г. Раифом Фахретдиновым в дер. Канлы-Туркеево Бuzдякского р-на от Хуббунисы Масалимовой (1892 г. р.). ФФ БГУ. 1971. Л. 158.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 261.

91. Баит сена (Бесән бәйете). Зап. З. Уммати и опубл. им в сборнике «Песни, баиты башкир и татар». Уфа, 1909. С. 78. Паспортные данные отсутствуют.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 262.

Есть вар., записанный в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Блянтамак Медногорского р-на Оренбургской обл. в исполнении Яхьи Файрузовича Акмурзина (1895 г. р.). Он опубл. в газ. «Совет Башкортостаны» от 17 мая 1969 г.

92. Баит кумыса (Кымыз бәйете). Зап. в 1961 г. С. Г. Сафуановым в дер. Кунакбаево Прелюбского р-на Саратовской обл. от Гуляйши Байрамгуловой (1902 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 6. ЛЛ. 77—78.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 262—263.

¹ Камалек — левый приток Волги.

93. Байт о вреде чая (Сэй зыяны хакында бәйет). Оpubл. в кн. С. Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта». Спб., 1897. С. 58—59. образец № 6.

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 263—264.

94. Байт о пользе чая (Сэй файзаһы хакында бәйет). Оpubл. в кн. С. Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта». Спб., 1897. С. 59. образец № 7.

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 264.

«Байт о вреде чая», по мнению С. Г. Рыбакова, сочинен раньше, чем «Байт о пользе чая». Отсюда можно предположить, что в начальный период распространения чая среди башкир были люди, отрицательно относящиеся к данному новшеству. Видимо, второй байт сочинен как ответ-опровержение к сказанному в первом байте.

95. Байт чая (Сэй бәйете). Обнаружен в 1974 г. участником 3-й археографической экспедиции В. И. Ахмадеевым в дер. Канлы-Туркеево Буздякского р-на. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1973. Л. 87.

Из коммент., приведенного в конце текста, выясняется, что байт был переписан в 1900—1904 гг. из коллекции жителя дер. Канлы-Туркеево Габдрафика Балгузина.

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 265.

96. Байт о чае (Сэй бәйете). Зап. в 1960 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Аскароро Абзелиловского р-на от Мирхайдарова Мугаллима Шайхигаттаровича (1901—1974). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 27—28.

Оpubл.: БНТ. 1978. С. 265—266.

97. Байты о переписи (Перепись бәйете). Зап. юристом и журналистом из Илишевского р-на Шайхедом Вахитовым и опубл. им же в газ. «Совет Башкортостаны» (6 января 1970 г.). В статье коммент. к байту под названием «Страницы одной истории» Ш. Вахитов пишет: «Как известно, в 1897 г. по всей России была проведена перепись населения. К данному мероприятию народ не остался безразличным, так как результаты переписи использовались чиновниками тех времен для укрепления колониальной политики царизма. В связи с этим, среди населения возникали недовольства. Например, такие случаи наблюдались в деревнях Кадырово, Сенгряново, Исамеево, Лаяшты и Иштиряково. «Байт переписи» (другое название «Коль издал царь указ») сочинен людьми из вышеуказанных деревень.

Перепись начинается 27 января 1897 года. В качестве учетчика участвовал Шарафутдин Масалимов из деревни Иштиряково. После завершения работы он отнес материалы переписи в волостное село Коросево, в том числе и рукопись «Байт о переписи». Другой экземпляр данного байта был отправлен в Минзелинск.

В деревнях Илишевского района бытует несколько вариантов этого байта. Помню, среди записей сэсна Шайдуллы Шарифуллина и байтсе Альдама Мустафина хранились интересные варианты данного байта. Самым первым переписчиком байта был Масалимов, который

умер в 1949 году. Его имя в байте фигурирует как Салимов (чтобы не нарушить ритмический строй стиха. Кроме того, известно, что его предки носили фамилию Салимов)».

Вот как рассказывает о тех далеких событиях Афзалетдин Шарафутдинов — сын Шарафутдина Масалимова: «В конце января 1897 года была проведена перепись населения. Эта работа началась в деревне Иштиряково Коросевской волости Белебеевского уезда. В те времена недалеко от деревни Ахметово Коросевской волости жил бояр-земский, по указанию которого мой отец — Шарафутдин Масалимов провел перепись в деревне Иштиряково. Отец был прогрессивно настроенным человеком, владел русским языком, одновременно он разъяснял людям и о положительном значении переписи населения, так как с началом кампании ходили слухи о том, что якобы она проводится для соединения религий. Особенно в деревне Кадырово народ мешал работать переписчикам, поэтому в эти деревни прибыла «обзорная команда» (карательный отряд). Люди из «обзорной команды» издевались над народом как только могли: мародерствовали, насиловали женщин. Все же эта черная сила в деревне Иштиряково долго не задержалась, а двинулась дальше, в сторону деревень Яркеево и Асяново. Многократно исполняя этот байт, отец часто вспоминал о тех трагических историях, ужасных днях».

В книге «Байты» (Казань. 1960) фольклорист Х. Ярми опубликовал 15 куплетов этого байта. Но в коммент. он пишет: «Рождение байта нужно рассматривать как реакцию народа на произвол чиновников в дни переписи населения в 1897 г. Байт записан в 1937 г. М. Садрием в дер. Ново-Балтасово Актанышского р-на Татарской АССР». О происхождении байта Х. Ярми никаких сведений не дает. Каким путем оказалось это произведение в Актанышском р-не — пока нам не известно.

Писатель Хусни Карим включил в свою книгу «Разорванные приказы» (Казань. 1958. С. 39) исторический рассказ под названием «Учет населения». Это еще раз подтверждает, что байт имеет илишевское происхождение.

Дер. Кадырово и Сенгряново ныне входят в состав колхоза им. М. Горького, Иштиряково — им. Кирова, Лаяшты — им. М. Гафури.

«Я привожу байт, записанный в этих деревнях.» — заканчивает свою статью Ш. Вахитов.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 62—65.

¹ Корос (Коросево) — дер. в Бакалинском р-не.

² Кадыр (Кадырово) — дер. в Илишевском р-не.

³ Сенгряново — дер. в Илишевском р-не.

⁴ Асяново — дер. в Дюртюлинском р-не.

⁵ Лаяшты — дер. в Илишевском р-не.

⁶ Яркеево — дер. в Илишевском р-не.

98. Байт переписи (Перепись бәйете). Вариант зап. в 1945 г. Х. Канзафаровым в дер. Верхнее Мансарово Илишевского р-на от Мугалимы Миргазовой. В начале байта идет следующий текст:

«В 1897 г. проводилась перепись населения. Она вызвала протест населения д. Сенгряново, за что вызвали «обжорную команду». По следам этого факта и сочинен байт». НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 36—38.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 65—69.

99. Байт школы (Школ бәйте). Зап. в 20-е гг. Мукимом Рахматуллин (1896 г.р.) в дер. Юлдыбаево Зилаирского р-на от Юнуса Бикбаева и еще одного старика (о нем нет сведений), в 1971 году М. Рахматуллин присылает этот байт и некоторые коммент. к нему учителю-пенсионеру из дер. Максютово Кугарчинского р-на — Г. А. Бишеву. В свою очередь Бишев в 1973 году отправляет эту рук. в ИИЯЛ. НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 43—51.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 69—74.

Как говорится в коммент. М. Рахматуллина, «Байт школы» сочинен башкирами, живущими на территории нынешнего Кувандыкского р-на Оренбургской области. События, описываемые в байте, относятся к середине XIX века. Тогда в Кувандыкских краях жил очень ловкий, проворный человек по имени Идрис Актаев. Проработав у Ибрагим-бая, он накопил некую сумму денег, съездил в Мекку и стал хаджой. После возвращения Идриса-хаджи (так называли людей, которые совершали паломничество в Мекку — родину ислама) выбрали старшиной. Идрис-старшина, собрав денег у населения, открывает русско-башкирские школы. Некоторым людям эта деятельность Идриса-хаджи не нравилась. Один из тех, кто был ярым сторонником религиозно-схоластического метода обучения (кадими), выступает против Актаева, сочиняет критический байт. Здесь, естественно, нельзя не заметить ограниченность автора байта в социально-культурных вопросах, однако заслуживает внимание его смелость и прямота. Так, например, байтсе обличает старшину во взяточничестве и скупости, а также в том, что он обманным путем отбирает земли у народа и обогащается за счет их продажи.

В середине XIX века в Башкортостане начали открываться русско-башкирские школы. Так, например, такие школы открылись в 1859 г. в селах Сайткулово, Исянгулово, относящихся к 9-му кантону. Позднее начали работать школы в деревне Идельбаево (нынешний Кувандыкский р-н Оренбургской области) и в других местах. В байте речь идет об этой Идельбаевской русско-башкирской школе. В то время участился насильственный захват башкирских земель. Протест против такой колониальной политики — один из основных мотивов байта.

¹ До Октябрьской революции, для решения злободневных вопросов, несколько деревенских общин выбирали своих представителей на сход. Они обсуждали вопросы купли-продажи земель, строительства, налогов, разрешали различные споры и т. д. В байте речь идет о таких выборных людях.

² Во второй половине XIX века Юлбарыс Куватов состоял старшиной в кантоне. По утверждению М. Рахматуллина, он был родом из дер. Куватово, расположенной вдоль реки Касмарт (ныне Кувандык-

ский р-н Оренбургской области). Его внук Гумер Мухаметгареевич Куватов был первым доктором медицины среди башкир и первым министром здравоохранения БАССР (умер в 1951 году).

³ Рысай — название дер. в Кувандыкском р-не Оренбургской области.

⁴ Стамбул — город в Турции.

⁵ Медина — город в Саудовской Аравии.

⁶ Курач — название дер. в Кувандыкском р-не Оренбургской области.

100. Баит Акмуллы (Акмулла бәйете). Зап. Р. Зариповым в 1978 г. от Хамидуллы Юмакаева, урож. дер. Юсупово Мечетлинского р-на. Рук. передана Зариповым руководителю АЭ ИИЯЛ Г. Хусанову в 1973 году. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1978. ЛЛ. 581—582.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 74.

¹ Троицк — город в Челябинской области.

² В рук. строчка пропущена.

101. Баит покаяния (Үкенес бәйете). Один из вар. баита Акмуллы. Зап. в 1967 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Каратавлы Салаватского р-на от Насибуллы Фахриева (1880 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 75—76.

¹ Ай — река на северо-западе Башкортостана.

III. Родной край

102. Эй, мой Урал (Эй, Уралым). Зап. в 1972 г. Ф. А. Надршиной в дер. Турумбетово Аургазинского р-на от Хабибуллиной Миниямал Хайбулловны (1901 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 9. ЛЛ. 118—120.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 79—80.

М. Хабибуллина называет этот баит «башкирским сказом». Она дает следующий коммент.: «Я переписала этот сказ из рукописной тетради бабушки Малифы, жительницы Оренбурга. Однако не она сочинила его — сказ в письменном виде существовал издавна».

«Урал» — широко распространенный баит. Он бытует как в письменной, так и в устной формах. Автором считают известного сэсна-сказителя Шафика Аминова (1858—1936) из дер. Абдельгази Абзелиловского р-на. Однако в некоторых р-нах существует тенденция приписывания авторства своему местному сэсну. Так, в Бурзянском р-не сочинителем этого баита считают сэсна Сабирьяна Мухаметкулова (1880—1934).

¹ «Тафтиляу», «Ашкадар» — башкирские народные песни.

103. Урал (Урал). Переписан в 1968 г. Н. Т. Зариповым в дер. Арметово Ишимбайского р-на из рукописной тетради писателя И. Гизатуллина. В свое время баит был переписан И. Гизатуллиным из тетради Даутова Мухамедуллы Ахмадулловича, урож. дер. Исякаево

того же р-на (см. коммент. к байту 4). В рук. отмечено, что его спел один старик-башкир. НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 36. ЛЛ. 148—149.

Опубл.: ж. «Агидель». №8. 1972. С. 126; БНТ. 1978. С. 80.

Варианты:

а) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1958 г. М. М. Сагитовым в дер. Кипчак Бурзянского р-на от Назаргулова Кирама (1886 г. р.). ФФ БГУ. «Материалы, собранные в разные годы». 1958. ЛЛ. 134—135.

б) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1964 г. В. Салиховым в дер. Абдельгази Абзеллиловского р-на от Валеева Салиха (1898 г. р.). ФФ БГУ. Т. 2. ЛЛ. 180—181.

Данный байт отличается лишь одной строфой, восхваляющей красоту Урала.

в) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Белявтамак Медногорского р-на Оренбургской обл. от известного певца Акмурзина Яхьи Файрузовича (1890 г. р.). Магнитофонная запись хранится в кабинете фонозаписи ИИЯЛ, инв. №1/1504.

г) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1964 г. А. Сабанбаевым в дер. Суваняк Баймакского р-на от Ишмуратова Абубакира. ФФ БГУ. 1964. Т. 2. Л. 170.

д) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1965 г. Р. Шагимардановым в дер. Брэтэк Бурзянского р-на от Халитовой Сажиды. ФФ БГУ. 1965. Т. 1. Л. 342.

е) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1968 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Гумерово Ишимбайского р-на от Ильясова Минигали Гайсовича (1899 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. Л. 281.

ж) Байт, посвященный Уралу (Уралга сыккан бәйет). Зап. в 1968 г. Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. 1968. ЛЛ. 85—86.

з) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1968 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Макарово Ишимбайского р-на от Асылбаева Фитрата Салиховича (1910 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. ЛЛ. 302—303.

и) Байт об Урале-Ирендьке (Урал-Ирәндек бәйете). Зап. в 1971 г. М. М. Сагитовым в дер. Старо-Субхангулово Бурзянского р-на от Мансура Саитбатталова (1909 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 5. Л. 173.

к) Байт об Урале (Урал бәйете). Зап. в 1971 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Аскароро Бурзянского р-на от Самата Гибадуллина (1940 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 5. Л. 176.

104. Прекрасный Уйзюряк (Моңло Өйзөрәк). Зап. в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Белявтамак Медногорского р-на Оренбургской обл. от Яхьи Акмурзина (1895 г.р.). Хранится в фондах кабинета фонозаписи ИИЯЛ УНЦ РАН. Инв. кн. 1. № 1458.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 83—84.

Этот популярный байт впервые увидел свет в сборнике Зыи Уммати «Песни, байты башкир и тептярей» в 1909 г. в г. Уфе. Есть сообщение о том, что башкиры в свое время вынуждены были продавать побережье реки Уйзюряк, а потом переживали, с тоской вспоминая свою чудесную реку.

¹ Уйзюряк — Удряк, река в Чишминском и Благоварском р-нах.

105. Берега Юрмыя (Юрмый буйы). Зап. в 1967 г. М. М. Сагитовым от урж. дер. Янги-Турмуш Давлекановского р-на Султана Касимова (1902 г. р.). НА. Ф. 3. Д. 42. ЛЛ. 20.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 84—85.

С. С. Касимов сообщает, что в былые времена долины реки Юрмыя, принадлежащие башкирам племени Кара-Табын, были захвачены и переданы пришлым людям. Таким образом, кара-табынцы, потеряв права асабы (собственника на землю), оказались этэмбэй (безземельными). Они сочинили о своем горе этот баит.

Баит «Берега Юрмыя» по своей форме и по содержанию похож на баит «Прекрасный Уйзюряк». Вообще, в репертуаре демских башкир часто встречаются баиты, исполняемые под мотив баита «Берега Юрмыя», но в разных местах реки указываются по-разному. Например, «Долины Кызыла» является таким баитом. Зап. в 1972 г. Ф. А. Надршиной в дер. Турумбет Аургазинского р-на от Миниямал Хабибуллиной (1901 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 8. Л. 115.

¹ Юрмый — правый приток Чермасана в Буздякском р-не.

106. Баит о реке Билегуш (Билегош буйы бэйете). Зап. в 1960 г. А. Зайнуллиным в дер. Алибаево Зианчуринского р-на от Абдуллы Ишмухаметова (1873 г. р.). ФФ БГУ. 1960. С. 257.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 86—87.

¹ Билегуш (Билегош) — левый приток реки Эйек (Большой Ик) в Зианчуринском р-не.

² Касмарка (Касмарт) — правый приток реки Сакмары в Южной Башкирии.

³ Аселе (Эселе) — левый приток реки Эйек в Зианчуринском р-не.

⁴ Ссяккле (Сәсәкле) — название реки в Южной Башкирии.

107. Земля уплывает (Ер бөгә). Баит сочинил Зайнулла Рахматуллин из дер. Турумбетово Аургазинского р-на. Он в свое время закончил медресе в Троицке, был прогрессивно настроенным, образованным человеком, преподавателем медресе. Умер в 1912 году. В НА ИИЯЛ хранятся рукописные материалы В. Г. Смакова из дер. Мурадымово того же р-на. «Земля уплывает» и другие баиты З. Рахматуллина хранятся среди рукописных материалов В. Г. Смакова. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 43. ЛЛ. 108—110.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 87—88.

¹ Кизил — левый приток Уршака в Альшеевском р-не.

108. Баит о продаже земли (Ер һатыу бэйете). Паспортные данные отсутствуют.

Опубл.: БНТ. 1954. С. 107—108; БНТ. С. 88—89.

109. Баит земли (Ер бэйете). Зап. в 1963 г. У. Галиным в дер. Абзаково Белорецкого р-на от Ибрагима Разина. ФФ БГУ. 1965. Т. 1. ЛЛ. 332—335.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 89—91.

¹ Туяляс — речка, правый приток Урала, протекающая через Баймакский и Хайбуллинский р-ны.

² Ирэндик — горный хребет, один из южных отрогов Уральских гор.

³ Ахмар — дер. Ахмерово в Баймакском р-не.

⁴ Мукасовцы — жители дер. Мукасово Баймакского р-на.

⁵ Сомтар-Узяк — название проданной местности.

110. Братья, не продавайте землю! (Эй, кәрэштәр, ер һатмағыз!) Паспортных данных нет. В конце рук. отмечено, что автором байта является учитель из дер. Турумбетово Аургазинского р-на Зайнулла Рахматуллин, и поставлены инициалы: «Г. А.». НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 43. ЛЛ. 74—75.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 95—96.

111. Удельный байт (Удель бәйете). В 1973 г. Г. Б. Хусаинов переписал из рук. Н. Муратова, урож. дер. Имянкулево Чекмагушевского р-на. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1978. ЛЛ. 577—579.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 96—98.

Историю данного байта Н. Муратов описывает так: «По указу от 9 ноября 1906 г. и от 10 июня 1910 г. тем крестьянам, у кого есть «душевный надел» (каждый мужчина-крестьянин имел наделенную ему землю и, приобретая себе участок, мог отделиться от других. У кого был земельный участок, их называли «удельными», а не имеющих — «рождонами»). В ЦТА БАССР Н. Муратов нашел документ, имеющий отношение к этим земельным событиям (Ф. 351. Оп. 1. Д. 901). Там указано, что на 2409 дес. земель, выделенные в 1900 г., претендовало 308 мужчин-рождонов. В течение 1907—1910 гг. они многократно и настойчиво ходатайствовали, но их просьбы не были удовлетворены. Данный байт является плодом коллективного творчества безземельных шакирдов, живущих по реке Куваш нынешнего Чекмагушевского р-на.

¹ Зирек (Ерек) — река в западной Башкирии.

² Куваш (Кеүәш) — река, правый приток Белой в Чекмагушевском р-не.

³ Рождун — так называли башкиры людей, претендовавших на дополнительный участок земли по поводу рождения сына.

⁴ Отруб — участок земли, отрезанной из общей земельной площади, или «надел».

112. Байт о Карагай-Узяке (Карагай үзәк бәйете). Зап. в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в дер. 2-е Иткулово Баймакского р-на от Шахаргазая Габдиева (1895—1970). НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 42. ЛЛ. 21—24.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 98—101.

В конце байта Ш. Габдиев пишет: «В 1911 г. подхалимы дер. Верхне-Яикбаево Баймакского р-на продали почти даром русским пришельцам прекрасные места летовки скота, называемые Карагай-Узяк. Судебная тяжба между подкупленными и пришлыми людьми с одной стороны и бедняками — с другой, продолжалась несколько лет. Сейчас на этих местах, т. е. на Карагай-Узяке, расположена русская дер. Бекешево.

¹ Абдулов — старшина тех времен (*коммент. информатора*).

² Камиль — староста деревни (*коммент. информатора*).

³ Сакмар — река в Баймакском и Хайбуллинском р-нах.

113. Баит о продаже Сальютской земли (Галйот ерзэрен хатыу бэйете). Зап. в 1962 г. А. Н. Киреевым в дер. Кунакбаево Кунашакского р-на Челябинской обл. от Мафтухи Валеевой (1884 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 9. Л. 228.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 101.

Представители рода Сальют (Галйот) от имени населения восемнадцати деревень выказывают свою обиду сородичам за то, что те дали себя обмануть людям наподобие Салихьяна, и передают свое возмущение в форме баита. Салихьян же является посредником в деле купли-продажи земли между односельчанами и скупщиками.

114. Плач детей, чьи родители продавали землю (Аталары ер хаткан балалар зары). Баит хранится в рукописной папке под названием «Документы исторических событий и баиты». НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 308. Л. 374.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 101—102.

IV. Женская доля

115. Семь девушек (Ете кыз). Зап. студенткой БГУ Г. М. Якуповой в дер. Сайтбаба Гафурийского р-на от 63-летней Рахимы Сатлыкковой. ФФ БГУ. 1976. С. 195.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 286.

¹ Мандем — река в Гафурийском р-не.

116. Баит семи девушек (Ете кыз бэйете). Зап. Сабиром Ансаровым в дер. Старокиешкино Кармаскалинского р-на от Асии Маннановой (1923 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 260. ЛЛ. 56—57.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 291.

117. Женский баит (Кыззар бэйете). Паспортные данные отсутствуют. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 586—589.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 291.

118. Баит просвещенной девушки (Филем кыз бэйете). Паспортные данные отсутствуют. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 590—591.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 590—591.

119. Баит Гайши (Гэйшэ бэйете). Паспортные данные отсутствуют. Текст, написанный на двух страницах арабским шрифтом, хранится в НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 30. Д. 5.

Текст неполный. В начальной странице рук. сохранилось письмо шакирда Мухаметхалима Емасова, где он просит родителей прислать продукты. Отсюда следует, что баит записан или переписан им.

Опубл. в кн. А. Харисова «Эпическое наследие башкирского народа» (на башк. яз.). Уфа, 1965. БНТ. 1959. С.145—146; БНТ. 1978. С. 294—296.

Варианты:

Известно более 15 вар., имеющих разные названия: «Баит Гайши», «Баит Гайшакая», «Баит об утонувшей невесте», «Девушка Гайша», «Баит о красавице Гайше» и пр.

Ареалы распространения:

Татышлинский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. Л. 79), Кигинский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 236. ЛЛ. 195—207; там же. Л. 107), Гафуринский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 30; ФФ БГУ. 1959. Т.1. ЛЛ. 145—147), Баймакский р-н (ФФ БГУ. 1959. Т.1. ЛЛ. 160—161), Зианчуринский р-н (ФФ БГУ. 1960. ЛЛ. 232—233), Давлекановский р-н (ФФ БГУ. 1960. Т.1. ЛЛ. 246—248), Бурзянский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 23. Д. 7. Л. 21), Стерлитамакский р-н (ФФ БГУ. 1965. Т. 1. Л. 265), Куюргазинский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 63. Д. 62. ЛЛ. 155—157), Курганская обл., Сафакульский р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 7. Л. 30), Оренбургская обл., Переволоцкий р-н (НА. Ф. 3. Оп. 21. Д. 3. ЛЛ. 214—215) и др.

120. Баит девушки, проданной за скот (Малга һатылған кыз бәйете). Рук. сдана в архив УНЦ РАН Г. Усмановым, жителем дер. Старогумерово Кушнаренковского р-на (1875 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 272. ЛЛ. 131—134.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 298—303.

121. Баит красавицы Сагиды (Сәғизә матур бәйете). Зап. в 1970 г. в дер. Сабырово Зилаирского р-на от Мухибы Байгужиной (кем — неизвестно). ФФ БГУ. 1970. ЛЛ. 107—108.

Опубл.: БНТ. 1978. ЛЛ. 107—108.

¹ Урген, Ургинка — река, лев. приток Большого Ика в Кугарчинском, Зианчуринском р-нах.

² Байдавлетово — дер. в Зианчуринском р-не.

122. Грустная женщина Бибигайша (Моңло катын Бибигәйшә). Зап. в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Ташлы Альшеевского р-на от Миниахмета Шункарова (1884 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 34. Т. 2. ЛЛ. 15—26. Опубл.: БНТ. 1978. С. 304—316.

¹ Озеро Кабан — озеро в Оренбургской обл.

Варианты:

а) Баит Бибигайши (Бибигәйшә бәйете). Переписан в 1948 г. Х. Канзафаровым в дер. Верхнее Мансарово Илишевского р-на из тетради Мугалимы Миргазовой. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 41—44.

б) Баит соперницы (Көндәш бәйете). Зап. в 1963 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Аркаево Переволоцкого р-на Оренбургской обл. от Сувангуловой Тайбы Аюповны (1903 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. ЛЛ. 185—188.

в) Баит Бибилайши (Бибиғәйшә бәйете). Зап. в 1948 г. Х. Канзафаровым. Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф.3. Оп. 32. Д. 257. ЛЛ. 178—188.

г) Баит грустной женщины (Моңло катын бәйете). Зап. в 1950 г. Х. Сафиним в дер. Таймый Салаватского р-на от Рахимы Зариповой. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 236. Л. 112.

д) Баит грустной женщины Бибилайши (Моңло катын Бибиғәйшә бәйете). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. 1959. Т. 1. Л.

е) Баит Бибилайши (Бибиғәйшә бәйете). Зап. в 1967 г. в дер. Туватаево Альшеевского р-на от Киреевой Гайши (1900 г.р.). Кем — неизвестно. ФФ БГУ. 1967.

ж) Слова Гайши-ханум, сказанные детям (Ғәйшә ханымдың балаларына әйткән һүззәре). Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф.3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 180—185.

з) Мунажат женщины, усопшей молодой (Йәшләй үлгән катындың мөнәжәте). Зап. в 1968 г. Р. В. Нафиковой в дер. Аптыково Ишимбайского р-на от Халимовой Марфугы Багаутдиновны (1885 г.р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 4. ЛЛ. 269—270.

и) Мунажат (Мөнәжәт). Зап. в 1968 г. Н. Д. Шункаровым от того же информатора. НА. Ф. 3. Оп. 65 Д. 4. ЛЛ. 271—273.

к) Баит девушек, выданных замуж вопреки их воле (Көсләп бирелгән кыззар бәйете). Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. 1971. Л. 219.

123. Баит девушки-содержанки (Асрау кыз бәйете). Зап. в 50-е гг. Паспортные данные отсутствуют. ФФ БГУ. 1950. ЛЛ. 287—298. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 316.

124. Баит о Лаухиде (Ләүхизә бәйете). Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. Л. 233. Оpubл.: БНТ. 1978. С. 323.

¹ Таш Елга — дер. в Дюртюлинском, Чекмагушевском р-нах.

125. Баит Райханы (Рәйхана бәйете). Зап. в 1948 г. Х. Канзафаровым в дер. Тамьян Чекмагушевского р-на от Райханы Фараховой. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 257. ЛЛ. 169—172.

126. Баит Асылбики (Асылбикә бәйете). Зап. в 1962 г. Киреем Мәргәном в дер. Арсланово Нязепетровского р-на Челябинской обл. от Фарвази Галимуллиной (из личного архива К. Мәргәна). Оpubл.: БНТ. 1981. С. 150—151.

127. Баит Райли (Рәйләкәй бәйете). Зап. в 40-е гг. Сабиром Ансаровым. Где, от кого — сведений нет. Из личного архива К. Мәргәна.

В конце баита имеется следующая запись: «Райля 8 марта 1938 года, в среду 10 часов вечера возвращалась домой после школы из дер. Ташкалмык, попала под сильный буран и погибла. Баит сочинен ее подругами».

V. Что уготовлено судьбой...
(судьбы людские)

128. «Восьмой» («Восымой»). Зап. в 1964 г. Вагизом Салиховым в дер. Рыскужа Баймакского р-на от Бикаянова Абдрахмана (1887 г. р.). ФФ БГУ. 1964. Т. 2. ЛЛ. 183—184.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 279.

129. Бант шахтера (Шахтер бэйете). Из личного архива К. Мэргэна. Паспортные данные отсутствуют. Опубл.: БНТ. 1978. С. 279—280.

130. Бант о Курамше (Курамша бэйете). Зап. в 1963 г. С. А. Галиным в дер. Танып Чернушкинского р-на Пермской обл. от Хайруллиной Шагиды (1938 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1. Т. 2. ЛЛ. 192—193.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 280—281.

131. Сибирский бант (Себер бэйете). Зап. в 1964 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Сураево Альшеевского р-на от Валиуллина Гайнуллы Валиулловича (1882 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 63 Д. 42. Л. 29. Опубл.: БНТ. 1978. С. 261.

¹ Яиксабы (Яйгксабы) — название рода, относящегося к племени. Выходцы этого рода в основном проживают в Альшеевском р-не.

² Габдрашит — дер. в Альшеевском р-не.

³ Сурай — дер. в Альшеевском р-не.

132. Бант зиндана (Зиндан бэйете). Зап. в 1964 г. в дер. Айтуганово Стерлибашевского р-на от Габидуллиной Миннибики Шангаревны. Кем — не указано. НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 1. Т. 1. Л. 187. Опубл.: БНТ. 1978. С. 281—282.

133. Бант Ягафар-шакирда (Йәғәфәр шәкерт бэйете). Зап. в 1913 г. писателем Смаковым Валижаном Габбасовичем в дер. Турумбетово нынешнего Аургазинского р-на. В конце баита имеется запись: «Баит на этом закончен. Записал я, Смаков Валижан Габбас Углы. С народного репертуара. Записан в 1913 году». НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 43. ЛЛ. 6—7. Опубл.: БНТ. 1978. С. 282—283.

¹ Аургазы — райцентр в Башкортостане.

134. Бант Халима-мугаллима (Халим мөгәллим бэйете). Зап. в 1964 г. Ахмаром Сабанбаевым в г. Магнитогорске Челябинской обл. от Каримовой Губайды, урож. села Хаман Баймакского р-на. ФФ БГУ. 1964. Т.2. ЛЛ. 167—169.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 283—185.

¹ Волость Карагай-Кыпсак.

135. Бант Фахретдина (Фәхретдин бэйете). Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 308. ЛЛ. 400—403. Опубл.: БНТ. 1978. С. 285—286.

136. Беды пьянства (Исреклек бөлөһө). Переписан в 1952 г. Киреем Мэргэном в дер. Кубияз Аскинского р-на из тетради Исламгалиева Исмагзама. Как отмечает К. Мэргэн, в его рук. были и другие сочинения, отражающие события местного значения. Сам И. Исламгалиев был человеком грамотным, обучался в медресе. Баит своей художественной формой и некоторыми мотивами близок к стихам поэта Акмуллы. НА. Ф. 3. Оп. 73. Д. 23. ЛЛ. 9—10.

Опубл.: БНТ. 1981. С. 151.

137. Баит старости (Картлыг бэйете). Зап. в 1965 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Тунгатарово Учалинского р-на от Иргалина Хайрегдина Нажметдиновича (1890 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 3. Л. 362.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 331.

138. Баит о смерти (Эжэл бэйете). Зап. в 1963 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Аракаево Нижне-Сергеевского р-на Свердловской обл. от Сувангуловой Тайбы. НА. Ф. 3. Оп. 32. Д. 1. Т. 2. ЛЛ. 147—148.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 331—332.

Варианты:

а) Баит против смерти (Үлемгә жаршы бэйет). Зап. в 1961 г. М. Биктимировой в дер. Муслимово Кунашакского р-на Челябинской обл. от Абдрахмановой Ахрамниси Абдрахмановны. ФФ БГУ. 1961. Л. 41.

б) Когда смерть приходит (Үлем хәле). Зап. в 1964 г. А. Х. Вахитовым в дер. Айтуганово Стерлибашевского р-на от Худайбердиной Гильмиямал (1892 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 1. ЛЛ. 170—172.

в) Мунажат о смерти (Үлем тураһында мөнәжәт). Рук. баита найдена в 1974 г. участниками 2-й археографической экспедиции и включена в научный отчет экспедиции. МАЭ. 1974. ЛЛ. 380—381.

Текст неполный. Паспортные данные отсутствуют. В начале баита стоит надпись: «Хати́фа Кади́рова». Однако неизвестно — она является автором баита или его переписчиком.

139. Школа отцов (Аталар мәктәбе). Зап. в 1971 г. в дер. Сатай-Бурзяново Миякинского р-на от Каримова Муллагильде (1901 г. р.). Кем записан — сведений нет. ФФ БГУ. 1971. Л. 167.

VI. И смех и грех

140. Баит о женщинах (Бисәләр бэйете). Зап. в 1964 г. участниками фольклорной экспедиции БГУ в Миякинском р-не. Кто и от кого записал — сведений нет. Относительно истории баита информатор сообщил следующее: «Бывшая дер. Кызыл карты (ныне Хусаиново) Миякинского р-на была разделена на две части. На одной стороне жили богачи, на другой — бедняки. Однажды богачи пригласили жителей бедной части в гости на кашу. Бедняки же, раззадорившись,

позвали тех на мясо. По этому случаю и сочинен баит». ФФ БГУ. 1964. ЛЛ. 86—87.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 266—267.

Варианты:

а) Баит о женщинах (Бисэләр бәйете). Зап. в 1965 г. С. А. Галиным в дер. Тляшево Абзелиловского р-на от Шагимарданова Ахметгали (1892 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 47. Д. 3. ЛЛ. 346—347.

141. Баит о суфиях (Суфыйзар хәле). Машинописная рук. под названием «Дела ложных благочестивых» кем-то сдан в НА УНЦ РАН. Паспортные данные отсутствуют. НА. Ф. 3. Оп. 12 Д. 308. ЛЛ. 376—380.

В сокращенном вар. впервые опубл.: БНТ. 1954. С. 108—111. Полностью опубл.: БНТ. 1978. С. 267—271.

142. Баит Ырыс-туря (Ырыс түрә бәйете). Зап. в 1960 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Котан Бурзянского р-на от Алимгуловой Сагиды Абдельгатовны (1906 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 65. Д. 7. ЛЛ. 181—183.

По сообщению информатора, когда-то в тех краях жил начальник по имени Ырыс. Он собирал деньги у народа и пропивал их. Не считался с мнением односельчан, всячески унижал и оскорблял их. Отец информатора С. Алимгуловой Абдельгата выступил против этого зажавшегося местного властителя и добился его отстранения. По этому поводу он же сочинил данный баит.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 271—272.

143. Баит о собаке (Эт бәйете). Зап. в 1940 г. Х. Канзафаровым в дер. Котоево Чекмагушевского р-на от Хайбуллина Шамси. НА. Ф. 3. Оп. 12. Д. 306. ЛЛ. 94—95.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 274—275.

¹ Карагуш — речка на западе Башкортостана.

² Куваш — речка в Чекмагушевском р-не.

144. Баит «Бишаудар» (Бишәүзәр бәйете). Зап. в 1964 г. А. Мифтаховым, И. Янбаевым, Т. Гирфановым в Салаватском р-не от Нафиковой Сахипьямал Хабибуловны (1897 г. р.). ФФ БГУ. 1964. Т.1. ЛЛ. 57.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 275.

¹ Бишаудар — дер. в Салаватском р-не.

По всей вероятности, баит сочинен по поводу забавных событий, происшедших в этой деревне.

145. Баит о путевой и непутевой невестах (Ялкау килен менән егрәле килен бәйете). Зап. в 1966 г. Н. Д. Шункаровым в дер. Абзян Архангельского р-на от Аглетдиновой Ульмасбики Султангареевны (1886 г. р.). НА. Ф. 3. Оп. 61. Д. 2. ЛЛ. 126—128. Запись с мелодией хранится также в кабинете фонозаписи ИИЯЛ. Инв. №1/1160.

Опубл.: БНТ. 1978. С. 277—279.

Варианты:

а) Ленивая невеста (Ялкау килен). Рук. передана в 1974 году жителем дер. Каранаево Буздякского р-на Хакимьяном Юнысовым, участником 3-й археографической экспедиции ИИЯЛ, В. И. Ахмадиеву и А. Г. Кудашеву. РФ ИИЯЛ. МАЭ. 1974. ЛЛ. 312—313.

б) Непутевая невестка (Уңмаған килен). Оpubл. в сборнике З. Уммати «Песни, байты башкир и типтяр». Уфа. 1909. С. 25—27.

в) Путевая невестка (Уңған килен). Оpubл. в том же сборнике С. 27—28.

146. Байт самогонщика Гадельяна (Самогонсы Ғәзәлйән бәйете). Зап. в 1954 г. Киреем Мэргэном в селе Стерлибашево от Мотигуллы Зулькарнаева. НА. Ф. 3. Оп. 73. Д. 23. Л. 12.

По сообщению информатора, в байте рассказывается о событии, происшедшем в этой деревне. В нем критикуются люди, ищущие легкий доход, наживу.

Оpubл.: БНТ. 1981. С. 152.

ГЛОССАРИЙ

В скобках — башкирское написание слова в тех случаях, когда оно отличается от русской транскрипции.

АБЫСТАЙ /абыстай/ — жена духовного лица; наставница.

АГАСАЙ /ағасай/ — брат, дядя.

АГАЙ /ағай/ — брат, дядя.

АЖДАХА /аждаһа/ — мифический многоголовый змей.

АЗАН /азан/ — созыв на молитву.

АКБУЗАТ /акбузат/ — мифический конь белой масти.

АКЛАН /аклан/ — поляна.

АЛАША — худой, усталый конь.

АЛЛА — бог.

АУЛИЯ /әулиә/ — ясновидец.

БАТША — царь.

БИЙ /бей/ — титул феодала, знатный богач.

БИКЯ /бикә/ — госпожа.

БИСУРА — сказочное существо, кикимора.

БИШМЕТ /бишмәт/ — зимняя одежда на вате.

БУЗА /буза/ — башкирский национальный напиток.

ВЕКСЕЛЬ — выдача денег в кредит /сауза/ на определенное время.

ГАЗАВАТ /газауат/ — священная война.

ГАЗРАИЛ /ғазраил/ — ангел смерти.

ДИВАНА /диуана/ — юродивый.

ДОШМАН — враг.

ЕГЕТ — джигит, парень.

ЕЛЯН /елән/ — верхняя одежда наподобие халата.

ЕНАЗА /йыназа/ — молитва по случаю смерти.

ЗИНДАН — тюрьма, каземат.

ИЛЬТИР /илтер/ — шапка с острым верхом из меха ягненка.

КАДЕР ВЕЧЕР /кәҙер кис/ — вечер исполнения желаний.

КАЙЫН БИТЛЯК /кайын битлек/ — березовая роща. «Битлек» — диалектное слово от «битләү».

КАЛЯМ /каләм/ — карандаш.

КАРАЛТА /каралты/ — надворная постройка, сарай.
КАСА — пиала, чашка.
КАМЗУЛ /камзул/ — верхняя одежда без рукавов и воротника.
КАФЫР — неверный, иноверец.
КИССА /кисса/ — сказание, сокровенное слово.
КИЯМАТ /киэмәт/ — судный день по Корану.
КУРДАШ /корзаш/ — ровесник, сотрапезник.
КРЯШИН /кршен/ — крещеный человек нерусской национальности.
КУМЫС /кымыз/ — национальный напиток из молока кобылы.
КУРАЙ /курай/ — башкирский национальный музыкальный инструмент из полого стебля растения под таким же названием.
КУРБАН-ГАИТ /корбан-гәйт/ — молитва, предназначенная для чтения во время курбана — праздника жертвоприношения.
ЛАПАС /лапаҫ/ — навес.
ЛЯХЕТ /ләхет/ — углубление на дне могилы, боковая ниша в мусульманских могильниках, куда помещают покойника.
МАЛ — скот, добро, богатство.
МАХАЛЛЯ /мәхәллә/ — часть деревни или города, относящаяся к одной из мечетей.
МЕДЖЛЕС /мәҗлес/ — 1) пир, трапеза; 2) собрание.
МЕДРЕСЕ /мәдрәсә/ — мусульманская духовная школа.
МУБАРАК /мөбәрәк/ — успешный, счастливый.
МУГАЛЛИМ /мөҗәллим/ — учитель.
МУЛЛА — мусульманское духовное лицо.
МУФТИЙ /мөфти/ — глава мусульманского духовенства.
МУЭДЗИН /мәзин/ — мусульманское духовное лицо, состоящее при мечети в роли секретаря.
МЭСКЭЙ /мәскәй/ — ведьма.
НАЗЫМ — стихотворение.
НАМАЗ /намаз/ — молитва, богослужение.
ОБРОС — заброшенная земля.
ПАДИШАХ /падишаһ/ — царь, верховное лицо.
РАМАЗАН МЕСЯЦ /рамазан айы/ — девятый месяц по мусульманскому календарю; месяц священного поста.
РАСУЛЛА /Рәсүл алла/ — посланник бога.
САДАКА /сазака/ — подношение.
САЛЯМ /сәләм/ — привет.
САРДАР — военачальник, полководец.
СУФИЙ /суфый/ — набожный человек, благочестивый.
СЫРТ /һырт/ — косогор.
ТАКБИР /тәкбир/ — слова, восхваляющие аллаха.
ТАМГА /тамға/ — метка, родовый знак.
ТИДИЯ /тидиә/ — видимо, от слова «фидия» — подношение. В данном случае применяется как поэтическое средство — рефрен.
ТУРЯ /түрә/ — начальник; человек, имеющий власть.

ТЫРМА — овощная культура, торма.
УЛЯМ /үләм/ — умираю.
УРАЗА /ураза/ — священный пост мусульман.
УРМАН — лес.
ФАТИХА — благословение.
ФАРМАН — приказ.
ХАЗРАТ /хәзрәт/ — в смысле «эфенди», господин.
ХАЛФА /хәлфә/ — преподаватель медресе.
ХУШ — до свидания, прощай.
ХЫЗЫР ИЛЬЯС — пророк, делающий добро людям.
ШАГБАН /шәғбән/ — восьмой месяц по мусульманскому календарю.
ШАКИРД /шәкерт/ — учащийся, студент.
ШУРАЛЕ /шүрәлә/ — леший.
ЮРЮЗАНЬ /Йүрүзән/ — река в Салаватском районе Башкортостана.
ЯЙЛЯУ /йәйләү/ — летовка.
ЯНУАР — дикое животное.
ЯСИН — сура из Корана, предназначенная уходящим в мир иной.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Башкирские баиты (вступ. статья)	6

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ БАИТЫ

I. Крестьянская война 1773-1775 гг.

1. Салават Юлаев	34
2. Песнь о Салавате	35
3. Незабвенный Салават	36
4. Баиты о Киньякае	36
5. Баит о Тафтиляу (Тевкелеве)	40

II. Отечественная война 1812 г.

6. Баит дерева	42
7. Баит французской войны	44
8. Французский баит	45
9. Баит о русско-французской войне	45
10. Баит российского воинства	46
11. Баит о Кутузове	47

III. Русско-турецкая война

12. Баиты русско-турецкой войны	48
13. Баит о турецкой войне	53
14. На берегу Дуная	56
15. На Балканских горах	57

IV. Русско-японская война

16. Баит войны 1905 г.	59
17. Дороги войны	62
18. Баит русско-японской войны	66
19. Баит о японской войне	69
20. Война с японцами	71
21. Назымы японской войны	78
22. Баит войны 1904—1905 гг.	84
23. Японская война	88
24. Тоска солдата	91
25. Порт-Артур	92

V. Русско-германская война 1914 г.

26. Баит русско-германской войны	94
27. На германской войне	99
28. Письмо из окопа	102
29. Ах, головушки вернутся ли обратно?	107
30. Чего не видят головы солдат... ..	108
31. Баит воюющего солдата	110
32. Австрийский баит	114
33. Баит пленного солдата	116
34. Баит пленных	130
35. В четырнадцатом году	136
36. Голос окопа	137
37. Баит Мухаметсалима	138
38. Баит Гинията Киекбаева	167
39. Баит Сальмана Нураева	169
40. Баит солдата-воина	172
41. Баит запасного солдата Габидуллы	177
42. Баит Сабитуллы	178
43. Баит сирот	180

VI. Царская солдатчина

44. Баит солдата Габдельгазиза	184
45. Солдатский баит	186
46. Солдатский мунажат	188
47. Фи мунажат, фи баит	189
48. Баит привета (<i>Баит-салам</i>)	192
49. Баит солдата Бахтияра	193

VII. Доля каторжан

50. Баит Буранбая	195
-------------------------	-----

VIII. Гражданская война

51. Баит комиссара Шарафа	196
52. Фатиха	197
53. Баит о Гражданской войне	200
54. Баит о пяти партизанах	201
55. Баит о шестидесяти двух партизанах	216
56. Баит о тринадцати партизанах	217
57. Баит о Бахтигарее	218
58. Баит о Гайнуане Насырове	219
59. Баит о Фазыле	220
60. Баит о Каюме	221
61. Баит о Наджми	223
62. Баит о комсомольце	224
63. Баит о Ягуде	226
64. Дитя святое	227
65. Баит о Махмуте	229

IX. Великая Отечественная война

66. Начало войны	231
67. На берегах Волги	231
68. Из аула ушли, до Берлина дошли	234
69. Баит Нургали Нуритдинова	247
70. Баит храброго офицера Файзуллы Каюмова	248
71. Баит Абубакира Галина	249
72. Баит войны	251
73. В донских степях	253
74. Баит Вильдана Искандарова	256
75. Баит Великой Отечественной войны	258
76. Баит Зайлаги Мусина	260
77. Форсирование Днепра	260
78. Взятие Берлина	262
79. Баит Юзюмбая	264
80. Письмо-баит разведчика	268
81. Баиты Хабибы Арслановой	270
82. Отечественная война	273
83. Баит о Рифкате Хафизове	275
84. Священный сын мой	277
85. Баит о Бадретдине	277

X. Афганская война

86. Афганский баит	278
--------------------	-----

II. СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ БАИТЫ

I. Родители и дети

87. Баит Сака и Сока (<i>мифологический</i>)	280
88. Баит о Наврузе (<i>мифологический</i>)	283
89. Баит матери	284

II. Дела житейские

90. Баит зимы	287
91. Баит сена	288
92. Баит кумыса	289
93. Баит о вреде чая	290
94. Баит о пользе чая	291
95. Баит о чае	291
96. Баит о чае	292
97. Баит переписи	293
98. Баит переписи (вариант)	296
99. Баит школы	298
100. Баит Акмуллы	302
101. Баит покаяния (<i>Баит Акмуллы</i>)	303

III. Родной край

102. Эй, мой Урал!	305
103. Урал	307
104. Прекрасный Уйзюряк	307
105. Берега Юрмыя	308
106. Баит реки Билегуш	309
107. Земля уплывает	310
108. Баит о продаже земли	311
109. Баит земли	313
110. Родные, землю не продавайте!	314
111. Удельный баит	315
112. Баит о Карагай-Узяке (<i>Баит Соснового лога</i>)	317
113. Баит о продаже Сальютской земли	320
114. Плач детей тех, кто продал землю	321

IV. Женская доля

115. Семь девушек	321
116. Баит семи девушек	322
117. Женский баит	323
118. Баит просвещенной девушки	325
119. Баит Гайши	326
120. Баит девушки, проданной за скот	327
Детство	327
Девичество	328
Сватовство	329
Свадьба	330
Замужество. Женская доля	331
121. Баит красавицы Сагиды	333
122. Грустная женщина Биbigайша	334
Обращение ко всем	334
Слово Гайши-ханум, сказанное мужу	335
Грустные песни Гайши-ханум	338
Плач Гайши-ханум по детям	339
Слова Гайши-ханум, обращенные к братьям и сестрам	340
Обращение Гайши-ханум к мужьям	341
Последнее слово	342
123. Баит девушки-содержанки	342
124. Баит о Лаухиде	350
125. Баит Райханы	351
126. Баит Асылбики	354
127. Баит Райли	355

V. Что уготовлено судьбой...

(судьбы людские)

128. «Восьмой»	357
129. Баит шахтера	358
130. Баит о Курамше	358
131. Сибирский баит	359

132. Баит зиндана* (<i>тюремный баит</i>)	360
133. Баит Ягафар шакирда	360
134. Баит Халима-мугаллима	361
135. Баит Фахретдина	363
136. Беды пьянства	365
137. Баит старости	366
138. Баит о смерти	366
139. Школа отцов	367

VI. И смех и грех

(*сатира и юмор*)

140. Баит о женщинах (<i>шутливый баит</i>)	368
141. Баит о суфиях	368
142. Баит Ырыс-туря	372
143. Баит о собаке	373
144. Баит «Бишаудар» (пятерых)	375
145. Баит о путевой и непутевой невестках	375
146. Баит самогонщика Гадельяна	377
КОММЕНТАРИИ	378
ГЛОССАРИЙ	416

Печатается по решению ученого совета
Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра
Российской академии наук

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Том 11

Байты

Спецредактор *Ю. А. Андрианов*
Редакторы *О. А. Гилязетдинова, А. Ф. Абдуллина*
Художник *А. А. Костин*
Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*
Технический редактор *З. Г. Чингизова*
Корректор *З. К. Абдуллина*

Изд. лиц. № 04380 от 26.03.01. Сдано в набор 28.10.04. Подписано в печать 29.11.04.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура школьная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,26+0,21 форз.+0,42 вкл. Усл. кр.-отг. 23,1.
Уч.-изд. л. 22,76+0,38 форз.+0,46 вкл. Тираж 2100 экз. Заказ № Д 1004.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
«Башкирское издательство «Китап».
450001, Уфа, ул. Левченко, 4а.

Отпечатано на Государственном унитарном предприятии Республики Башкортостан
«Государственное республиканское издательство «Башкортостан».
450079, Уфа, ул. 50-летия Октября, 13.

Scan Kreyder - 28.03.2019 - STERLITAMAK

